

К 300-летию
первого государственного музея России

ПЕТРОВСКОЙ КУНСТКАМЕРЫ

To the 300th anniversary
of the first state public museum of Russia

PETER THE GREAT KUNSTKAMERA

Russian Academy of Science
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera)

KA Series
“Kunstkamera — Archives”
III

L. I. LAVROV

THE UBYKHS

HISTORICAL AND ETHNOGRAPHICAL STUDY

Saint-Petersburg
“Nauka”
2009

Российская академия наук
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Серия КА
«Кунсткамера — Архив»
III

Л. И. ЛАВРОВ

УБЫХИ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

Санкт-Петербург
«Наука»
2009

УДК 39:94(=35)
ББК 63.3(0)5
Л13

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Редакционный совет Серии КА «Кунсткамера — Архив»:

*И.А. Алимов, Я.В. Васильков, В.Ф. Выдрин, М.А. Ильина, Н.Н. Казанский, А.Б. Куделин,
Е.А. Михайлова (секретарь), Л.Р. Павлинская (заместитель председателя), М.Б. Пиотровский,
Е.А. Резван (председатель), В.А. Тишков, И.В. Тункина, Ю.К. Чистов*

Editorial Board KA Series “Kunstkamera — Archives”:

*Igor Alimov, Yuri Chistov, Marina Ilyina, Nikolay Kazansky, Alexander Kudelin,
Elena Mikhailova (Secretary), Larisa Pavlinskaya (Deputy Chairman), Mikhail Piotrovsky, Efim Rezvan
(Chairman), Valeriy Tishkov, Irina Tunkina, Yaroslav Vasilkov, Valentin Vydrin*

Рецензенты: С.З. Кодзова, А.В. Курбанов

Ответственный редактор: Ю.М. Ботяков

Лавров Л.И.

Л13 Убыхи: Историко-этнографическая монография. СПб.: Изд-во «Наука», 2009. 238 с.
(Серия «Кунсткамера — Архив». Т. III).

ISBN 978-5-02-025592-0

Первое монографическое исследование видного отечественного кавказоведа Л.И. Лаврова, подготовленное к печати в 1937 г., посвящено широкому спектру вопросов этнографии и истории убыхов — народа адыго-абхазской языковой группы, проживавшего на территории Западного Кавказа. После окончания в 1864 г. Кавказской войны убыхы, последними сложившие оружие, переселились в Турцию, где живут и поныне. Особое внимание уделяется вопросам этногенеза убыхов, их социальной организации, а также процессу формирования институтов государственной власти, активно протекавшему в последний период Кавказской войны. Богатое фактическим материалом исследование отличает детальная проработка рассматриваемых сюжетов, ясность изложения и четкость авторской позиции. Книга представляет интерес для историков, этнографов-кавказоведов и филологов. Материалы монографии могут использоваться для чтения вузовских лекций по вопросам этнографии народов Западного Кавказа и истории Кавказской войны.

The first monographic work written by a prominent Russian caucasologist L.I. Lavrov and fully prepared for publication in 1937 deals with the wide range of issues on ethnography and history of ubykh, the people belonging to adyg-abkhazian language group who was living in Western Caucasus area. After the end of Caucasian war in 1864 ubykh, who were the last to lay down arms, migrated to Turkey, where they live up to the present. The problems of ubykh's ethno genesis, their social organization, as well as the formation of state institutions that was going on in the last period of Caucasian war are the issues of particular attention in the present study. The research abounds in factual data and is characterized by clarity of thought, accuracy of author's stand and the detailed elaboration of problems under consideration. The research first of all deserves consideration of historians, ethnographers-caucasologists and philologists. The materials of the study may be used for university courses on issues of ethnography of Western Caucasus and on Caucasian war.

**УДК 39:94(=35)
ББК 63.3(0)5**

ISBN 978-5-02-025592-0

© Л.И. Лавров, 2009
© МАЭ РАН, 2009
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

**«Убыхи» Л.И. Лаврова:
1936 — 1950 — 2009**

**“The Ubykhs”
by Leonid Lavrov: 1936 —
1950 — 2009**

На первый взгляд может показаться странным, что среди работ, выбранных нами для публикации в серии «Кунсткамера — Архив», совсем не много таких, которые не увидели свет в первую очередь в связи с идеологической цензурой советского времени. Советский историк, этнограф, востоковед, стремившийся донести до своей аудитории результаты многолетней научной работы, часто был готов на определенные умолчания, ритуальное цитирование классиков марксизма-ленинизма и основополагающих партийных документов, связанных с темой его исследований. С другой стороны, читающая аудитория тех времен прекрасно научилась не обращать на этот ритуал особого внимания.

В этом отношении работа Леонида Ивановича Лаврова, одного из ведущих советских кавказоведов, чье столетие мы отмечаем в 2009 г., является заметным исключением. Труд, посвященный трагической истории убыхов — народа, который в результате Кавказской войны принял решение о переселении в пределы Османской империи, и написанный с позиций поддержки автором борьбы гор-

At first sight it may seem rather strange that among the works we chose for a publication series titled “Kunstkamera — Archives” there are not too many of those that had not seen light in relation to ideological censorship of the Soviet times in the first place. A Soviet historian, ethnographer and Orientalist, who was striving to get across the results of his scientific work of many years to his audience, was often ready to omit certain things and/or ritually cite classics of Marxism-Leninism and fundamental Party documents that had to do with themes of his research. On the other hand, reading audience of those days learned not to pay much attention to that ritual.

In that regard the work of Leonid Ivanovich Lavrov, one of the leading Soviet Caucasologist, whose centenary we celebrate in 2009, is a visible exclusion. The work was dedicated to the tragic history of the Ubykhs — a people group, which as a result of the Caucasian War, made a decision to migrate to the territories of the Ottoman Empire. And it was written from the perspective of the author’s support of the mountain dweller’s struggle. It could not be published either in 1937–1940, when he seemed to strictly follow the official position of the

цев, не смог быть опубликован ни в 1937–1940 гг., когда, казалось, он строго следовал официальной партийной позиции, ни тем более в послевоенное время, когда эта позиция кардинально изменилась. При этом автор не стал перерабатывать текст своей книги ради публикации, которая в таком случае была бы возможна в начале 1950-х годов. Первая монография Лаврова навсегда осталась в его архиве.

В любом случае, непростая история страны не способствовала публикации этой книги. При нехватке или полном отсутствии традиционных исторических источников автор уделил особое внимание анализу лингвистического материала. Здесь он во многом опирался на достижения своего научного руководителя Анатолия Нестеровича Генко, автора принципиально важной статьи «О языке убыхов», репрессированного в годы сталинского террора. Лавров был вынужден исключить работы Генко из списка использованной литературы, хотя сохранил в тексте скрытые цитаты из его работ.

Текст монографии едва не погиб в блокадном Ленинграде, и его публикация стала окончательно невозможной после кампании 1950 г., направленной на «развенчание» Шамиля и мюридизма.

Сегодня текст, созданный более 70-ти лет назад и, конечно же, отражающий в полной мере состояние науки и общественные приоритеты тех лет, объективно вновь

Party nor in the after-war times when that position changed drastically. At that the author did not begin to edit the text of his book for the purpose of being published, which in that case, would have been possible in the early 1950s. The first monograph of Lavrov remained in his archive for good.

In any case the complex history of the country was not too conducive for the publication of the book. With the shortage of traditional historical sources at hand or the lack thereof, the author gave particular attention to the analysis of linguistic material. He leaned against achievements of his scientific advisor in this case, Anatolii Nesterovich Genko, the author of a principle article titled “Of the Language of the Ubykhs”; who was subject to repression during the years of Stalin’s terror. Lavrov was forced to exclude the works of Genko from the bibliography cited, although he did preserve some hidden quotes from the works of the latter in his text. The text of the monograph almost perished in besieged Leningrad, and its publication became impossible once and for all after the campaign of 1950 aimed at the “debunking” of Shamil and Muridism.

Today the text written over 70 years ago, which undoubtedly reflects the state of science and social priorities of those years in full, once again objectively becomes keenly relevant under conditions of intent interest in the Caucasian history, especially in relation to the upcoming Olympics in Sochi in 2014. No doubt the work of L.I. Lavrov cannot present “the

становится остроактуальным в условиях пристального интереса к кавказской истории в том числе и в связи с подготовкой к проведению сочинской олимпиады 2014 г. Труд Л.И. Лаврова, безусловно, не может являться «истиной в последней инстанции», однако включенный в книгу богатейший материал и сегодня является важнейшим источником для воссоздания этапов истории и культуры убыхов. В этом отношении, предпринятая МАЭ публикация, приуроченная к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова, позволяет нам вернуть старый долг как ее автору, так и целому народу.

Когда книга была практически подготовлена к изданию, дочь кавказоведов и коллег Л.И. Лаврова, Анатолия Нестеровича Генко и Лидии Борисовны Панек, Галина Анатольевна Генко передала в Музей ксерокопию письма, обнаруженного ею в семейном архиве. Письмо датировано апрелем 1944 г. В нем Лавров пишет о судьбе своих научных работ, остававшихся в блокадном Ленинграде, когда он сам был на фронте, и в частности о работе «Убыхи», к счастью уцелевшей. Ниже мы приводим текст письма целиком. Этот подлинный документ эпохи может служить прекрасной иллюстрацией не только к судьбе этой книги и ее автора, но и к многим книгам серии «Кунсткамера — Архив», чья встреча с читателем оказалось отложенной на десятилетия.

truth of ultimate authority”. Even today the rich materials included in the book, however, are the most significant sources for recreating important stages of Ubykh history and culture. In this regard the publication, undertaken by the MAE and timed to the centenary of L.I. Lavrov’s birth, allows us to repay debts to its author as well as the whole nation.

When the book was practically ready for publishing, the daughter of Anatolii Nesterovich Genko and Lydia Borisovna Panek, Caucasologists and colleagues of L.I. Lavrov, Galina Anatolievna Genko admitted to the Museum a photocopy of the letter that she discovered in the family archives. The letter was dated to April of 1944. In it Lavrov writes about the fate of his scientific works that remained in besieged Leningrad, when he went to the front, and particularly about his “Ubykh” work, which luckily survived. Below the text of the letter is cited in its entirety. This authentic document of the epoch may serve as a fine illustration not only for the fate of this book and its author, but also for many books from the “Kunstkamera — Archives” series. Their meeting with the readers happened to be delayed for decades.

“Greetings, dear Lydia Borisovna!

I haste to write You regarding the facts that, first, I have received two of Your letters simultaneously and, second, yesterday I came to Kargopol from Leningrad, where I spent 7 days. Let me start with the latter. I was at Your

«Людия Борисовна, дорогая, здравствуйте!

Спешу Вам написать о том, что я, во-первых, получил сразу 2 Ваших письма и, во-вторых, что я вчера приехал в Каргополь из Ленинграда, где провел 7 дней. Начну с последнего. Был в вашем доме. Звонил в Вашу квартиру, но никто не открыл. Найдя какую-то тигрицу, назвавшуюся управхозом, я попытался спросить о судьбе Вашей площади и Ваших книг. Тигра зарычала: А кто вы такой? Почему вас интересует Панек? Ваши документы!.. и т.д.». Я сказал ей, что «моя сослуживица г. Панек как научный работник, имеет право на свою площадь» и, что «если погибнет библиотека г. Панек, то это будет большая потеря для советской науки. Если Вы, управхоз, не сохраните этой библиотеки, то сделаете преступление, за которое будете отвечать». Зверь огрызался: «Надоела мне эта Панек. Все время все суются с нею ко мне. Тут библиотека им. Щедрина и еще разные пристают. Квартира Панек заселена. Панек не представила никаких документов, что она научный работник. Все ее книги хранятся в комнате, которая не заселена и опечатана». Комната эта в Вашей же квартире. Таким образом, если Вы пришлете своему ценному управхозу справку о том, что Вы научный работник (лучше бы — о степени кандидата наук!), то комната с книгами прочно бы числилась за Вами. Желая Вам поскорее защитить свою работу. Был в И-те. Видел тех, кто остались живы. Ис-

house. Rang the bell of Your apartment but no one opened the door. Having found some wildcat, who claimed to be the administrator, I attempted to inquire her of the fate of Your housing space and Your books. The wildcat roared in reply, "And who are you? Why would you be interested in Panek? Your documents!.. and so on and so forth". I told her that "my colleague Mrs. Panek has rights to her space as a scientific worker" and also "if the library of Mrs. Panek perishes, it will be a great loss for Soviet science. If You, the administrator, will not preserve this library, You will commit a crime for which You will answer". The beast snapped back, "I've had enough of this Panek. I'm always bothered by those who have something to do with her. It's the library of Schedrin here, and others are bugging me as well. The apartment of Panek is occupied. Panek did not present any documents that she was a scientific worker. All of her books are kept in a room that hasn't been occupied and is in fact sealed". This room is in Your apartment. Therefore, if You were to send Your chained administrator a certificate that confirms that You are a scientific worker (or better yet — Your Ph.D. certificate!), then the room with the books would be firmly listed under Your name. I wish You to defend Your thesis as soon as possible.

Visited the Institute. Saw those who survived. The Institute walls deformed on account of shell splinters, firing slits in the windows and dead silence in the auditoriums frozen with cold evoke grief. One wants but to speak quietly and walk slowly there just like at a cemetery. I found the abomination of desolation in

ковырянные осколками стены И-та, амбразуры в окнах и мертвецкая тишина в замороженных холодом залах вызывает тоску. Как на кладбище, там хочется говорить тихо и ходить медленно. У себя в квартире я нашел мерзость запустения. Одна из соседок сделала вышивку на рубахе управхоза и, в компенсацию за это, он позволил ей переселиться в мою комнату. Она ввехала, а вещи мои выкинула. Соседи и несоседи выбирали из них, что кому нужно и тащили себе. Белье, разная хозяйственная мелочь конечно не вызывает сожалений. Хуже то, что книги не только тащили, чтобы читать, но и чтобы топить ими печи. Единственную у меня фотографию отца я нашел в чужой (тоже брошенной) комнате на полу в мусоре. От рукописи «Религиозные верования черкесов» осталось 4 страницы. «История Балкарии», «История абазин» и многие другие меньшие сожжены. Такая же судьба постигла все выписки и часть моих экспедиционных дневников. «Убыхов» нашел в чужой квартире. Часть книжного имущества нашел в четырех разных квартирах. Сейчас комнату свою я снова опечатал. «Убыхов» забрал с собою. Таким образом, материал для диссертации имею. Правда я предпочел бы предложить не «Убыхов», а «Балкарию» или «Абазин», как более поздних и, поэтому более зрелых, чем «Убыхи». Ваше предложение о защите конечно заманчиво. Но есть много «но». Вот они: 1) Общеисторические установки в «Убыхах» устарели и требуют некоторого исправления. 2) Для

my apartment. One of my neighbors did some needlework on the jacket of our administrator and, as a compensation for it, he allowed her to move into my apartment. She moved in and threw all of my stuff out. Neighbors and non-neighbors picked out what they needed and took it home. Laundry and various utility articles, of course, cause no regrets. Much worse is the fact that the books were taken not only to be read, but also to stoke stoves with. The only photograph of my father that I possessed I found in somebody else's room (also abandoned) in a pile of trash on the floor. Only four pages of the "Religious Beliefs of the Circassians" manuscript remained. "The History of Balkaria", "The History of the Abazins" and many other — smaller — ones were burnt. The same fate befell all of the excerpts and a part of my expedition journals. I found "The Ubykhs" in somebody else's apartment. Parts of my book property were found in four different apartments. Now I have sealed my apartment again. I've taken "The Ubykhs" with me. Thereby, I do have materials for my thesis in my possession. I'd prefer to propose "Balkaria" or "Abazins" over "Ubykhs", since they are much later and more mature works than the one on "Ubykhs". Your offer for my thesis defense is certainly attractive. But there are quite a few "buts" about it. Here they are: 1) Common historical settings in "The Ubykhs" have gone out of date and require some revision; 2) In order to type it in several copies (which I think is required of a candidate for a degree, isn't that so?), one needs to have a typewriter, which I don't; 3) Qualifying examinations for the candidate's degree

того, чтобы их перепечатать в нескольких экземплярах (что кажется требуется от диссертанта?), нужно иметь машинку, которой у меня нет. 3) Экзамены по кандидатскому минимуму для меня трудны: не тем голова была забита эти 2 ½ года. 4) Чтобы экзаменоваться и защищать меня должны официально вызвать авторитетные учреждения. Вызов (если все же Вы его устроите) нужно направить моему начальству по адресу: г. Каргополь, Арх. обл., Велико-Устюжское Военное Пехотное Училище, Начальнику училища. Если Вам удастся что-либо сделать в этом направлении — я буду очень Вам благодарен. Но, скажу прямо: мало верю в успех экзаменов, защиты и даже вызова.

С удовольствием читал Ваши блестящие очерки о Ташкентском коллективе этнографов. Ясно представил себе персональный состав и деятельность. Эх!... Передайте большой привет и засвидетельствуйте мое глубокое уважение Бломквист (к своему стыду — забыл имя и отч.). Передайте (вспомнил!) Евг. Эд., что ее бинокль сослужил мне на фронте большую службу. Он был лучше, чем стандартные полевые бинокли. Потом его разнесло снарядом.

Мой друг Бойцов убит. Его квартира разбита снарядом. Вещи погибли. Жена живет в Калин. обл. Анат. Ив. Толмачев умер в Ленинграде в зиму 41–42 гг. Такова судьба!

Живу верой в Завтра. Ведь кончится когда-нибудь война! Тогда мы встретимся, расскажем о том, что было каждым пережито, добрым

are very hard for me: my head was filled with other things during the last 2 and a half years; 4) In order to take an examination and defend a thesis I need to be officially summoned by authoritative establishments. The summons (if You, after all, arrange for that to happen) need to be addressed to my authorities at the following address: Kargopol, Arkhangelsk Oblast, Veliky Ustyug Military Infantry School, to the head of the academy. If You were to succeed in making something happen in this direction, I would be very grateful to You. But I will tell You directly, though: I have rather slim faith in the success of the examinations, defense and even summons.

With great pleasure I was reading Your brilliant essays about the Tashkent team of ethnographers. I clearly imagined the personnel and its activity. Eh!... Please, give my regards to Blomqvist and pay him my deep respects (to my shame I have forgotten his first name and patronymic). Tell (I've remembered!) Evgenii Eduardovich, that his binoculars served me well at the front. It was much better than standard field glasses. And then they were smashed to pieces with a shell.

My friend Boytsov was killed. His apartment was destroyed with a shell. His belongings perished. His wife lives in Kaliningrad Oblast. Anatolii Ivanovich Tolmachev died in Leningrad during the winter of 41–42. Life's like that!

I live with a faith in Tomorrow. One day the war will be over, you know! And then we'll meet and share everything that each of us experienced, speak well of our unforgettable darlings who per-

словом помянем безвременно погибших незабываемых дорогих нам людей и чокнемся за будущее, за наших ребят.

Акс. Петр. посылает Вам наилучшие пожелания и, вместе со мною, мысленно целует Галочку. В Л-де мне рассказывали о ее подвиге в Ташкенте (с продовольствием).

Жду вашего письма.

Ваш Л. Лавров.

5/IV 44.

г. Каргополь.

P.S. Вспомнил, что возможно понадобится мой скудный список печатных работ (для диссертации). Прилагаю его к письму. Вы уж не осудите, что я внес в него газетные статьи. Дело в том, что они все же имеют исследовательский характер.

Л.»

ished prematurely and clink glasses for future and for our friends.

Aks. Petrovna sends You her best regards and, along with me, kisses Galochka in her mind's eye. In Leningrad I was told about her heroic deed in Tashkent (with the rations).

Waiting for Your letter.

Sincerely Yours

L. Lavrov.

5/IV 44.

Kargopol.

P.S. I just remembered that my scant list of printed works might be needed (for the thesis). I attach it to this letter. Don't blame me for not including newspaper articles into it. The fact of the matter is that they have a research nature to them.

L.”

**Монография Л. И. Лаврова
«Убыхи».
К 73-летию создания**

**“The Ubykhs”:
the Monograph of L.I. Lavrov
Dedicated to the 73th
Anniversary since its making**

В 2009 г. исполняется 100 лет со дня рождения видного этнографа и историка Леонида Ивановича Лаврова, по праву вошедшего в плеяду классиков отечественного кавказоведения. В ряде статей о Леониде Ивановиче Лаврове, подготовленных к публикации в настоящее время его коллегами и учениками, приводится достаточно подробное описание биографии и научной деятельности этого замечательного ученого (Гаджиев, 1996; Гарданов, 1983; Карпов, Решетов, 2001; Решетов, 1999; Цулая, 1995). Дополняя сказанное, мы сосредоточимся на начальном этапе его жизни, предшествовавшем написанию монографии «Убыхи».

Будущий ученый родился 4 мая 1909 г. в семье священника, проживавшей в то время в станице Медведковской на Кубани. Однако своей родиной Л.И. Лавров считал станицу Пашковскую, куда вскоре переехала его семья. Не будет ошибкой сказать, что вкус к кавказоведению Леонид Иванович почувствовал уже в раннем возрасте: его детские впечатления о жизни своих земляков казаков-черноморцев и их ближайших со-

In 2009 it turns 100 since the birth of Leonid Ivanovich Lavrov, an outstanding ethnographer and historian, who was rightfully included among the classics of our own Caucasian studies. A sufficiently detailed discussion of Leonid Ivanovich Lavrov's biography and scientific activity is presented in a series of essays about this prominent scholar prepared for publication by his colleagues and students in present time (Gadzhiev, 1996; Gardanov, 1983; Karpov, Reshetov, 2001; Reshetov, 1999; Tsulaya, 1995). Adding to that which has already been said we will focus on the early phase of his life preceding the writing of “The Ubykhs” monograph.

This future scholar was born on the 4th of May of 1909 in the family of a priest; at that time they lived in the Medvedkovskaia stanitsa on the Kuban. However, L.I. Lavrov considered his motherland to be the Pashkovskaia stanitsa, where his family moved soon after his birth. It will not be a mistake to say that his taste for Caucasian studies Leonid Ivanovich felt in his early years: his childhood impressions of the life of his fellow countrymen,

седей — жителей адыгейских аулов стали определяющими при выборе профессии. В этой связи примечательно пояснение самого Леонида Ивановича к статье «Станица Пашковская (Из прошлого украинских переселенцев на Кавказе)», где он отметил, что сбор обширных материалов, послуживших основой для этой статьи, был начат им еще в 1916 г., т.е. в то время, когда автору было всего 7 лет.

Личные наблюдения за жизнью казаков и адыгейцев дополнялись рассказами знатоков их недавнего прошлого. Одним из них был кунак отца Л.И. Лаврова — бывший аталык (воспитатель) последнего представителя феодальной фамилии Лакшоковых. Романтика эпических сказаний о нартах и более реальных рассказов о мухаджирах Кавказской войны, «действовала на детское воображение и породила желание ближе познакомиться с прошлым и настоящим адыгейцев, звала к путешествиям» (Лавров, 1982, с. 6).

Однажды и навсегда приняв решение связать свою жизнь с исследованием истории и этнографии народов Кавказа, Л.И. Лавров прошел непростой путь ученичества. В 1928 г., преодолев стоящие перед ним как сыном священника административные препоны, он поступил на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета. Учеба Л.И. Лаврова в университете дополнялась неформальным общением с преподавателями, среди

Cossacks of the Black Sea coast, and their closest neighbors, the inhabitants of *Adygei auls* became determinative in his choosing of a vocation. Thereupon, an explanation of Leonid Ivanovich himself of his essay “The Pashkovskaia Stanitsa (From the Past of Ukrainian Settlers in Caucasus)” is very remarkable; he notes that the collection of vast materials, which served as the foundation for this article, was begun by him back in 1916, i.e. when the author was only seven years of age.

Personal observations of the life of Cossacks and Adygeis were supplemented with the stories of the experts of their recent past. One of such experts was a friend of L.I. Lavrov’s father, former *ataliq* (tutor) of the last representative of the feudal family of Lakshokovy. The romantic side of epic stories of dog-sledges and more real-life stories of muhajirs of the Caucasian War “acted upon a child’s impression and gave birth to desires to get to know the past and the present of the Adygeis better; I was called to travel” (Lavrov, 1982, p. 6).

Having made a decision once and for all to bind his life to researching the history and ethnography of the peoples of Caucasus, L.I. Lavrov followed a tough path of discipleship. In 1928, having overcome the administrative obstacles that rose before him due to his status of the son of a priest, he entered the ethnographic division of the geographical department of the

которых были видные историки, этнографы и лингвисты. В 1931 г., не закончив обучения, студент Лавров был призван в Красную армию, однако, даже будучи на службе, он сумел продолжить образование и окончить университет экстерном. После демобилизации в 1936 г. Л.И. Лавров был принят на работу в кабинет Кавказа Института этнографии, где его научным руководителем стал Анатолий Нестерович Генко, уже знакомый Леониду Ивановичу в качестве преподавателя университета, имя которого он всегда вспоминал с благодарностью.

Обоих связывали не только служебные, но и просто товарищеские отношения. Дочери Анатолия Нестеровича, Галине Анатольевне Генко, ученик ее отца запомнился энергичным и жизнерадостным человеком. В ту пору он нередко появлялся в их доме. Обсуждение научных проблем, начавшись в рабочем кабинете, далее продолжалось за вечерним чаем. «Разговор за столом обычно касался околослужебных тем. Л.И. интересовался отношениями отца с покойным Н.Я. Марром, мнением отца об идеях Н.Я. Много говорили также о массовых арестах среди сотрудников академических учреждений. Разгул репрессий Л.И. воспринимал как козни врагов, а отец настаивал на том, что такой курс сознательно задан сверху. Несмотря на горячий темперамент Л.И., все беседы на эту тему протекали в очень спокойных тонах».

Leningrad University. The studying of L.I. Lavrov in university was supplemented with informal fellowship with his teachers among whom were prominent historians, ethnographers and linguists. In 1931 having not finished his studies student Lavrov was drafted to the Red Army. However during his time in service he managed to continue working on his education and to graduate from university with an external degree. After being demobilized in 1936 L.I. Lavrov was employed by the Caucasus office of the Institute of Ethnography, where Anatolii Nesterovich Genko, already known to Leonid Ivanovich as a university professor, became his scientific adviser. He always remembered his name with gratitude.

The two were connected with official relationships, but also with friendly ones as well. The daughter of Anatolii Nesterovich, Galina Anatolievna Genko, remembers the student of her father as a very energetic and cheerful man. Not infrequently he was showing up at their house. Discussion of scholarly problems, having begun in the office, would continue over a cup of evening tea. "At the table they usually talked about the themes pertaining to work. L.I. took an interest in the father's relationships with late N.Ya. Marr and the father's opinion about the ideas of N.Ya. They spoke a great deal about mass arrests among the employees of the academic establishments. The raging of repressions

В своих воспоминаниях об отце, написанных по нашей просьбе, Галина Анатольевна отметила, что, несмотря на арест А.Н. Генко в апреле 1938 г., Леонид Иванович продолжал приходить к ним в дом. Забегая вперед, скажем, что в 1939 г. Анатолий Нестерович вышел из заключения, но в самом начале Великой Отечественной войны был арестован вновь. В день повторного ареста своего учителя Леонид Иванович принял решение уйти на фронт добровольцем.

В 1937 г. подготовленная Л.И. Лавровым к публикации рукопись «Убыхи» была отдана на рецензию. Отметим, однако, что на ее последней странице поставлена дата «1936 г.», что позволяет говорить о более ранней дате окончания работы над текстом. Исходя из выше сказанного, нам остается признать, что работа над монографией, скорее всего, была начата уже в университетский период биографии Леонида Ивановича (в 1930 г. он совершил экспедицию в причерноморскую Шапсугию, территория которой непосредственно граничила с областью расселения убыхов) и продолжена в период службы в армии, что красноречиво свидетельствует о его чрезвычайной целеустремленности, что отметили все, кто знал этого человека.

Судьба не раз «испытывала на прочность» не только самого Л.И. Лаврова, но и его научные труды. Так, статья «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.», написанная еще до войны, вышла в свет

L.I. perceived as the crafty designs of the enemy, the father on the other hand insisted that this course of action was consciously posed from above. In spite of the hot temper of L.I., all of the conversations relating to this theme proceeded in peaceful manner”.

In her recollections of her father, which she wrote on our request, Galina Anatolioevna noted that in spite of A.N. Genko’s arrest in April of 1938, Leonid Ivanovich kept on coming to their house. Fast forward to 1939, having served his sentence Anatolii Nesterovich got out, but at the very beginning of the WWII he was arrested again. On the day of the second arrest of his teacher Leonid Ivanovich made a decision to volunteer to the front.

In 1937 “The Ubykhs” manuscript, prepared by L.I. Lavrov for publication, was given for a review. We note, though, that its last page has “1936” for its date, which allows us to speculate about an earlier date of completion of this text. On the assumption of the aforementioned we are left to admit that the work on monograph, most likely, was already begun during the university timeframe of Leonid Ivanovich’s biography (in 1930 he went on an expedition to the pre-Black Sea Shapsugia, the territory of which directly bordered upon the area of Ubykh settlements) and he continued working on it during his service in the army, which eloquently testifies to his extraordinary purposefulness,

лишь в конце 60-х годов (Цулая, 1995, с. 108). В блокадном Ленинграде погибли все этнографические записи и зарисовки, которые еще в юности собирал Л.И. Лавров в станице Пашковская. Их утрата осложнила работу ученого над статьей о своих земляках «Станица Пашковская (Из прошлого украинских переселенцев на Кавказе)».

С того момента, как младший научный сотрудник института этнографии Леонид Лавров завершил работу над книгой «Убыхи» и читатели получили возможность познакомиться с его первым монографическим исследованием, прошло более 70 лет. При подготовке рукописи к изданию мы старались сохранить (насколько это возможно) авторский вариант текста.

По своей структуре монография «Убыхи» четко делится на две части — этнографическую и историческую. Есть все основания предполагать, что автор монографии изначально собирался посвятить убыхам две отдельные работы, но в итоге решил все-таки объединить в одном труде две относительно самостоятельные темы. Подтверждением сказанному служит разная система сносок, используемая Л.И. Лавровым в первой и второй частях рукописи, и, что является еще более веским аргументом, перечеркнутое предложение в конце этнографического раздела, сообщающее о том, что «изложению хода и результатов этой войны автор намерен посвятить особую работу».

which in turn was noted by everyone who knew this man.

Destiny gave L.I. Lavrov “an endurance test”, and not just once. And not just him. His works have also been subject to these tests. Thus, his article “Karachay and Balkaria before the 30s of the 19th century”, written before the war, was published only in the late 60s (Tsulaya, 1995, p. 108). All of his ethnographic notes and sketches perished in the besieged Leningrad; L.I. Lavrov collected those back in his youth on the Pashkovskaia stanitsa. The loss of those materials made the working process on the “The Pashkovskaia Stanitsa (From the Past of Ukrainian Settlers in Caucasus)” so much more difficult, which the scholar wrote about his fellow countrymen.

It has been over 70 years since Leonid Lavrov, a junior research worker of the Institute of Ethnography, completed working on his book “The Ubykhs”, which gave its readers an opportunity to become acquainted with his first monographic research. While preparing the manuscript for publication we tried our best to preserve (as much as we possibly could) the author’s version of the text.

According to its structure “The Ubykhs” monograph is distinctly divided into two parts — an ethnographic one and a historical one. There are all possible grounds to assume that the author of the monograph originally was going to dedicate two separate works to the Ubykhs, but in the end

Отметим некоторые особенности оформления текста. В книге сохранено написание этнонимов абадзеи, натухайцы, садзы в той форме, которую использовал Л.И. Лавров: *абдзахи, натхуаджи, асадзua*. Подобное написание, в настоящее время не встречающееся в этнографической литературе по Кавказу, в большей степени соответствует правильному произношению этих названий на черкесском языке.

Для транскриптивной передачи особенностей звучания абхазо-адыгских языков Л.И. Лавров использует универсальный алфавит Н.Я. Марра, разработанный им для абхазского языка на основе латинской графики еще до революции и введенный в практику в 1926 г. При этом, с точки зрения Н.Б. Вахтина, Л.И. Лавров в ряде случаев отходит от марровского алфавита и использует собственную транскрипцию. В настоящем издании передать используемую Л.И. Лавровым транскрипцию, давно вышедшую из употребления, не представляется возможным, поэтому по нашей просьбе все термины переданы С.З. Кодзовой средствами черкесского языка.

При знакомстве с текстом рукописи обращает на себя внимание странная, на первый взгляд, деталь: в главе «История изучения вопроса» отсутствует какое-либо упоминание о значимой, с точки зрения историографии, статье А.Н. Генко «О языке убыхов», вышедшей в 1928 г. Это игнорирова-

decided to combine two individual themes into one piece of work. Different footnote systems are used by L.I. Lavrov in the first and the second parts of the manuscript, which serves as a confirmation to the assumption. And another — more weighty — argument is the presence of the crossed out sentence at the end of the ethnographic section, which informs us, that “the author intends to dedicate a special piece of work to the account of the course and result of this war”.

We will also note some peculiarities of the design of the text. The book preserves the writing of ethnicons of the Abzekhs, Natekuays, Sadz in the form, which was used by L.I. Lavrov: *Abzdakh, Natkhuaji, Asadzua*. Such writing, not used in present time in ethnographic literature in relation to Caucasus, in great extent corresponds to the correct pronunciation of these names in the Circassian language.

For transcriptive communication of the peculiarities of Abkhazian-Adygei languages L.I. Lavrov uses a universal alphabet of N. Ya. Marr, developed by the latter on the foundation of Latin script before the revolution and introduced into practice in 1926. N.B. Vahtin, however, believes that L.I. Lavrov deviates from the Marr alphabet in a series of cases and uses his own transcription. In the current publication it doesn't seem to be plausible to convey the transcription used by L.I. Lavrov, which is long out of usage, therefore all the terms are com-

ние специальной статьи об убыхах действительно кажется странным, если иметь в виду, что Л.И. Лавров для написания своей работы старался привлечь максимально широкий круг источников. Соответственно не упоминается фамилия А.Н. Генко и в списке используемой литературы. Тем не менее в сюжете, касающемся вопроса бытования убыхского языка, Л.И. Лавров счел необходимым привести следующую цитату: «*Один из авторов* (курсив наш. — Ю.Б.) на основе анализа образцов языка Садша, т.е. асадзуа (джикетов — в позднейшем понимании), в записи Эвлия Челеби в XVII доказывает, что еще в то время они говорили именно на убыхском языке». Не подлежит сомнению, что эта «глухая» ссылка на упомянутую выше статью А.Н. Генко, обусловленная ситуацией, сложившейся вокруг опального ученого во время работы Л.И. Лаврова над рукописью, свидетельствует о его личном мужестве, тем более что запрещенное в связи с арестом имя А.Н. Генко в тексте рукописи Л.И. Лаврова все же встречается.

Безусловно, главный вопрос, который возникает у читателя при знакомстве с книгой со столь значительным архивным «стажем», — это ее актуальность. В данном случае мы можем не опасаться, что труд Л.И. Лаврова представляет лишь сугубо историографический интерес, а его публикация относится к разряду формального ме-

municated by S.Z. Kodzova by means of the Circassian language at our request.

As you get acquainted with the text of the manuscript, one particular detail, quite strange at first, draws your attention: the chapter titled “The History of the Study of the Question” lacks any mention of a significant article, from the historiographic point of view, written by A.N. Genko and titled “About the Language of the Ubykhs”, which was released in 1928. It seems rather strange that this special article on the Ubykhs is ignored, especially if we bear in mind that L.I. Lavrov attempted to enlist as wide a circle of sources as possible. Correspondingly, the name of A.N. Genko is not mentioned in the bibliography used. However, when it came to the issue of the Ubykh language L.I. Lavrov considered it necessary to include the following quote: “On the basis of analysis of the samples of Sadsha language, i.e. Asadzwa (Jigets — in later understanding) in the entry of Evliya Çelebi in the 17th century, *one of the authors* (italic is ours. — Yu.B.) proves that back in those days they in particular spoke the Ubykh language”. There is no doubt that this “muted” reference to the aforementioned article of A.N. Genko, conditioned by the situation around the disgraced scholar during the time of L.I. Lavrov’s writing the manuscript, testifies to his personal courage, all the more so since the name of A.N. Genko, banned

роприятия по поводу 100-летнего юбилея ученого.

Добротно написанная работа об убыхах сама по себе представляет несомненный интерес, поскольку в этнографической литературе работ, посвященных этому народу, крайне мало. Но главное заключается в том, что с выходом книги мы имеем возможность посмотреть на этноисторические процессы, протекавшие в Убыхии и на сопредельных с ней территориях, глазами исследователя, отличавшегося умением создавать целостную картину происходящих событий.

Несмотря на то что к моменту написания работы Л.И. Лаврову было только 27 лет, в ней чувствуется рука зрелого, состоявшегося ученого. При знакомстве с работой возникает ощущение, что автор являлся очевидцем описанных им событий. Подобный эффект возникает только при том условии, если тема исследована всесторонне и автор не боится «неудобных» аспектов рассматриваемой им проблемы.

Чтобы по достоинству оценить сложность выбранной темы исследования, следует отметить, что Л.И. Лавров был практически лишен возможности строить свою работу на основе полевого материала (такого народа, как убыхи, к моменту написания монографии в Советском Союзе уже просто не существовало), что делает этнографическую работу весьма уязвимой.

due to his arrest, occurs in the text of L.I. Lavrov's manuscript.

Undoubtedly, the main question that arises in the mind of its reader as he gets to know this book of quite a sustainable archive "standing" is its urgency. In this case we may not fear that the work of L.I. Lavrov presents an exclusively historiographic interest and his publication is only a formal event on the occasion of the 100th anniversary of the scholar.

A well-written work about the Ubykhs is of great interest in and of itself, since there are only a few pieces about this people group in the ethnographic literature. But the main interest lies in the fact that with the publication of this book we now have the opportunity to glance at the ethno-historical processes proceeding in Ubykhia and the territories contiguous with it with the eyes of a researcher of remarkable skills to create an integral picture of the events happening.

In spite of the fact that L.I. Lavrov was only 27 years of age at the time of writing this piece, it gives a feeling of a mature and successful scholar. Once acquainted with this piece one gets an impression that the author was a direct eye-witness of the events described. Such effect is achieved only on the stipulation that a theme chosen is researched thoroughly and its author is not afraid of "uncomfortable" angles of the problem considered.

In order to estimate the true worth of the complexity of the theme of this

Автор монографии не имел возможности также получить информацию об убыхах, что называется «из вторых рук» — от их ближайших соседей — шапсугов, садзов, абадзехов, так как последние в подавляющем большинстве разделили судьбу своих воинственных союзников по Кавказской войне и переселились в Турцию. В подобных обстоятельствах особое значение имеют письменные источники, но литература об убыхах крайне незначительна, при этом основной корпус сведений имеет откровенно фрагментарный характер. Фольклорный материал также не мог стать серьезным подспорьем при написании работы, т.к. Л.И. Лавров весьма критично оценивал возможности этого источника. «Мы имеем все основания предполагать, — пишет Л.И. Лавров на 118 странице рукописи, — что под убыхским фольклором преподнесен А. Дирром и Ж. Дюмезилем общий фольклор черкесов, убыхов, абхазов и других горцев, живущих в современной Турции». В этой связи трудно переоценить значимость лингвистического материала, критический анализ которого составляет, пожалуй, главную доказательную базу работы.

В процессе работы Л.И. Лавров ответил на ряд сложных вопросов этнической истории убыхов. В первую очередь он дал определение состоянию убыхского общества в конце первой четверти XIX в., когда этническая территория убыхов была вовлечена в орби-

research, it is imperative to note that L.I. Lavrov was practically devoid of opportunities to build his work on the basis of field material (such people group as the Ubykhs did not exist anymore on the territory of the Soviet Union at the time of the manuscript's writing), which makes an ethnographic work very vulnerable. The author of the monograph did not have an opportunity to receive any so-called "second-hand" information about the Ubykhs from their immediate neighbors — Shapsugs, Sadz, Abadzekh — since the latter in overwhelming majority shared the fate of their militant allies in the Caucasian War and migrated to Turkey. In such circumstances written sources are of significant value, but the literature on the Ubykhs is very scarce, and the main bulk of the data has a fragmentary nature at that. The folklore material could not be considered as much help either in the writing process since L. I. Lavrov was extremely critical about the possibilities of this source. "We have all the grounds needed to assume", writes L.I. Lavrov on the 118th page of the manuscript, "that under the pretense of Ubykh folklore A. Dirr and G. Dumézil offer the folklore common to the Circassians, the Ubykhs, Abkhazians and other mountaineers living in the present day Turkey". Thereupon it is hard to overestimate the significance of the linguistic material, the critical analysis of which constitutes, I dare-

ту интересов Российской империи. Вопрос этот весьма сложный, так как в период, предшествовавший Кавказской войне, крайне сложно прочертить этническую и политическую границы, отделяющие убыхов от родственных им абхазских и адыгских обществ, находящихся в состоянии территориального, политического и языкового взаимопроникновения. Отвечая на этот вопрос, Л.И. Лавров, в частности, пишет, что «в XIX веке приходится говорить об Убыхии скорее как о территориально-политической единице, а не этнографическом (лингвистическом) целом». В свою очередь Убыхия как «территориально-политическая единица» не рассматривается им как единое пространство. «Само трафаретное деление убыхов на три части или округа (Сочи или Саше, Вордане и собственно Убых) не имеет в себе другого смысла, кроме деления Убыхии (в первую очередь ее племенной знати) на три различно политически и культурно ориентирующиеся группы: на Сочи господствует абхазо-асадзуаская, на Вордане — шапсуго-натхуаджская и в Убыхе (Верхней Убыхии) — более самобытная».

Особый интерес в работе представляют рассуждения автора об этнической истории убыхов, которых XIX век застал в тесных территориальных границах. Но это лишь заключительная фаза истории носителей убыхского языка на кавказской земле. «Мы вправе предполагать, — пишет Л.И. Лав-

say, the principal verifying basis of the work.

In the development of this piece L.I. Lavrov answered a series of complicated questions of the technical history of the Ubykhs. First of all, he defined the condition of the Ubykh community at the end of the 19th century, when the ethnical territory of theirs was engaged in the sphere of interests of Russian Empire. This issue is quite complicated, since during the time period preceding the Caucasian War it was extremely difficult to draw ethnical and political lines separating the Ubykhs from their kindred — the Abkhazian and Adygei communities, residing in the state of territorial, political and language interpenetration. Answering this question L.I. Lavrov particularly writes that “in the 19th century we are forced to speak of Ubykhia mostly as a territorial unit, and not as an ethnographic (linguistic) whole”. In its own turn Ubykhia “as a territorially political unit” is not rated as a unified space. “The conventional division of the Ubykhs into three parts or districts (Sochi or Sashe, Vordane and in fact Ubykh itself) does not have any other meaning but dividing Ubykhia (first of all its tribal nobility) into three various politically and culturally oriented groups: an Abkhaz-Sadz group rules in Sochi, a Shapsugh Natkhuaji one — in Vordane, and Ubykh (the Upper Ubykhia) is dominated by a more original group”.

ров, — что когда-то он объединял собою *значительно более широкий коллектив* (курсив наш. — Ю.Б.). И мы думаем, что именно этот коллектив, объединенный особым языком, грузинские источники приблизительно до XVI–XVII вв. именуют джикетами т.е. <...> джиками, джихами <...> Без подобного предположения нам не понятен тот факт, что старые кавказские писатели, не замечая особой народности — убыхов, в то же время упорно прослеживают разницу между юго-восточными и северо-западными абхазами, когда такое разграничение последних в те далекие времена не имело еще под собою достаточного основания». Он разделяет мнение А.Н. Генко о вероятной первичности принадлежности джигетов-садзов к убыхам с последующей сильной абхазизацией.

К этому выводу, сделанному в своей первой монографии, Л.И. Лавров вернется позже, используя его на более широком материале, при изучении этнографии абазин, исследовательский интерес к которым сформировался, вероятно, в связи с логическим продолжением работы над «Убыхами». «Источники XVIII–XIX вв. причисляли убыхов обычно к абазинам, а уже тогда исчезающий убыхский язык был известен адыгцам под названием «абазэ-бзэ» — «абазинский язык» (Лавров, 1978, с. 43). «Возвращаясь к вопросу об убыхском языке, отмечу, что сужение его распространения на абазинской территории в последние века

The author's discussion of ethnical history of the Ubykhs are of particular interest, since the latter were met by the 19th century in small territorial borders. But this is just a closing phase of the history of the native Ubykh speakers on the Caucasian lands. "We have a right to assume", writes L.I. Lavrov, "that it had once united *a considerably wider group under itself* (italic is ours. — Yu.B.). And we believe that it was this group united with a special language that was named Jigets i.e. <...> Jiks, Jikhs <...> by the Georgian sources of about the 16th–17th centuries. Without such an assumption we would not understand how old Caucasian writers, without noticing a particular people group — the Ubykhs, consistently and persistently track a difference between southeastern and northwestern Abkhazians, whereas there were no grounds whatsoever for such a distinction of the latter in those days". He shares the opinion of A.N. Genko about possible initial affiliation of Jigetosadz to the Ubykhs with strong subsequent Abkhaziation.

To this conclusion, reached at the end of his first monograph, L.I. Lavrov will come back to later, using it in much broader material while studying the ethnography of Abkhazians. Most likely he developed a research interest for it since it is a logical follow-up to his working on "The Ubykh" piece. "The sources of the 18th–19th centuries ranked the Ubykhs among the Abazins, and back then already the

дает основание предполагать, что убыхский язык прежде бытовал на более широкой площади и являлся языком древних абазгов».

Как представляется, именно этот вывод составляет базу новаторской гипотезы Л.И. Лаврова о возникновении Абхазского царства, основанного династией из абазинских князей. Свою гипотезу Л.И. Лавров рассматривал как рабочую, но считал, что только с ее помощью можно объяснить, «почему самоназвание абазин сохраняет связь с абазгами, а самоназвание абхазов — с апсилами; почему самоназвание абхазов не согласуется с тем, что чужеземные источники считали последних и грузин абазгами; почему у одной части абазин сохранялся реликтовый убыхский язык и, наконец, почему его называли абазинским языком».

В этнографической части следует отметить главу «Социальный строй», где кроме классической характеристики двух основных (в трактовке автора) находящихся в состоянии острой конфронтации слоев убыхского общества — свободных общинников и родовой знати — Л.И. Лавров представил яркую галерею фигурантов событий Кавказской войны. Представленные персоналии влиятельных убыхских фамилий позволяют не только посмотреть на протекание конфликта «изнутри», но и уйти от распространенного схематичного, обезличенного изображения событий, происходивших на за-

vanishing Ubykh language was known to Adygeis under the name of “Abazebze” — “Abazin language (Lavrov, 1978, p. 43). “Returning to the issue of the Ubykh language, let me note that the narrowing of its spread around the Abazin territory in the later centuries affords grounds to suggest that the Ubykh language previously existed on much wider territories and was the language of the ancient Abazgi”.

As suggested this very conclusion makes up the basis for an innovative hypothesis of L.I. Lavrov about the origin of Abkhazian Kingdom, founded by the dynasty of Abazin princes. His hypothesis L.I. Lavrov considered as a working one, but also believed that only with its help it can be explained “why the Abazin self-designation preserves the connection with the Abazgi, and the Abkhazian self-designation — with the Absilae; why the Abkhazian self-designation is coordinated with the fact that the foreign sources considered the latter and the Georgians to be the Abazgi; why one part of the Abazins preserved the relic Ubykh language, and at last why it was referred to as the Abazin language”.

In the ethnographic part of this piece, in the chapter titled “The Social Structure”, where apart from the classic characteristic of two main (according to the author’s interpretation) layers of the Ubykh community — free communnens and clan nobility, which were in the state of critical confrontation, L.I. Lavrov also presented

падно-кавказском театре военных действий.

Как историк Кавказской войны Л.И. Лавров прекрасно осознавал неоднозначный характер военных действий, которые вели убыхи на различных ее этапах. «Убыхи все еще продолжали рассматривать борьбу с новым противником с точки зрения старых межплеменных набегов, и поэтому, когда в 1831 г. Шапсуги прислали им новое приглашение принять участие в карательной экспедиции против племен, принявших присягу на верность царю, то убыхи почти не откликнулись».

История завершающего этапа войны на Западном Кавказе для Л.И. Лаврова как исследователя в первую очередь представляла интерес в качестве материала для реконструкции процесса формирования государства в убыхском обществе. Подобный подход обусловил тщательный анализ динамики развития общества, фиксацию переломных, ключевых моментов переживаемых обществом, которые нашли отражение в разработанной Л.И. Лавровым периодизации военных действий. В значительной степени периодизация базируется на характере взаимоотношений между вагышами и куаша, которую можно рассматривать как сменяющуюся череду военного союза и острого противостояния. Так, говоря о победном для убыхов 1840-м годе, выделенном в качестве самостоятельного периода, он отмечает: «Во главе

a bright gallery of the figures of the events of Caucasian War. The personalities of the influential Ubykh families presented allow not only to take a look at the conflict flow “from within”, but also give an opportunity to depart from a prevalent schematic and impersonal portrayal of events taking place in the west-Caucasian theater of military operations.

As a historian of the Caucasian War L.I. Lavrov excellently realized the ambiguous nature of the military operations, which were waged by the Ubykhs at its various stages. “The Ubykhs were still viewing fighting a new opponent from the viewpoint of the old intertribal raids. And that’s why when in 1831 the Shapsugh sent them an invitation to take part in the punitive expedition against the tribes who swore an oath of allegiance to the king, the Ubykhs almost did not respond whatsoever”.

The history of the concluding phase of the war in Eastern Caucasus was of interest for L.I. Lavrov, as a researcher, first of all by way of the material of reconstructing the process of forming a state in the Ubykh community. Such an approach conditioned a thorough analysis of dynamics of the community development and fixation of turning-point, key moments lived by the community, which were reflected in the periodization of military actions developed by L.I. Lavrov. In significant degree the periodization is based on the nature of relation-

убыхских военных предприятий стояла местная племенная знать, среди которой непосредственное руководство войсками принадлежало выдающемуся деятелю того времени Хаджи-Догомуко Берзеку. Т.о. в событиях 1840 г. мы видим совместные выступления куашха и вагышей».

В качестве точки отсчета в своей периодизации автор выбирает принципиальное изменение характера боевых действий, связанное с коренным изменением настроения к войне с царской Россией, которое пережило убыхское общество. «Но до второй половины 1830-х годов убыхи принимали в этой войне лишь случайное участие, не защищая своей земли, еще не тронутой врагом. До второй половины 1830-х годов убыхи еще не вели освободительной борьбы».

Процесс изменения сознания, связанный с колоссальным напряжением убыхского общества в период противостояния с Россией, проходил непросто. За исторически короткий период времени убыхи прошли путь от разобщенности до понимания необходимости межплеменной консолидации, создания убыхо-шапсуго-абадзехского меджлиса.

Не все научные взгляды Л.И. Лаврова, как и любого масштабно мыслящего яркого ученого, в полной мере разделялись в научном сообществе. Но полемизировать с ним было задачей непростой: столь характерная для него широта мысли всегда базировалась на на-

ships between Vagyshs and Kuashkha, which may be considered as a rotating sequence of military alliance and acute opposition. Thus, speaking of the year 1840, so victorious for the Ubykhs, singled out in the capacity of an individual period, he says: “At the head of the Ubykh military establishments there was local tribal nobility, among which the direct headship over the armies belonged to Khaji Dogomuko Berzek, a prominent figure of those times. Therefore, in the events of 1840 we see combined efforts of Kuashkha and Vagyshs”.

As a reference point in his periodization the author picks a fundamental change of the nature of military actions, which had to do with a radical shift in the moods over the war with the Imperial Russia, which was experienced by the Ubykh community. “But in the second half of the 1830s the Ubykhs took part in this war only by accident, where they did not yet defend their lands still untouched by the enemy. Until the second half of the 1830s the Ubykhs had not yet been fighting a liberation war”.

The process of changing awareness that had to do with colossal pressure for the Ubykh community in the time of opposition against Russia did not go by without its complications. For historically short period of time the Ubykhs traveled from disconnection to understanding of the necessity of intertribal consolidation, creating Ubykh-Shapsugh-Abadzekh *majlis*.

дежном фундаменте скрупулезно проверенного материала. Достаточно вспомнить здесь видного абхазского ученого Ш.Д. Инал-Ипа, который, в частности, не принимал утверждения своего оппонента Л.И. Лаврова об убыхо-садзском этническом единстве, отстаивая абхазские корни садзов. Здесь мы можем привести слова самого Шалвы Денисовича, сказанные им по поводу его монографии «Садзы»: «Не бывает исследований, не вызывающих никаких возражений и разногласий. Но есть вместе с тем объективные критики и рецензенты, которые, надо полагать, скажут свое слово, когда монография увидит свет» (Инал -Ипа, 1995, с. 8).

В своем заявлении, которое в 1947 г. Л.И. Лавров направил на имя директора института, обосновав необходимость выпуска своей книги, он подчеркнул ее следующее практическое значение. Полное отсутствие монографий о прошлом той части Кавказского побережья Черного моря, где расположены крупнейшие курорты СССР, «приводит к распространению среди последних (отдыхающих. — Ю.Б.) низкопробных анекдотов, выдаваемых несведущими экскурсоводами за последнее слово науки. Моя работа “Убыхи” должна будет поднять качество работы местных музеев, экскурсоводов и пр.». Со времени написания письма прошло более 60 лет, а ситуация к лучшему не изменилась.

Практическая необходимость выхода в свет книги Л.И. Лаврова

Not all of the scholarly views of L.I. Lavrov, as of any bright globally thinking scholar, were shared in full measure in the scientific community. But to argue with him was not an easy task: the scope of thought, so typical of him, was always based on a reliable foundation of materials religiously tested. It will suffice to remember Sh.D. Inal-Ipa, a prominent Abkhazian scholar, who particularly was not in agreement with the statements of his opponent L.I. Lavrov regarding the Ubykh-Sadz ethnical unity. He was standing up for the Abkhazian roots of the Sadz. We may cite the words of Shalva Denisovich himself, which he said in regards to his own monograph — “The Sadz”: “There are no researches that do not call for any objections or disagreements. And at the same time there are objective critics and reviewers, who, it may be assumed, will say what they have to say when the monograph will see the light” (Inal-Ipa, 1995, p. 8).

In his statement of 1947, which L.I. Lavrov addressed to the director of the institute, in substantiating the necessity of the publication of his book, he underlined its following practical significance. A complete absence of monographs about the past of that part of the Caucasian coast of the Black Sea, where the largest resorts of the USSR are located, “leads to the spread of second-rate anecdotes among the latter (people on vacation. — Yu.B.) which poorly informed tour guides pass off as the last word in science. My piece — “The

доказывается современными реалиями жизни. На сегодняшний день нам стало известно, что на территории Российской Федерации существует общность, позиционирующая себя в качестве убыхов. Поскольку можно с уверенностью говорить о прерванности культурной традиции в связи с исчезновением убыхов с этнической карты нашей страны уже к середине XX в., необходимы дополнительные исследования на месте, т.к. стремление определенной группы людей к этнической самоидентификации в качестве убыхов заслуживает самого пристального внимания.

Своим приятным долгом считаем выразить слова благодарности С.З. Кодзовой и П.И. Погорельскому за консультативную помощь, оказанную при подготовке монографии к изданию.

Гаджиев В.Г. Л.И. Лавров — выдающийся советский кавказовед // *Историография истории Дагестана до советского периода*. Махачкала, 1996.

Гарданов В.К. Л.И. Лавров — выдающийся советский кавказовед // *СЭ*. 1983. № 1.

Генко Г.А. Из личного архива автора.

Инал-Ипа Ш.Д. Садзы: Историко-этнографические очерки // *Материалы к серии «Народы и культуры»*. М., 1995. Вып. XXVIII. Кн. 2.

Карпов Ю.Ю., Решетов А.М. Л.И. Лавров: штрихи к портрету уче-

Ubykhs” — must increase the quality of work of local museums, tour guides, etc.”. Over 60 years have passed since the writing of letter, but the situation has not changed for the better.

The practical necessity of L.I. Lavrov’s book seeing the light is proven by the modern reality of life. Nowadays we have been informed that there is a community on the territory of Russian Federation which positions itself as the Ubykhs. Since we can assuredly speak of the interruption of the cultural tradition due to the disappearance of the Ubykhs from the ethnical map of our country by the middle of the 20th century already, we need additional researches on the spot, since the aspiration of a particular people group for ethnical self-identity of the Ubykhs deserves our careful attention.

I consider it my pleasant duty to express gratitude to S.Z. Kodzova and P.P. Pogorelskii for their consultative help given in preparing this monograph for publication.

Gadzhiev V.G. L.I. Lavrov — a prominent Soviet Caucasologist // *The historiography of the history of Dagestan in the pre-Soviet times*. Makhachkala, 1996.

Gardanov V.K. L.I. Lavrov — a prominent Soviet Caucasologist // *Sovetskaya Etnografiya*. 1983. No 1.

Genko G.F. From the personal archives of the author.

Inal-Ipa Sh.D. The Sadz: Historical ethnographic essays // *The materials for*

ного (к 90-летию со дня рождения) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001.

Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа. Л., 1982.

Решетов А.М. Слово о Леониде Ивановиче Лаврове // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999.

Цулая Г.В. Леонид Иванович Лавров — исследователь народов Кавказа // СЭ. 1995. № 5.

the episode “Peoples and cultures”. Moscow, 1995. Issue XXVIII. Book 2.

Karpov Yu. Yu., Reshetov A.M. L.I. Lavrov: strokes for the portrait of the scholar (for the 90th anniversary since his birth) // Lavrov (Middle-Asian/Caucasian) readings. 1998–1999: Brief content of the reports. SPb, 2001.

Lavrov L.I. Historical ethnographic essays of Caucasus. Leningrad, 1978.

Lavrov L.I. The ethnography of Caucasus. Leningrad, 1982.

Reshetov A.M. A word about Leonid Ivanovich Lavrov // From the cultural heritage of the Slavic population of Kuban. Krasnodar, 1999.

Tsulaya G.V. Leonid Ivanovich Lavrov — a researcher of the peoples of Caucasus // Sovetskaya Etnografiya. 1995. No 5.

Л. И. ЛАВРОВ. УБЫХИ

Историко-этнографическая монография. 1937 г.

Введение

С самого начала XIX в. и вплоть до наших дней многих авторов, писавших о Кавказе, занимала так называемая убыхская проблема. Но, несмотря на большой интерес к раскрытию загадок этой проблемы, вся специальная литература говорит об убыхах вскользь, попутно, ставя лишь вопросы, но в большинстве не давая на них ответов. Интерес к убыхам определялся: 1) наличием у них особого языка, отличного от языка окружающих народов, — черкесского и абхазского; 2) сведениями об особом антропологическом типе убыхов; 3) сведениями о каких-то пережиточных связях убыхов с древними аланами и, наконец, 4) выдающейся ролью этого народа в Кавказской войне в период с 1840-х годов по 1864 г. Лишь в последние годы, благодаря нескольким вышедшим работам по языку и истории, явилась возможность дать более или менее ясные ответы на вопросы «убыхской проблемы». Настоящая работа является попыткой подведения итога наших сведений о культуре и прошлом убыхов.

Убыхи являются одной из небольших народностей кавказских горцев, обитавшей до 1864 г. на территории современного Сочинского района Краснодарского края. Из всех кавказских горцев убыхи наиболее пострадали от Кавказской войны прошлого столетия. В результате этой войны, предпринятой царским правительством против горцев, убыхский народ уничтожен, несмотря на удивительную храбрость, с которой он сражался за свою свободу. Убыхи побеждены были царской Россией на Кавказе последними. Занятием их земли закончилась долготелая Кавказская война. Но, будучи побеждены, убыхи не стали данниками русского царя — они предпочли покинуть родину и превратиться в изгнанников. В 1835 г. керченский градоначальник кн. Херхеулидзе рапортовал гр. Воронцову о горцах северо-западного Кавказа: «Долговременный опыт доказывает, что воинственную сию нацию легче истребить, чем покорить оружием» [6, т. VIII, с. 39]¹. В результате вынужденного переселения и беспощадного истребления убыхский народ на Кавказе исчез. Во время всесоюзной переписи населения 1926 г. убыхами назвали себя лишь 9 человек.

¹ Цифры в квадратных скобках соответствуют порядковым номерам списка «Литературы об убыхах».

История изучения вопроса

Сообщения об убыхах до конца XVIII в. будут разобраны в главе «Древнейшие сведения», здесь же мы остановимся на новой литературе, появление которой было связано с колониальной политикой крепостнической России на Кавказе.

В 1776 г. Георги, не слыхав ничего об этом народе, относит их территорию к черкесской провинции Абазании (Abasania) [34, s. 132].

Впервые убыхи попадают на страницы печатной работы в 1787 г. у И.А. Гюльденштедта, который упоминает о них рядом с мифическим племенем тубы (Tubi, Ubuch). В действительности же Тубы являлись урочищем в верховьях р. Пшехи, на северной стороне Главного Кавказского хребта; предания абзахов и шапсугов считают Тубы своей прародиной. На карте, приложенной к книге И.А. Гюльденштедта, «убух» помещены также рядом с «туби», на запад от них в горах между верховьями рек Псекупсе и Пчаса. Такое помещение убыхов рядом с тубы надолго укоренилось после И.А. Гюльденштедта. Он относил оба племени к северо-западной Абхазии [40, s. 465; 76, s. 133].

У П.С. Палласа (1793–1794) «туби и убух» отнесены к Большой Абхазии, причем опять-таки на северном склоне Главного хребта: «Живут в горах, в верховьях Шаукеша (черкесское название р. Белой — Шхагуаше. — Л.Л.) и распространены западнее» [119, s. 367–368].

Я. Райнегс (1797) снова теряет убыхов, а страну, ими заселенную, относит к Абхазии (Avas) [127, s. 4].

Я. Потоцкий (1797) хотя еще более неверно указал местоположение убыхов, но в то же время, впервые в новой литературе, выделил их в особую народность. Он писал: «Обыхи (Obykhy) восточнее балкар являются народом отличным от черкесов и абазов; они также язычники». Он же поставил вопрос: не являются ли они потомками аланов? [123, p. 122].

К. Роммель (1808), указывая на положение Убыхии и Тубы, следует Гюльденштадту [131, карта].

Первые бытовые сведения о «туби и убух» находим у Ю. Клапрота (1812). По его словам, они говорят на одном из диалектов абхазского языка и обитают в самых высоких горах вблизи верховий р. Белой и р. Пшехи, а также над берегом Черного моря. Население этих племен отличается склонностью к разбоям, и в то же время они хорошие виноделы. Князей у них нет, но есть уздени. Живут же «туби» и убыхи не селениями, а разбросанно, среди леса, по три-четыре дома. В другом месте у Ю. Клапрота убыхи упомянуты уже без тубы, но рядом с ними появляется у него также вымышленное племя шаши, т.е. Сочи, которое на самом деле было лишь одним из округов Убыхии [78, s. 463, 475; 77, s. 251].

С. Броневский (1823) указывает: «Туби, убыхи, саши. Живут на вершинах р. Шад-гаше (р. Белая. — Л.Л.) в высоких горах, и причисляются

к северо-западной Абхазии». К ним же он причисляет различные асадзуаские общества и прибавляет: «Об них известно только, что они ни от кого независимы, управляются своими старшинами, выходят из гор пещи на воровство и большею частью похищают людей, коих продают в турецких крепостях» [20, с. 330, 341–343]

С проникновением русского влияния вглубь Кавказа, увеличиваются и известия о крае, до сих пор остававшемся почти неизвестным. Накопление этих известий шло, главным образом, по линии агентурных разведок (как путешествия Новицкого, Торнау) и служебных донесений чиновников (Тауш, Люлье, Скасси). Новицкий, проехав Черкессию, собрал всевозможные сведения, изложенные им в трех заметках. В одной из них он считает убыхов и соседнее с ними маленькое черкесское племя гуае частью черкесского племени натхуадж. Здесь же сообщает ряд интересных данных об экономике и общественном устройстве [111, № 23]. В другой заметке Новицкий упоминает «приморских убыхов, жителей урочищ Сочи и Вардане» [6, т. VII. С. 909]. В третьей заметке он как бы вступает в противоречие с самим собою, когда указывает «абазинские владения Вардане, и Саше». Но вопрос несколько разъясняется, когда он в другом месте поясняет, что кабардинцы и бесленей и черкесское племя абдзах называют термином абадзе, который применялся для обозначения горцев, проживающих вблизи Черного моря. В этой же записке Новицкий несправедливо отнес к убыхам и черкесское общество Хакуч [112, № 34, 38, 40].

Заметки Новицкого разрушили легенду о связях убыхов с Тубы, несколько уточнили их местоположение, но в то же время положили начало долго господствовавшему потом мнению, что убыхи являются одним из черкесских племен. Внедрению такого мнения содействовало совместное выступление убыхов и черкесов в Кавказской войне. В 1831 г. статья безымянного автора относит к черкесам не только убыхов, но и асадзуа [140]. Орест Евецкий (1835) Черкесией считает и Абхазию, но, отметив наличие 5 черкесских диалектов, он не упоминает убыхского [62, с. 92].

Платон Зубов в том же году, вслед за Новицким, относит убыхов и гуае к «особым коленам» натхуаджей и считает, что «Шахе и Суэбзе — отделяют землю народа адехе (т.е. черкесов. — Л.Л.) от Большой Абхазии», что противоречит первому его утверждению. Но в другом месте он окончательно запутывается, когда говорит, что черкесы отделяются от Абхазии р. Гагрипш («Гагрынис») [68, ч. II, с. 236; ч. III, с. 16, 24].

Ботаник Нордман, побывавший в укреплениях Черноморской береговой линии, среди населения побережья, упоминает все племена, за исключением убыхов. Жителей Адлера и Мамая он характеризует как отважных и ловких разбойников» [113, № 11, с. 403–404].

Дюбуа (1839) также причисляет убыхов и асадзуа к черкесам [58, р. 199–204 и др.]. Ф.Ф. Торнау, проживший сперва тайным агентом, а потом пленным в Абхазии, Асадзуа и Черкесии три года (1835–1837), считал на Западном Кавказе три племени: абхазы, черкесы и татары. В отношении убыхов он говорит: «Не знаю, позволено ли считать убыхов, имевших свой собственный язык, четвертым племенем, или они составились из абазин, черкесов и европейцев, выброшенных, как говорит предание, на черкесский берег еще во время первого крестового похода». Ниже он продолжает: «Убыхи, которых некоторые считают народом особого происхождения, между реками Сочи и Шахе. На берегу моря они составляли, перемешавшись с сапсугами (т.е. шапсугами. — Л.Л.) несколько отдельных обществ: Хизе, Урдане, Шмиткуадж и Зюш, известных у черкесов под общим названием Ардона». «Саше» он отнес к асадзуа, причем говорит, что в «Саше» есть «отчасти» черкесы и убыхи [143, ч. I, с. 56, 112, 114–115; ч. II, с. 46]. Общество Шыметыкуадж по большинству других известий было черкесским. Под названием Зюш бесспорно кроется фамилия племенной знати Дзепш, возглавлявшей общину Вордане.

К черкесам относит убыхов и Сталь (1840-е годы). Он делит их на 5 обществ: «1) Убых, 2) Вардане, 3) Сочи, 4) Адзух и 5) Ахучипсы». Заметим, что два последних общества указаны ошибочно, из них Ахучипсы есть не что иное, как асадзуаское общество Ахчипсоу, а Адзух — несколько неправильно записанное черкесское наименование абхазов — азега. Сталь сообщает, что убыхское «дворянство (т.е. племенная знать. — Л.Л.) — черкесского происхождения, а чернь — отчасти черкесы, отчасти абхазцы — убыхи отличаются дерзким хищничеством» [139, с. 70, 96, 154].

Интересные для нас сведения мы черпаем из военно-географического обзора, составленного в 1840 г. неизвестным автором. Все побережье между реками Туапсе и Сочи, по словам этого автора, заселено «независимыми обществами, как племени асадзуа или сочи (? — Л.Л.), распространившимся из-за реки того же имени до округа Хизе, так и черкес, говорящих одним языком с убыхами, шапсугами и другими горцами». Под убыхами автор статьи понимает население только Верхней Убыхии. В статье приведены сведения о количестве населения отдельных сельских общин, о селениях и дорогах [85, № 50].

Если предыдущая работа являлась серьезным вкладом в область изучения убыхов, то еще большее для нас значение имеют мемуары английского коммерсанта Дж. Белля, прожившего среди черкесов и убыхов два с половиной года. Книга Дж. Белля полна самого разнообразного материала об убыхах: этнографического (в том числе даже фольклорного), лингвистического, исторического, археологического, и, кроме того, она насыщена фактами событий, разыгравшихся на глазах автора. Убыхи у

него скрываются под названием «абаза», но ему знаком и термин «убых», который у него означает Верхнюю Убыхию. Он констатирует большую смешанность населения побережья

К. Кох, сведения которого относятся ко второй половине 1830-х годов, считает заторную «Абасию» на юг от Шахе (Schacho) и, таким образом, относит Убыхию в Абасию, что у него означает и Абхазию [83, s. 322].

Ген. Раевский (1839) доносил начальству, что «р. Шахе <...> отделяет племя адиге (т.е. шапсугов и натухайцев) от убыхов. Владения последнего племени начинаются в нескольких верстах на юг от укрепления Св. духа» [6, т. IX, с. 461], т.е. Убыхия у него была расширена за счет Асадзуа.

Леонтий Люлье (1846) указывает на многоязычие убыхов. «Сей последний народ, — говорит Л. Люлье, — имеет свой особенный язык, не сходный ни с языком адиге, ни с абхазским. Это ныне язык черни, употребляемый преимущественно между простолюдинами, живущими в горных ущельях и на побережье моря. Дворяне убыхские все говорят адигским языком, но многие из них и простолудинов, в этом крае находясь <...> в соседстве к югу с абхазцами, говорят также свободно и на языке своих соседей» [97, с. 5; ср. с. 7]. В своих позднейших работах Л. Люлье ограничивает Убыхию р. Зюебзе и Хоста [95, с. 9–10; 96, с. 19] и снова повторяет, что «оно (племя убыхов. — Л.Л.) не принадлежит ни к адыгскому, ни к абхазскому корню» [95, с. 14]. Вспоминая «аланскую теорию» происхождения данного народа (у Я. Потоцкого), Л. Люлье прибавляет: замечательно, что поныне существует у убыхов одно племя (род? — Л.Л.), носящее имя «алань» [95, с. 14].

И.Ф. Штукенберг ограничивается указанием, что убыхи являются жителями окрестностей «Мамеи» (мыс Мамай) и повторяет Дюбуа, говоря, что они начинают заниматься виноделием [167, с. 32].

М. Селезнев относит убыхов, как и всех в то время воевавших с царской Россией на Западном Кавказе, к черкесам и считает убыхов предками «рассеявшихся десяти израильских колен». Доказательства же его ограничиваются лишь тем, что убыхи «лицом, способностями души и качеством сердца (! — Л.Л.) — совершенные евреи» [133, кн. 3, с. 9, 34–35, 226]. Автор статьи «Горские племена живущие за Кубанью» обращает внимание на смешанный состав населения (убыхи; абхазы; черкесы) и хотя знает о наличии особого убыхского языка, но, так как этот язык все более вытесняется черкесским, автор считает возможным объединять убыхов с шапсугами и абдзахами в группу племен «абадзы». Он разъясняет, что это название присвоили им турки (? — Л.Л.), вообще с другими горцами. Черкесы адыге имеют родовых князей и для отличия себя от прочих горцев, всех остальных называют абадзы, как не признающих над собой княжеской власти» [36, № 94–95]. Немного позже его повторяет А-Д.Г. [4, с. 309].

Ценные сведения о военной организации убухов сообщены в статье С. Званбая «Зимние походы убухов на Абхазию». Эта статья была первой работой, целиком посвященной убухам.

В. Карльгоф, не сообщая ничего нового, целиком воспринимает добытые другими сведения об отличии убухского языка от черкесского и абхазского и о двуязычии населения [74, с. 17].

Но другие авторы продолжали распространять старую фикцию, будто убухи принадлежат к черкесам. Этого придерживалось большинство военных авторов (например, Головин) [6, т. IX, с. 282] а также и Т. Макаров. Большая путаница существует и в работах такого солидного исследователя, как Адольф Берже. В работе 1856 г. он в одном месте убухо-черкесскую границу указывает на р. Шахе, а в другом на р. Сюепсе (Хобзе); считает убухов особой народностью [16, с. 269, 289–290; 14, январь, с. 163], а в других своих работах он относит убухов к черкесам [17, с. 298; 15, с. 33].

1860-е годы были временем финала многолетней Кавказской войны. И неудивительно, что на этот период падает ряд работ, осветивших некоторые стороны изучения убухов. В последний период Кавказской войны (1859–1864 гг.) непримиримые убухи стояли в центре внимания царского военного командования. Среди многочисленной литературы следует указать на статьи Скорятина, С. Духовского, В. Солтана, И.О. Орехова, П. Невского и особенно на работы известного лингвиста П. Услара.

Последний после длительных поисков человека, знающего убухский язык, в конце концов нашел сына крупнейшего политического деятеля Убухии Хаджи-Керендук-Догомуко Берзека, и с его помощью приступил к изучению языка. «Занятия мои, — говорит П. Услар, — прекратились на шестой день, и именно на деепричастиях». Дело в том, что когда вблизи лагеря, где находился П. Услар и молодой Берзек, показалась партия убухов, то последний бежал к своим. Кратковременные занятия П. Услара все же позволили ему сделать ценные выводы: «Уже то крайне немного, — говорит он, — что узнал я об убухском языке, вполне убедило меня в близком родстве его с абхазским, хотя и встречаются в нем явления несходные», «я извлек для себя точное убеждение в родстве адыгского языка с убухским и абхазским», но в то же время «взаимная разница между ними более значительна, чем, например, между русским и португальским». Он высказал предположение, что если бы изучали убухский язык, то возможно открыли бы следы алан, на которых указывал Я. Потоцкий как на убухских предков.

В более поздней своей работе П. Услар говорит, что изучением убухского языка можно решить, насколько основательно мнение Геродота о египетском происхождении колхов, а также разрешить и другую для П. Услара небезосновательную гипотезу о первоначальном заселении

Черноморского побережья лезгинами [147; 148, с. 75–78; 146]. Работы Дж. Белля и П. Услара оказали свое влияние, и ряд авторов начинает различать убыхов и черкесов: Романовский (1860) [130, с. 28], М.И. Венюков (1836) [29, с. 50, 28, с. 90], П. Невский (1868) [109, № 97], Е. Вейденбаум (1888), А.Н. Грен (1895) [37, с. 103], Л. Лопатинский. Последний ошибочно считал, что после поголовного выселения в Турцию около селения Головинского сохранилось убыхское селение в 40 дворов [93, с. 3].

Двойственную позицию занимал акад. Н. Дубровин (1871), который говорит, что «по происхождению и языку убыхи вовсе не принадлежат к племени адыге; но по нравам, обычаям, общественному устройству и, наконец, по всеобщему употреблению у них черкасского языка наравне с природным языком, должны быть причислены к группе черкесских племен» [56, с. 22–23]. За исключением последнего аргумента, остальные могли быть приложены и к абхазам, но они же не черкесы. Н. Дубровину следует и Ф. Щербина [168, с. 4]. Более многочисленную группу составляли авторы, продолжавшие видеть в убыхах одно из черкесских племен. Сюда относятся: А.В. Верещагин (1874) [30, с. 41], неизвестные авторы работ «Татары и черкесы в Турции» (1877) и «Народы Кавказа» (1879) [107, с. 37], Филиппсон (1884), П. Бобровский (1893) [19, с. 29], М.Я. Ольшевский (1895) [114, с. 171, 174], М. Ковалевский (1890) [79, с. 68], С. Васюков [26, с. 102, 103 и др.], С. Дороватовский (1911) [54, с. 28–29], К.Д. Мачавариани (1913) [104, с. 241], Р. Эркерт (1895) [64, с. 262], Б.С. Эсадзе (1914) [170, с. 8], А. Цаликов (1914) — автор единственной беллетристической статьи об убыхах [163, с. 69], П.И. Ковалевский, произвольно разделивший убыхов на варданэ и убыхов [81, с. 104, 105; 80] и ряд других.

Особо следует остановиться на двух авторах XIX в. — Ив. Аверкиеве и Н. Альбове. Первый в 1366 г. неудачно пытался разрешить вопрос происхождения народа. Он писал об убыхах как о племени, образовавшемся из выходцев разных мест; племени, часть которого, по свидетельству лиц, имевших с ним сношения, — некрасовцы, чем можно объяснить некоторое сходство языка убыхов с русским, причем многие названия предметов: скамейка, угол и др. — остались без изменения [3, № 70]. Заметим, что эти названия могли быть заимствованы от русских, а что касается некрасовцев, то это не подтверждается ни одним другим показанием, а данные этнографические и лингвистические отклоняют эту гипотезу.

Н. Альбов, путешествуя с ботанической целью по Западному Кавказу в 1893 г., получил от хакучей (часть шапсугов) некоторые сведения о языке убыхов. По его словам, последние пользовались двумя языками: черкесским, более распространенным среди них, и своим собственным, к которому прибегали тогда, когда хотели законспирировать свой разговор. Последний язык они будто бы называли «абзабзы». Анализи-

руя этот термин, Н. Альбов приходит к неверному выводу, будто убыхи говорили диалектом абхазского языка [8, с. 141, 142].

Вообще же нужно заметить, что вся дореволюционная литература об убыхах представляла собою или исторические материалы, или лингвистические исследования. К первым следует отнести «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» и ряд статей в «Кавказских сборниках», а ко вторым — работы Бенедиктсена, А. Глейе и, наконец, А. Дирра. А. Глейе на анализе оставленных П. Усларом заметок о языке убыхов пытался доказать близкое родство этого языка с языком древнего народа Передней Азии — митанни.

Датчанин Бенедиктсен (Benediktssen) в 1898 г., прожив три недели среди эмигрировавших в Турцию убыхов, сделал в селении Кырк-пынар небольшие лингвистические записи, состоявшие из маленьких текстов, нескольких страниц грамматики и краткого словаря [50, s. 44; 49. 4, s. 66; 52, с. 373; 59, р. XIII]. Причем, по словам Ушакова, он «выяснил, что часть убыхов и поныне именуется аланами» [38, с. 57]. Работа Бенедиктсена не была опубликована, но ее знал и использовал в своем труде А. Дирр.

Большой вклад в изучение убыхов сделал покойный лингвист Адольф Дирр. В 1913 г. он был командирован Академией наук в Турцию со специальной целью изучить убыхский язык. Результатом этой поездки были три лингвистические статьи. Первая из них была опубликована в 1916 г. и являлась предварительным сообщением. В ней он окончательно подтвердил вывод П. Услара, что язык этот относится к абхазо-черкесской группе и занимает в ней промежуточное положение между черкесским и абхазским, хотя в фонетическом отношении стоит ближе к последнему [50, с. 415]. Следует заметить, что в более ранней своей работе (1904) А. Дирр не выделял убыхский из черкесских языков и считал его рядом с черкесским и кабардинским за одно из трех разветвлений адыгейских языков [52, с. 380]. В 1918 г. А. Дирр опубликовал маленькую заметку о термине «убых», в которой он доказывал, что первое упоминание об этом народе относится к VI в. у Прокопия Кессарийского [51, s. 313—315]. Основной же труд А. Дирра об убыхах вышел в 1927—1928 гг. и представляет собою краткие сведения об убыхах и исследовании убыхского языка П. Усларом и Бенедиктсеном; далее следовали тексты, грамматика и два словаря: убыхо-немецкий и немецко-убыхский.

В литературе советского времени появились первые исторические исследования о данном народе. Статья Ушакова «Баски и абхазы», помещенная в журнале «Народы Кавказа» № 1 (Тифлис, 1921), является теперь библиографической редкостью, и нам ее не удалось видеть. Судя по тем цитатам из нее, которые приведены в книге Д. Гулия, работа носила совершенно фантастический характер. Ушаков, произвольно разделив

убыхов на 4 племени (алане, соча, варданы и бехи), помещает их во времена до начала н.э. в южной части Черноморского побережья Кавказа. «Вскоре после начала христианской эры, — говорит Ушаков, — алане и варданы двинулись на север и заселили Придонские степи, откуда <...> соединившись с кавказскими племенами и, видимо, отчасти со своими сородичами абхазами, ушли на запад» [38, с. 57, 75, 76]. Положение автора настолько бездоказательно, что не стоит возражений.

Другая историческая работа об убыхах принадлежит историку Абхазии А. Фадееву. Его статья основана на архивных документах, без привлечения печатных источников. В работе дана правильная оценка социального строя, роли убыхов в Кавказской войне. В числе дефектов работы следует отметить: 1) ошибки в транскрибировании социальных терминов; 2) в изложении автора допущен неожиданный провал убыхской истории в годы 1846–1857; 3) неправильная оценка «меджлиса», как организации, созданной по инициативе широких масс свободных общинников в то время как это явно было дело рук племенной знати, пытавшейся с помощью меджлиса укрепить свое пошатнувшееся положение в обществе; 4) А. Фадеев напрасно видит в лице фамилии Чиземогуа — рядовых крестьян Убыхии: на самом деле они были племенной знатью (куашха).

За границей в последние годы появились еще три работы убыховедческого характера — все три лингвистические. Одна из них — книга Ж. Дюмезиля — содержит общие сведения о расселении и судьбе турецких убыхов, тексты, грамматику и небольшой дополняющий работу А. Дирра словарь. Вторая — статья Р. Блейхштайнера — о языковых материалах турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби. Автор проделал с помощью убыхского языка работу по расшифровке языка «садша»².

Несмотря на то что работы Дж. Белля, П. Услара, А. Дирра и Ж. Дюмезиля достаточно ясно доказали самостоятельность убыхского языка, в литературе сплошь и рядом приходится встречать огульное причисление убыхов то к абхазам, то к черкесам. Абхазами их считал С. Басария (1923) [11, с. 39, 47–48], а черкесами: Сефер-Бей Сиюхов (1922 и 1927) [135, с. 129–130; 7, с. 29]. Н. Яковлев (1928) [174, с. 118, 125], Г.С. Даль (1935) [41, с. 6]. Как это ни странно, даже Сочинский музей краеведения, сосредоточивший у себя ряд материалов о прошлом убыхов, продолжает именовать их «черкесским племенем». Невольно вспоминаются слова П. Услара, сказанные им еще в 1862 г. по поводу статьи Макарова, который отнес убыхов к черкесам: «С удивлением прочел я, <...> что убыхи суть адыгское племя! Убыхи, в виде народа, особого от адыгов и абхаз-

² Третья работа (*Etudes comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest*. Paris, 1932) принадлежит *G. Dumezil*’ю. К сожалению, она мною не использована.

цев, известны были уже в 1797 г. гр. Поттоцкому; в 1862 г. пишут еще, что убыхи суть адыги! Шаг вперед, два шага назад» [146]

Территория и население Убыхии

В XIX в., когда убыхи были вынуждены войти во враждебное соприкосновение с Россией, они обитали на северо-восточном берегу Черного моря, между реками Шахе и Хоста и главным Кавказским хребтом. Один из авторов заметил, что «граница джигетов (асадуа. — Л.Л.) и убыхов, как вообще в горах, неопределенна и неизвестна самим жителям» [153, с. 207]. То же самое можно было бы сказать и о границе убыхов с черкесами побережья. Вопрос с определением границ Убыхии осложняется еще больше, если мы примем во внимание, что в XIX в. приходится говорить об Убыхии скорее как о территориально-политической единице, а не этнографическом (лингвистическом) целом: причины этому будут приведены ниже. А. Дирр, принимая границами Убыхии реки Шахе и Сочи, замечает, со слов убыхов, эмигрировавших в Турцию в 1864 г., что размеры Убыхии равнялись «около 30 часов езды вдоль берега и около 24 часов езды от берега до гор Абадзехии и Абхазии» [50, с. 413].

На северо-западе Убыхия граничила с черкесским племенем шапсугов, среди которых проживало много представителей другого черкесского племени — натхуаджей (натухайцы) [96, с. 19]. На севере за Главным хребтом обитало также черкесское племя — абдзахи (абадзехи). Шапсуги, натхуаджи и абдзахи считали убыхов родственным по происхождению народом [86, с. 127–129]. С юго-востока обитали различные западноабхазские общества, известные под общим названием асадуа (садзен, джикеты, джигеты). Среди последних в верховьях р. Мзымты проживали мдажвюе или медовеевцы, которые известны также под названием ахчипсоу (или ахчипсху) в верховьях р. Псоу находилось общество Аибга; в верховьях р. Кудепсты — общество Цвиджа или Баг; в верховьях р. Хашипсе — маленькое общество Хишха; побережье Асадуа, от Убыхии и до р. Мзымты, было занято обществами Арт (Аредба, Ардон, Артлар — отсюда Адлер), или Ясхрипш; Гечь (Гечба, Кечь) занимало местность от р. Мзымты до р. Жеопсе; Цандрипш — от р. Жеопсе до рек Бзыбь; Псху проживало в бассейне р. Бзыбь, к востоку от Гагринского хребта.

Горы начинаются у самого берега моря, увеличиваются по мере удаления от него и заканчиваются на границе с Абдзахией Главным Кавказским хребтом, отдельные вершины которого заходят за линию вечных снегов. Среди этих вершин особенно известны: Чура, дающая начало наибольшим убыхским рекам — Шахе и Сочи, и Фишт, с которой текут притоки р. Шахе. Юго-восточнее горы Фишт находится Белореченский перевал, игравший важную роль, так как через него проходил основной

путь политических и экономических сношениях с захребетными черкессами. Пространство между Главным хребтом и берегом моря покрыто несколькими меньшими хребтами, как например, водораздел бассейнов Шахе и Сочи или хребет Алек, проходящий параллельно морскому берегу в 10 км от него.

С гор текут в море многочисленные реки, почти пересыхающие в жаркое лето, но во время дождей превращающиеся в бурные потоки. Среди этих рек укажем: Шахе (по-шапсугски — *Шэхе*, около 30 км длинной) с притоками Бзыг, Кичмай (с притоком Псий) и Бзыч (или Убых некоторых авторов середины XIX в.). Реку Шахе часто смешивали с соседней маленькой речкой Субешх (черноморские шапсуги именуют ее *Субэшх*). Субешх — это река Кодеж. Юго-восточнее реки Шахе, на протяжении 18 км, в море впадают небольшие реки, текущие с второстепенных гор. Эти реки следующие: Хожиебз (по-шапсугски *Хужэжэне*) Беранда, Детляшха, Буу, Хобзы, Лоо (по-шапсугски *Ло*) Битха, Нижи, два Дагомыса (по-шапсугски *Дэгъуэмыс*), Псахе (по-шапсугски *Псахэ*). Из них лишь оба Дагомыса выделяются своей величиною. Далее на юго-восток за Псахе впадает в море вторая крупная река Убыхии — Сочи, или Саше, (по-убыхски *Сашэ*) с притоками: Уашха, Ажек, — Агуа (справа) и Ац (слева). За р. Сочи в море текут с хребта Алек и его отрогов: реки Бзугу, Мацеста или Мица (с притоком Цаник), Агура и, наконец, Хоста (по-шапсугски — *бжысгэдэ*). Водоразделом между Хостой и следующей р. Кудепстою собственно и кончалась Убыхия, какой ее застал XIX в. Долина Кудепсты была заселена уже асадзуа.

Убыхия, расположенная у берега теплого Черного моря и прикрытая с севера и востока высокими хребтами, отличалась теплым и мягким климатом. Средняя годовая температура воздуха в г. Сочи равна + 14,2° (на 1° выше, чем в г. Ялте). Годовая амплитуда колебания температуры Сочи равна 17° (в то время как в Ялте — 20°), суточные амплитуды не выше 6° [41, с. 40; 84, с. 18]. Но указанные выше условия положения Убыхии влияли на обильную дождливость. Количество выпадающих осадков в Сочи равно 1400 мм в год, из которых 60% приходится на зиму. Но по мере удаления от берега моря меняется и климат в сторону похолодания, и притом довольно значительного [41, с. 40–52].

Большое количество выпадающих осадков при мягком климате благоприятствует развитию пышной растительности этого района. Горы сплошь покрыты лесом, среди которого имеются такие ценные породы, как самшит.

Богатство флоры соответствует богатству фауны: туры, горные козлы, медведи, волки, кабаны, шакалы, куницы, барсуки, дикие кошки, лисицы, выдры и др. до сих пор еще водятся в Сочинском районе [25, с. 20; 84, с. 19; 23, с. 9]. В прозрачных горных реках много форели.

Название убыхского народа вошло в литературу в черкесской форме — *увэр*. По словам П. Услара, у черкесов будто бы существовал для обозначения убыхов и другой термин *адгэбжэ* [149, с. 72]. Под убыхами в узком смысле слова черкесы понимали население в верховьях реки Шахе и Сочи, в то время как прибрежных жителей Убыхии (как и соседних шапсугов) именовали и термином *абадзе* [95, с. 9]. Абхазы, по неточному, по-видимому, сообщению Л. Люлье, называли убыхов *садзен* (т.е. асадзуа), также как и собственно асадзуа [95, с. 10]. У А. Дирра указано другое абхазское название убыхов — *гвхаа, агвхаа* [47, с. 11]. Автор статьи «Краткое описание страны на север от Сочи-Псты» замечает, что земля убыхов по-абхазски (к абхазам он относит и убыхов!) называется Туахы [85. № 50]. Но это, очевидно, не что иное, как своеобразная передача самоназвания убыхов. Они именовали себя *бжэхэ*, где первый звук *бж* представляет собою губной, дрожащий [148, с. 75; 50. с. 313; 49, 4, с. 23]. Новицкий выводил название «убых» из имени урочища Убых-пыхоа [111. № 22], а П. Услар делал осторожные сближения самоназвания с убыхскими терминами, обозначающими «дверь» и «речка» [148, с. 75]. Но на наш взгляд, *бжэ* и *псы* генетически связаны с такими этническими терминами северо-западного Кавказа, как *баг, абаза, абадзе, абдзах, апсуа, азегга, адыге, зихи, джихи (джикеты)* и пр. [86, с. 132]. Заметим, что термин «убых» не был чужд самой убыхской среде: он употреблялся для обозначения Горной или Верхней Убыхии, где, между прочим, находилась и долина Убых (Убых-пыхоа, *пыжьуэ* или *пэжьуэ* и значит «долина» или «река»). Предположение Новицкого, может быть, и не лишено основания.

Рис. 1. Убых из фамилии Схайтли (Схаптли?) офицер турецкой службы.
Фото Адыгейского областного музея

Своих соседей — абхазов убыхи называли *адзыга (адыгэ)* [148, с. 75], или *азга (азгэ)*, а черкесов — *адыжа (адыжэ)*, или *адыза (адызэ)* [49, 4, с. 126]. Своих же непосредственных черкесских соседей будто бы именовали, по словам П. Услара, *шинджишве (шынджышвэ)* [148, с. 75]. Но А. Дирр в 1913 г. не нашел уже последнего термина, и вместо него существовало черкесское племенное название *абзех (абдзэх)* [49, 4, с. 126]; по мнению этого исследователя, сообщение П. Услара не соответствовало действительности [49, 4, с. 66].

О численности убыхов можно говорить лишь приблизительно. Поручик Новицкий, проехавший тайным агентом по землям независимых горцев Западного Кавказа (но в Убыхии не побывавший), дает, со слов черкесов, такой подсчет убыхского населения: 1200 дворов, могущих выставить 3000 чел. вооруженной силы, общее количество душ он определяет в 9600 чел. [111, № 22]. Но в другой, также приписываемой Новицкому записке указано: 2000 дворов с населением 40000 чел. [112, № 38]. По данным другого шпиона, барона Ф.Ф. Торнау, посетившего инкогнито в 1835—1838 гг. Абхазию, Асадзуа и Черкесию, убыхов в Сочинском обществе насчитывалось 10000 чел. [143, ч. I, с. 114], а в остальной Убыхии «не более 600 душ» [143, ч. I, с. 116]. Данные, явно не соответствовавшие действительности. По приблизительным подсчетам Д. Зубарева, относящимся к 1835 г., убыхов будто бы было 7000 обоего пола, да, кроме того «Саша», которых он считает особым племенем, — 5000 обоего пола, а всего 121 000 чел. [67, с. 83].

Сталь исчислял убыхов совместно с асадзуаским обществом Ахчипсоу и ошибочным в его употреблении «адзух», в количестве 2000 семейств, или 10 000 душ обоего пола [139, с. 70]. Ад. Берже в одной своей работе указывает цифру в 25 000 чел. [16, с. 269], а в другой говорит, что после завоевания царской Россией Западного Кавказа в Турцию выселилось из Мокапсе, Сочи и Хосты — 74 567 убыхов, и прибавляет, что «сведения эти, хотя официальные, но как видно, неточны» [14, январь, с. 163]. Мы согласны с Ад. Берже и считаем, что значительная часть черкесов (которых вместе с абхазами выселилось будто бы лишь 396 186 чел. — цифра явно мала) была причислена к убыхам. В настоящее время, по П. Черняеву, в Турции проживает до 1000 убыхов, и эти данные автор справедливо считает сомнительными [164, с. 225]. Общее количество убыхов к середине XIX в. можно приблизительно определить в 25 000 чел.

Об антропологическом типе убыхов нам ничего неизвестно. Все наши сведения по этому вопросу ограничиваются лишь общими и часто сомнительными замечаниями отдельных авторов о своих первых впечатлениях. Так, М. Селезнев считает наружность убыхов похожей на еврейскую [133, кн. 3, с. 9, 34]. По Ив. Аверкиеву, убыхи и верхние асадзуа, в противоположность абхазам и черкесам, отличались «большим процентом красивых женщин» [3, № 74]. Последнее указывают и другие авторы. Так, А. Фонвилль, описывая танцующих на празднике девушек, говорит: «Все достоинство танцев девушек заключалось в том, что они выказывали при этом всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий. Все девушки были красивой наружности, а некоторые — просто красавицы. Руки почти у всех них — верх совершенства, что же касается блеска их больших глаз, разрисованных по восточным обычаям, то нет возможности выразить пером всю силу этого

блеска» [160, с. 14]. Л.Я. Штернберг еще подчеркивает эту особенность: «Убыхские женщины, — говорит он, — пользовались славой красивейших одалисок султанского гарема» [169, с. 413]. Описание внешнего вида отдельных деятелей Убыхии мы опускаем, так как они еще менее могут осветить нам антропологические черты исчезнувшего народа.

Расселение убыхов

Убыхия не представляла единого политического целого, состояла из нескольких общин, каждая из которых была независимой от других. [143, ч. II, с. 46].

Общество Субешх занимало на берегу моря территорию протяжением на час езды северо-западнее устья р. Шахе и на полчаса езды по побережью от р. Шахе на юго-восток. Главное селение Субешх, имевшее от 150 до 200 дворов, находилось на самой р. Шахе в 3 км от моря. Старшинство над обществом в 1840-х годах принадлежало роду Аткевя. Селение соединялось прибрежной дорогой со Шиметькуаджем и Хизе, а дорогой над р. Шахе — с селением верхних убыхов Дишан [85, № 50]. Мы недостаточно уверены в том, что общество Субешх было населено убыхами, а не черкесами, тем более что некоторые авторы указывали убыхско-черкесской границей лежащую юго-восточнее р. Буу [96, с. 19; 13, с. 420]. Общество Хизе (на карте С. Духовского — Хобзи), по-абхазски будто бы называемое именем «Пшогия», обитало в ущельях рек Осакай (по Л. Люлье, это маленькая речка между Шахе и Хожиебс), Хожиебс (у Л. Люлье — Казий), Беранда, Детляшха (у Л. Люлье — Десхать) и Буу (у автора «Краткого описания» — Боа-Пста). Территория общества Хизе тянулась узкой полосой по морскому берегу. У устья р. Буу, на правом ее берегу, было расположено главное селение общества — Хизе, имевшее до 200 домов. Автор «Краткого описания» говорит: «Замечательно, что в Хизе нет ни княжеских, ни дворянских фамилий: общество состоит из вольных простолюдинов, владеющих, впрочем, крестьянами; в большом, однако, здесь уважении фамилия Дизаа» [85, № 50]. Л. Люлье относит Хизе, как и Субешх (Субеших), к натхуаджским обществам [96, с. 19], а по словам Ф.Ф. Торнау, в Хизе, Шиметькуадж и Зюш население было смешанное, убыхско-шапсугское [143, ч. I с. 115].

Общество Вордане (по-шапсугски — *werdane*), у Нордмана — Чардан [113, с. 403], у автора «Краткого описания» — Вардане Дзеша и Убыш-Хрипшь [85, № 50] — начиналось за час езды за р. Джабдзе (Зюебзе — у Л. Люлье или Хабзы — на пятиверстной карте) и оканчивалось водоразделом между реками Дагомыс и Псахе. Это общество было наиболее заселенным и являлось органическим центром Убыхии. Общество дробилось на многочисленные поселения на морском берегу. Много се-

лений было разбросано в верховьях рек. К этому обществу более всего приложимы слова ген. Головина, что на Черноморском побережье «самое населенное место находится между Субаши (рекою Шахе. — Л.Л.) и Сочи» [6, т. IX, с. 234]. Из селений этого общества остались известными: по р. Хобзы начинавшиеся на некотором удалении от берега моря и тянувшиеся вверх по реке; у устья р. Лоо находилось большое (от 150 до 200 дворов) селение Лоупе или Баракаевское (Дзепш); по мнению Дюбуа, его обозначали старые итальянские карты именем *Aiazo, d, Aiaco, de Laiazzo* [58, p. 199]; маленькое селение Ниже лежало на одноименной с ним реке (Нишь — по автору «Краткого описания»); целый ряд поселений был разбросан по р. Легутей, по имени которой они и назывались (р. Легутей находится между Ниже и Дагомысами, на пятиверстной карте она не обозначена). По рекам Дагомыс (или Фагуа, Фагуркадзе) в трех километрах от моря начиналось огромное селение Вордане (или Фагуа, Дзеша), тянувшееся вверх по Дагомысам километров на 18. С. Духовский выделяет из этого сплошь застроенного района селение Эль-Мырзы, расположенное в 8 км вверх по р. Левый Дагомыс [57, 12. с. 329]. Долины рек Дагомысов и склоны соседних гор были усеяны тщательно обработанными нивами, многочисленными фруктовыми садами и виноградниками. Селение Вордане известно как пристань судов еще в период генуэзского владычества на Черном море, а в XIX в. являлось главным пунктом турецко-горской торговли. Население Вордане составляло более 800 дворов. Кроме береговой дороги, которая, по словам А. Фонвилля, была главной коммуникационной линией края, Вордане соединялось конной дорогой, проходившей по берегу р. Хобзы к большому верхнеубыхскому селению Уцуа [85, № 50; 115, № 12, с. 343; 160, с. 17–19; 30, с. 86].

Общество Псахе (Чизымогуа, «Чизма», или Мамай) простиралось от р. Сочи до р. Псахе и далее за нею километра на три. Долина р. Псахе славилась плодородием. Как и соседние склоны гор, она была покрыта садами и тщательно обработанными полями. В этом обществе было до 500 дворов. Нордман также относил Мамай к наиболее заселенным местностям побережья. Среди селений этого общества в XIX в. были известны два. Первое — селение Чизымогуа Ахмета — состояло из большого количества в беспорядке разбросанных дворов, начинаясь в 1-ом км от моря и простираясь по р. Псахе вверх до самого ее истока. Селение получило свое имя от фамилии и имени местного куашха. Селение Чизымогуа Мисоуста, также получило название по проживающему там куашха, лежало вблизи правого берега р. Сочи в 3½ км от ее устья [85, № 50; 95, с. 10; 160, с. 17–18; 113, с. 403–404]. Берег моря у этих селений имел значительную пристань, к которой приставали торговые корабли турецких купцов. Пристань была известна под названием Мамай; в ее

районе до сих пор находятся средневековые (возможно, генуэзские) руины, которым горцы дали название Мамай-кале [134, с. 6–7]. Береговая дорога (уже упоминавшаяся выше) соединяла Псахе с Вордане и Сочи; эта дорога не везде была пригодна для арб. Другая дорога шла от устья р. Сочи к р. Восточный Дагомыс, далее по берегу ее вверх между богатыми пастбищами, потом сворачивала к верхнеубыхскому селению Мутыхуаса. На последнем участке (Дагомыс — Мутыхуаса) эта дорога делалась более трудной из-за крутых подъемов и спусков. Но и здесь она проходила среди часто встречающихся фруктовых садов, деревья которых были обвиты виноградными лозами. Третья дорога связывала устье р. Псахе с верхнеубыхским селением Питлу. Трудность продвижения по ней возрастала по мере удаления от моря [85, № 50; 111, № 22].

Все население описанной выше части Убыхии часто называлось одним общим именем Вордане, от названия крупнейшего селения этого района. Но под таким названием разными авторами понимались разные районы. Ф.Ф. Торнау говорит: «Хизе, Уордане, Шмиткуадж и Зюшь, известных у черкесов под общим именем Ардона», т.е. Вордане будто бы включало в себя земли за пределами р. Шахе. Л. Люлье называет Ворданом пространство от р. Буу до р. Сочи; автор «Краткого описания» Ворданом считает только общество Вордане в узком смысле слова. Ад. Берже в работе, датированной 1857 г., повторяет Л. Люлье, но в другом своем труде (изданном в 1881 г.) называет этим именем все пространство между р. Шахе и р. Сочи. Другие авторы так или иначе повторяли то же самое [143, ч. I, с. 115–116; 95, с. 10; 85, № 50; 16, с. 290; 14, янв., с. 163].

Рис. 2. Селение Сочи в конце 1830-х годов. Рисунок Дж. Белля

Юго-восточнее Псахе было расположено общество Сочи (*Сочэ*), игравшее в Убыхии роль не меньшую, чем Вордане. Сочи занимало пространство от р. Сочи до р. Агура. П. Невский, побывавший в этих местах вскоре после выселения убыхов в Турцию, не без основания высказывал предположение, что пространство между Сочи и Адлером было густо заселено горцами [109, № 101]. Ф.Ф. Торнау определял население между Сочи и Хостой в 10 000 чел., «в том числе есть отчасти черкесы и убыхи» [143, ч. I, с. 114] У устья р. Сочи находилось одноименное с ним крупнейшее селение общества Сочи. В 1830-х и 1840-х годах там проживал «князь» Али-Ахмет Аблагуо (Облагу или Аубла, как его называют русские источники того времени), который был от «Бзыба до Шахе самый значительный владелец и... ревностный мусульманин и покровитель турок, имевших в Сочипсах постоянный склад товара. Дом его, окруженный частоколом, стоял на краю селения, расположенного вдоль р. Сочи и закрытого со стороны моря густым лесом» [143, ч. II, с. 50]. В 1830 г. в одном из рапортов Бековича-Черкасского и Госфорта было сказано: «Важнейшими промышленности их (горцев побережья. — Л.Л.) пунктами можно почитать (кроме Анапы и Геленджика. — Л.Л.) <...> место при впадении р. Сочи в Черное море» [6, т. VII, с. 905]. Кроме главнейшего селения Сочи было много и других, разбросанных по долинам Бзугу, Цаник, Мацеста, Агура, Хоста [115, № 12, с. 349; 30, с. 37–38, 61]. Так, известно, что на безыменных левых притоках р. Сочи, вытекающих с хребта Алек, находилось селение Догомуково — местопребывание крупнейшего деятеля последних лет Убыхии — Хаджи-Керендук-Догомуко Берзека [57, карта]. Где-то в этом же районе было селение Джембулата Берзека [152, с. 167; 71, с. 221]. В 5¹/₂ км от устья р. Сочи находилось селение Архшна-аху [72, с. 32]. В верховьях р. Мацесты было какое-то большое селение, «потонувшее в чаше окружавших его фруктовых садов» [115, № 12, с. 349].

Общество Хоста или Хамыш (последнее — от фамилии местных куашха). Проехавший вдоль этого берега Нордман говорит: «В верстах шести от Адлера расстоянием от моря почти на две версты расположено на высотах большое селение. Между реками Хуоста и Хуорьта (Агура или Мацеста. — Л.Л.) находится другое, меньше первого, селение в подобном же расстоянии от моря. Между самими же селениями не более пяти верст». Хуоста, замечает он, течет между этими селениями. По берегам этой реки Нордман встретил большие стада рогатого скота [113, с. 413–414]. Где-то в этом же районе существовало на побережье селение Зенги, которое было «красиво разбросано в глубоком ущелье» [132, с. 29].

Население верхней части Убыхии было известно под названием собственнубыхов. Этот район был самым консервативным в быту и своем

общественном устройстве, но, к сожалению, остался наименее известным.

На правом берегу р. Сочи около р. Агуа и соседних безыменных рек было расположено большое селение Мутыхуаса. В нем проживал организатор разгрома царских укреплений в 1840 г. Хаджи-Догомуко Берзек. Селение, по словам автора «Краткого описания», принадлежало раньше сочинцам (у автора — джигетам, но нужно помнить, что он «асадуа или сочи» называет и джигетами) и было у них завоевано убыхами в самом начале XIX в. [85, № 1]. Вокруг Мутыхуаса были также фруктовые и ореховые сады [115, № 11, с. 175; 30, с. 36]. Селение Дишан располагалось около устья р. Бзыч «против Субаша». Там проживала привилегированная фамилия Дишан (Дечен) [85, № 1]. В верховьях р. Шахе, на правом ее берегу, среди крутых лесистых гор лежало разбросанное селение, называвшееся по имени проживавшего там Хаджи-Бабуко Берзек [109, № 101, 57, карта; 69, 1864 г., № 37; 117, с. 59–60]. Кроме того, остались известными: большое селение Уцуа [85, № 50] или Уцкуа [85, № 1], где-то за верховьями р. Хобзы, селение Эбжноу в верховьях р. Буу [85, № 50], большое селение на Убых-пыхоа (Убыхской поляне) [115, № 11, с. 170, 172], а также на правом берегу Сочи между реками Уашха и Ажек [115, № 11, с. 175, 30, с. 36], вблизи р. Бзыч по левому берегу р. Сочи, обсаженное рядами ольховых деревьев (орешники и фруктовые деревья здесь встречались реже, чем на побережье [115, № 12, с. 345]. Где-то существовало селение Питлу [85, № 50], а также селение Ципт [85, № 1]. Причем два последние, кажется, были одним селением, лишь по-разному названным нашим источником (такой вывод вытекает из чтения текста). Пути сообщения в Верхней Убыхии были трудные. Наиболее важными из них являлись те, которые связывали отдельные ущелья с побережьем, а также перевальные дороги на северный склон Главного хребта. Важное значение имела конная дорога, соединявшая средние течения рек Сочи и Шахе; она шла от Дишана через многие населенные пункты к Мутыхуаса [85, № 1]. Эта дорога смыкалась у Мутыхуаса с другой, идущей правым берегом р. Сочи к Убых-пыхоа далее на Кбааду, через хребет Ахцу, к асадуаским поселениям Кваха. Эта выючная дорога проходила среди густых фруктовых насаждений и зеленых полей; она, по мнению И.О. Орехова, являлась одним из главнейших путей сообщения этого края [115, № 11, с. 165–166, 170]. Несмотря на свою трудность, большую роль играл путь в землю абзахов, по которому происходили политические и экономические сношения с захребетными черкесами. Эта дорога проходила от Дишана к селению Бабука вверх по ущелью Гогишкау и через перевал Шитлиб. Подъем на перевал очень тяжелый [85, № 1; 112, № 40; 109, № 101; 46, с. 407]. Кроме этого прохода на северную сторону Главного хребта, восточнее его, существует Белореченский перевал, ко-

торый, по словам Новицкого, «известный происходившими в оном частыми разбоями» [112, № 40].

Вообще же о путях сообщения нужно заметить, что ими Убыхия была очень бедна. Дороги в подавляющем большинстве являлись выучными тропинками. Убыхи почти не пользовались арбой, ее заменяли выучные животные [120]. Обвалы портили дороги, частые ливни останавливали путников на время, пока вода в реках не примет нормального уровня³. Бездорожье затрудняло развитие межобщинных связей. Через речки устраивались деревянные мосты. Часто они заменялись поваленным через реку деревом [13, с. 663]. Первый же подъем воды обычно сносил такой до предела упрощенный мост, и на его место бросалось новое дерево. Но на главных коммуникациях убыхи, не удовлетворяясь простейшими сооружениями, воздвигали настоящие мосты. Вот как описывает один автор мосты на реках Ажек и Агуа: «Мост состоял из цельных древесных стволов, положенных с каждого берега оврага, врытых концами в землю и заклиненных. Деревья сходились над серединой речки и подхватывались снизу подушками, в концы которых врублены были вертикальные стойки. На стойки насажены были длинные тонкие жерди, сделанные из крепкого и гибкого дерева, также утвержденные концами в берегах. Поверх бревен уцелело несколько досок составлявших, вероятно, часть мостовой настилки. Пила здешним горцам, по-видимому, не была известна, и они приготавливали доски, колотые из каштанового или другого хорошо раскалывающегося дерева; по крайней мере нигде в аулах южного склона мне не попался пиленный лес. Мостик этот очень эластичен; на скрепления его не пошло ни кусочка железа, и вся работа, как видно, была произведена топором» [115, № 11, с. 175–176]. Очевидно, существовали и висячие мостики, зарегистрированные Ф.Ф. Торнау у соседних мдажвие. Такие мостики делались из досок (очевидно, также колотых) и виноградной лозы, связанных веревками. Несмотря на их кажущуюся воздушность, ими пользовались не только пешеходы, но и верховые [143, ч. II, с. 43].

Тип поселения и жилище

Своеобразную картину представляли собою убыхские поселения. Селений в нашем смысле слова не существовало. По долинам рек были разбросаны там и сям отдельные дворы с прилегающими к ним садами и нивами. Характерно, что убыхское слово «селение» (*куэи*) сохраняет значение и «двора» [49, 4, с. 130]. Еще Ю. Клапрот замечал, что «убыхи не живут в деревнях, но рассеяны по лесу по 3–4 дома» [78, с. 463 (ср. 58),

³ См., например, о неудобствах самого лучшего пути – побережного, описанных у А. Фонвилля [160, с. 17–18].

р. 198], а А. Фонвилль, лично побывавший в Убыхии в 1863–1864 гг., говорит: «Мы не встречали в этой стране не только города, но даже ни селения, ни деревушки; оказалось, что ничего подобного и не было там; аулы же разбросаны по горам, на различных расстояниях один от другого. Все аулы, расположенные в одной долине, составляли общины и обозначались названиями долины» [160, с. 22]. Если приведенное описание наводит на мысль о наличии в XIX в. еще недостаточно оформившихся поселений типа сельской общины, то другое описание того же автора, относящееся к селению Исмаил-бея Дзепша, говорит очевидно о поселении типа разлагающейся родовой общины. А. Фонвилль пишет: «Как и все черкесские (убыхские. — Л.Л.) аулы, (аул Исмаил-бея. — Л.Л.) состоял из дюжины низеньких домов, расположенных без всякой симметрии внутри ограды, запертой непроницаемыми заборами. Несколько толстых палисадников разделяли эту ограду на отделения, разделенные между собою таким образом, что для того, чтобы пройти из одного отделения в другое, нужно было эскалadirовать эти особого рода баррикады. В каждом ауле непосредственно у ворот ограды находилась гостиница (кунацкая. — Л.Л.) [160, с. 11]. Если внутренние перегородки между дворами этого селения говорят о какой-то степени раздельности имущества, то общая ограда и, особенно, общая кунацкая, кажется, позволяют предполагать о наличии в данном случае родового поселка.

Дворы огораживались частоколом, а иногда его заменял толстый вал из веток и палок [13, с. 428]. Об убыхских жилищах у нас сохранились очень скудные данные. Они «были построены из хвороста и смазаны глиною; лишь некоторые зажиточные крестьяне и князья строили себе дома из досок, и то всегда в один этаж. Дом состоял из двух отделений: в одном жило семейство, скученное в одной комнате, в другом, привязывалась любимая лошадь» [117, с. 46]. Последнее следует приписать вымыслу. О кунацкой в селении Исмаил-бея Дзепша А. Фонвилль сообщает: «Земляной пол, стены из глины, крыша, покрытая дырявыми планками, сквозь которые можно было считать звезды на небе» [160, с. 11]. И.О. Орехов кратко говорит об одной постройке на Убых-пыхоа, случайно уцелевшей от пожара 1864 г., «состоявшей из 2-х комнат: одной просторной, с лавками у стен и с очагом, бывшей, вероятно, кунацкой, или гостиной какого-нибудь узденя (куаша. — Л.Л.); другой поменьше, с тахтою и привешенными к потолку полками, имевшей, кажется, назначение спальни. В кунацкой, под лавками, стояло несколько совсем новых, крашенных сундуков, окованных железом и обитых медными гвоздиками... Кровля нашей и большинства прочих саклей была тесовая, низко спущенная к земле, так что оставляло снаружи проход, закрытый от дождя. Вместо окон были четырехугольные отверстия, закрывавшиеся ставнями. Стены сакли плетеные, смазанные глиною» [115, № 11, с. 172].

Этот же автор говорит о папоротнике как о главном материале для крыш в каком-то селении в верховьях р. Мацесты [115, № 12, с. 357].

Дома племенной знати отличались от домов рядовых общинников размерами и богатством внутреннего убранства. П. Невский, побывавший в Убыхии непосредственно после эмиграции населения в Турцию, оставил беглое описание дома Хаджи-Бабуко Берзека в селении его же имени. «В ряду хижин <...>, — говорит он, — возвышается новый, двухэтажный деревянный дом с тесовой крышею <...> в верхнем этаже <...> находились комнаты князя (так он именует Хаджи-Бабуко. — Л.Л.) оклеенные дешевыми разнокалиберными обоями; в спальне стояла железная широкая кровать, с балдахином, увенчанная короной. Комнаты освещались окнами, в которые вставлены были рамы со стеклами. Вокруг верхнего этажа устроена галерея; в нижнем — конюшни и кладовая» [109, № 101].

О других хозяйственных постройках мы почти ничего не знаем. И.О. Орехов лишь мимоходом указывает, что убыхи «хлебные амбары утверждали обыкновенно на столбах негноя» [115, № 11, с. 174]. В другом месте он уже упоминает «овечий загон, выстроенный из тесу и тесом крытый» [115, № 12, с. 351]. Этим и исчерпываются все наши сведения о подсобных постройках убыхов.

Все приведенные нами данные о типах населенных мест, дворах, жилищах и хозяйственных постройках не позволяют сделать вывод о наличии у убыхов чего-то специфического, отличного от соответствующих видов материальной культуры черкесов и абхазов. Разбросанность дворов была характерна для всего побережья. Огораживание частоколом до сих пор распространено в Шапсугии и Абхазии. Турлучные дома с тесовой или дранковой крышей, с глиняным полом, навес перед домом, очаг — все это также является типичным для Шапсуги и Абхазии. Там же встречаются как одноэтажные, так и двухэтажные дома. Полную тождественность абхазским и черкесским представляют и указанные нами амбары и загоны.

Занятия

Население Убыхии занималось, главным образом, скотоводством, земледелием и садоводством (в том числе виноградарством). Подсобную роль играли: пчеловодство, охота и разные ремесла. Я.Н. Раенко-Туранский совершенно неосновательно считал главным занятием убыхов охоту и торговлю [126, с. 20].

По условиям местности, земледелием занимались больше на побережье. На побережье «не видишь ни одного клокка земли, доступного к обработке, который оставался бы в запущении. Горы, изрезанные до са-

мых вершин шахматами пашней» [136, май, с. 313]. Поля расчищали от леса и камней и разрыхляли почву «инструментом, похожим на кирку». Известен был не только мотыжный способ обработки земли, но и плужный. Употребляли плоскую, дугообразную соху с короткими, почти перпендикулярными ручками [13, с. 41–42]. Мотыжный способ преобладал в Верхней Убыхии, где земледелие носило чисто подсобный характер и не удовлетворяло потребностей населения в хлебе. «Убыхи, по-видимому, мастерски пользовались каждым клочком земли» [115, № 12, с. 343]. Сеяли кукурузу, ячмень, просо, пшеницу. Сеяли, главным образом, только для личного потребления, но все же существовал и обмен излишков побережного земледелия на мед, фрукты и другие продукты Верхней Убыхии. Из огородных культур разводили: лук, чеснок, красный перец, свеклу, тыкву, репу [136, май, с. 313; 143, ч. II, с. 39–40; 111, № 23; 109, № 97; 23, с. 13; 117, с. 134].

О развитии убыхского садоводства говорят почти все авторы, писавшие об этом крае. Их селения «тонут в зелени садов и рощиц» [136, май, с. 313]. После выселения убыхов в Турцию долго дивились новые пришельцы большому количеству фруктовых деревьев; здесь росли каштаны, орех, яблони, груши, сливы, вишни, черешни, персики, айва, хурма, тутовники и виноград [115; 8, с. 137; 70, с. 10–11; 23, с. 7]. Об убыхах говорил И.О. Орехов, что они «при приемах садоводства, вероятно самых простых, производили высокие сорта нежных плодов» [115, № 12, с. 343; 78, с. 475–476]. Убыхские сады, хотя и не пестрели большим разнообразием фруктовых деревьев, тем не менее фрукты отличались сочностью и величиною (одни) и продолжительной сохранностью (другие) [32, с. 147]. Известно, что ахчипсоу — соседний с убыхами народ — занимались сушкой каштанов, которыми питались зимою, предварительно разварив их в воде и подав на стол с маслом или молоком [143, ч. II, с. 40]. Не исключена возможность, что и необеспеченные хлебом верхние убыхи также прибегали к такому использованию фруктов.

Особенно славились убыхи своими виноградниками. Приготовленные ими вина будто бы «нисколько не уступают в доброте французским» [111, № 24]. Виноград обычно сажался под деревьями, по которым он и вился. Новицкий сообщает о размерах виноградарства явно преувеличенные сведения: «Убыхи, чопсуги (шапсуги. — Л.Л.) и гуаие <...> в отношении к произведениям земли щедро награждены природою. Без малейшего со стороны их усилия земля производит разные фруктовые деревья, а в особенности виноградные лозы. Народы сии, пользуясь щедрыми дарами природы, питающими их без трудов, склонны к праздности и пьянству, в котором постоянно проводят дни свои. Род жизни сей занимствовали они от абазинцев и, забывая правила корана, подражают им в невоздержанности. Количество произрастающего винограда у народов

сих в таком избытке, что они никогда не успевают собирать его» [111, № 24, с. 115; 92, с. 159; 20, с. 342–343; 167, с. 32; 85, № 50 и 1; 78, с. 463].

Большое значение в убыхской экономике имело экстенсивное скотоводство эйлажного типа. Многие авторы упоминают о виденных ими в этом крае больших стадах овец, коров и табунов лошадей. Из-за недостатка собственных пастбищ убыхи вынуждены были обращаться к своим северным соседям абдзахам за разрешением частичного выпаса на северной стороне Главного хребта [6, т. X, с. 683], а так как абдзахи были заинтересованы в добрососедских отношениях с убыхами, через посредство которых торговали с Турцией, то и допускали их скот на свою территорию. И мы знаем, что иногда убыхский скот царские войска захватывали в Абдзахии. Скот не знал стойлового периода; зимою он кормился на приморских пастбищах [23, с. 13]. Характерно, что Дж. Белль не мог приобрести в Хизе фуража для своей лошади, так как запасы его были лишь у местного богача Хассан-бея, к которому и пришлось обратиться [13, с. 366]. Продукты скотоводства служили основой для пищи и многих домашних промыслов, а некоторая часть их (кожи, шерсть) поступала на экспорт.

Сравнительно широко было распространено бортничество и пасечное пчеловодство [111, № 24; 92, с. 159]. Еще древние греки сообщали об этих видах хозяйства как о широко развитых на Западном Кавказе. Ф.Ф. Торнау, побывавший у ахчипсовцев, рассказывает, что там «имеется отличный мед, добываемый от горных пчел, гнездящихся в расселинах скал. Этот мед очень был тверд почти как песочный сахар и весьма дорого ценится турками» [143, ч. II, с. 40]. Имеем основание это сообщение отнести и к соседним убыхам.

Меньшее значение в XIX в. имели охота и рыболовство. Первой, очевидно, занимались лишь отдельные немногочисленные лица. Но мы имеем право утверждать, что этот вид занятия раньше играл значительно большую роль. На всем Западном Кавказе не случайно был развит культ охотничьего божества, в том числе и у убыхов (о чем ниже). «Ловля зверей, как пушных, так и употребляемых в пищу <...> составляет одну из главных отраслей промышленности Адехе (и убыхов, которые отнесены автором к черкесам. — Л.Л.). Кожи зверей употребляются для одежды и составляют значительную отрасль внешней торговли» [111, № 24].

Что касается рыболовства, то оно, кажется, не играло значительной роли в хозяйстве [111, № 24]. Три последних занятия мы можем отнести к домашним промыслам убыхов XIX в. К ним же следует отнести и шелководство, распространившееся лишь в XIX в. О шелководстве Новицкий сообщал в 1829 г: «В последнее время <...> на землях, смежных с абазинцами, <...> с помощью выходцев, сведущих в расположении шелколичных червей, убыхи и гуаие приучились разводить оных и добывать

из них в малом количестве шелк для собственного употребления» [111, № 24, с. 3, 98; 117, с. 40].

Настоящим ремеслом, а не домашним промыслом, было лишь кузнечное дело, подымавшееся иногда до положения кустарного производства на продажу. Кузнецы, кроме хозяйственных изделий (косы, лемехи, топоры, ножи и пр.), изготавливали холодное оружие, а иногда и огнестрельное. «Винтовки и шашки их (убыхов. — Л.Л.) изделия имели высокую цену по своему достоинству и славились на всем Западном Кавказе» [137, № 9, с. 176].

Настоящие кустарные предприятия, работавшие на рынок, в Убыхии отсутствовали. Попытки насаждения таких предприятий делались, но они не достигали большого эффекта. Так турецкие лесоторговцы, вывозившие с черкесо-убыхо-асадуаского побережья древесину, создали на р. Бегрипши (в Асадуа) лесопильное предприятие с целью частичной обработки сырья на месте. «Джигеты и другие горцы <...> рассказывали об этом пильном заводе как о чуде; в действительности же техническая часть завода оказывается очень неудовлетворительной: приемник и приводы были устроены весьма дурно и грубо» [3, № 76].

Во время Магомет-Эмина вблизи одного из убыхо-абдзахских перевалов были обнаружены залежи серебра. По словам одного абдзаха, Магомет-Эмин с целью организации добычи, направил туда 200 человек русских (пленных и дезертиров) и абдзахов, которые и приступили к работам. Но убыхи будто бы большою массою отправились и уничтожили всех работавших на рудниках. Когда Магомет-Эмин запросил убыхов о причине такого поступка, то они ответили, что это было сделано из боязни царского правительства, которое, прослышав о серебре, непременно бы направило большую армию в горы, и край скоро оказался бы покоренным [65]. Так рудники больше и не восстанавливались.

Натуральное хозяйство убыхов давно подтачивалось ростом обмена. Внутренний обмен происходил, главным образом, между Верхней Убыхией, с одной стороны, и прибрежной полосой — с другой. Он шел по линии снабжения прибрежных жителей медом и фруктами в обмен на продукты земледелия; кроме того, между этими же частями Убыхии происходило спорадическое взаимоснабжение рабами. Внешний обмен совершался, главным образом, между убыхами и абдзэхами и убыхами и Турцией. Обмен между убыхами и прибрежными племенами Черкесии и Абхазии почти отсутствовал.

Абдзахи были связаны с убыхами взаимным обменом рабами, продуктами, ремесленно-кустарными изделиями. Убыхи сбывали абдзахам товары, получаемые от турецких купцов и, в свою очередь, были посредниками при сбыте абдзахского товара (главным образом, рабов) в Турцию. Правда, абдзахи и сами отправлялись на Убыхское побережье для

непосредственных сношений с турками и, имея в Убыхии знакомых и родственников, могли более или менее беспрепятственно передвигаться в этом крае, но все же убыхи выступали чаще посредниками, отчего имели материальную выгоду.

Не лишено интереса сообщение Новицкого о межплеменных и межобщинных торговых сношениях среди черкесов и убыхов: «Внутри земель адехе торговля исключительно принадлежит армянам (в Убыхии — в меньшей степени. — Л.Л.), сверх того, адехе производит взаимную меновую торговлю собственными произведениями и изделиями без взимания пошлин с торгующих. В сем случае условия утверждаются князьями или судом присяжных, которые взаимно обязуются клятвой покровительствовать промышленников с обеих сторон, как гостей. Если случится на которой <...> стороне обида, то князь или присяжный суд со стороны обидчика отвечает удовлетворением понесенного с другой стороны ущерба. Если же поступком сим нарушаются взаимные сношения, то обе стороны снова сходятся и делают новые договоры о безопасности торговли» [111, № 25].

Но наибольшее значение для убыхов имела морская торговля с Турцией. Турецкие купцы на легких парусных судах, так называемых кочермах, в XIX в. пробирались незаметно среди крейсирующих русских кораблей к Субешху, Хобзы, Вордане, Псахе, Сочи, Хоста, а когда Субешх и Сочи оказались захваченными царскими войсками, то к остальным пунктам. Приближаясь к берегу ночью, купцы ориентировались по огням, которые обычно поддерживались горцами. Когда кочерма благополучно проскальзывала между царскими судами и приставала к берегу, торговцы выстрелами скликали жителей. «Весь груз судна прибрежными жителями мгновенно разбирается по домам. При этом хозяин судна ничего не теряет, редкий пример добросовестности» [139, с. 97]. Разгруженную кочерму вытаскивали на берег и прятали в ветках, или же делали в ней дыры и топили в устье реки, чтобы укрыть ее от царского флота. К обратному пути дыры заделывались, вода выкачивалась, и кочерма снова нагружалась [168, с. 321–322].

Главными импортными товарами из Турции были: соль, дешевые ситцы, железо, оружие, порох, свинец. Главной статьей экспорта являлись девушки, предназначенные для гаремов. Кроме того, сбывали рабов мужского пола, поступавших на пополнение янычар и для работ в трапезундских медных рудниках. Меньшее значение имел вывоз меда, воска, строевого леса (бук, орех, самшит), звериных шкур и, кажется, даже пивовок [3, № 76; 115, № 11, с. 153; 111, № 23–24].

Ф.Ф. Торнау описывает процесс продажи невольницы туркам сочинцами: «Около берегового завала под защитою карауливших его горцев, человек пять турок ожидали продавцов. Они бросились к нам навстречу

и, узнав, что есть женщина, попросили позволение осмотреть ее. После того они по жребью определили, кому из них торговать ее, и начали переговариваться с нами, причем мы со всею восточною важностью уселись в киоске, стоявшем возле кладбища <...> каждый из нас был призван подать свое мнение. Между тем турок-посредник беспрестанно ходил от нашего общества к купцам и от купцов к нам, уговаривая ту и другую сторону согласиться на предлагаемые условия. В это время предмет торговли сидел на камне с видом величайшего равнодушия, не замечая, кажется, того, что происходило от него в самом малом расстоянии и от чего зависела его будущая судьба. Наконец, порешили торг, уступив женщину за две лошади и за два вьюка бумажных материй. За нее дали бы вчетверо больше, если бы она была девушка. Когда ей объявили, что она принадлежит новому хозяину <...> она пришла почти в бешенство, рыдала, рвала на себе волосы, осыпала всех упреками, так что мне не на шутку стало жаль ее <...> Едва турок успел посадить пленницу на лошадь, накинув на нее новое покрывало, как она уже приняла довольный вид и начала прихорашиваться, драпируясь им, сколько умела» [143, ч. II, с. 49].

Ив. Аверкиев делает замечание, что убыхи и мдажвюе, в противоположность абхазам и асадзуа, не торговали женщинами, и поэтому убыхи и мдажвюе, по его словам, отличались от абхазов лучшими физическими чертами [3, № 74]. Но это не соответствовало действительности. Если продажа собственных детей, возможно и была менее распространена среди убыхов (благодаря лучшей материальной обеспеченности их), то этого нельзя сказать о торговле пленными и приобретенными рабами и рабынями. Убыхи занимались такой торговлей в больших размерах, чем, скажем, шапсуги, натхуаджи, не говоря уже о черкесах Закубанья [89, I, s. 93, 116, 117, 119].

О размерах морской торговли Турции с северо-восточным берегом Черного моря можно судить по тому, что, несмотря на блокаду 1836 г., эту торговлю постоянно обслуживало около 150 кочерм [13, s. 61].

Турецкие товары к горцам и горские в Турцию доставлялись купцами-профессионалами из турок, лазов и армян. Некоторые из них заводили на горском берегу свои собственные дома, служившие в то же время факториями. Но и некоторые из горцев (в том числе и убыхи) сами совершали торговые рейсы в Турцию и обратно на собственных кочермах. Одним из таких типов был богач Хассан-бей из Хизе, собственник двух кочерм [13, s. 365].

Царское правительство, приступив к завоеванию Западного Кавказа, делало попытки направить внешнюю торговлю горцев в свою сторону, чтобы «посредством оных (торговых сношений. — Л.Л.) <...> смягчить суровость их (т.е. горцев. — Л.Л.); между тем, вразумив в выгоды связей

с нами, уменьшить исключительное на них влияние Порты и, наконец, между полудикими семи народами ввести просвещение», — писал граф Ермолов к графу Нессельроде 27 апреля 1822 г. [6, т. VI, ч. II, с. 485]. Эта торговля не могла заинтересовать русский торговый капитал, так как преобладание натурального характера горского хозяйства создавало узость менового рынка, а главный продукт экспорта — невольницы — не соответствовал рыночному спросу в России. «Произведение земли горских народов ничтожны, и торговли нашей обогащать не в состоянии» — говорит Ермолов в том же отношении к Нессельроде. Таким образом, все попытки, связанные с поощрением русско-горской торговли, до середины XIX в. имели своей целью не экономические, а политические интересы. Но, как будет видно из дальнейшего изложения, несмотря на обратное заявление Н. Карльгофа [74, с. 25; ср. 6, т. X, с. 683], убыхов так и не удалось втянуть в эту торговлю.

Так как денежные отношения не внедрились в Убыхии до конца ее существования, то торговля происходила посредством натурального обмена. При этом счет велся, по всей вероятности, так же как и у соседних шапсугов, натхуаджей и абдзахов, на «головы», под которыми подразумевались головы крупного рогатого скота.

Общий вывод о занятиях убыхов XIX в. напрашивается следующий: 1) преобладание натурального хозяйства; 2) отсталая простейшая техника; 3) значительная роль ряда примитивных форм хозяйства — мотыжное земледелие, бортничество, охота, собирание дикорастущих плодов (груши, кислицы, каштаны, орехи); 4) неразвитость промыслов, из которых лишь некоторые (кузнечное дело) поднялись до положения ремесла и почти ни одно из них не стало кустарным производством, работающим на рынок; 5) несмотря на развитый обмен, он ограничивался лишь несколькими видами товаров, среди которых (в экспорте) выдающаяся роль принадлежала невольницам и невольникам. Кроме того, следует в заключение указать на большую тщательность и трудолюбие, которые вкладывались убыхами в сельскохозяйственные работы⁴.

Социальный строй

В первой половине XIX в. общественные отношения в Убыхии характеризовались следующими чертами: 1) родовые союзы уже сменились территориальными; 2) патриархальное рабство медленно преобразовывалось в своего рода колонат (рабов, посаженных на землю); 3) племенная знать делает ряд попыток организационного оформления своего фактического господства над свободными общинниками; 4) активизация

⁴ Приведенная выше цитата из Новицкого [111, № 23], говорящая о праздности убыхов, противоречит указаниям остальных авторов, лично побывавших в этом крае.

ция феодализирующейся племенной знати встречает противодействие со стороны свободных общинников, выступающих за возрождение старой демократии.

Убыхский патриархальный род не успел еще в достаточной степени разложиться. Но о господстве его в общественной жизни XIX в. уже нельзя говорить. Мы не знаем полной картины состояния родовой организации в то время. Из литературы нам известны такие черты, восходящие к этой организации: 1) экзогамия; 2) обычай трудовой взаимопомощи [13, s. 430, 675]; 3) кровная месть [136, март, с. 535; 89, I, s. 99]; 4) большое уважение к старшим; 5) бесправное положение женщины (см. картину народного гулянья у А. Фонвилля) [160, с. 15]; 6) обычай умыкания невест [12; 13, s. 468]; 7) обычай усыновления чужеродцев [13, s. 34]; 8) атаклычество [160, с. 13].

Скорятин приводит один очень характерный факт из жизни убыхов: «Они привели <...> отцеубийцу из своих в одно из наших укреплений и сказали начальнику: этот человек убил своего отца. Его следовало бы предать смерти, но у нас этого давно не было, старики не помнят, да и не хотим мы опозорить нашу землю смертной казнью свободного человека. Просим вас — возьмите его и делайте с ним, что хотите <...> а нам девать его некуда, казнить не хотим. Дурной обычай — смертная казнь» [136, март, с. 537]. Скорятин неправильно объясняет приведенный факт. Дело совсем не в том, что «дурной обычай — смертная казнь», а в самой сущности родового строя. Кровная месть, как материальное возмездие чужеродцам за материальный ущерб, нанесенный ими, не может быть применима к сородичам. Убийцы родственников везде на Кавказе изгонялись из рода и тем как бы ставились вне закона [79, т. I, с. 39—40].

Убыхский патриархальный род в XIX в. был организацией родственников, живущих по Убыхии рассеянными семьями (по всей видимости, большими семьями), ведшими самостоятельное хозяйство. Единого родового хозяйства уже не существовало. Так, Дж. Белль сообщает о крупнейшем убыхском роде Берзеков, что он «состоит из 400 благородных семейств, и каждое семейство имеет от 5 до 20 рабских семейств» [13, s. 450]. Если мы вспомним приведенное выше описание, очевидно, фамильного поселка Исмаил-бея Дзепша, где наряду с общим забором и общей кунацкой существовали уже внутренние перегородки, то можем сделать предположение о наличии распада больших семей на мелкие.

Не род, а сельская община была господствующей социальной организацией убыхов в XIX в. Сравнительная пестрота населения Убыхии, которую обычно подчеркивают знакомившиеся с нею авторы, была лишь одним из внешних проявлений преобладания территориальных связей над кровными.

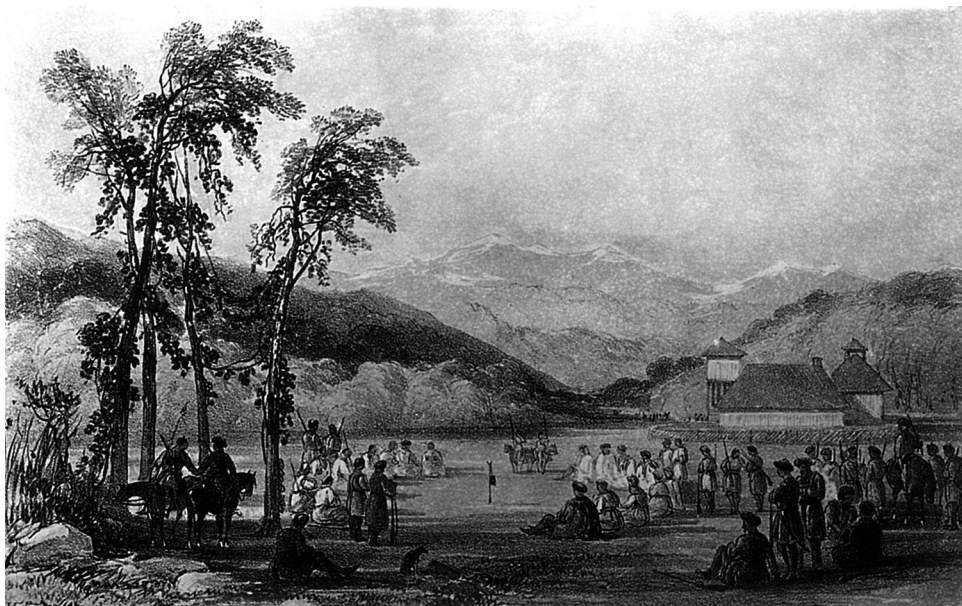

Рис. 3. Собрание в земле Арт в 1839 г.
Рисунок Дж. Белля

До 1830-х годов высшей общественно-экономической организацией была сельская община, объединявшая обычно все население одного какого-либо ущелья. Так, округ Вордане состоял из четырех, а округ Сочи — из двух общин. О количестве общин в Верхней Убыхии ничего нельзя сказать даже приблизительно. Каких-либо постоянных объединений сельских общин не существовало. Высшей властью являлось общее собрание взрослых, свободных мужчин общины или заменявшее его собрание совета старейшин. В компетенцию таких собраний, насколько мы знаем, входили 1) вопросы войны и мира; 2) решение важных хозяйственных дел (возможно, земельные переделы) и 3) избрание общинных старшин. Собрания часто созывались у культовых мест (священные деревья и мечети). О характере самих собраний мы можем судить по сочинению А. Фонвилля, в котором приведено описание общеубыхского собрания в 1864 г. (а такие собрания, бесспорно, возникли из общинных). По словам А. Фонвилля, несколько тысяч убыхов составили круг, в середине которого восседали на циновках старейшины. Ораторы сменялись один за другим при общей тишине присутствующих. Всякое решение совета старейшин объявлялось народу через специально предназначенного для этого человека. В таких случаях он взбирался на высокое дерево и оттуда держал свою информационную речь. Первыми вопросами были разобраны те, которые считалась главнейшими (военные). После них был рассмотрен ряд частных вопросов, главным образом о воровстве.

Собрание выслушивало показания истцов, обвиняемых и свидетелей. Решение снова объявлялось с дерева [160, с. 12]. Таким образом, мы видим, что такой совет старейшин соединял в своем лице законодательную и судебную функцию; мы думаем, что и исполнительная власть находилась в руках этого же совета.

Решения общих собраний и советов старейшин были реальны лишь при единодушном согласии собрания. По поводу общественной организации убыхов один из авторов выразился: «В тесном смысле никакого правления почти не существовало, а царствовала полнейшая анархия» [109, № 97]. Но это — утрировка. «Ни у шапсугов, ни у убыхов нет сильно организованного правительства <...>, — говорит Скорятин, — довольно странный факт: существуют почти что без правительства <...>, решения народных собраний не имеют обязательной силы; это больше совет, нежели приказание. В важных случаях собираются депутаты от аулов и решают дела, но <...> народное собрание не имеет в своем распоряжении исполнительной власти, которая могла бы обуздать ослушников <...> Впрочем общественное мнение заменяет, но только отчасти и лишь в известных случаях, исполнительную власть. Если решение депутатов понравится большинству народа, то оно, конечно, приводится в исполнение» [136, май, с. 322–323].

Старшины общин были только выборные. Но это правило в ряде общин к XIX в. уже достаточно выродилось в формальность. Старая племенная знать обычно периодически переизбиралась, а после смерти такого старшины выбирали его сыновей или ближайших родственников. Таким образом, избрание хотя и соблюдалось по форме, но фактически уже устанавливалось наследственное право племенной знати на замещение должности старшины. Только в тех общинах, где эта знать отсутствовала, выборность продолжала оставаться действительностью [160, с. 22]. На обязанности старшин лежало решение второстепенных вопросов, из-за которых не следовало собирать народное собрание или совет старейшин. В военное время такой старшина выполнял роль военачальника [160, с. 22].

Сельская община, сменив собою старую убыхскую родовую общину, восприняла от нее ряд характерных обычаев. Если раньше обычай трудовой взаимопомощи, вытекавший из первобытно-коммунистических отношений, относился к сородичам, то в XIX в. он распространился на соседей. То же самое приходится сказать по поводу имущественных зачетов. Дж. Белль рассказывает, что убыхи помогают друг другу в полевых работах, и хозяин в таких случаях выставляет работающим угощение [13, с. 404, 430, 675]. Из контекста видно, что Дж. Белль имеет в виду взаимопомощь соседей. В другом месте тот же автор подчеркивает порица-

ние убыхами воровства у близких соседей и, наоборот, поощрение ими такого воровства у далеко живущего населения [13, s. 448].

XIX век застал убыхское общество разделенным на четыре слоя. В самом низу находились рабы, из которых женщины (наиболее бесправная категория) назывались «халайк» (*хьэлэкъ*), а мужчины, по словам А. Дирра, — «арап» (Iэрэп). Мы думаем, что последний термин вошел в убыхскую речь уже под влиянием турецкого окружения, в которое убыхи попали после 1864 г. У старых авторов убыхский термин, означающий «раба», записан иначе. Так, у Дж. Белля — *кадьера* (*kadyera*) [13, s. 768], а у П. Услара — *аккеры* (*akkery*). В записях А. Дирра последнее слово подано в форме 'геры' (*gerə*) и переведено как «крепостной» [49, 4, s. 137; 49, 5, s. 14; 148, с. 101]. Нам кажется, что и убыхи не видели большой разницы между домашним рабом и рабом, посаженным на землю (крепостным), и поэтому называли обе эти категории одним термином. Источником приобретения рабов были межплеменные и межродовые войны, а также покупка. Рабы применялись для домашних услуг своего владельца (домашнее рабство). В отношениях между рабами и рабовладельцами сохранялось еще много черт патриархальности. Количество рабов в Убыхии было больше, чем в Шапсугии, Абдзахии или Асадзуа (если взять в пропорциональном отношении к населению). Среди рабов у них встречались и негры [109, № 100].

Мы думаем, что зарегистрированные у убыхов крепостные были не чем иным, как теми же рабами, которых посадили на землю. Во всяком случае, все авторы прошлого столетия, говоря об Убыхии, упоминают или крепостных, или рабов, но не различают тех и других. Самого термина «крепостной» в убыхском языке не зарегистрировано. Все наши сведения о рабах и крепостных, во-первых, отрывочны, во-вторых, как только что сказано, не дифференцированы. Мы очень часто не знаем — к рабам или к крепостным относятся те или иные сообщаемые факты. Дж. Белль, называя рабов и крепостных слугами или крепостными, замечает, что в Черкесии крепостные составляют меньшую часть населения, а в Убыхии и Асадзуа («от Вардана южнее»), наоборот, большую. В Убыхии, говорит он, «богатство исчисляют количеством крепостных, в то время как в других местах его исчисляют количеством быков и баранов» [13, s. 337]. По сведениям же Лапинского (где также свалены в кучу рабы и крепостные), «у убыхов они (рабы. — Л.Л.) составляют почти четвертую часть населения, у абезехов десятую, у шапсугов едва двадцатую» [89, I, s. 113]. Как бы то ни было, но бесспорно одно, что лично зависимое население в Убыхии было более многочисленно, чем в соседних районах Черкесии и Абхазии.

Из других сведений о рабах и крепостных следует указать такие: 1) большая часть их была вооружена [89, I; 57, № 11, с. 285]; 2) часто

принимали пищу за одним столом с владельцами [13, s. 34]; 3) могли быть проданы лишь после изъявления собственного согласия [13, s. 38]; 4) имели право перехода к другому владельцу [13, s. 38], и 5) внешне оказывали высокое почтение своим владельцам [13, s. 34]. Все эти черты замечены были в XIX в. у всех прибрежных племен. Из этих данных мы почти наверняка можем отнести только к крепостным третье и четвертое; остальные могли быть одинаково характерны как для рабов, так и для крепостных.

Употребляя термин «крепостной», мы должны оговориться, что применительно к убыхской среде он недостаточно подходит, так как положение такого зависимого крестьянина резко отличалось от крепостного, скажем, России. Об этом говорят приведенные черты, которые не были свойственны настоящим крепостным.

Из скудных сведений о рабах и крепостных Убыхии все же можно сделать такой вывод: уровень развития рабства и крепостничества был очень невысок, патриархальность отношений между зависимым и владельцем была налицо. Кроме того, следует заметить, что, несмотря на отмеченное Дж. Беллем будто бы численное преобладания рабов и крепостных над свободным населением Убыхии, мы, считая это преувеличением, в данном случае более верим данным Лапинского.

Самой многочисленной группой убыхского общества были свободные общинники, соответствовавшие черкесским тлхукотлям. Именовались они вагыш (*вагъыш*). Эта группа формально всегда была свободна от каких-либо повинностей по отношению к высшему слою убыхского общества. Но в то же время эта группа являлась объектом эксплуататорских тенденций знати. Именно на вагышей знать пыталась распространить свою политическую власть. Естественно, что и вагыши, в свою очередь, противодействовали этому наступлению. Вся история Убыхии XIX в. наполнена фактами борьбы вагышей против знати. Борьба между ними была основным противоречием общества в последний период убыхской независимости.

Племенная знать, следуя предписаниям адата, занятие торговлей считала позорным, в то время как вагыши довольно много занимались ею [13, s. 334]. Торговля была одной из причин наметившегося расслоения самих вагышей. Основная масса их представляла собою непосредственных производителей, а небольшое количество — заправских эксплуататоров, торговцев, крупных крепостников и рабовладельцев. Приведем один пример: вагыш Хассан-бей Дидже, занимавшийся в молодости морским разбоем, а потом — морской торговлей с Турцией (для чего имел два собственных корабля), был в 1830-х годах одним из самых богатых людей Убыхии [13, s. 45, 365, 400].

Крупнейшей фамилией среди вагышей были Диде (*Дыжэ*) [59, р. 141] в долине Хизе. Что они не относились к разряду племенной знати видно со слов хорошо осведомленного автора «Краткого описания», который говорит: «В Хизе нет ни княжеских, ни дворянских фамилий; <...> в большом, однако, здесь уважении фамилия Диззаа» [85, № 50]. Но, с другой стороны, один из потомков этой фамилии С.О. Диде утверждает, что их род относился к убыхским «дворянам», т.е. куашха⁵. Вернее всего предположить, что сперва Диде были в числе вагышей, но потом, по мере увеличения их экономического в политического значения, их стали уравнивать с куашха. Эта фамилия выводила свое происхождение из Турции. Один из предков ее, по родовому преданию, переселился отсюда в Убыхию в конце XVII в. Из представителей этой фамилии следует отметить состоявшего на турецкой службе Хафиз-пашу и проживавшего на родине его младшего брата Хассан-бея (два других брата служили в Турции бим-башами). Хассан-бей в молодости своей занимался морским разбоем; при неизвестных обстоятельствах попал в плен в Россию, где прослужил два года солдатом. По возвращении на родину он посвятил себя морской торговле с Турцией, имея для этой цели два собственных корабля. Морской грабеж и морская торговля обогатили Хассана, и к концу 1830-х годов он был не только самым богатым в Хизе, но мог потягаться богатством и с убыхскими куашха. Установление царским флотом блокады северо-западного побережья Кавказа было причиной падения экономической мощи Хассан-бея. Несмотря на личный его визит в Сухум к ген. Розену, когда он ходатайствовал о том, чтобы Россия не препятствовала его торговле, одного своего корабля он лишился, а другой вынужден был продать. Мы не согласны с характеристикой его у А. Юрова, который говорит, что «Гассан-бей был один из самых заклятых и опасных наших врагов (т.е. врагов царской России. — Л.Л.) и пользовался огромным влиянием на черкесов (убыхов. — Л.Л.), — по богатству своему и связям». Если до 1838 г. авторитет Хассан-бея среди убыхов был высок, то дальше он стал быстро падать. Он принял у себя английского эмиссара Дж. Белля, его выдвинули кандидатом в послы в Лондон (с Дж. Беллем), но торговые интересы Хассан-бея толкали его на установление связей с русским командованием. Отсюда его отказ от участия в операциях против царских войск (будто бы из-за боязни скомпрометировать своих турецко-подданных родственников), а также и то, что он стал снабжать адлеровский гарнизон косами. Однажды толпа убыхов обвинила его в измене и отняла у него дорогую шашку, которую потом он выкупил за полторы тысячи пиастров. С тех пор политическая

⁵ Личное сообщение доцента Высших курсов прикладной зоологии и фитопатологии (в Ленинграде) Диде Сулеймана Омировича.

Рис. 4. Юный убыхский князь и его аталык. Рисунок Г. Гагарина

звезда Хассан-бея закатилась [13, s. 25, 31, 32, 45, 365, 366, 371, 396, 400, 402, 430, 431; 171, IX, с. 125; 108, XIII, с. 361–362].

Принимая во внимание, что окончание «н» в убыхском языке было показателем множественного числа, мы можем предположить, что Диде идентичны часто упоминавшейся фамилии Дечен (*Дэчэн*) [59, p. 155], то же: Дишан, Дезшен, Дешен). Одно из селений, возглавляемых этой фамилией, было по среднему течению Шахе. В 1826 г. Дечены нащупывали почву для переговоров с царским командованием о развитии русско-убыхской торговли, а в 1851 г. представители этой фамилии вели мирные переговоры в г. Керчь с адм. Серебряковым [6, VI, ч. 2, с. 492; 6, X, с. 687–688; 57, карта].

Верхним слоем убыхского общества была племенная знать, так называемые куашха (*к̄уашхьэ*) [148, с. 102; 49, IV, s. 135]. К XIX в. установился взгляд, уравнивавший куашха с черкесскими уорками. Тех и других прежняя русская литература именовала дворянами. Но если сравнивать их с черкесскими уорками, то в первую очередь — с уорками шапсугов, абдзахов и натхуаджей. Положение же уорков бжедугских, чемгуйских или кабардинских в значительной мере отличалось от общественного положения куашха уже по одному тому, что первые имели над собою некоторую власть более высокого сословия пши (называемых в литературе князьями), а вторые являлись высшей ступенью сословной лестницы. Само сравнение куашха с уорками шапсугов, абдзахов и натхуаджей также требует одной оговорки. Куашха, благодаря своему богатству и численности, пользовались в общественной жизни убыхов большим влиянием, чем уорки названных племен.

Куашха выделялись среди свободного населения знатностью своего происхождения и богатством. Они не имели никаких юридических прав ни на подчинение себе вагышей, ни на их имущество. Они были лишь старшими среди равных. Почета и уважения они могли достичь лишь за боевые доблести или за хадж (поломничество) в Мекку. Юридически вагыши были свободны от всяких повинностей в пользу куашха. Но существовал старый обычай трудовой взаимопомощи, который куашха в некоторых случаях старались превратить из добровольного и обоюдного в обязательный и односторонний. Но этого они так и не добились.

Куашха имели немало рабов и крепостных, но и многие вагыши их также имели. Так как зависимые категории убыхов представляли собою меньшинство населения, то мы не имеем права говорить о феодализме в Убыхии XIX в. Феодальные отношения были, но они господствовали лишь там, где выступал, с одной стороны, куашха или вагыш с другой — его крепостной. Но в целом убыхское общество в XIX в. находилось между патриархатом и феодализмом, в период укрепления территориальной

общины, феодализации племенной знати, в преддверии становления государства.

Мы не знаем точно всех фамилий, на которые делись куашха. Но бесспорно ими были: Аблагуо, Берзеки, Чиземогуа, Дзепш и Хамыш. Фамилия Хамыш возглавляла одноименное с нею общество в долине р. Хосты. Некоторые источники называют ее асадзуаской. Действительно, в числе псхувской племенной знати была также фамилия Хамыш. Из представителей убыхских Хамышей известен Зураб, возглавлявший свое общество в начале 1840-х годов. Он был сторонником сближения с русским правительством (как и его ближайшие соседи). В конце 1840-х годов он даже присягнул на подданство России, но когда в мае 1841 г. за это антирусская партия его арестовала, он снова отрекся от подданства [6, IX, с. 505; 173, с. 211; 152, с. 157].

Фамилия Дзепш (Дзиаш, Дзеуш, Заушелан, Дзиаша, Зефш, Дзейш, Zeuz, Джеша) известна как господствовавшая в Вордане. Из этой фамилии происходили несколько крупных военных и политических убыхских деятелей XIX в. Таким был в 1830-х годах Состангул (у Дж. Белля — Zeuz Tosna-kul), организовавший сбор средств на приобретение пороха и артиллерии. Когда в 1841 г. он был тяжело ранен в бою с войсками ген. Анрепа, то последний в своем рапорте замечает, что этот человек имел «после Хаджи-Берзека наиболее влияния и непримиримой вражды к русским» [6, IX, с. 518; 13, s. 378]. К сожалению, оценить его роль трудно из-за недостатка документов. Его современником был житель Вордане Осман Хуссейноко Дзепш, «один из самых достойных людей в этой стране». Он пользовался славой скромного, благоразумного и храброго человека, но в то же время не любящего безумства тех храбрецов, которые бесцельно подставляют свою грудь под пули. Его младший брат Ахмет погиб, будучи во главе одного из горских отрядов при взятии Субешха царскими войсками. «Осман — старший брат из этой храброй семьи, где из пяти братьев осталось лишь два». В 1839 г. Осман был одним из тех, кто первыми подали мысль о необходимости организованного взятия царских укреплений на побережье (что и было осуществлено в следующем году) [13, s. 687–689]. Третий выдающийся Дзепш — Исмаил-бей Баракай-ипа, долго прослужив в турецкой армии, возвратился в Убыхию и здесь, в последний период ее независимости, достиг очень большого влияния. Он имел большие связи с торговыми кругами и с рядом европейских дипломатов и политиков и являлся ярким сторонником антирусской партии. Исмаил-бей одно время (к началу 1864 г.) был в Убыхии самой популярной личностью. В Крымскую войну 1854–1855 гг. он раздобыл для убыхов артиллерию. В 1857 г. он совместно с Хаджи-Керендук Берзеком возглавлял ополчение. В конце 1850-х годов он был командирован в Константинополь для переговоров с турецким правительством

и дипломатическим корпусом о возможности европейского вмешательства в Кавказскую войну. Его письма на родину призывали убыхов, черкесов и асадзуа к продолжению войны. В 1862 г. он совершил поездку с той же целью в Англию и Францию. Возвратившись в Убыхию в конце 1863 г. он привез с собою иностранных эмиссаров (А. Фонвилля и др.), пушки и боеприпасы. Авторитет Исмаил-бея к этому времени вырос, и он столкнулся с признанным до этого руководителем убыхов, его собственным тестем, Хаджи-Керендук Берзеком. Скрытая борьба между Исмаил-беем и Хаджи-Керендуком привела к временному устранению от дел последнего. На долю Исмаил-бея выпала задача возглавить убыхов и малых шапсугов в борьбе с царской Россией (к этому времени ему было около 50 лет). Но решающее сражение у Гойтхского перевала (начало 1864 г.) он проиграл, и это было концом его славы. 21 марта 1864 г. он отплыл в Турцию. С ним же уехали и иностранцы. Дальнейшая судьба его нам неизвестна [160, с. 6; 6, XII, ч. 3, с. 790; 69, 1863 г., № 84; 57, № 11, с. 151–153; 57, № 12, с. 296–297, 312; 152, с. 171, 179].

Фамилия Чиземогуа (*Чызмогъуэ*), или Чизма, Чезми, проживала в долине р. Псахе, где существовали селения по именам двух старших братьев Ахмета и Мисоуста (1830-е годы). Кажется, именно эта фамилия вела свое происхождение от легендарного змееборца Магу (или Маго), за героический поступок которого пользовалась утвержденным за ней правом брать в свою пользу торговые пошлины в трех бухтах. В конце 1830-х и 1840-х годов особенной известностью пользовался Омар Чиземогуа, не раз возглавлявший убыхское ополчение. Третьего апреля 1845 г. он вывел народ на штурм Навагинского укрепления и чуть было не взял его, но был убит. Дж. Белль в 1839 г. говорит о нем как о молодом, энергичном человеке, посвятившем себя всецело борьбе за независимость горцев. В сражениях он всегда был всех впереди. Он постоянно находился вблизи Навагинского укрепления и при удобном случае наносил ему вред: портил огороды, подстерегал и захватывал в плен садовников и т.п. К концу 1840-х годов по причине, для нас неизвестной, разгорелась кровная месть между Чиземогуа и Берзеками, вылившаяся в кровопролитную межродовую войну. Так как после 1849 г. ни один из известных нам документов не упоминает больше Чиземогуа, мы склонны думать, что они или выселились в Турцию, или полностью капитулировали перед Берзеками. Во всяком случае, в Турции и сейчас имеется убыхское селение Чиземогуа-хабль [85, № 50; 6, X, с. 678; 168, с. 374; 59, р. 141; 13, с. 651, 695].

Огромную роль в истории убыхов и всего северо-западного Кавказа XIX в. сыграла фамилия Берзегов (Berzeg — в записи G. Dumezil'я) [59, р. 155]. Эта фамилия кроме убыхов известна еще среди абдзахов [139, с. 87] и бжедугов [73, № 29]. Убыхские Берзеки возглавляли верхних убых-

хов и общество Субешх. В конце 1830-х годов эта фамилия (род) состояла из 400 хозяйств, имевших отдельное имущество, в числе которого были от 5 до 20 крепостных (или рабских) семейств на каждое хозяйство. Приводя эти данные, Дж. Белль замечает, что так как мужчины-крепостные вооружены, то «каждый Берзек может послать на поле сражения 150 человек»; и далее: «этот род (Берзек. — Л.Л.) может выставить от двух до трех тысяч человек войска». Отсюда следует, что Берзеки представляли собою очень внушительную военную и экономическую силу. Политический вес их увеличивался еще более от заключенного ими оборонительного и наступательного союза с крупнейшим родом Чишхако долины Псезуапе (собственно Псышвы) [13, s. 450].

Эта фамилия выдвинула из своей среды ряд выдающихся деятелей. Прежде всего следует указать на Саат-Гирея Адагва-ипа, возглавлявшего убыхов в межплеменных войнах первой четверти XIX в. Он погиб в 1823 г. во время своего очередного набега на Абхазию [66].

После смерти Саат-Гирея в роли родового старейшины всех Берзек и военачальника всех убыхов выступил Хаджи-Исмаил Догомуко Берзек, житель долины Сочи. Влияние этого «высокого человека с красивыми, живыми серыми глазами» (Дж. Белль) заключалось в его несоразмерной возрасту кипучей энергии, в его храбрости, в его уме, в действовавшем на психологию горца сани хаджи и, наконец, в том, что он возглавлял собою сильнейший убыхский род. Дж. Белль в 1839 г. рисует его ревностным мусульманином, воздержанным в еде и не пьющим крепких напитков; с другой стороны, он вспыльчив и неустрашим. В своей молодости Хаджи-Догомуко участвовал во многих набегах на соседние народы, особенно на Мегрелию, которую он так изучил, что знал там названия почти всех селений. Но с 1827 г. он стал врагом межплеменной борьбы и деятельно включился в организацию союза общин и племен побережья. К концу 1839 г. ему удается объединить все общины между Туапсе и Гаграми в единый военный союз. Дж. Белль называет Хаджи-Догомуко «черкесским Вашингтоном». Впервые его имя попадает в официальные русские документы в 1826 г., когда он («Хаджи-Докум-оглу») пытался через Супаква вступить в переговоры с царским командованием. Кажется, в 1835 г. Хаджи-Догомуко получил тяжелые ранения при штурме Гагр, причем одною пулею ему прострелили грудь. Но уже в 1836 г. он предводительствует в набеге убыхов на башилбаевцев. В 1837 г. от лица Убыхии он ведет переговоры с полковником Розеном. В 1840 г. под его военным руководством убыхи и шапсуги добились большой победы: берут и уничтожают три побережных укрепления. В том же году он с 7000 убыхов совершает карательную экспедицию против асадзуаской знати и неудачный поход на Абхазию. В мае 1841 г. он ведет зондирующие переговоры с ген. Анрепом, которые, хотя и не привели его в лагерь сторон-

ников России, но вызвали бурю негодования в антирусской партии. Его даже арестовали, но немедленно освободили после дачи им слова организовать дальнейшую борьбу с царской Россией. Когда осенью 1841 г. по приказу Николая I выступила в землю убыхов карательная экспедиция (как ответ на разгром береговых укреплений в 1840 г.), то Хаджи-Догомуко поклялся, что если он пропустит Анрепа в Убыхию, то позволит надеть на себя женские шаровары. Он возглавил борьбу против этой экспедиции. В конце 1841 г. он участвует в переговорах с русским командованием в Сочи. Он ищет сближения с Россией, а когда из этого ничего реального не получилось, он отправляется на новое богомолье (хадж). Возвращаясь в 1846 г. из Мекки в Убыхию, Хаджи-Догомуко в пути умер, имея от роду почти 80 лет [13, с. 380, 392, 420, 432, 449, 450, 468, 660–662, 664, 671, 691; 6, VI, ч. 2, с. 492; 6, IX, с. 480–481; 143, II, с. 30; 170, с. 52, 69–73; 71, с. 228].

Из современников Хаджи-Догомуко особенно выделялся его племянник — Биарслан-Алхасоко Берзек. Ген. Раевский говорит о нем, что он «известный как происхождением, так и храбростью; то и другое дает ему важное влияние над соплеменниками». Когда в 1837 г. ген. Розен взял Адлер, то Биарслан явился к нему как парламентар убыхов и асадзуа. В 1838 г. он делает попытку подобрать охотников для набега на одно из покорных царской России горских обществ. Но это оказалось неосуществимым из-за неодобрения убыхами таких межплеменных набегов. Когда в 1839 г. ген. Раевский захватил Субешх, то опять в качестве убыхского парламентаря видим Биарслана. В 1840 г. при разгроме укреплений на побережье во главе убыхов стояли: Хаджи-Догомуко и Биарслан («Биасман»). 2 августа 1841 г. он во главе 30 горцев совершил атаку против 150 казаков (на правом берегу р. Лабы), но в этой атаке оказался смертельно раненым [13, с. 35, 449; 6, VIII, с. 874–875; 173, с. 232; 108, XIV, с. 382–383].

Следует указать на Джембулата Берзека в середине 1840-х годов, «прославившегося в горах своими смелыми наездами». Он проживал на р. Сочи в селении, носившем его имя. В январе 1846 г. Джембулат собрал под своим главенством большую партию убыхов и черкесов с целью вторжения в Абхазию и штурма укреплений Св. Духа и Пицунды. Но его план был сообщен русскому командованию, и предприятие ограничилось лишь разгромом одного из абхазских селений в верховьях р. Бзыбь. В феврале того же года он снова возглавляет убыхов в набеге на Абхазию. На этот раз ему удастся разорить ряд селений и взять большую добычу. Но на обратном пути его отряд был застигнут снежной бурей, в результате которой две трети погибло, а остальные возвратились обмороженными. «Этот злополучный поход, — пишет К., — был лебединой песнью

Джембулата Берзека; больше об нем ничего не было слышно ни по ту, ни по эту сторону Кубани» [71, с. 221–222, 226; 152, с. 167].

Из других соплеменников Хаджи-Догомуко следует упомянуть Хассана Берзека, убыхского парламентаря к ген. Розену в 1837 г. Возможно, этот же Хассан фигурирует у Дж. Белля как депутат на общегорское собрание в 1838 г. по поводу полученного турецкого фирмана. У Дж. Белля он назван Хуссейном Берзеком [6, VIII, с. 876–877; 13, с. 445].

После смерти Хаджи-Догомуко центральной фигурой рода Берзек и вообще всей Убыхии становится его племянник, житель долины р. Дагомыс, сын Хатажука, внук Мухаммеда — Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек. А. Фонвилль, познакомившийся с ним в конце 1863 г., замечает, что это «большой весельчак, человек лет 60 с длинной черной бородой и с пренеприятной физиономией. Он говорил вообще мало, но каждый раз, что мы на него смотрели, он считал нужным почему-то улыбаться; в его глазах было какое-то особенно зверское выражение. Его рекомендовали нам как воина, необычайная храбрость которого вошла в народную пословицу. Два широких рубца на лице его показывали, что он не раз бывал в схватках с русскими». Дж. Белль на 24 года раньше А. Фонвилля, когда Керендук, имея около 35 лет от роду, лишь только начинал свою военно-политическую карьеру, говорит следующее: «Он природой был

Рис. 5. Хаджи-Керендук — Догомуко Берзек — глава менджлиса 1861 г.
Фото из Адыгейского областного музея

предназначен для занятия таких ответственных и высоких постов, где требуется дарование». На народном собрании в Артыкуадже в 1839 г. Дж. Белль поразили две личности — Али-бий Артба и Керендук Берзек. «Если они останутся в живых, — говорит Дж. Белль, — то они должны возвыситься для управления делами этой страны, в особенности Керендук, энергичный характер которого уже прорвал те препятствия, которые стоят на пути молодых людей». В отношении Керендука слова Дж. Белля оказались пророческими. Он изображает этого человека красноречивым оратором, умеющим логично обосновать свою мысль и спокойно отвечать на возражения. Злые языки XIX в. распускали сплетню, будто бы карьера Керендука нача-

лась с того, что однажды у анапского коменданта он украл рыжего коня, перекрасил его в гнедого и продал прежнему хозяину, после чего снова украл того же коня, перекрасил его в карего и продал опять коменданту. Так поступил он три раза. Но эта сплетня попала в печать от не заслуживающего доверия какого-то «бывшего турецкого паши».

Его значение еще недостаточно оценено историками. Впервые его имя мы находим под 1838 г., когда он от лица убыхов вел переговоры с ген. Симборским о выдаче царским правительством трупов после боя при взятии Сочи. Это было время, когда Керендук был втянут в межродовую борьбу на почве кровной мести с какой-то «дворянской» фамилией, проживавшей на Сочи. Керендук (искренне или нет — мы не знаем) заявил даже Симборскому, что хочет совсем покинуть Убыхию и переселиться к владетелю Абхазии кн. М. Шервашидзе, в детстве воспитанному у Берзеков и являвшемуся свояком Керендука. Кажется, именно в это время Керендук предпринял хадж (богомолье в Мекку). Во всяком случае, в конце 1839 г. в одном из русских документов существует сообщение, что возвратился из Египта «мулла Декомук Гаджи», который «особенно выдавался мятежным духом». Этот Хаджи-Догомуко привез грамоту из Египта от Ибрагим-паши с призывом к борьбе против России и обещанием помощи. Мы думаем, что это сообщение не относится к старому Хаджи-Догомуко, уже достаточно известному русскому командованию, чтобы его просто именовать муллой. Характеристика, данная русским документом этому мулле, вполне могла относиться к неутомимому Керендуку. Кроме того, мы не знаем более ни одного другого выдающегося Догомуко. Прибавим к сказанному, что до этого года документы его не называют хаджи. Полонничество в Мекку и установление им связей с пашою Египта подняло авторитет Керендука. В начале 1841 г. мы видим его во главе большой партии убыхов, вторгнувшейся в Абхазию и напавшей на сел. Отхара и на Гагры. Участие Керендука в переговорах с ген. Анрепом в мае 1841 г. сразу пошатнуло его авторитет среди антирусской партии. Керендук пообещал генералу не допускать крупных убыхских сборов, могущих быть опасными для царской России. По этому поводу Анреп доносил: «Вообще Керендук показался мне человеком замечательным и могущим впоследствии быть для нас весьма полезным». Очевидно, после этого он и стал, по приказу Николая I, получать ту самую денежную «пенсию», которой был лишен в 1851 г.

Связь с Анрепом не осталась в секрете, и участники переговоров, в том числе и Хаджи-Керендук, были временно арестованы. Авторитет его пал, и само имя его исчезает из документов на целых 10 лет. В 1851 г., как сказано выше, он был лишен права на получение «пенсии» «за подозрительные действия». Очевидно, к этому периоду он меняет ориентацию и снова примыкает к сторонникам войны. В 1852 г. он опять во главе

двухтысячной партии убыхов и асадзуа вторгается в Абхазию. Но став в положение врага России, Хаджи-Керендук не имел в виду сражаться под знаменами мюридизма, проповедывавшегося Мухаммед-Эмином. Во-первых, заповеди этого учения (равенства всех перед аллахом) не соответствовали тенденциям куашха, стремившихся стать настоящими феодалами, во-вторых, Хаджи-Керендук не желал подчиниться Магомет-Эмину. В 1854 г. Хаджи-Керендук, подстрекаемый кн. М. Шервашидзе, громко агитирует среди убыхов против подчинения чужестранцу Магомет-Эмину. Крымская война 1854–1855 гг. застаёт Хаджи-Керендука в роли туркофила и врага России. С его помощью М. Шервашидзе ведёт тайные переговоры с турецким правительством. В 1857 г. он совместно с Исмаил-беем Дзепшем собирает большую партию убыхов. В 1858 г. он подписывает совместно с другими крупнейшими деятелями горцев Западного Кавказа петицию к Турции с просьбой о помощи против России. Причём его подпись поставлена второй (после Мухаммед-Эмина). Но помощь не была оказана, Восточный Кавказ с Шамилем, а потом и Мухаммед-Эмин сложили оружие, царские войска наступали, внутренняя борьба между куашха и вагышами все обострялась, — и вот в такой обстановке Хаджи-Керендук, чтобы спасти главенствующее положение куашха над массой, делает новую попытку договориться с царской Россией. В январе 1860 г. он и другие 300 человек убыхской и асадзуаской знати вступают в тайные переговоры с кутаисским ген.-губернатором кн. Эрстовым. В ответ на эти действия в Убыхии поднялась буря негодования вагышей против куашха. Хаджи-Керендук оправдывается тем, что хотел переговорами оттянуть время наступления царских войск. Но сам посылает к Эрстову извещение, что не может явиться на очередное свидание из-за «снегопадов». Авторитет Хаджи-Керендука снова падает и притом настолько, что он собрался даже переселиться в Турцию. Но когда на следующий 1861 г. снова всплыла идея объединения разрозненных племен Западного Кавказа, то Хаджи-Керендук, тонко почуяв возможную выгоду для куашха от такого объединения, резко меняет свою тактику. Он делается пламенным сторонником новой идеи, четко проводит линию борьбы с царской Россией, не идя на компромиссы. В горах закладываются камни государственности, и во главе этого процесса встает Хаджи-Керендук. В том же 1861 г. мы видим его главной фигурой «Великого и свободного собрания» (меджлиса) убыхов, шапсугов и абдзахов. Он возглавляет делегацию меджлиса к временно командующему войсками на Кавказе кн. Орбелиани с требованием прекратить войну между двумя государствами. Руководимый им меджлис обращается с письмом к английскому правительству с извещением о создании в горах государства и с ходатайством о вмешательстве в Кавказскую войну. 18 сентября 1861 г. он во главе делегации меджлиса держит речь перед Александром II, в которой настаивает на прекращении войны. В 1863 г.

обращается с воззваниями к абдзахам, в которых воодушевляет их на борьбу, предлагает убыхское гостеприимство семьям сражающихся абдзахов и настаивает на доведении до конца идеи объединения «в один народ». На рубеже 1863 и 1864 гг. борьба между вагышами и куашха приводит к новому ослаблению авторитета Хаджи-Керендука. Этому помогает появление популярного в тот момент Исмаил-бея Дзепша. Раскол убыхов на «партию войны», или «молодежь», и «партию мира» проник даже в семью Хаджи-Керендука. Его сын ведет тайные переговоры с ген. Гейманом. Хаджи-Керендук уезжает в Абхазию.

Прослышав о поражении на Гойтхе и о готовящемся сражении на р. Годликхе, он снова спешит домой, но запаздывает на один день. Все проиграно. Хаджи-Керендук приходит в бешенство. Подымает убыхов на новый решительный бой, но его уже никто не слушает. Убыхия пала. 24 марта 1864 г. он является к победителю ген. Гейману и просит об отсрочке выселения в Турцию. Ему отказывают. В конце марта 1864 г. переселяется с убыхами в Турцию и устраивается на жительство в местечке Мандра (вблизи Адрианополя). Кажется, вскоре после своего переселения он вторично совершает хадж в Геджас. В 1874 г. «произошел спор между ним и его рабами, которые требовали освобождения». Эти рабы жили в деревне Дегерминдиго. На ликвидацию возникших «беспорядков» турецкое правительство даже отправило войска, и движение рабов было подавлено. Но и Керендуку не повезло: правительство в том же году по причинам, для нас неясным, отправило его с сыновьями и рядом других лиц в ссылку на остров Родос. Но там он недолго пробыл. В это время вспыхнула русско-турецкая война, и правительство в поисках авторитетного лица, могущего возглавить переселившихся в Турцию горцев, невольно обратило внимание на сосланного Керендука. Его назначают командиром всего горского ополчения из поселившихся в Румелии, и на этой посту престарелый Керендук последний раз в своей жизни принимает участие в военных действиях. Его сын Ислам-бек был убит под Шипкой, а сам хаджи имел ранения. После оккупации русскими Румелии он переселился в г. Пандерма, где и прожил до самой смерти. По словам газеты *جراله* он умер в 1878 г., имея 110 лет от роду. Но мы имеем основание считать эту дату неправильной. Как сообщил автору этих строк И.А. Наврузов, некоторые черкесы видели Хаджи-Керендука в г. Пандерма еще в 1897 г. Кроме убитого под Шипкой были и другие сыновья у Хаджи-Керендука. Один из них, Мухаммед-Садук-бей, умер каймаканом (т.е. полковником) в Бек-базаре. Меньший сын умер в деревне Ени-кёй уезда Мабияс. Самый младший — Тауфик-паша — служил начальником уезда и умер в г. Истана⁶.

⁶ Кроме ссылок, указанных в дальнейшем тексте этой книги, см. еще: «Татары и черкесы в Турции» [142] и *جراله* [101]. Использованием последнего источника обязан И.А. Наврузову.

Из других Берзеков, современников Хаджи-Керендука, нужно указать на Эльбуза-Хапешуко (он же Эльбуз-бек-Хапакх), субешхского куашха. «Это был, — говорит А. Фонвилль, — небольшой человек с прелукавой миной и с рыжей бородой с проседью, одна нога у него была так сильно ранена, что он иначе и не ходил, как в сопровождении двух невольников». Первое упоминание об Эльбузе мы находим под 1842 г., когда он и другие субешхские Берзеки принесли присягу русскому царю, за что получили чин поручика, эполеты и «жалованье» по 200 руб. в год. Когда в 1864 г. Гейман занял Псезуапе, то Эльбуз явился к нему с изъявлением верноподданнических чувств и с просьбой дать трехмесячный срок для выселения в Турцию. Гейман отказал ему в сроке. Когда 18 марта убыхи дали последнее сражение Гейману, то Эльбуз немедленно поспешил поздравить последнего с победой и сообщить, что он, Эльбуз, не участвовал в сражении и готов выселиться в Турцию. Через два дня он сообщает Гейману о растерянности среди «партии войны». Последнее известие о нем гласит, что он был в числе представлявшихся вел. кн. Михаилу на Сочи в конце марта.

Другой Берзек из долины Шахе — Хаджи-Алим-Гирей-Бабуко Берзек вместе с Эльбузом просил Геймана о 3-месячном сроке выселения. Когда Эльбуз возвратился после этого домой, то Хаджи-Алим-Гирей добровольно остался при Геймане помогать последнему всеми возможными средствами в завоевании края. Оставшись, он заверял его в полной своей покорности и уговаривал генерала разрешить ему отправку части своего имущества для продажи в кубанские станицы, а другую часть — беспрепятственно вывезти к морю для погрузки в Турцию. После аудиенции (с Хаджи-Керендуком, Эльбузом и другими) у вел. кн. Михаила, очевидно, выехал в Турцию.

К этой же группе Берзеков — сторонников капитуляции перед царской Россией — относились присягавшие и награжденные вместе с Эльбузом в 1842 г. куашха долины р. Шахе: Шеулехуко-Амщук, Шеулехуко-Эдик и Шеуеюко-Мату. Сюда же нужно отнести племянника Хаджи-Керендука — Кучук-Хаджи-Мехмеда («меньшой Хаджи-Берзек»). В 1860 г. он по поручению своего дяди извещает кн. Эристова о том, что дядя из-за «снегопадов» не может явиться на очередные переговоры. В 1857 г. он тайно приезжает в Сухум к Дм. Шервашидзе и кн. Гагарину с обещанием «служить усердно нашему правительству». В начале июня 1857 г. его имущество подверглось разорению антирусской партией, когда последняя узнала о его переговорах.

Особое место в убыхском обществе занимала фамилия Аблагуо (Облагу, Аубла, Аублы), которая считалась не куашха, а «ахы». Последним термином убыхи называли высшую горскую знать (абхазских «ах», черкесских «пши»); этот термин старая русская литература обычно перево-

дила словом «князь». Из представителей этой фамилии мы знаем лишь одного Али-Ахмета, который в 1830-х годах был крупнейшей фигурой среди племенной знати Убыхии и Асадзуа. По словам Дж. Белля, это был старик (1838 г.), любивший хорошо поесть. Ф.Ф. Торнау называет его «ревностным мусульманином и покровителем турок», но первая часть этой характеристики противоречит сообщению хорошо осведомленного Дж. Белля, который рассказывает, что когда в 1838 г. произошел на Сочи большой спор из-за удаления трех крестов, которым до того поклонялись, то «подозреваемый в язычестве» Али-Ахмет своим протестом отстоял сохранность этих крестов. Требуется уточнение и для второй части характеристики Али-Ахмета у Ф.Ф. Торнау. Этот ахы являлся покровителем не столько турок, сколько торговли с турками, от которой имел несомненную выгоду. Турецкие купцы держали у него постоянный склад товаров. Само же туркофильство, как показывает поведение Али-Ахмета в 1840-х годах, было очень неустойчивым. В 1838 г., когда ген. Симборский высадился в непосредственной близости от дома Али-Ахмета на Сочи и стал строить укрепление, то Али-Ахмет обратился к нему с просьбой пожалеть усадьбы и сады, обменяться пленными и подобрать трупы. С момента возникновения укрепления Навагинского торговля Али-Ахмета пала, и сам он стал быстро терять прежнее свое значение в крае. В 1841 г. он и Зураб Хамыш приняли присягу на подданство царю, за что были арестованы и освобождены лишь после отречения от присяги. Но, пойдя на отречение, Али-Ахмет тайно сообщает полк. Муравьеву, что при первой возможности присоединится к русским войскам. В январе 1846 г. мы видим его в числе открывших русскому командованию план похода на Абхазию и укрепления Св. Духа и Пицунду. После 1846 г. нам не приходилось встречать каких-либо сообщений об Али-Ахмете. Очевидно, вскоре после политической смерти когда-то могущественного ахы наступила и смерть физическая. Али-Ахмет Аблагуо был богат. В 1838 г. у него было не менее 52 домашних рабов («слуг» — сказано у Дж. Белля). Его «владения простирались между устьями р. Мица (Мацеста. — Л.Л.), Сочи и Псаха и состояли из 700 дворов». Что фамилия Аблагуо представляла собою качественно иную категорию по сравнению с куашха, видно хотя бы из того, что какую-то степень власти Али-Ахмет имел над жившими на его территории мелкими куашха. Так, под 1858 г. упоминаются какие-то «сочинские дворяне — Хотха Самп и Куше Шехурха», выкравшие за деньги у убыхов пушку и мортиру. Очевидно, таких имел в виду Ф.Ф. Торнау, когда рассказывал, как Али-Ахмет приказал провожать своих гостей четверем «убыхским дворянам» из своей «свиты». Думаем, что не будет ошибкой, если мы предположим наличие признаков вассалитета на Сочи в начале XIX в. Аблагуо, очевидно, были одним из абхазских (асадзуаских) родов, завладевших частью убыхско-

го побережья в процессе абхазской миграции на северо-запад; недаром Ф.Ф. Торнау называет Али-Ахмета и его общество абхазами.

Военное искусство

Общественному устройству убыхов соответствовала и военная организация их. «У убыхов право воевать <...> принадлежит всякому свободному человеку. Никто не вправе запретить отдельному члену общества отправиться на войну, хотя бы народ, против которого отправляются воевать <...> и не находился во враждебных отношениях с убыхами» [136, май, с. 311]. Приводимые в литературе факты говорят об избрании военачальников. Причем «происхождение тут (при избрании. — Л.Л.) не имеет никакого влияния». Главными же критериями при отборе кандидатов являлись: мужество, сила, выносливость и боевые заслуги [66]. Но кроме избрания предводителя, очень часто сам, желающий предводительствовать, собирал себе партию для похода [136, май, с. 311]. «Воины каждой деревни или околотка составляют особое отделение, которое называется отдельным огнем по имени деревни или околотка. В таком отделении бывает от 10 до 100 человек, и оно имеет своего старшину или начальника, который делает наряды и ведет очередь, кому из воинов следует идти на стражу и т.п. <...> В каждом отделении назначаются кашевары и дровосеки <...> Они несут на себе котлы, в коих варится пища; дровосеки обязаны <...> заготавливать дрова, строить шалаши, расчищать под них места, занесенные снегом, а также расчищать... встречающиеся снежные обвалы и другие препятствия; для этого они должны иметь топоры и лопаты <...> При экстренных случаях <...> работают все без исключения. Собственной прислуги иметь никому не позволено, но <...> уважение к людям пожилых лет заставляет молодых прислуживать старикам, хотя бы те были гораздо ниже их происхождением <...> Все одного огня едят вместе и для того кашевары принимают ежедневно по равной части провизию от каждого для приготовления пищи» [66]. Таким образом, в основе этой военной организации лежала сельская или родовая община.

К убыхской тактике мы не можем подойти с точки зрения общепринятых для современного боя положений. Так, традиционное деление боев на наступательный, встречный и оборонительный мало применимо к войнам, которые велись убыхами. Собранный нами материал не позволяет говорить о том, что убыхи когда-либо вели наступление в современном смысле этого слова. Вместо него практиковались молниеносные набеги, без ставки на захват территории, без закрепления на захваченных позициях. Набег в самом своем начале мыслился с последующим отходом. Даже захват убыхами укреплений в 1840 г. не повлек за собою закрепления их в этих пунктах. Они были взяты, уничтожены и броше-

ны. Эта тактика была закономерной в условиях той примитивной дофедальной общественной организации, которую имели убыхи.

Набеги их были неожиданны и стремительны. Можно сказать, что убыхи были мастерами набега и явно отдавали ему предпочтение среди других видов боя. В нападениях на ближайших соседей сближение не представляло собою больших трудностей, так как в условиях резко пересеченной местности наступление почти начиналось с накопления в ближайшей от противника лошине или лесу. Но при походах в дальние районы и первый этап — сближение — требовал дисциплины марша, походного охранения, организации снабжения и проч.

До нас дошло очень подробное описание зимних убыхских походов на Абхазию. Это описание было составлено абхазским аамыста Соломоном Званбаем. Он говорит, что военачальник партии назначает место для сбора; обычно такое место лежит в расстоянии не более одного перехода от последнего убыхского селения, лежащего на пути движения. На сбор партии от 80 до 3000 чел. требовалось около двух недель. У прибывающих военачальник осматривал одежду и провизию. Каждый обязан был иметь: бурку, башлык, полушубок, две-три пары обуви из сыромятной воловьей кожи, две-три пары теплых (из войлока или сукна) носков и лыжи. Каждый обязан был принести с собою провизию на целый месяц (пшено для пасты, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль, варенное на меду тесто). Каждый, за исключением военачальника, нес свое имущество и провизию на себе. Если военачальник находил, что кто-либо явился с меньшим, чем это нужно, количеством провизии или одежды, то изгонял из партии «самым постыдным образом». Когда партия была уже в сборе, то устраивалась проверка (счет). Для этого проходили все под поднятой двумя человеками палкой, в то время как военачальник считал. Иногда вместо такого способа подсчета каждый начальник отдельного огня приносил главному военачальнику столько камушков или кукурузин, сколько было воинов в огне. После проверки назначались головное и тыловое охранения, и на другой день партия выступала в поход. Двигаясь на Абхазию, убыхи, в целях засекречивания марша, пробирались до Главного хребта, и до самой Абхазии их путь лежал по снегам этого хребта. Партия двигалась колонною по два человека в ряду, плотно, пара за парой, причем уход со своего места не разрешался. Если выпадал обильный свежий снег, то в таком случае пять-шесть рядов правого фланга надевали лыжи и протаптывали тропинку для остальной партии. Переходы совершались от одного места ночлега до другого; дневок не делали во избежание неожиданной непогоды. Если с утра погода не предвещала быть хорошей, то партия оставалась на месте ночлега несколько дней, а то и недель, пока снова не наступали ясные и морозные дни. Места ночлегов определялись заранее еще до выступления партии в поход. Обычно

для этого выбирали наиболее неприступные места с наличием леса или кустарника, нужного для разведения костров. Там устраивались четырехугольные шалаши, приспособленные для быстрого выскакивания по тревоге.

На всем пути следования партии ее безопасность обеспечивалась назначаемым военачальником походным охранением. Головное охранение и тыловое следовали на расстоянии полкилометра и более от ядра. Группа, составлявшая головное охранение, высылала от себя трех-четыре дозорных, в число которых назначались лица, хорошо знающие местность. Дозорные, разойдясь по обе стороны дороги, по которой следовала партия, осматривали ущелья и леса. В случае предполагавшейся опасности военачальник следовал в головном охранении; в остальных случаях — при ядре. При прибытии партии к месту ночлега головное и тыловое охранения разделялись на ряд пикетов и занимали ими все главные подступы или командующие над подступами точки. Пока шло размещение партии, пикеты оставались на своих местах. Когда зажигались огни, походное охранение отпускалось на ночлег, их место занимал специально на каждый раз назначавшийся наряд караулов. Если ночь не морозная, то часовые несли наряд бессменно, а в противном случае назначались две-три смены.

В таком порядке двигалась партия убухов до самого спуска в абхазские ущелья. Продвижение было очень медленным (три-пять недель). Не доходя до места, выбранного целью набега, на расстоянии одного усиленного перехода устраивался последний привал. Так как убухи делали свои набеги обычно ночью, перед рассветом, то поэтому, если партия пребывала к последнему месту привала под вечер, она не оставалась на ночлег, а ограничивалась лишь коротким отдыхом. Перед самой атакой военачальник делил партию на три части, из которых одну часть, состоявшую из стариков, неопытной молодежи, кашеваров и дровосеков, определял резервом. Начальство над ним возлагалось на одного из опытных воинов. При резерве же оставляли все лишние тяжести. Остальные две трети партии (из самых отборных) в свою очередь делили на три части: авангард, ядро и арьергард. Задачей авангарда являлось на бегу обогнуть селение с двух сторон и запереть выход из него густой цепью. Ядро врывается в селение, группы от 4-х и более человек стремительно бросались в дома, вязали пленных и захватывали все, что было ценного. Арьергард, прикрывая ядро со стороны сделанного убухами нападения, также образовывал собою цепь, замыкавшую противнику выход из селения. Убухи, совершив набег, недолго оставались в селении. Через пол или три четверти часа, по данному военачальником сигналу, начинался отход. Бывший авангард делался арьергардом и должен был прикрывать собою захваченную ядром добычу. Бывший арьергард превращался в авангард,

двигающийся компактной массой, а часть его рассыпалась по сторонам ядра, образуя собою боковое охранение. Выход из боя совершался так же поспешно, как и штурм.

Достигнув безопасного места, военачальник объявлял короткий привал, во время которого пленных снабжали необходимой одеждой. «Каждый из убыхов дает им что-нибудь из своей одежды. Вообще они с пленными своими обращаются очень человеколюбиво. Бывали примеры, что партия, застигнутая вьюгою и метелью <...> многие отмораживали себе ноги, но одежду, выданную пленным, назад не отбирали». Дойдя до последнего места ночлега, воины занимали свои шалаши, народный лекарь осматривал раненых и оказывал ту или иную полузнахарскую-полумедицинскую помощь, а военачальник назначал людей нести носилки с трупами убитых и ранеными. «От этой обязанности никто не увиливает, напротив считают для себя священным долгом». Следует заметить, что считалось позорным для убыхов оставление тела убитого в руках врага. На ночлеге пленных женщин помещали в особом месте под присмотром старика, в помощь которому назначался караул. На следующий день партия выступала в том же порядке, как и при движении в набег. Остановки устраивались в старых местах. Добравшись до первого сборного места, один из стариков произносил благодарственную молитву за удачный набег. Здесь же происходил и дележ добычи, причем читавшему молитву выдавалась одна из лучших вещей. Военачальнику предоставлялось право выбора любого пленного и по одной штуке каждой вещи. Оставшиеся вещи и пленные делились на равные части между всеми участниками похода, исключая кашеваров и дровосеков. На каждого убитого или попавшего в плен к неприятелю определялась в пользу его родственников двойная доля. Оставшаяся после дележа часть добычи назначалась на поминки по убитым и на выкуп пленных. Так как при дележе обычно один пленный приходился на несколько участников похода, то его отдавали в рабство сразу нескольким лицам, которые после продажи этого раба делили выручку между собою. После окончания дележа добычи расходились по селениям с победными песнями и стрельбой [66].

Приведенное описание С. Званбая зимних походов убыхов на Абхазию есть и в записках Скорятина, который почти слово в слово повторяет С. Званбая, хотя указывает своим источником не его, а устное сообщение офицера, прослужившего 10 лет на Кавказе [136, май, с. 311–313].

Кроме массовых походов на соседние племена, убыхи совершали также набеги малыми группами в 5–6 человек. Такая группа, по словам Сталя, врвалась ночью в селения верхних абдзахов и махошей, бревном выбивала двери домов, связывала сонных, резала сопротивляющихся и, пока разбуженное селение успевало собраться для отпора, бесследно скрывалась с пленными и захваченными вещами. Такие партии черке-

сы, по словам Сталя, называли «унару», т.е. разрушителями домов [139, с. 96].

Убыхи, отличавшиеся стойкостью и дисциплинированностью в бою, имели явное преимущество над противником при столкновении в открытом поле. Например, абхазы, по словам того же С. Званбая, отличаясь меткостью своего огня и, обычно выходя победителями убыхов в боях на пересеченной местности, где большую роль играли личные качества отдельных воинов, в то же время не могли защищаться против сплоченной массы убыхов на открытой местности [66].

Набеги совершались как в конном строю, так и в пешем (как описанные выше зимние набеги на Абхазию). Иногда совместно действовали пешие массы и конные. Если один из недавно писавших авторов указывает, что убыхи, будто бы считали для себя оскорбительным сражаться в пешем строю и воевали исключительно верхом на лошади [11, с. 39], то такое утверждение является просто голословным, легко разбиваемым массой исторических фактов.

Кроме военных экспедиций на суше, убыхи устраивали таковые и на море. Целью их являлся также захват рабов и имущества. Еще Страбон в начале нашей эры. Зарегистрировал на побережье Кавказа пиратские экспедиции туземцев [90, т. I, ч. 1, с. 133–134]. Они продолжались до того момента, когда Россия установила в прошлом столетии систематическое крейсерование сторожевых судов вдоль побережья Кавказа. В начале XIX в. они были очень часты. По словам Дюбуа, байдаки, на которых приморские черкесы и убыхи выезжали в морские экспедиции, были очень узкие и длинные (около 17 м) и без мачт. В каждом таком байдаке помещалось от 40 до 60 человек, из которых две трети выполняли роль гребцов. Байдаки были быстроходны и легки. Плавание совершалось только вдоль берега, без выхода в открытое море. Байдаки нападали на купеческие кочермы. На них же устраивались набеги на соседние племена. Подойдя незаметно к неприятельскому берегу, убыхи (и черкесы) выносили на плечах байдак из воды, прятали его среди леса, а сами отправлялись в набег [58, р. 191–192; 121, с. 31; 113; 143, ч. I, с. 67; 13, с. 400–401]

Оборонительный бой убыхов заключался в том, что создавались заранее (если позволяло время) искусственные укрытия из кучи сложенных бревен, камня или двух параллельных плетней, пространство между которыми засыпалось камнями и землей. Иногда эти «завалы» дополнялись окопами. Часто устраивали две линии таких завалов на случай потери одной из них. Завалы маскировались рельефом местности и зарослями леса и кустарника. Иногда, как это видел Ф.Ф. Торнау у сочинцев, завал устраивался «с фланкирующей его деревянной башней» [143, II, с. 48]. В ожидании противника партия убыхов собиралась недалеко от своей

укрепленной позиции. На завалах же оставались пикеты, которые, в случае тревоги, выстрелом поднимали партию. Убыхи, укрывшись за завалами и подпустив противника на расстояние действительного ружейного огня, давали несколько залпов. За залпами обычно следовала вылазка. Так как убыхи предпочитали стремительные лобовые удары, предпочитали всякий бой свести к рукопашной схватке холодным оружием, то и здесь, в оборонительном бою, широко прибегали к контратакам.

Находясь в основном в лучших материальных условиях, чем другие горские племена Западного Кавказа, убыхи были и вооружены лучше последних. Большинство имело шашки и ружья. Кинжал, пистолет (а то и два пистолета) имелись у каждого [137, № 9, с. 177]. Еще в XIX в. некоторые по старинке ходили вооруженными луком и стрелой. Так, к числу последних принадлежал Хассан-бей Диде [13, с. 31].

Убыхи, выработав свою тактику в условиях межродовых и межплеменных столкновений, имевших целью захват пленных (для работорговли и домашнего рабства), захват скота и другого имущества, в XIX в. оказались лицом к лицу с крепостнической Россией. Начиналась колониальная война, целью которой противник ставил не захват рабов, а покорение или искоренение. Убыхи, для которых эта война оказалась борьбой за независимость, вступили в нее со своим старым оружием и старой тактикой. В процессе войны изменилось и то, и другое.

Познакомившись с действием русской артиллерии, с траекторией гаубичных ядер, они стали в бою подходить почти вплотную к русской линии и тем до некоторой степени обезвреживать себя от артиллерийского огня. Убыхи в борьбе с незнакомыми до того фортификационными укреплениями научились побеждать врага и в таких условиях. Для взятия укреплений научились применять лестницы и крючки. Захватывая в числе трофеев и получая из-за границы артиллерию, убыхи делали заметные успехи и в использовании ее для обстрела русских береговых укреплений. Большую роль в ознакомлении убыхов с новой для них военной техникой играли иностранцы и русские беглецы от крепостных порядков. Они устраивали артиллерийские позиции, учили артиллерийской стрельбе, делали топографические съемки избранных для штурма укреплений и даже вводили особое импровизированное оружие — палку с крючком на одном конце и косою — на другом и пр. Качественно иная война влекла за собою иную технику и иную тактику.

Как известно, в обществе, живущем в условиях родового строя или только вышедшем из него, одним из основных качеств членов такого общества является высокая смелость⁷. Мы целиком присоединяемся к мнению А. Фадеева, что «именно в социальной специфике убыхского

⁷ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. XVI. Ч. 1. М., Партиздат, 1937. С. 77.

общества, а не в “национальном характере” убыхов, лежат причины их упорства, стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом» [152, с. 146]. А храбрость убыхов была изумительна. Примеры ее не раз будут приведены ниже. Здесь мы ограничимся некоторыми замечаниями отдельных авторов. Так, иногда убыхов скромно называли «очень энергичным» племенем [63, s. 342]. Иногда же дело доходило до опоэтизирования, например: «Гордое и мужественное, здоровое и крепкое племя» [3, № 70], или «В нашей кавказской армии убыхи считаются храбрейшими из горских племен; их очень уважают за неустрашимость и непоколебимое мужество <...> Против убыхов нельзя делать шуточных экспедиций <...> с ними шутки плохи. Это львы в драке <...> Убыхов называют рыцарями гор» [136, май, с. 310–311]. И таких характеристик в кавказоведческой литературе можно найти очень много.

Язык и идеология

Если убыхи своим социальным строем и материальной культурой мало отличались от своих иноплеменных соседей, то в лингвистическом отношении это отличие было ярко выраженным. Убыхи говорили на особом языке, и это является основной причиной считать их отдельной народностью. По известной классификации акад. Н.Я. Марра, этот язык относится к «понтийской приморской двухбассейной ветви» спирантной ветки яфетической системы [103, с. 19]. В эту же группу входят еще два адыгейских (нижне-черкесский, или кяхский, и кабардинский), абазинский и абхазский языки. Причем язык убыхский занимает среднее место между адыгейскими, с одной стороны, и абазинским и абхазским — с другой. В фонетическом отношении он стоит ближе к двум последним, чем к адыгейским [50, s. 415].

О фонетических трудностях, встречающихся при знакомстве иноземцев с этим языком, сами убыхи рассказывали А. Дирру сказку, как послал один шах ученого человека изучать все языки мира и как через пять лет этот ученый продемонстрировал перед шахом свое знание разнообразных языков. Шах спросил: «Что у тебя лежит за плечами в мешке?» Ученый потряс этим мешком, и там застучали камни. «Что это такое?» — спросил шах. «Это, — следовал ему ответ, — убыхский язык» [49, 4, s. 110–111]⁸.

Как бы то ни было, но теперь, после работ П. Услара, А. Дирра и Ж. Дюмезиля, мы можем с полным правом утверждать, что убыхский язык по своей фонетике и грамматике относится к яфетической системе языков. Все предположения о том, что убыхский язык является остатком аланского или древнееврейского, оказались неосновательными.

⁸ Подобные же легенды существуют и в среде соседей убыхов — черкесов и абхазов.

Мы не будем излагать фонетики и грамматики убыхского языка и отсылаем всех интересующихся ими к специальным исследованиям вышеназванных авторов. Мы отметим лишь один любопытный факт: в первых по времени записях убыхского языка, сделанных в XVII в., вскрывается оригинальная система построения числительных. Если в XIX и XX вв. в убыхских числах второго десятка единицы идут за десятками, то в XVII в., оказывается, было наоборот [22, с. 21]. Это тем более странно, что ни в абхазском (с абазинским), ни в черкесском (с кабардинским) такого явления не зарегистрировано [18, с. 109–116].

Убыхский язык уже в XIX в. переживал глубокое разложение. Население было по меньшей мере двуязычным, причем родной язык лучше сохранялся в горах и значительно хуже — на побережье, где сильнее действовали влияния асадзуа, шапсугов, натхуаджей и турок. По сообщению Л. Люлье (1846), убыхский язык бытовал лишь в среде рядовых общинников (и то, как видно, не среди всех), в то время как местная племенная знать больше пользовалась черкесским языком, а живущие поблизости асадзуа — абхазским [97, с. V]. Л. Люлье также прямо говорит, что убыхский язык со временем может совсем исчезнуть [97, с. V; 95, с. 15]. Ф.Ф. Торнау не мог познакомиться с убыхским языком по той причине, что те убыхи, с которыми ему приходилось встречаться, употребляли черкесский язык [143, ч. I, с. 116]. Автор статьи «Горские племена, живущие за Кубанью» также замечает, что убыхи ассимилировались с соседями, приняли черкесский язык, который употребляют чаще, чем свой, причем население округа Сочи он считает смесью абхазов, убыхов и черкесов.

Сложный процесс этнического скрещивания, распада убыхской общности и вытеснения своего языка языком соседей замечался целым рядом авторов. Например, по словам Дж. Белля, границы прибрежных племен смешаны [13, с. 370]. Тот же Ф.Ф. Торнау, считая население округа Сочи преимущественно абхазским, в то же время находит нужным заметить, что там проживали «отчасти» черкесы и убыхи; в округе же Вордане, по его сведениям, население убыхско-шапсугское [143, ч. I, с. 115]. Мы имеем ряд свидетельств о том, что прибрежная полоса, особенно округ Вордане, как и прибрежная полоса всей Малой Шапсугии, имела значительный процент натхуаджского населения.

Неудивительно, что язык маленького народа в таких условиях претерпевал значительное разложение. По словам соседивших с убыхами хакучей, убыхи, владея и черкесским языком и своим, больше пользовались первым, а второй употребляли в тех случаях, когда хотели законспирировать свой разговор от присутствующих черкесов [8, с. 142]. П. Услар, констатируя факт разложения убыхского языка в XIX в., писал: «Убыхский лексикон включает в себе множество слов адыгских и абхазских,

слегка лишь переименованных, и в этот разряд иноязычных слов входят названия для самых обыкновенных понятий, например: человек, женщина, лошадь и т.п.» [148, с. 82].

Но, несмотря на отмирание языка еще в XIX в., в 1913 г. А. Дирру удалось сделать в Турции записи убыхских текстов, а в 1930 г. дополнил их Ж. Дюмезиль. Правда, оказалось, что современное убыхское население (в Турции) уже трехязычно: говорит по-турецки, по-черкесски и по-убыхски [49, 4, с. 67].

После всего сказанного не приходится удивляться той огромной путанице с определением границ Убыхии и этнической принадлежности ее населения, которая существовала в литературе и, как оказалось, в памяти соседних с убыхами стариков Шапсугии [86, с. 130–131].

Очевидно, мы не ошибемся, если скажем, что само трафаретное деление убыхов на три части или округа (Сочи или Саше, Вордане и собственно Убых) не имеет в себе другого смысла, кроме деления Убыхии (в первую очередь ее племенной знати) на три различно политически и культурно ориентирующиеся группы: на Сочи господствует абхазо-асадузская, на Вордане — шапсуго-натхуаджская и в Убыхе (Верхней Убыхии) — более самобытная. Другого значения деление края на три части не имело. Ни административно, ни этнически это деление не существовало.

В XIX в. разлагались не только убыхский язык, но и старые религиозные верования. Официально убыхи этого века были уже мухамеданского вероисповедания, сунитского толка. Благодаря своим довольно широким связям с Турцией, они глубже восприняли ислам, чем это было среди асадуз или шапсугов. Дж. Белль говорит, что в окрестностях Анапы и на Кубани преобладает ислам, от Геленджика до Псезуапе сильны следы христианства, под которое он подгоняет древние туземные верования. «От Вая (Псезуапе. — Л.Л.) до Сочи, где процветает турецкая торговля, опять преобладает магометанство. Все же старая привычка пить вино среди большей части жителей этой области укоренилась <...> Южнее Сочи опять встречаются следы христианства; в то же время внутри горной местности многие живут, кажется, безо всякой религии» [13, с. 356; ср. 89, I, с. 93].

Что на берегу моря глубже внедрился ислам, чем это было в горной полосе, можно заключить и из замечания Ф.Ф. Торнау об общине Сочи (Саше), где он побывал в качестве гостя у «князя Облагу» (т.е. Аблагу): «Влияние турок у него в доме и на жителей селения было весьма заметно: намаз творился правильно в урочные часы, и к молитве призывал мулла, голос которого весьма редко раздается у абазин (т.е. асадуз. — Л.Л.), а в Медовее (т.е. Мдажвюе, где он перед этим был. — Л.Л.) никогда не слышен» [143, ч. II, с. 50].

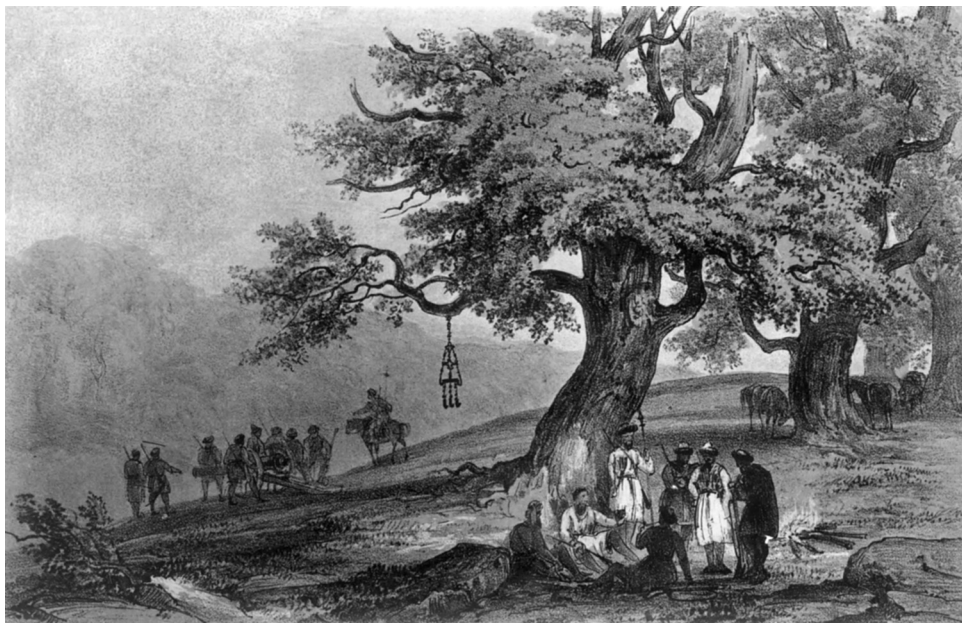

Рис. 6. Священные дубы у селения Сочи в 1830-х годах

По преданию, записанному Ж. Дюмезилем от убыхов в Турции, до внедрения ислама на северо-западном Кавказе убыхи и черкесы были язычниками. Само принятие новой веры произошло будто бы в результате того, что появился какой-то чудесный всадник, хаджирет — Али, который угрожал уничтожением всех горцев немусульманского вероисповедания. Всадник тот мог скакать по поверхности озера, а его лошадь обладала даром человеческой речи. Обращение горцев в ислам было делом этого всадника, передавшего основные догмы аль-корана. Характерно, что убыхское предание не сохранило в своей памяти даже тени сопротивления новой религии [59, р. 148–152].

Но и в XIX в. часть населения даже официально еще не была мухамеданами, не говоря уже о большинстве бывших мухамеданами лишь по имени. Древние культы Западного Кавказа были, если не так живучи, как, например, у соседних гуае, то все же и не настолько бледны, чтобы о них можно было промолчать. И недаром Л. Люлье подчеркивал, что «жители морского побережья представляли до сих пор редкий пример постоянства в своих обычаях и привязанности к прежним поверьям и обычаям. Но с некоторого времени стало превозмогать между ними магометанство, которое давно исповедуется дворянством» [94, с. 32]. Серебряков в 1852 г. писал: «Черкесы и убыхи называют себя все мусульманами, за исключением небольших обществ в горах, преданных язычеству <...> но, называясь мусульманами, они мало знакомы с догматами этой

веры <...> от язычества остались у них: поклонение священным рощам, жертвоприношения и некоторые празднества» [6, т. X, с. 234; ср. с. 233].

Домусульманские верования убухов нам очень плохо известны. Мы знаем лишь обрывки магических запретов и действий и несколько сообщений о бытовавших в сознании народа божествах.

Когда в походе какой-либо воин тайком от других съедал свой запас продовольствия, это считалось предзнаменованием военной неудачи. По возвращении с удачного набега, прежде чем приступить к дележу добычи, один из старых воинов громко читал импровизированную благодарственную молитву вроде следующей: «Боже великий! Благодарим тебя за дарованную нам победу и за хорошую добычу, и вперед просим твоего покровительства» и пр. Когда нужно было сообщить кому-либо, что его родственник взят в плен или погиб в походе, то не полагалось произносить слово «убит» или «пленен». Вместо этого один из воинов, приблизившись к соответствующему дому, становился на высоком месте и, вызвав кого-либо из дома, спрашивал «Вернулся ли такой-то?». Эти слова не требовали ответа, а были лишь формой сообщения о гибели или пленении [66]. У постели раненых или больных с переломами костей обычно устраивались танцы и пение [13, с. 388–389], которые своим шумом и произносимыми магическими терминами и формулами должны были отогнать злых духов, по мнению убухов, мучивших больного. Покойников своих убухи хоронили неглубоко в земле и на могилах накладывали камни [115, № 12, с. 346] (как и в других районах горного Кавказа). Но нам известны факты XVII в., которые говорят о наличии в свое время погребений на деревьях. Гроб с покойником помещался наверху высокого дерева, причем в гробу над лицом оставлялось отверстие для того, чтобы, как говорили жители, покойник мог видеть небо [22, с. 18]. Похороны на деревьях в начале нашей эры были широко распространены по всему Западному Кавказу.

Помещение покойника на дереве может быть объяснено тем, что сами деревья считались священными. Культ дерева известен у многих народов Кавказа; он же существовал и у убухов. Когда царские войска в 1839 г. высаживали десант в устье р. Шахе, то убухи оказали упорное сопротивление не только потому, что этот десант был одним из шагов к уничтожению убухской независимости, но еще и потому, что на месте высадки находился священный лес. Когда царские корабли прибыли к берегу, им представилась такая картина: горцы стояли на коленях перед вековыми деревьями и молились. И любопытно, что в этом молении участвовали муллы. Другое такое место со священными деревьями находилось на горе у устья р. Сочи, которое было зарисовано Дж. Беллем и воспроизводится у нас на рис. 6. У дерева, по словам Дж. Белля, были могилы, а на одном из дубов висел железный крест и различные жертвенные вещи-

цы, разрушающиеся от времени. Судя по рисунку, к кресту прикреплены железные крючья, служившие, по всей вероятности, для подвешивания приношений (возможно, и мяса). В 1838 г., когда Дж. Белль осматривал священное место, уже никто не приносил жертв, но еще незадолго перед этим их приносили. Почитание священного места и крестов еще было значительно распространено, и, в частности, их очень чтит Али-Ахмет Аблагуо [13, с. 395, 424].

В среде убыхов когда-то в старину существовал культ змеборца Магу, известный соседним шапсугам, а также на самом юге Закавказья, и (в форме солнечного божества) ингушам [86, с. 134]. О существовании этого культа в среде убыхов говорит легенда, которую читатель найдет ниже. Здесь же следует лишь заметить, что Магу считался предком одной из фамилий (кажется, Чизе-Могуа или, быть может, правильное — Чизе-Маго?); кроме того, интересно, что местом пережиточного культа Магу являлось устье р. Шахе, к которому был приурочен и культ скотоводческого божества — Ахын.

Хотя рыболовство в XIX в. и не играло в хозяйстве убыхов (да и их соседей) почти никакой роли, но культ рыболовного божества моря бесспорно существовал пережиточно. В более ранние века рыбная ловля, очевидно, занимала более видное место в хозяйстве Западного Кавказа. Черкесы верили в существование большой рыбы Кордеш (*Къуэрдэши*), или Кодеш (*Къуэдэши*), которая будто бы удерживает море в своих берегах. Кодешу молились перед отправлением на рыбную ловлю. Местами поклонения этому божеству служили отдельные мысы, которые на картах обычно назывались Кодос, Кодош, Кодес и пр. У шапсугского селения Малое Псеушко (по-шапсугски — *Псеушхуэ*, т.е. «место приношения Кодешу») также, очевидно, было святилищем этого божества. Так как и некоторые убыхо-асадузаские мысы имели то же название, мы склонны видеть в этом факте свидетельство о распространении этого культа и среди убыхов. Мы особенно обращаем внимание на свидетельство патриарха Паисия, который посетил в 1658 г. один из джикских Контози (т.е. Кодеш). Джихами в его времена могли называть специально убыхов (об этом см. ниже). Паисий нашел на мысу Кодеш высокий четырехгранный каменный столб с каменным же верхом (головой?). У этого столба находились бронзовое изображение Георгия Победоносца, а также рога животных, якоря и другие вещи. Уносить из этого священного места нельзя было ничего, так как, по представлениям местных жителей, за это божество покарает виновного смертью [133, кн. 1, с. 12–15]. Имея в сообщении Паисия священное место на мысе Кодеш, священный каменный столб на Кодеше и в числе приношений столбу — якоря, мы можем утверждать, что перед нами бесспорно культовое место поклонения рыболовно-морскому божеству Кодешу. Кроме того, наличие каменного

столба в этом месте позволяет нам сделать предположение: не является ли столб изображением рыбы или дракона? Иначе говоря — не есть ли он то же самое, что и южно-кавказские вишапы? Но это только вопрос.

Охота имела своего покровителя Мезытха (*Мэзытхьэ*), имя которого расшифровывается из черкесского языка — «бог леса». Под этим названием известен покровитель охоты убыхов, черкесов и абхазов [45, т. IV, в. I, с. 99; 102, IV, в. I, с. 135]. По словам А. Дирра, убыхи считали покровителем охотников божество Тлепш (о нем ниже), но в то же время знали и Мезытха, которому поручено стеречь дичь и назначать по собственному выбору для охотника жертву [48, с. 495].

Кажется, распространены были верования и обряды, связанные со скотоводством. Существовал обычай, по которому всадник, проезжая мимо стада, если он не хотел обидеть хозяев стада, должен был медленно проехать и, кроме того, произнести: «Да множится стадо» [13, с. 430]. У соседних черкесов божеством-покровителем скотоводства считали Ахына. Центральным местом культа Ахына была священная роща на границе между черкесами и убыхами, в долине р. Шахе. Бесспорно, культ этого божества был общим у черкесов и убыхов. В одном убыхском предании, записанном Ж. Дюмезилем, Ахын (*Ахын*) изображается могучим и ловким скотоводом, перепрыгивающим с горы на гору, опираясь на свою палку. По этому преданию, Ахын — прародитель убыхов. Фигурирующие в предании служанки Ахына — Джебжин и Гвагун (*Джэбжын* и *Хьвагун*) [59, р. 154–161], по всей вероятности, также персонажи пантеона божеств. Мы не имеем этих имен в системе божеств черкесов и абхазов.

Кроме того, убыхи верили в существование божества — покровителя кузнечного ремесла, которого они, по словам А. Дирра, именовали черкесским термином Тлепш (*Тлэпш*, у черкесов же собственно *Тлэпшыжь*). Его представляли убыхи хорошим кузнецом и хорошим охотником [48, с. 495].

Туземным названием аллаха был термин (*wobyu*). Во времена дому-сульманские под этим могло выступать какое-либо местное божество. Характерно, как справедливо заключает акад. Н.Я. Марр, что убыхский (*wobyu*) легко увязать со сванским богом (*wob*), мегрельским названием пятницы (*wobi шца*) и даже абхазским богом-подателем дождя, богом грозы *aф* [102, с. 129].

Все то небольшое, что мы знаем о древних убыхских культах, не дает нам права выделять верования этого народа из старых религиозных воззрений соседних абхазов и черкесов. Причем названия божеств в большинстве случаев были те же, что и у черкесов.

Но кроме старых туземных культов имелись у убыхов некоторые явно христианские наслоения. Эти христианизмы составляли лишь минимальную долю в системе верований. Дж. Белль несколько раз упоминает

о крестах, которые он встретил в Убыхии. Одни из них стояли на земле (очевидно, каменные), другие подвешивались к дереву (как изображено на рис. 6 — это железные) и третьи — золотые, кажется, были носимы. Когда в 1838 г. некоторые из убыхов подняли вопрос об удалении трех крестов на Сочи (двух висевших на дереве и одного наземного), то из-за этого произошел горячий спор среди населения. Причем на стороне отстаивавших неприкосновенность крестов был и «подозреваемый в язычестве» местный ахы Али-Ахмет Аблагуо, названный в книге Ф.Ф. Торнау «ревностным мусульманином». Вмешательство Аблагуо спасло кресты от разрушения [13, s. 395–396, 424].

Народное искусство убыхов было представлено, главным образом, фольклором, музыкой, танцами, джитовкой, расшиванием материи и кожи галуном, нитками и кожей. К искусству же следует отнести и красноречие. Но сведений об этих видах искусства почти не сохранилось.

Так, из области фольклора до нас не дошло ни одной песни, хотя указания на их существование в литературе имеются [160, с. 14]. Сказки, легенды, предания записаны были от убыхов Турции уже в наше время, и мы имеем все основания предполагать, что под убыхским фольклором преподнесены А. Дирром и Ж. Дюмезилем общий фольклор черкесов, убыхов, абхазов и других горцев, живущих в современной Турции. Из старых убыхских легенд, записанных еще до выселения в Турцию в 1864 г., нам известны лишь три. Одна из них приведена в книге Дж. Белля и рассказывает о запретном кладе, который находится под стенами старинных руин на Сукукхе. Кто бы ни пытался разрывать клад, всегда не мог довести это до конца, так как выползали какие-то страшные змеи, слышались таинственные звуки, появлялись различные ужасы и пр., которые пугали роющего, и он вынужден бывал отказаться от своего предприятия [13, s. 370]. Другая легенда приведена также у Дж. Белля. Он говорит: «Мне рассказывали о морском чудовище, которое выходило из моря и было убито предком благородной фамилии Магу в Субеше, в награду за что на вечные времена были предоставлены торговые пошлины с этого укрепления, а также с двух последних. Существует два традиционных рассказа об этом происшествии. Согласно одному, этот Магу поволок горячего молодого быка под дуб, который (т.е. дуб) еще долго в воспоминание этого геройского поступка считался священным и пень которого недавно еще был сожжен; в то время, как это чудовище боролось с быком. Магу вскочил на него (т.е. на чудовище) и блестящей своей шашкой разрубил его на куски. Описание чудовища теперь уже не существует» [13, s. 651]. Сопоставляя этот рассказ с шапсугскими вариантами, мы имеем в «чудовище» образ дракона или змея. Третья легенда приведена в записках П. Невского. Она интересна тем, что является своеобразным убыхским вариантом сказаний о Прометее. Позволим

себе привести ее в том виде, в каком ее воспринял П. Невский: «На одной горе есть провал (пещера?), ведущий в недра горы, в волшебный чертог — из золота, бирюзы и камней драгоценных; где на роскошном ложе покоится прелестная окаменелая дева; а посередине пылает костер, на котором жарится злой дух, терзаемый страстью, осужденный пророком на вечные мучения за обольщение и похищение с небес одной из его гурий. Сладострастный черт издавал по временам страшные жалобные стоны, потрясавшие скалы. В горах являлись иногда любопытные джигиты, желавшие поглядеть на спящую красавицу, взбирались на гору, подходили к кратеру и, как только осмеливались заглянуть в мрачную бездну, тотчас же обращались в камень. Когда наши жены узнали свойства этой страшной горы, то разными женскими уловками старались посылать туда своих простаков-мужей, чтобы на свободе погулять с любовниками <...> Чего не сделает нечистая сила, называемая женщиной!» [109, № 100]. В этой легенде, по-нашему, сочеталось два мотива: красавица, которую стережет сверхъестественное существо (дракон, у нас — черт), и мотив Прометея. Из записанных А. Дирром и Ж. Дюмезилем преданий мы лишь некоторые можем отнести бесспорно к убыхским. В этот разряд попадает легенда о происхождении убыхов, которую мы приводим в главе древнейших сведений.

Танцы, по А. Фонвиллю, сопровождались аккомпаниментом песни, исполняемой присутствующими. Такт танца поддерживался, как и везде на Кавказе, коллективным хлопаньем в ладоши. О напевах автор говорит лишь, что они «довольно монотонны» и «весьма оригинальны». Вот и все наши сведения об убыхской музыке! «Танцовщицы, — говорит А. Фонвилль, — держа в каждой руке по фуляру, с необыкновенной грацией махали платками, изгибаясь всем станом в такт <...> напева <...> Все достоинство танцев девушек заключалось в том, что они выказывали при этом всю прелесть их форм и необыкновенную гибкость их стройных талий» [160, с. 14].

Кроме таких, чисто женских, существовали танцы коллективные, совместные с мужчинами. Все брались за руки и вытягивались в одну длинную линию, «затем, попрыгивая и подпевая в такт, они начинали выделять самые эксцентричные кубреты» [160, с. 15].

Большим почетом пользовались джигитовки [160, с. 15; 143, ч. II, с. 51], приобретенные на Кавказе характер искусства.

Расшивание галуном, нитками, материей или кожей производилось женщинами. Это было прикладное искусство. Главным образом оно применялось к праздничной одежде и обуви мужчин и девушек [160, с. 14]. Характер орнамента нам не известен.

Народные собрания свободных общинников вырабатывали искусных ораторов, пользовавшихся широкой популярностью. Очень харак-

терно, что исследователи подчеркивают особенное развитие ораторских способностей у племен черноморского побережья. Для развития этих способностей почвой были народные собрания не знавших княжеской власти племен.

Древнейшие сведения об убыхах

Кавказское побережье Черного моря очень рано было заселено человеком. Археологические работы, проведенные старшим научным сотрудником Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР С.Н. Замятниным, констатируют наличие раннепалеолитических культур в Абхазии, Сочинском и Туапсинском районах. Им найдены орудия типа мустье и даже ашеля. Раннепалеолитические находки, между прочим, обнаружены по рекам Мзымта, Кудепста и Хоста. Он же нашел позднепалеолитические памятники в этом районе. Если неолитическая культура на побережье еще плохо выявлена, то этого нельзя сказать об эпохе бронзы. В Абхазии под руководством академика И.И. Мещанинова открыта Кобанская культура в погребениях долменного типа. Долмены известны и на территории исторической Убыхии. Так, зарегистрированы: у селения Головинка — один [144, с. 175]; много долменов по ущелью р. Шахе, в особенности около урочища Старый Кичмай и при устье р. Бзычь [8, с. 137; 141, с. 78]; на р. Куопсы — один [105, с. 85] и на Красной Поляне — четыре долмена [54, с. 173–176; 141, с. 78].

Из сказанного можно сделать вывод, что человек обитал на Черноморском побережье Кавказа с древнейших времен. Напомним, что ашель обычно относят ко второму межледниковому периоду.

Убыхи рассказывают о своем происхождении легенду, будто они произошли от сына скотоводческого бога Ахына (Ахын) и его шелководской красавицы-жены. Подосланные от русского царя хитростью уничтожают Ахына и крадут беременную жену. Царские слуги искусственно вызывают у нее преждевременные роды, но дитя не погибает, так как слуги Ахына поддерживают его жизнь тем, что согревают его, вкладывая внутрь зарезанного барана, все время меняя последнего. Потом малютку согревают в конском навозе и, таким образом, спасают ему жизнь. Ребенок оказался истинным джигитом, который семи лет уже выкрадывает у русского царя свою мать [59, р. 154–161].

Записанная нами в 1930 г. шапсугская легенда говорит о трех родных братьях Шапсуге, Абдзахе и Убыхе, живших на мифической прародине в урочище Тубы (в верховьях р. Белой). Когда им стало тесно, то Абдзах пошел на север, Убых — на юг, а старший брат — Шапсуг — на запад. От этих трех братьев, по словам шапсугов, и произошли шапсуги, абдзахи и убыхи [86, с. 128–129].

С начала V в., а позже — во II и I вв. до н.э. — поступают к нам греческие и римские сведения о безусловных предках абхазо-черкесов, которые уже тогда находились примерно на той же территории, где застал их XIX в. Мы имеем в виду синдов (Σίνδοι), ахеев (Ἀχαιί), керкетов (Κερχέται), торетов (Τορέται), гиниохов (Γνίνοχοι), абасков (Ἀβασαί). Выделить из этой этнической массы предков убыхов мы не можем. Скорее всего, можно предположить, что в те времена еще не сложились не только убыхи, но и черкесы и абхазы. Вместо трех позднейших народов Западного Кавказа греки и римляне знали в этом районе значительно больше. В основном мы разделяем точку зрения А. Фадеева, который говорит, что «не только до нашей эры, но и в первые века нашей эры не существовало ни абхазского, ни черкесского, ни картвельского народов» [151, с. 173]. Мы ограничимся лишь одним замечанием, которое напрашивается само собою: предки убыхов, уже в первые годы н.э., вместе с предками черкесов и абхазов, пребывали где-то в том же районе, в котором их застал XIX в. Первые намеки на убыхов доходят до нас с VI в. н.э., именно — у Прокопия Кессарийского. Он говорит: «За границей абазгов (т.е. абхазов. — Л.Л.) в Кавказских горах живут брухи (Βρούχοι), которые находятся между абазгами и аланами. На берегу Понта Евксинского сидят зихи» [125, IV, с. 208]. Адольф Дирр указал, что в самоназвании убыхов — бжэхэ — первый лабиализованно губной звук «бж» греки могли передать лишь через βρ, и, таким образом, А. Дирр в брухах VI в. видит убыхов [51, с. 313–315]. Такое утверждение мы можем принять, тем более, что брухи жили, как видно из текста, в соседстве со своими прямыми родственниками — черкесами и абхазами.

Другие исследователи в брухах пытались распознать то черкесов [110, с. 17], то абхазов (цебельдинцев) [104, с. 231], то грузин [165, с. 323]. Что касается определения местоположения брухов, то различные источники расходятся во мнениях. Например, Дестунис ограничивается неопределенным выводом, что они населяли самый хребет Кавказский [53, с. 223]; А.Н. Дьячков-Тарасов помещает их в верховьях р. Мзымты, возле перевалов Псеашха и Аишха [61, с. 38]; К.Д. Мачавариани — в позднейшей Цебельде [104, с. 231]; И. Шопен — в южных долинах Двалетии [165, с. 323]. Нам кажется, что наиболее правдоподобно предположение А.Н. Дьячкова-Тарасова. Дело в том, что еще, возможно, раньше Прокопия безымянный автор в своем подробном географическом реестре Черноморского побережья упоминает между реками Абаск и Нисия — р. Мизиг (Μίσιγγον), по его словам, раньше носившую название Брухонт (Βρούχοντ) [90, т. I, в. I, с. 278]⁹. Имея один и тот же термин, обозначающий реку и народ, мы, вполне естественно, не можем не увязать брухов

⁹ У авторов II в. н.э. (Арриан и Птолемей) имеем вместо Брухонта иную форму: Боргиус (Βόργυς) и Буркас (Βούρκας).

с одноименной с ними рекой. Остается отыскать положение последней. На основе тщательного изучения северной части Черноморского побережья, эту работу выполнил Ф. Брун, который пришел к выводу, что р. Мизиг или Брухонт есть не что иное, как р. Мзымта [21, с. 9 и табл.]. А.Н. Дьячков-Тарасов думает, что Мизиг и Брухонт — разные реки: первую он усматривает в р. Мзымта, а вторую отождествляет с р. Хостой [61, с. 43]. Как бы то ни было, но для нас ясно одно, что брухи, возможные предки убыхов, в первые века н.э. жили в районе, близком к позднему их местоположению в XIX в. Во времена безыменного автора побережьем моря в районе р. Брухонта владел народ саниги, а так как мы не имеем данных для отождествления последних с брухами-убыхами, то мы должны согласиться с мнением Дестуниса и особенно А.Н. Дьячкова-Тарасова, что брухи жили в горах, владея лишь верховьями р. Мзымты. После сведений Прокопия убыхи опять тонут во тьме истории, и проходит целых одиннадцать веков, пока до нас доходят новые данные об этом народе. В продолжение этого длинного периода к нам не попадает ни одного исторического известия, которое мы, не сомневаясь, могли бы отнести к убыхам. Лишь смутные намеки на последних находим в XII в. в описании путешествия Иоанна де Плано Карпини. Перечисляя покоренные татарами народы, он говорит, что среди них находятся и «брутахы, которые суть иудеи» [75, с. 36]. В другом месте Плано Карпини, перечисляя народы, живущие на юг от Комании среди алан, чиркасов (т.е. черкесов), хазар, греков, иберов, кахов, цикков (тоже черкесов), георгианов, армян и турок, опять упоминает их: «Брутахии, которые слывут иудеями — они бреют голову» [75, с. 50]. Ср., между прочим, слова М. Селезнева об убыхах: «Совершенные евреи, но только с бритой головой» [133, кн. 3, с. 9]. Но, несмотря на относительную тождественность их имен с брухами, мы очень мало имеем права ставить между ними знак равенства, хотя Ф. Брун указывал именно на брутахов Карпини, а не на брухов Прокопия, как на возможных насельников берегов р. Брухонта [21, с. 9].

В литературе нередко можно встретить попытки доказательства аланского происхождения убыхов. Действительно, имеется ряд свидетельств о пребывании в горах каких-то алан. Еще Прокопий говорил о брухах, как о соседях алан (см. выше). У более поздних авторов встречаются указания об аланских поселениях в горах Западного Кавказа. Опуская известия, касающиеся современных Кабарды, Балкарии, Карачая, мы упомянем лишь те, которые могут быть интересны для нас. Так, в 1654 г. Арканджело Ламберти, говоря о северных соседях Мегрелии, кроме абхазов, сванов, карачаевцев, джиков и черкесов, знает и алан [88, с. 2]. Но в этом источнике еще неясно указано их местоположение. Царевич Вахушт в конце XVIII в. в своей «Географии Грузии» указывает страну Аланию на запад от Свании [27, с. 86]. В 1803 г. царь Соломон (имере-

тинский) в одном своем письме говорит, что Григорий Дадиани «был князь моего царства, отложился от меня и соединился с беззаконными абхазцами, сванами, джихами и аланами» [6, т. II, с. 341]. Мегрельская владетельница Нина в письме на имя Александра I от 8 июня 1808 г. называет непокорными соседями абхазов, джихов и алан [6, т. III, с. 203]. А турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби упоминает «колено арлан» с гаванью Лачига [22, с. 14]. У абхазов сохранилась скороговорка: *arlanaa ran laltarra* — «ольховая роща матери (семейства) Арланаа». Возможно, что эти арлан являются также одним из западно-горных аланских отложений. В XVIII в. М. Пейсонель регистрирует где-то на востоке Черкесии племя толани (*Tolani*) [121, с. 19], что также, на наш взгляд, следует поставить в связь с аланами. Уже в XIX в. Л. Люлье констатирует, «что поныне существует у убыхов одно племя, носящее имя алань» [95, с. 14]. По словам Ушакова, «изучая убыхский язык и собирая распросами стариков предания о старине, Бенедиктсен выяснил, что часть убыхов и поныне именуется себя аланами» [38, с. 57]. Подобные неясные намеки не раз соблазняли исследователей (Я. Потоцкий, Л. Люлье, П. Услар, П. Черняев, А. Лещенко). Они говорили об отложении аланского слоя в убыхской общественности, как о проблеме, которая может быть разрешена лишь детальным изучением языка убыхов. Но были и такие, которые из проблемы делали аксиому. Такого мнения придерживались Ушаков и, будто бы, Л. Лопатинский [38, с. 57]. Ни А. Дирр, ни Ж. Дюмезиль не привезли из Малой Азии никаких сведений об «убыхских аланах». Все, что нам известно на сегодняшний день из убыхского языка, не позволяет говорить об аланском происхождении убыхов. Но нам кажется, что часть алан могла осесть и ассимилироваться в западной части Кавказских гор, в том числе и в Убыхии.

В различные времена границы Убыхии не были постоянными. Для формирования особого языка в окружении родственных племен необходима многовековая обособленность. По этой причине мы считаем, что убыхский язык мог оформиться на территории между Гагринским хребтом и одним из водоразделов на запад от р. Шахе. На этом пространстве, благодаря его действительной обособленности, с одной стороны, и срединному положению между двумя разноязычными коллективами (черкесы и абхазы) — с другой, и мог оформиться убыхский язык. Заметим, что еще в XIX в. отдельные авторы подчеркивают недостаточную связь асадзуа-убыхской территории с соседними Абхазией и Черкесией [6, т. VIII, с. 768; 143, ч. I, с. 69], хотя признают существование более тесного общения между Асадзуа и приморскими жителями Абхазии [6, т. VIII, с. 858; 143, ч. I, с. 43], что можно объяснить лишь традицией племенных связей. Так как XIX в. застал убыхский язык уже вытесняемым языками соседей, мы вправе предполагать, что когда-то он объединял собою

значительно более широкий коллектив. И мы думаем, что именно этот коллектив, объединенный особым языком, грузинские источники приблизительно до XVI—XVII вв. именуют джикетами, т.е. (без грузинского окончания) джиками, джихами (ჯიქა). Без подобного предположения нам непонятен тот факт, что старые кавказские писатели, не замечая особой народности — убыхов, в то же время упорно прослеживают разницу между юго-восточными и северо-западными абхазами, когда такое разграничение последних в те далекие времена не имело еще под собою достаточного основания. Из таких свидетельств о Джикетии упомянем некоторые. Есть документы, говорящие, что Джикетия (как и Абхазия) в свое время служила для греков местом ссылки [44, с. 9]. К слову заметим, что память об этом до сих пор сохранилась у черноморских шапсугов [86, с. 129]. В VI в. Джикетия временно (очевидно, и номинально) подпадает под власть грузинских царей. Так, в 781 г. в составе грузинского государства значится, кроме абхазского эриставства, еще и джикетское, которое будто бы простиралось от моря до Хазарской реки (Кубани) [27, с. 908]. Бесконечные военные столкновения между грузинами и северокавказскими горцами, которых зачастую использовали в своих целях различные группировки грузинской знати в междоусобицах, не проходили, конечно, без участия убыхов-джихов. В 1390 г. грузинский царь Давыд-Вамек предпринимает ответную грабительскую экспедицию «в Аланет и Джакет» [162]. В 60-х годах XVI в.

Рис 7. 1) Ubych 2) Dshighett 3) Grieche 4) Abasech
5) Turk von Handelskolonien an der Tscherkessenkuste.
(Убых, джигет, грек, абазех, турок в колониальной торговле
на черкесском побережье)

Георгий Дадиани, «пригласив на помощь абхазцев, джиков и черкесов, напал на брата своего Мамия, но был разбит и убежал в Абхазию» [43, с. 56]. Один из авторов на основе анализа образцов языка Садша, т.е. асадзуа (джикетов — в позднейшем понимании), в записи Эвлия-Челеби в XVII в. доказывает, что еще в то время они говорили именно на убыхском языке. Он прибавляет: «Если принять во внимание интересный параллелизм названий асадзуа (абх.) — садзен (национально-джигитский?...), ардба (абх.) — ардлер (тур.) — ардона (национально-джигитский), станет вероятной первичная принадлежность джикетов — садзен к убыхам, с последующей сильной абхазизацией». Абхазские эмигранты, постепенно просачиваясь за Гагринский хребет в Убыхскую Джикетию, стали называться населением собственно Абхазии — жителями Джикетии и, в конце концов, джикетами. И с постепенным вытеснением убыхов (вернее, языка их) на запад за р. Мзымту и дальше, термин джикет окончательно закрепляется за пришлыми абхазами Джикетии и ее абхазизированным убыхским населением.

В течение длительного времени из Абхазии и Черкесии к убыхам переселялись все, кто в силу тех или иных условий должен был покинуть родные селения. И напрасно в факте абхазской миграции на северо-запад видят причину одного лишь недостатка земли. Автор анонимной заметки «Абхазцы (Азегга)» приводит характерный для этого факт: «Жители селения Эмха (Абхазия. — Л.Л.), узнав, что владетель без их ведома передал повинности их Кацо Маргани, послали анхае Эбжиноу к джикетам просить приюта и вслед за этим все население направилось за р. Бзыб. Уговоренные стариками <...> они возвратились <...> но только тогда, когда Кацо Маргани <...> дал обещание, что права жителей ни в чем не будут нарушены» [1, с. 11]. Л. Люлье и Ф. Торнау правильно видят причину абхазской миграции на северо-запад, кроме недостатка земли, и в других социально-экономических факторах, как, например, внутренние раздоры и кровомщение [95, с. 9; 143, ч. I, с. 113]. История Кавказа знает многочисленные случаи побегов в Асадзуа из Абхазии (более доступной в свое время для изучения, чем Черкесия). Об Убыхии тоже можно сказать, что это был край «горского казачества», как характеризует М. Каменев соседнюю Абдзахию [13; 60, с. 12–13]. Притеснения абхазских ах, черкесских пши и пр., власть которых широко развивалась в низинных частях Кавказа, экономические факторы (недостаток земли), неполадки с соседями и кровная месть были причиной абхазской и черкесской иммиграции в Убыхию, которая и привела к смешению убыхов с пришлыми элементами и была одной из причин разложения языка убыхов. Причем не обходилось и без актов обоюдного насилия между аборигенами и новыми пришельцами, которые со временем объединялись в значительные общества. Границы убыхо-черкесская и убыхо-абхазская

в разные периоды подвергались значительным колебаниям. Так, абдзахские предания говорят о пребывании абдзахов в Убыхии [96, с. 17–18; 60, с. 9]; Эвлия Челеби в XVII в. застал бжедугов в районе позднейшего Хизе; убыхское общество Хамыш на р. Хосте невольно напоминает собою такое же название одного из двух подразделений бжедугов. Еще в XVI в. Иосафат Барбаро знал на побережье страну Кремух с «князьями» Биберди [10, с. 44–45], которые известны нам в числе абазинской знати. Е.Д. Фелицын приходит к выводу, что Кремух должен был находиться в районе р. Сочи, т.е. в Убыхии [156, с. 17–18]. Между прочим, название асадзуаского общества и фамилии Бага, как и абазин-баговцев, известно еще со II в., когда этим именем назывался противоположащий асадзуаскому одноименному обществу мыс Бага (*Вага*), хотя в данном случае мы считаем это не доказательством древнего пребывания абхазов в Убыхии, а переходом территориального названия в племенное абхазское. Что касается многочисленных утверждений о распространении в свое время пределов Абхазии далеко до самой Кубани [38, с. 207 и др.], то все это является мифом, как приходилось указывать, основанным на неправильном понимании абазы [86, с. 131–132]. Не отрицая генетической [связи] термина абазы с тождественной этнической номенклатурой Западного Кавказа, мы считаем, что термин абазы со временем стал обозначать собою население побережья на северо-запад от Абхазии, независимо от первоначальной племенной принадлежности.

Мы склонны считать, что после абхазского движения на северо-запад настал обратный процесс наступления убыхов на абхазских пришельцев, процесс точно так же не только мирного проникновения, но и военных захватов. И, кажется, не будет ошибкой, если мы предположим, что абазы покинули Убыхию и переселились на северную сторону Главного хребта не из-за одних экономических выгод Северо-Кавказской равнины. В XIX в. убыхи держат себя по отношению к асадзуа не как слабая сторона, а наоборот. Около 1800 г. они силой захватывают асадзуаское селение Мутыхуаса и в течение всей Кавказской войны держат асадзуа в постоянном страхе перед собою. В результате такого этнического чередования и сложилась та двойственная географическая номенклатура, о которой говорит А. Н. Дьячков-Тарасов [61, с. 78]. Здесь же кроется причина и того, что убыхи, абхазируясь, оказывали и обратное влияние, в том числе и на язык даже бзыбских абхазов [1, с. 13–14].

Во время господства генуэзской торговли на Черном море и основания генуэзцами колоний (Севастополис, Анакрия, Мана, Матрига, Копа) убыхи тоже должны были быть втянутыми в их торговлю. В это время генуэзцы основали в Убыхии свои фактории возле устьев рек Шахе и Псахе. Первую еще знал Эвлия-Челеби [22, с. 18], а Новицкий передает в 1829 г., что там видны «развалины строений; иногда находят древние

монеты и медали, признаки жилищ народов образованных» [111, № 22]. Дж. Белль, осмотревший руины в 1838 г., говорит, что крепость имеет с одной стороны обрыв, а с трех остальных — каменные стены с известью. Высота стен от 12 до 20 футов. Две башни заканчивались шпицами. Сама крепость разделена на две равные части. По мнению самого Дж. Белля, большая часть служила крепостью, а меньшая — рынком [13, с. 364]. Развалины второй (так называемой, Мамай-кале) были обследованы В. Сизовым. «Постройка из дикарей, тщательно разобранных, правильные архитектурные линии; ниши из подтесанных камней, а также общий вид крепости — все это заставляет предполагать, что строители крепости были византийцы или генуэзцы. Вероятно, крепость эта могла служить защитой торговой фактории <...> Я получил сведения от местного старожила <...> что на восток от Мамай-кале он сам видел следы древнего поселения, состоящие из стенок домов, хорошо сложенных из камня, и занимавшие большое пространство» [134, с. 6–7].

На итальянских компасных картах XIV–XVI вв. фигурируют за Гаграми (сасагу, shahary, casari): р. Мзымта (Abcazia, Avogassia), село Лейуш (Laiazo, aiaco, layazo, ayaso, laiaço, laiaco, aiaço, aiazo, Lagasso), которое застаёт еще Эвлия-Челеби, р. Хоста (costo, gusto, custo) и, кажется, мыс Жообзе (guba, Cuba, chuba, cavo de cubba, co de Cubba, cavo de coba) [21, табл.]. Генуэзцы, импортируя в горы те же товары, что и турки, вывозили оттуда: рабов, высокосортные меха, кожи, шерсть и, главным образом, воск, на который в те времена был большой спрос церквей и монастырей. Кавказский воск, хотя и был худшего качества, чем фракийский, но привлекал купцов своим обилием и дешевизной [166, с. 96, 99, 101, 102]. Генуэзский торговый капитал, в качестве идеологического воздействия на горцев, наверное, продолжал на Кавказе христианизаторскую политику Византии. Но примитивизм общественных отношений в Убыхии не благоприятствовал внедрению религии классового общества. Правда, в соседнем Цандрипше (в асадзуа) известны руины одного из храмов, но подобные очаги чуждой религии были нежизненны и не могли иметь влияния на окрестное население. Уварова, проехавшая верхом всю бывшую Черноморскую губернию «вдоль и поперек», замечает, что «памятников христианского искусства в полном понимании этого слова почти нет в этом округе» [144, с. 5–6].

Иоанн Луккский в 1625 г. считает Черкесию до Кудесчио (Cudescio), т.е. до одного из позднейших мысов Кодеш. Но Абхазия начинается не сразу за последним, а лишь отступя 140 миль. В стране абхазов, по его словам, текут две реки: Soutesu и Subasu. Вторую из них русский переводчик Луккского считает Субешхом, а первую — Суук-су (т.е. Шуюк). Нам же кажется, что речь идет не о Суук-су, а о значительно большей реке — Сочи. Таким образом, убыхи-абаза у него также были спутаны с

абхазами. Об этом крае Иоанн Луккский передает следующее: «Страна эта очень приятна <...> Леса служат им убежищем и заменяют города» [162, с. 488–489, 492]. С последним замечанием еще в XIX в. нам постоянно приходится сталкиваться. Спустя 9 лет после Луккского итальянец Эмиджио Дортелли д'Асколи констатирует факт широкой торговли на Кавказском побережье. На юго-восточном крае Черкессии он упоминает какой-то порт Аббазу (Abbasa), лежащий в 40 милях от Дервена (Derven) и в 50 милях от Маматалы (возможно, одна из известных Мамай-кале, как думает и комментатор Бертье-Делагард [9, с. 157, 460]). Последний предполагает, что название народа абазы д'Асколи спутал с портом и дальше рассуждает: «С конца XVII в. на картах появляются <...> вместе с Мамай-кале, но несколько севернее, большой город с крепостью. Этот город и порт <...> носит имя, подходящее к искомому: Abassike, Batan-Abasse, Wetan-Abasa, просто Betan; наконец, позже — Verdan, Vardon, Wardan, а на карте Шардена — Abassa Bender». И на основе этого Бертье-Делагард видит в нем Вордане, «где еще находятся развалины; тут же и мыс Уч-дере, прежде называвшийся Жообже, который <...> на тех старых картах <...> Зури». «Здесь на побережье, — продолжает он, — все места одинаково негодны <...> Какое-нибудь горское племя, или князек-владелец, приобрели почему-нибудь особое засилье; к его именно берегу, к его речке направится наиболее и торговля потому, что там всего больше явится главного товара — рабов; ослабели значения чисто личные — исчезал или изменялся и порт, так же просто и быстро, как и образовался, оставляя после себя лишь пустой звук в имени, не всегда приурочиваемом» [9, с. 160–161]. Действительно ли Аббаза была в районе Убыхии? Прежде всего, следует подчеркнуть большую путаницу у д'Асколи с определением местоположения Аббазы. Так, в другом месте он говорит о последней, как о самом пограничном с Мегрелией пункте. Кроме того, мы не можем согласиться с Бертье-Делагардом еще и потому, что Аббаза, равнявшаяся лишь Азову, фигурирует у д'Асколи в числе крупнейших торговых центров, перед которыми тускнели другие центры Абхазии, Мегрелии и Черкессии [9, с. 100–101]. Нам кажется, что речь идет об одном из абхазских пунктов.

Через семь лет после записей д'Асколи по побережью проехал турок Эвлия-Челеби, оставивший ценные материалы для истории этого района. Он не знает крупного центра, подобного Аббазе, что окончательно укрепляет наше недоверие к сообщению д'Асколи. Дадим реестр пунктов и племен побережья у Эвлия-Челеби с параллельной интерпретацией.

Гавань Лакия (Сухуми), племя арлан (о нем см. выше), племя горских чандов (رلادناچ) с гаванью Кокур или Какар (رقات) и селом Хаке; великие Чандалар (Цандрипш), «настоящий рай» земля племени кеч (رليچک), арт

(رلنرأ) на север от них Садша (هشدهد) — асадзуа, принадлежащее Сиди-Ахмед-паше¹⁰; жители Садша хорошо говорят как на абхазском, так и на черкесском языке; их 7000 храбрых мужей причисляются к черкесам. Абхазы и черкесы (т.е. асадзуа), хотя не доверяют друг другу, но стараются оставаться в приятных отношениях ради торговли невольниками и воском, которую производят в пристани Артской [22, с. 16]. Из всех горских племен «самые лучшие и храбрые суть садша» [22, с. 20]. За Арт следует Камиш (شماق) — Хамиш или Хоста, которое известно в XIX в. как одно из убыхских обществ. Их 10 000 храбрых мужей «неоднократно поражали племя Арт и пленили их беков: ибо абхазы (все они, по мнению автора, абхазы. — Л.Л.) крадут детей одни у других, и человек, который у них не занимается воровством и грабежом, считается плохим товарищем, так что не выдают за него дочерей своих. В горах камышинских разводят свиней величиной с осла; пристань не посещается ради буйного характера народа». Эвлия-Челеби говорит, что есть там базар и даже мечеть. Следующее общество — Сочи (رلهجوسد), — которое населяют 10 000 храбрых мужей. «У них мало домов по причине скалистой почвы; есть пристань <...> Не имея ни базара, ни постоянного двора, ни бани, ни мечети, они не знакомы с обычаями образованных народов. Деревни их состоят из 40 или 50 домов, находятся в горах. Суда из разных стран привозят им порох, свинец, ружья, стрелы, луки, мечи, щиты и другое оружие, старую обувь, куски сукна, полотна бакасин, котлы, рыболовные крючки, соль, мыло и другие товары, которые вымениваются без посредства денег на рабов, масло, воск и мед» [22, с. 17]. На месте позднейшего Вордане Челеби указывает общество Джембе (هجمبج), которое могло выставить до 2000 вооруженных воинов. Где-то в районе Хизе он находит буздук (قودوزوب), т.е. бжедугов, которых делит на черкесских и абхазских. О жителях Осувейш (شيووسوا) — субешх — он замечает, что они «делают лук и стрелы; бек их имеет под своим начальством 3 тысячи человек вооруженных ружьями». Здесь есть пристань и развалины старого замка. Жители Осувейш хоронят своих покойников на деревьях. За Осувейш идут ашегили (ىليغشنا) — р. Аше, суук-су (وصقووصد) — р. Шуюк), кутаси (ىساتوق), которые будто бы являются последним абхазским (читай — абазским) племенем. За ними живут черкесы жане. Кроме этих племен и обществ, Эвлия-Челеби относит к абхазам (опять-таки здесь не одни абхазы, а абазы вообще) следующие общества, обитающие в горах: Псху — 7000 буйных мужей, Ахчипси (ىسپچخا) — 10 000 чел., Беслеб (بالسب) — башилбаевцы — 7500 храбрых, Багри (سرغاب) — Багрипш; у Ф. Бруна здесь Чаграй (Jaghra) — шахгиреевцы — 800 слабых мужей, Химакорес (سروقاميدخ) — Ясхрипш (?) — 3000, Маджар (راجام)

¹⁰ По мнению R. Bleichsteiner'a, это Сочи [18, s. 86], но спрашивается — почему же у Челеби существует другой термин для бесспорного Сочи?

اپ) — Мдажвюе — 2000 чел., Пайхаришир (رشراخياپ) — Паншерипш — 4000 чел., Ала-Корейш (شیرفلا) — Гагрипш (?) — 500 чел., Мукеллебе (مکلمه) — Микельрипш — 500 чел. и Вайпига (واغیپی) — убыхи [22].

А.Н. Генко делает попытку расчленил Вайпиг на «вай» и «пиг», причем в первом он видит черкесское общество Гуае или Вайя, как записал Дж. Белль; а во втором — самоназвание убыхов (пэж). Соглашаясь с последним, мы не можем принять интерпретацию первой части, так как не видим основания подобного соединения — это во-первых; во-вторых, племени вайя, как записал вообще плохо разбиравшийся в кавказской фонетике Дж. Белль, никогда не было, а известно было до 1864 г. среди черкесов общество Гуа (гъуазэ).

Заметки Эвлия-Челеби интересны для нас еще и потому, что они дают нам в руки наиболее ранние сведения о языке убыхов, правда под маской «языка садша абхазов». Приведенные автором заметок образцы этого языка расшифрованы с помощью убыхского [18, s. 86–87, 110–116, 125–126]. Только со времени Эвлия-Челеби мы впервые твердо чувствуем себя на убыхской почве.

Арканджело Ламберти в своем «Описании Колхиды» в 1654 г. среди соседей Мегрелии упоминает абхазов, сванов, алан, карачаевцев, черкесов и джихов (Gihi), как по традиции все еще называли в то время закавказцы и убыхов. «Все они, — говорит он, — именуются христианами, но живут без законов и занимаются охотой и грабежами. Разнообразие их наречий и языков удивительное» [88, с. 2]. В другом месте он говорит, что «в стране абхазов и джихов стоят прекрасные храмы, выстроенные в грузинском стиле, и с книгами, написанными на грузинском языке» [88, с. 9]. Но в последнем сообщении Ламберти напрасно упоминает неповинных в христианстве джихов. Через четыре года после него (в 1658 г.) будущий патриарх Досифей, побывав в Джикетии, не нашел там ничего подобного [133, кн. 1, с. 12–15].

Царевич Вахушт помещает Джикетию на запад от р. Каппетис-цхали между морем и главным хребтом; таким образом, туда попали не только убыхи и джихи-асадзуа, но и некоторые черкесские племена. «Страна эта всецело подобна Абхазии, — говорит он, — плодородием и фауной, установлениями и обычаями; но люди в большинстве звероподобны. Первоначально они были христианами, но ныне не знают более своей прежней веры» [27, с. 235].

Все пространство, определенное Вахуштом как Джикетия у М. Пейсонеля (1750–1762) попало в Абхазию, которая начинается, по его мнению, от Суджук-кале (т.е. Новороссийска) и кончается грузинской границей.

М. Пейсонель также подчеркивает наличие в его время крупных торговых оборотов на черноморском побережье Кавказа. Многочисленные

торговые корабли приставали и к заведомо убыхским центрам: Субешх (Субаши), Вордане (Варвир), Мамай, Сочи (Джуджи), Хоста (Хош) [121, с. 29]. Главными импортными товарами являлись: соль, сафьян, железные изделия, оружие и мануфактура. Экспортировались: буксовое дерево, воск, меха и, особенно, рабы [121, с. 30]. «Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии» — восклицает М. Пейсонель [121, с. 31].

Убыхия перед столкновением с царской Россией

Меновые отношения все больше и больше внедрялись в экономику побережья. Охота за рабами и работорговля углубляли имущественное и правовое неравенство населения. Некоторые роды, очевидно, задолго до этого стали в положение привилегированной племенной знати. Мы не знаем внутренней обстановки в Убыхии к концу XVIII в., но, без сомнения, происходила там напряженная борьба между племенной знатью и свободными общинниками. Это было то же самое и одновременно с тем, что имело место в Шапсугии, где эта борьба привела к известной Бзюкской битве 1796 г.

Мы не осведомлены о настоящих причинах народного взрыва, но легко догадаться, что главной из них была тенденция знати к дальнейшему укреплению своей экономической и политической гегемонии над вольным народом. Особенно большого напряжения достигли противоречия в среде шапсугов и натхуаджей, где общественный строй был сложнее убыхского. Самому взрыву, очевидно, предшествовал ряд столкновений между черкесскими тлхукотлями и убыхскими вагышами, с одной стороны, и черкесскими уорками и убыхскими куаша — с другой. Вторые имели поддержку в среде племен с развитой сословной иерархией: бжедугов, чемгуев, махошей; об этом сохранились смутные абдзахские и шапсугские предания [73; 86, с. 128–129].

Первыми совершили переворот абдзахские тлхукотли, лишившие свою племенную знать привилегий. От абдзахов движение перебросилось к шапсугам и натхуаджам, где также в начале 1790-х годов уорки и пши лишились былых привилегий. Натхуаджская знать вынуждена была примириться до поры до времени. Шапсугский пши Шеретлуко отправился к Екатерине II просить военной помощи против своего народа. Царица приказала черноморским казакам оказать просимую помощь. И вот в 1796 г. на р. Бзюко (около ст. Новодмитриевской) произошла знаменитая в истории Западного Кавказа битва: по одну сторону были шапсугские тлхукотли, очевидно, не без абдзахов и убыхов, по другую — племенная знать шапсугов, бжедуги и черноморские казаки. Тлхукотли потеряли до 4000 человек убитыми и ранеными, но в бою был убит вождь

пши-урковской партии — бжедугский пши Баты-гирей Хаджимуко, что навело панику на бжедугов, которые после этого покинули поле сражения. После Бзюкского боя пши и уорки морально были разбиты и долго не брались за оружие. Им пришлось временно покориться, возвратиться на родину, довольствуясь лишь правом вольных граждан своих общин. Так большинство и сделало [73, № 27, 29; 124, т. I, в. 3—4].

Мы не знаем характера этого переворота среди убыхов. Некоторые авторы (напр. М.М. Ковалевский) [79, с. 265] даже находят возможным отрицать сам переворот у прибрежных племен. Но те, кто близко соприкасался с горским населением в 1820-х, 1830-х и 1840-х годах, когда память о событиях XVIII в. еще была свежа, говорят о перевороте в среде шапсугов, натхуаджей, абдзахов и убыхов как о бесспорном факте (Новицкий, Дж. Белль, Л. Люлье и др.). По всей вероятности, движение вагышей против куашха не носило того резкого характера, как это было у шапсугов, так как убыхская (и абдзахская) знать еще не успела достичь того сравнительно высокого положения в обществе, которое занимала знать шапсугов и натхуаджей (где было уже два ранга этой знати — уорки и пши).

В чем же заключалось привилегированное положение куашха перед выступлением вагышей? Куашха возглавляли отдельные общины, пользовались натуральными повинностями населения под видом старого обычая трудовой взаимопомощи; куашха фактически владели морскими бухтами и получали пошлину с импортируемых товаров; пошлина получалась ими под видом подарка, но, по ряду причин, такой «подарок» был обязателен [121, с. 31; 13, с. 651]. Внешним проявлением высокого положения племенной знати была установившаяся такса за кровь (вира). За убитого рядового общинника (вагыш или черкесский тлхукотль) род убийцы обязан был заплатить в пять раз меньше, чем за убитого куашха (у черкесов — уорки) [111, № 25; 96, с. 43].

Постановлением народных собраний племенная знать лишалась своих преимуществ. Но что значит лишалась? Богатство как было в ее руках, так и осталось; избрание общинных старшин продолжало происходить из их среды; пользование обычаем взаимопомощи не было запрещено. Вира за убитого куашха со 100 «голов» (мера ценности, подразумевалось — голов скота) была снижена до 22-х — 30-ти «голов» и в ряде обществ уравнивается с вирой за рядовых общинников (20—30 «голов»). Убыхское общество не было феодальным. Свободные общинники (вагыши) были действительно свободны, и неудивительно, что последним не трудно было пресечь со стороны племенной знати тенденции, направленные в сторону феодализации отношений. Сила родовой демократии временно взяла верх.

Но это была не победа, а лишь временное торможение общественного процесса. Совершенный переворот не лишил знать былого влияния: она осталась юридически «равноправной», умела пользоваться традиционным уважением к себе со стороны многих общинников, и мы видим эту знать во главе Убыхии в XIX в. На стороне куашха были и неорганизованность вагышей, и сила родовых традиций. Результат переворота не мог быть другим, так как «отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями» (Сталин И. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. См. Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б). Т. III. Партиздат, М., 1936. С. 527).

Историки по-разному оценивали события конца XVIII в. в горах Западного Кавказа. Одни из них вообще не замечали ничего, кроме шапсуго-бжедугской ссоры (как это делал крайний черносотенец П.И. Ковалевский) [80, с. 232]; другие, с легкой руки М.Н. Покровского [122, с. 199–200], усматривали в событиях революцию, поднятую горским торговым капиталом против феодализма [126, с. 19–20]; третьи объяснили их как крестьянское восстание против феодалов [100, с. 32–33]. С нашей точки зрения, ни одни из них не были правы. Это была борьба свободных (не закрепощенных еще) общинников против племенной знати (еще не феодалов!), тянувшей в сторону феодализации отношений.

Движение убыхских вагышей в XVIII в. осталось не освещенным в литературных памятниках. Но следует сказать еще больше: сам убыхский народ оставался неизвестным для политиков и ученых литераторов того времени. На картах долгое время обозначали «Убых» на северной стороне Главного хребта в верховьях р. Белой, около несуществовавшего в природе племени Тубы. Все северо-западное черноморское побережье считалось заселенным абхазами и джикетами, под которыми в это время понимали абхазское население.

Так, например, в письме мегрельской владетельницы Нины к царю Александру I от 8 июня 1808 г. Джикетия считается простирающейся до Крымского полуострова [6, т. III, с. 201]. В 1811 г. Симонович, следуя этому мнению, считал Гелленджик абазинским портом [6, т. IV, с. 452]. Не без корыстной цели поддерживал эту же легенду и владетель Абхазии кн. Георгий Шервашидзе. Уговаривая одного из представителей асадзуской знати — Левана Цанубая — принять русское подданство, Шервашидзе имел целью под эгидой русского самодержавия распространить свою власть на все черноморское побережье Кавказа на северо-запад от Абхазии. «Абхазия, — писал ген. Тормасов графу Румянцеву в том

же 1811 г., после переговоров с Шервашидзе, — <...> простирающаяся вдоль по берегу Черного моря от границ Мингрельских до самой Анапы, составляя один народ, не вся, однако же, находится в непосредственной зависимости кн. Георгия Шервашидзе (уже принявшего царское подданство. — *Л.Л.*) <...> но есть в горных местах несколько небольших обществ, не признающих ничьей зависимости и управляемых собственными их князьями. Из числа таковых джихетский князь Леван Цанубая старанием правительницы Мингрелии и <...> кн. Георгия Шервашидзе отдал себя добровольно всероссийской империи со всеми его подвластными <...> Я (ген. Тормасов. — *Л.Л.*) обращаюсь к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою об исходатайствовании ему <...> пожалования в чин подполковника и об украшении его золотою медалью, осыпанною бриллиантами, на голубой ленте с надписью на турецком и российском диалектах: за усердия и преданность к всероссийской империи. Какое <...> послужит примером другим независимым обществам также искать покровительства и подданства его императорского величества и постепенно соединит весь абхазский народ под одну власть, открыв чрез то спокойствие в сем новоприобретенном нами владении <...> и доставит существенные выгоды для империи» [6, т. IV, с. 429; ср. с. 426].

Таким путем кое-кто из царского командования мечтал завоевать Кавказское побережье Черного моря. Но это была неосуществимая мечта. Оказалось, что золотыми медалями и голубыми лентами можно было купить большинство из племенной знати, а народ, подлинных представителей горских племен побережья, пришлось покорять другими средствами. Но царская Россия долго еще не спешила с завоеванием побережья, так как сперва нужно было сломить сопротивление черкесских племен севера и северо-запада. Убыхия для царских войск долго была самой неприступной областью. Анапа была далеко, от этой крепости убыхов прикрывали многочисленные поселения шапсугов и натхуаджей. От Абхазии их отделяли племена асадзуа и Гагринский хребет. С севера они были прикрыты Главным Кавказским хребтом, за которым, в свою очередь, на много верст далее обитали разные черкесские племена, первыми принимавшие на себя удары царских войск.

И, заняв весь остальной Кавказ, царская Россия не могла приступить к этому народу и сломить его сопротивление.

Вступая в XIX в., убыхское общество было занято внутренней борьбой вагышей против куашха: Россия была далеко, а Турция, хотя и считала их в числе своих подданных, но не имела сил реально осуществить свою власть над краем. В 1802 г. ген.-майор Кнорринг в рапорте Александру I писал: «Закубанцы — народ ветреный и даже самим владельцам их неповинующийся. Воровство и грабительство в сильном у них обычае, и ни один владелец подвластному своему запретить того не в праве, да и

главное их начальство, от Порты Оттоманской над ними поставленное, удержать их от того <...> ничуть не в силах; они при всяком таковом случае показывают ему явное слушание и неповиновение» [6, т. I, с. 740]. И если такая фиктивность турецкой зависимости была характерна для западных черкесов, расположенных вблизи турецких крепостей, то для убыхов это было более чем характерно.

Начиналась долголетняя Кавказская война. Но до второй половины 1830-х годов убыхи принимали в этой войне лишь случайное участие, не защищая своей земли, еще нетронутой врагами. До второй половины 1830-х годов убыхи еще не вели освободительной борьбы. Их участие в набегах на казацкие кордоны было прямым продолжением старых межродовых и межплеменных столкновений, имевших целью захват рабов и имущества. Таким образом, убыхи вступили в освободительную войну лишь со второй половины 1830-х годов. Правда, мы не можем считать четким рубежом двух качественно различных войн какую-либо определенную дату. Одна война убыхов постепенно перерастала в другую. И если мы можем находить черты освободительной войны и ранее второй половины 1830-х годов (например, уже в 1830 г.), то, с другой стороны, межродовые и межплеменные набеги с целью захвата рабов совершались убыхами и после нашей условной даты; так о них говорит Т. Лапинский даже в конце 1850-х годов [89, т. I, с. 245–246].

В 1806 г. убыхи помогали владельцу Абхазии Келеш-бею Шервашидзе в его известной победе над турками; правда, документы скрыли убыхов под именем черкесов и «абазинцев» [150, с. 145]. Когда в начале 1820-х годов в Абхазии вспыхнуло восстание против царских оккупантов и их пособников, абхазских князей Шервашидзе, то убыхи и асадзуа играли ведущую роль в восставших партиях [150, с. 154; 143, ч. I, с. 37–39].

Летом 1823 г. убыхи в количестве более тысячи человек совершили набег на Абхазию под предводительством Саат-Гирея Адагва-ипа Берзека. Когда они спускались с гор в абхазские долины, их заметили пастухи, не замедлившие предупредить своих соплеменников об опасности. Абхазы, пропустив убыхов в долины, заняли горные проходы, отрезав тем самым путь к отступлению, и перебили торгнувших. При этом погиб и убыхский предводитель. После этой неудачи убыхи стали совершать свои набеги на Абхазию в зимнее время [66].

Мы видим убыхов в нападениях на северо-горские племена. Сообщение от 1830 г. гласит, что на Белореченском перевале, ведущем из Убыхии в Абдзахию, происходят постоянные разбои [112, № 40]. В 1836 г. Ф. Торнау, находясь на асадзуа-убыхской границе, чувствовал себя в опасности из-за постоянной вражды между племенами [143, ч. II, с. 46]. В 1836 г. несколько сот убыхов под предводительством Хаджи-Догомуко Берзека перешли на северную сторону Главного хребта, имея намерение

напасть на башилбаевцев [143, ч. II, с. 30]. В середине 1830-х годов убыхи буквально не давали покоя бесленеям, нападая на селения и устраивая засады [143, ч. II, с. 20 и 25]. Зимой 1837/38 г. четыре убыха захватили пленных черкесов на Лабе. В числе захваченных был один пши [13, с. 401]. В августе 1838 г. Биарслан-Алхасоко Берзек собирал партию убыхов в набег на какое-то покорное царскому правительству племя, причем, по словам Дж. Белля, виднейшие представители племенной знати (Хаджи-Догомуко Берзек и др.) «уже давно отказались от таких походов, имея в виду сосредоточить военную энергию убыхов на борьбу с царской Россией» [13, с. 448–449].

Наряду с этими межплеменными столкновениями, убыхи постоянно втягивались в борьбу горцев против царской России. В этот начальный период Кавказской войны они, не в пример асадзуа и даже абдзахам, очень часто принимали участие в черкесских партиях, совершавших набеги на кордонную линию, причем чаще всего можно было видеть убыхов в тех партиях, которые нападали на посты и станицы черноморских казаков [168, с. 11–12, 37–38]. Но эти нападения, как сказано выше, сперва не выходили из рамок старых набегов с целью захвата рабов, скота и другого имущества.

Но наступление царской России убыхи почувствовали довольно скоро. Царские корабли, все чаще и чаще появлявшиеся у берегов Убыхии, превращались в препятствие для старинного торгового сообщения горцев с Анатолией. Именно со стороны моря убыхи впервые увидели царскую угрозу. Еще в 1810 г. ген. Торماسов настаивал на выделении из черноморской флотилии нескольких легких судов для промера глубин у черкесо-убыхского берега и «для пресечения туркам иметь сообщение с закубанскими народами». Для этих целей в том же году были выделены один фрегат и один бриг [6, т. IV, с. 449]. На следующий год Тормасов снова ставит тот же вопрос: «Народ сей новопокоренный (? — Л.Л.), — пишет он, — и нами в землях их не поставлена еще твердая нога», поэтому, продолжает Тормасов, необходимо выделить «крейсирующие суда, кои бы не пропускали прорваться и приставать к берегам абхазским (т.е. и убыхо-черкесским. — Л.Л.) легких турецких судов, кои Порты <...> старается посылать с возмутительными письмами и подарками, дабы развратить сих горцев и поставить их против России». Его ходатайство было удовлетворено [6, т. IV, с. 450], но фактически это крейсирование стало постоянным лишь после специального приказа Николая I в 1830 г., и с 1831 г., когда пал Геленджик, царская Россия объявила настоящую блокаду. Купеческие кочеры, в случае поимки их, сжигались, товар и команда арестовывались, а в случае сопротивления — команду убивали. Мы имеем ряд сведений о таких морских стычках. У берегов Убыхии подобная стычка, например, произошла в мае–июне 1833 г. вблизи Вордане [58, р. 197].

Вообще с 1830 г. царское командование проявляет большую активность в деле завоевания северо-западного Кавказа. Дело в том, что 2 сентября 1829 г. был заключен Адрианопольский договор между Турцией и Россией, по которому Черкесия и Убыхия отходили к России. Этот дипломатический документ дал формальное основание царскому правительству приступить к решительному завоеванию края. Война черкесов и убыхов против царской России теперь выставлялась перед общественным мнением Европы как бунт непокорных подданных царя, и ликвидация этого бунта — дело исключительно внутрисоюзное.

Параллельно с введением блокады ген.-майор Гессе получает приказ о захвате в 1830 г. основных бухт побережья и о создании там цепи укреплений. Командование мечтало легко завладеть прибрежной полосой и установить сухопутное сообщение между Анапой и Сухумом. Но действительность опрокинула эти планы.

Царские войска в 1830 г. смогли лишь закрепиться в ряде абхазских пунктов и приступить к постройке укреплений лишь на абхазском берегу. Крайней точкой создаваемой укрепленной линии на северо-западе были Гагры. Но в этом же 1830 г. асадуа, убыхи и шапсуги уже упорно штурмовали это укрепление [152, с. 143; 143, ч. I, с. 8–9].

От фантастического плана быстрого захвата побережья царскому командованию пришлось отказаться. Гр. Паскевич обратился с воззванием к населению черноморского побережья, в котором говорилось: «Мусульмане! Ахмет-паша <...> старался вас ввести в заблуждение, будто у Черного моря живущие <...> принадлежат <...> Порте <...> Султан вас оставил. Он признал, что вы все принадлежите российскому императору. Горцы! Первый раз еще говорю я к вам; подумайте о словах моих. Приглашаю вас: положите оружие, покоритесь государю, сильнейшему в мире, но справедливому и милосердному <...> Торговля ваша расцветет; мир водворится между вами; благосостояние ваше умножится; избытки ваши с лихвою продадите русским; все, что для вас нужно, легко доставать будете из России. Вот мое слово к вам. Если примете его, будете благоденствовать; если же не примете, то вспомните о могуществе России» [6, т. VII, с. 403].

Это воззвание не возымело абсолютно никакого действия. Но в это время убыхи все еще продолжали рассматривать борьбу с новым противником с точки зрения старых межплеменных набегов, и поэтому, когда в 1831 г. шапсуги прислали им новое приглашение принять участие в карательной экспедиции против племен, принявших присягу на верность царю, то убыхи почти не откликнулись [6, т. VII, с. 909].

Но 17 мая 1834 г. мы видим убыхов в возглавлявшейся кабардинцами разноплеменной партии в 100 чел., напавшей на абазинское селение Дударуково. Партия захватила 40 пленных абазин, крупный рогатый скот и

овец, но на обратном пути, за р. Большой Зеленчук она была застигнута казаками, вдвое превышающими ее численностью. В результате прошедшего боя, горцы потеряли половину своих пленных, а также скот. У казаков было убито 4 чел. (в том числе полковник), а у горцев — 12 [6, т. VIII, с. 744]. Через месяц мы снова встречаем убыхов в составе смешанной горской партии в 400 чел., имевшей в виду совершить набег на кордонную линию. Но ген. Засс, заранее прослышав о готовящемся нападении, сам совершил неожиданный набег и нанес поражение партии в 2-х км от р. Лабы, в направлении на Георгиевское укрепление. Горцы оставили 10 трупов (в том числе одного из Берзеков) и 20 убитых лошадей; у казаков был 1 убитый и 10 раненых [6, т. VIII, с. 745].

В 1835 г. убыхи и асадзуа в течение нескольких недель осаждали Гагры. Когда постоянные ложные ночные тревоги несколько ослабили бдительность гарнизона, горцы ворвались в укрепление и захватили две пушки. Гарнизон, выбежав в нижнем белье, лишь после упорного боя, в исходе которого сыграл роль картечный огонь, вынудил горцев покинуть укрепление. Потери обеих сторон нам неизвестны. После этого горцы, напав на табун царского отряда на р. Бзыбь, угнали с собою всех казачьих лошадей. Около 1000 убыхов и асадзуа заняли позицию вблизи Гагринской теснины с целью не пропускать царские войска на север [143, ч. II, с. 35–36].

Опасения убыхов насчет продвижения противника были основательны. Еще в 1830 г. было приказано гр. Паскевичем ген.-майору Гессе, чтобы последний отправил «благонадежного человека» с разведывательной целью по маршруту: Абхазия — Убыхия — Белореченский перевал — укрепление Каладжинское (на р. Лабе) [6, т. VII, с. 403]. С таким же шпионским заданием был отправлен в 1835 г. офицер Ф. Торнау, оставивший подробные мемуары.

Командование Кавказской армии намечало конкретные пункты побережья, которые имело в виду захватить и превратить в свои укрепления. Еще 17 сентября 1830 г. Бекович-Черкасский и Госфорт в рапорте Паскевичу указывали на Сочи как на главное торговое место горцев, которое следовало, по их мнению, захватить в первую очередь [6, т. VII, с. 905]. Но план захвата, как уже говорилось выше, в 1830 г. оказался невыполнимым. В 1836 г. ген.-майор Вельяминов извещал гр. Воронцова (от 14 июля), что хотя турецкие торговые суда пристают к устью любой реки побережья, но удобнейшими для этого считаются (кроме Цемеса, Пшады, Джубги, Ту, Туапсе и Псезуапе): Вордане, Сочи, Хизе и Гечь [6, т. VIII, с. 644]. 5 ноября того же 1836 г. барон Розен писал военному министру гр. Чернышеву, что «для действий со стороны Абхазии его императорское величество <...> соизволили повелеть, чтобы <...> я распорядился занятием одного или двух якорных мест от Гагр выше к северу

<...> Главнейшими якорными местами к северу от Гагр считаются: мыс Адлер, устья рек Шахо, Шапсухо, Джуба и Пшادا (первое — асадзуаское, второе — убыхское, остальные — черкесские. — *Л.Л.*) <...> оные ныне наиболее посещаются турками <...> Страна кругом Адлера имеет большое воинственное население, извлекающее особенные выгоды от торговли с турками» [6, т. VIII, с. 857].

Эти военные приготовления к продвижению в Убыхию не оставались тайной, и поэтому сами убыхи не только следили за Гагринской тесниной, но и укрепляли места, где могли ожидать царский десант. Мы знаем о постройке завалов, окопов и наблюдательных «башен» в районе Хосты, Сочи и Мамая. У завалов постоянно находились караульные [113, с. 114; 143, ч. II, с. 48; 13, с. 42]. Кроме того, по инициативе Хаджи-Догомуко Берзека и Ислама Джерикоко был основан союз общин, охватывавший собою асадзуа, убыхов, гуае и приморских (малых) шапсугов, из последних — лишь живущих южнее Туапсе [13, с. 370, 420, 658, 664].

Но, с другой стороны, если основная масса убыхов была непримиримо настроена против вторжения царских войск, то куашха, предчувствуя возможные выгоды для себя в случае принятия присяги на покорность, уже в начальный период войны делали попытки сближения с царским командованием. Первые шаги в этом направлении делались по линии установления торговых связей. Царское правительство понимало возможные политические последствия этой торговли. Так, еще в 1822 г. ген. Ермолов писал, что он имеет в виду «распространить торговые сношения с горскими закубанскими народами и, посредством оных <...> смягчить суровость их; между тем, вразумив в выгоды связей с нами, уменьшить исключительное на них влияние Порты и, наконец, между полудикими сими народами ввести просвещение (? — *Л.Л.*) <...> Произведения земли горских народов ничтожны и торговли нашей обогащать не в состоянии. Один предмет для нас чрезвычайно важный есть строевой корабельный лес, для черноморского флота необходимый, но оный произрастает в Абхазии <...> (и в Убыхии — следует добавить. — *Л.Л.*)» [6, т. VI, ч. 2, с. 485]. С целью агитации для развития русско-горской торговли «натухайские дворяне Супаква» должны были в конце 1825 г. ехать к убыхам (абазинцам), чтобы убедить последних в пользе такой торговли. Но Берзеки и Дечены сами прислали к Супаква своего депутата Хаджи-Догомуко Берзека с целью просить Супаква быть посредником в деле установления торговых связей с Россией [6, т. VI, ч. 2, с. 492]. Очевидно, под давлением куашха на народном собрании на Вордане в июне 1836 г. чуть было не прошло постановление о принятии присяги на подданство царской России. Но появление в 1837 г. английского купца Дж. Белля, который вручил старшинам привезенные им призывающие к оружию письма и надежду на помощь английского короля и египетского паши, помеша-

ло этому. Вместо покорности царской России убыхи решили умирать за свою независимость [6, т. IX, с. 450]. Дж. Белль прибыл из Трапезунта, отправив свой корабль «Виксен» в Мокапсе, а сам, в сопровождении старшин, берегом проехал к натхуаджам. Убыхи решили послать депутацию в составе Дж. Белля и Хассан-бея из Хизе в Лондон просить военной помощи. То же самое решено было сделать и в отношении египетского паши [6, т. VIII, с. 855–856; 13, с. 402]. Вскоре после приезда Дж. Белля прибыл корреспондент газеты «Морнинг Кроникль» Лонгворт с той же целью подбадривания горцев на борьбу против царской России.

Таким образом, борьба началась. С 1837 г. открылись военные действия на территории Убыхии. Но царскому правительству понадобилось 27 лет для завоевания этого края.

Первые наступления царских войск (вторая половина 30-х годов)

С 1837 г. царская Россия приступила к осуществлению своего плана захвата главнейших пунктов убыхо-черкесского берега. 2 июня в Абхазии был посажен на суда десантный отряд из батальона гренадер, батальона егерей, шести рот, двух сотен так наз. милиции, саперной роты, двух легких пушек и значительного количества горной артиллерии. Эти войска под командою барона Розена должны были захватить асадзуаский мыс Адлер¹¹. 11 июня Розен рапортовал Николаю I: «Высочайшая воля вашего и.в. исполнена. Мыс Адлер 7-го сего июня мною занят»¹². Это произошло так.

Войска прибыли к Адлеру в час ночи под 6-е число. Для рекогносцировки места высадки была выслана Розеном шхуна, которая при приближении к берегу была обстреляна ружейным огнем горцев. Рекогносцировка была выполнена под защитой мощного огня артиллерии. 7 числа эскадра в расстоянии полукилометра от берега построилась в боевую линию и бросила якорь. Десантный отряд, пересев на спущенное на воду 41 гребное судно, двинулся к берегу. Вся морская артиллерия открыла бешеную канонаду по завалам и окопам горцев, гребные суда обстреливали с фальконетов. Когда позиции последних были разрушены, горцы отошли в лес. Огневое превосходство противника вынудило горцев рассеяться по лесу. Первая часть десанта высадилась. Заняв позицию на лесной опушке, эта часть, общей численностью около трех рот, прикрыла собою высадку остальных войск. Но горцы (асадзуа и убыхи), маскируясь в лесной чаще, близко подходили к отряду и поражали его огнем своих ружей. Горцы отступили на окраину леса лишь после того, как к

¹¹ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис, VIII, 1881, с. 386.

¹² Акты, VIII, с. 872.

русскому прикрытию подошло подкрепление в две роты. В конце леса русские встретили второй завал, прикрывавший собою селение. Далее завала горцы не отступили. Спротивление их было настолько сильно, что, несмотря на огонь артиллерии (которой у горцев не было), несмотря на подтянутое подкрепление, сломить оборонительные позиции не удалось. Наоборот, горцы, перейдя в контратаку, своими шашками обратили противника в бегство. Бегство было остановлено лишь прибывшим новым подкреплением и мощной канонадой. Завал остался неприступным. Когда все десантные войска были на суше, они двинулись берегом моря к устью р. Мзымты, отстоявшей от места высадки на расстоянии двух верст. Весь этот путь был пройден противником под беспрестанным нападением горцев, которых беспощадно расстреливала артиллерия¹³.

Каково было количество жертв убыхов и асадзуа за этот день — осталось неизвестным. В числе погибших были какие-то 5 главнейших представителей племенной знати и трое влиятельных старшин. Царские войска потеряли убитыми 19 человек (в том числе 5 офицеров) и ранеными — 45 человек.

Когда царские войска приступили со следующего дня к сооружению укрепления на Мзымте, то горцы своими бесчисленными нападениями по несколько раз на день на преградительную цепь прерывали работы¹⁴. Так, например, 9 июня на рассвете пешие и конные толпы горцев собирались к селениям, расположенным на ближайших от лагеря горах; около 11 часов утра горская пехота и конница, не глядя на артиллерийский огонь, подошла к левому флангу цепи и вступила с нею в перестрелку. Нападения горцев не остановили и прибывшие к левому флангу подкрепления живой силы и ввод добавочного артиллерийского огня. Лишь после перемещения левого фланга на более выгодную позицию горцы отступили на орудийный выстрел. Царские войска потеряли 7 человек ранеными.

Как уже сказано, в обороне Адлера принимали участие не только асадзуа, но и убыхи. Не могли они спокойно смотреть, когда гром вражеских орудий гремел уже у самой границы Убыхии. Со всех сторон съезжались к прибрежному асадзуа старшины убыхов и дальних асадзуа для совещания и выработки общего плана действий. Собрание старшин постановило употребить все силы для обороны края. Старшины от имени своих обществ присягнули отказаться от внутренних раздоров и в подтверждение присяги произошел обмен аманатов (заложников).

9 июня съезжались дальние асадзуа и убыхи к Адлеру. 10-го в 5 часов утра они открыли из леса на левом берегу Мзымты ружейный огонь по стоявшему на берегу отряду матросов. Их огонь был прекращен лишь

¹³ Акты, VIII, с. 870—871.

¹⁴ Акты, VIII, с. 872.

после прибытия к матросам подкрепления и огня корабельной артиллерии. В 10 часов того же дня горцы в количестве 400 человек напали на левый фланг десантного отряда. К угрожаемому участку фланга перебросили 4 горных единорога, но горцы, не глядя на огонь их, приблизились к цепи на ружейный выстрел. Лишь после прибытия нового подкрепления флангу (рота солдат при двух легких пушках) они отошли в лес за пределы действия огня артиллерии. Бой длился около двух часов. Русские потеряли 7 человек ранеными, горцы же из-за артиллерийского огня, кажется, имели большие потери¹⁵.

12 июня была перестрелка между русскими и проходящей мимо партией горцев. Жертв не было. Того же дня горцы пристрелили артиллериста, отошедшего от своих в сторону. На следующий день в лагерь десантного отряда прибыла морем помощь. В этот же день от племенной аристократии общества Гечь (асадзуа) прибыл к Розену тайный депутат с секретным известием, что они будут вести агитацию среди народа за покорность царской России. Этот же депутат-шпион сообщил, что горцы думали, что войска пойдут к Адлеру не морем, а сушей, и поэтому заранее заняли было позицию у Гагринской теснины. Им пришлось покинуть ее, когда увиделидвигающийся флот с десантными войсками. И действительно, 14 июня с лагеря видели возвращающиеся из-под Гагр горские партии, которые время от времени завязывали перестрелку. Этого же числа к Розену явился парламентаром от горцев убыхский куашха Биарслан Берзек с одним старшиною. Их интересовал вопрос:

Рис. 8. Лагерь царских войск у устья р. Сочи в 1838 г. Рисунок Дж. Белля

¹⁵ Акты, VIII, с. 872–873.

что нужно русским? Для чего явились войска? Розен ответил восемью требованиями: 1) прекратить сопротивление России, 2) выдать аманатов, 3) возвратить русских пленных и дезертиров, 4) не принимать к себе непокорных царской России горцев, 5) не принимать в свои стада скот враждебно настроенных к России горцев, 6) отвечать за пропуск через свои земли тех горцев, которые хотели бы напасть на царские войска, 7) повиноваться назначенному царским правительством начальнику, 8) ежегодно менять охранные грамоты, — кто же этого не сделает, тот будет считаться врагом России. Далее генерал стал убеждать прибывших во всех «преимуществах» принятия подданства царю. Он обещал оставить неприкосновенными религию, собственность и обычаи и в то же время говорил о силе царской России. Парламентеры были так же двойственно настроены по отношению к войне за независимость, как и вся племенная аристократия. Биарслан Берзек и его спутник на всякий случай пообещали Розену склонить убухов и асадзуа к принятию присяги царю, но в то же время сказали, что народ слишком обозлен против царских войск, и поэтому ничего нельзя будет сделать. На следующий день (15 июня) к Розену прибыл глава местной племенной аристократии Сулейман-Хассан Аредба с тем же вопросом: чего хотят русские? Ответ был тот же, что и представителю Берзеков. Аредба также пообещал склонить асадзуа к непротивлению, но, как справедливо писал сам Розен военному министру, «на обещание его, равно как и на данное Биарсланом Берзековым, полагаться нельзя, и сие тем более, что на черкесском берегу находятся два английских агента». По отъезде Аредба домой горцы снова затеяли небольшую перестрелку с левым флангом цепи, но обошлось с обеих сторон без жертв.

18 июня Розеном было заложено Адлеровское укрепление, названное укреплением Святого Духа (в память дня десанта). Мыс Адлер приказано было именовать Константиновским. Уезжая морем в Абхазию, Розен приказал оставленному им в качестве начальника укрепления Святого Духа генерал-майору Симборскому обследовать берег до Сочи с целью выбора места под следующее намеченное к постройке укрепление¹⁶. К Симборскому приезжал парламентар Хассан Берзек. Он просил те самые условия, которые перед этим уже получил Биарслан. 18 июня он возвратил их назад генералу с припиской на турецком языке, сделанной депутатами удаленных от Адлера общин (очевидно, убухов, представителями которых являлись и сами Берзеки). Ответ горцев оригинален своим наивным характером и в своей последней части сильно отдает патриархально-родовой идеологией. Приводим приписку в старом переводе с турецкого: «О, неверные русские, враги истинной религии! Если

¹⁶ Акты, VIII, с. 874–875; *Фелицын Е.Д.* Материалы для истории Кубанской области // Кубанские областные ведомости. 1891. № 5, 8.

вы говорите, что ваш падишах дал вам эти горы, он нас не уведомил, что отдал вам нас лично; и, если бы мы знали, что эти земли вам отданы, то мы не остались бы в них жить. Мы имеем посланных от султана Махмуда, Мехмед-Али-паши (египетского. — Л.Л.), королей английского и французского. Если вы сему не верите, то отправим в Константинополь по одному доверенному лицу с вашей и нашей стороны для узнания истины, и буде вы в том удостоверитесь, то вы должны оставить эти места и Гагры и перейти за реку Чарчу (вероятно, Бзыб, так, по крайней мере, говорил Берзекон), и тогда мы будем жить с вами и абхазцами в мире, до тех пор, как наш падишах не объявит вам войны. Генерал! Вы не могли принять чужестранное судно¹⁷ как гостя, мы же, напротив, если вы приедете к нам, от малого до большого готовы защищать вас и семейство ваше. Мы поклялись нашею верою и о том вас уведомляем, что мы не исполним того, что в этой бумаге написано. Бог будет за нас или за вас»¹⁸. Таким образом, убыхи категорически отвергли 8 пунктов Розена.

Пока строилось укрепление Святого Духа, лагерь Симборского постоянно подвергался нападению убыхов и асадзуа; кроме того, у него появился еще и другой враг — лихорадка. Уже 24 августа того же 1837 года Симборский в письме к генерал-майору Вольховскому сообщает: «Возврат лихорадки изнурил меня до крайности. Норденстам (один из офицеров. — Л.Л.) так исхудал и переменялся, что страшно на него глядеть; другие не лучше его. Доктор Масленников не выходит десятый день из палатки <...> аптекарь также лежит в постели <...> Жары стоят нестерпимые»¹⁹. Из-за массовых заболеваний лихорадкою, оправдываясь Розен перед министром, отряд Симборского вынужден был отказаться от намеченного ранее захвата другого пункта на морском берегу для устройства там нового укрепления. Пришлось отложить это до следующего года²⁰. Но не в лихорадке было главное, а в той боевой решимости, с которою народные массы убыхов и асадзуа встретили своих врагов. Племена забывали вражду между собою, клялись друг другу помогать в борьбе с общим противником (об этом см. выше). Не оставались глухими к войне убыхов и асадзуа даже такие удаленные от них племена, как бжедуги, чемгуи и хатюкаи. В начале сентября 1837 г. представители этих племен отправились к Адлеру с целью принять участие в борьбе против лагеря противника²¹. Кроме того, по словам Дж. Белля, находившаяся в составе адлеровского лагеря грузинская и абхазская милиция была отослана на-

¹⁷ Имеется в виду захваченный царским флотом корабль Дж. Белля «Vixen».

¹⁸ Акты, VIII, с. 876–877.

¹⁹ Акты, VIII, с. 876.

²⁰ Акты, VIII, с. 877.

²¹ *Bell J.S. Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkassien während der Jahre 1837, 1838 und 1839. Pforzheim, 1841, s. 219.*

зад в результате своего нежелания сражаться против горцев. Грузины передавали последним, что если они и будут стрелять, то только в воздух²².

Убыхи, начав войну с царскими войсками у своих границ, в то же время не покидали далеких походов на кордонную линию северной стороны Кавказа. Так, в ноябре 1837 г. они совместно с абдзахами и мдажвюе составили партию около 500 чел., которая создала в верховьях р. Малой Лабы укрепленный завалами стан. Эта партия имела в виду производить отсюда набеги малыми группами на кордонную линию. Под влиянием партии соседнее племя шахгиреевцев, принесшее еще в 1834 г. присягу на верность царской России и числившееся «покорным», стало волноваться. Царское командование, имея среди горцев своих шпионов, узнало о лагере на Малой Лабе, и 15 ноября казаки генерала Засса, подойдя неожиданно, атаковали завалы с трех сторон. Бой был короткий, но кровавый. Горцы отступили, оставив на месте 32 трупа. Потери казаков исчислялись 5-ю убитыми и 23 ранеными. Последовавшие затем грабеж и пожары шахгиреевских селений снова вернули их к «покорности» царскому правительству, и они выдали аманатов²³. В этом же 1837 г. отряд убыхов во главе с Хаджи-Догомуко Берзеком участвует в нападении шапсугов на возводимое Михайловское укрепление на р. Вулан²⁴.

Если до 1838 г. царская Россия лишь подступала к убыхам, то с этого года война уже переносится на их территорию. Было решено высадить десант в Сочи и приступить там к постройке укрепления. За восемь дней до высадки убыхи уже знали о предстоящем десанте, только не знали определенно места, которое наметило захватить царское командование. Весть о предполагаемом десанте пришла в то время, когда на Сочи происходило народное собрание (3 и 4 апреля), созванное для заслушания послания от известного английского дипломата в Турции Уркварта (Дауд-бея)²⁵. Уркварт, являясь выразителем интересов английского капитала на Ближнем Востоке, был заядлым врагом русского царизма. Но, кроме того, Уркварт, по выражению лично знавшего его К. Маркса, был «весьма сложная фигура». «Субъективно он безусловно реакционер (романтик) (хотя, конечно, не в том смысле, в каком реакционна любая действительно реакционная партия, а, так сказать, в метафизическом смысле), но это несколько не мешает руководимому им движению в области иностранной политики быть объективно революционным <...> Уркварт представляет собой силу, которой Россия боится. Он является единственным официальным лицом в Англии, имеющим мужество и честность выступать против общественного мнения. Это единственный

²² Там же, с. 239.

²³ Акты, VIII, с. 877, 769.

²⁴ *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. Кн. 4. Изд. Академии наук СССР. М.; Л., 1935, с. 147.

²⁵ *Bell J.S.*, s. 370, 372.

человек, которого нельзя подкупить (ни деньгами, ни почестями)²⁶. В другом месте К. Маркс так отзываясь об Уркварте: «Он романтик-реакционер, настоящий турок, и хотел бы переделать весь Запад на турецкий лад и ввести турецкие порядки»²⁷. Но, «в конце концов, романтизм Уркварта <...> в высшей степени либерален»²⁸. Формулируя свое отношение к Уркварту, К. Маркс говорит: «Я согласен с ним в вопросах иностранной политики (борьба против России и бонапартизма), но не в области внутренней политики, где я иду вместе с враждебной ему чартистской партией»²⁹. Уркварт пользовался огромной популярностью среди черкесов и убыхов. По словам Дж. Белля, «преданность этого народа мистеру Уркварту превышает все, что я могу представить»³⁰. Он лично побывал на Северо-Западном Кавказе в 1834 г.³¹, поддерживал тесную связь с рядом черкесских и убыхских политических деятелей (в том числе с Хассан-беем)³². Он, как и все, что было прогрессивного в Европе, всецело был на стороне горцев.

Как сказано выше, для прочтения его очередного послания, призывавшего не складывать оружия, собрались убыхи на народное собрание. На этом собрании выступил находившийся в это время у убыхов другой англичанин, также имевший целью в интересах своего отечественного капитала возбуждать горцев на борьбу с Россией. Мы имеем в виду Дж. Белля³³. Он предложил объединиться всем горцам, образовать правительство и вести войну против России как особое государство³⁴. Но в 30-х годах внутренние отношения в горах еще не созрели для образования государства, которое, как результат непримиримости классовой борьбы, еще не имело под собой достаточно накаленной почвы. Предложение Дж. Белля было отклонено по тому соображению, что никто не будет подчиняться выбранной власти. Некоторые (например, Хассан-бей Диде) высказывали мысль, что лучше бы Англия взяла горцев в число своих колониальных народов. Это было мнение лишь одиночек, связанных своими интересами с морской торговлей, но Дж. Белл в своей книге с удовольствием передает такие замечания³⁵.

Как бы то ни было, но призывы к борьбе Дж. Белля, письмо Уркварта, прибытие к черкесам английского журналиста Лонгворта и приезд еще

²⁶ Письмо К. Маркса к Ф. Лассалю от 2/VI—1860 г. // Сочинения. Т. XXV, с. 361—363.

²⁷ То же, от 1/VI—1854 г. Сочинения. XXV, с. 364.

²⁸ То же, от 2/VI—1869 г. Сочинения. XXV, с. 364.

²⁹ Письмо К. Маркса к юстициату Веберу от 3/III—1860 г. Сочинения. XXV, с. 342.

³⁰ *Bell J.S.*, s. 86.

³¹ Там же, s. 277.

³² Там же, s. 47; Письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 31/III—1857 г. Сочинения. Т. XXII, с. 187.

³³ Кроме его мемуаров, см. о нем: *К. Маркс*, Лорд Пальмерстон, статья V // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Т. IX, с. 540—548.

³⁴ *Bell J.S.*, s. 372.

³⁵ Там же, s. 372, 86, 44.

одного англичанина поселяли в сердцах надежду, что вот-вот Турция и Англия вступятся за горцев, пришлют им на помощь войска и оружие и водворят старый порядок, когда не знали угрозы царской России. Эта надежда казалась до того реальной, что когда через несколько дней после собрания на Сочи, а именно — 7 апреля, на морском горизонте убыхи увидели идущий к ним корабль, то сразу же узнали в нем передовое судно английского флота. 100 женщин с плясками вышли на берег у Псахе встречать желанных гостей. Но вот раздались выстрелы с русских кораблей. Праздничное настроение сменилось боевым. 150 убыхов заняли на берегу оборонительную позицию. Незнакомый корабль, в двух местах пробитый снарядами, все же добрался до берега. Но вместо английских войск и оружия убыхи увидели обычного турецкого купца, привезшего для продажи соль³⁶.

На другой день 400–500 убыхов собрались на народное собрание на Мамае (Псахе) с целью выработки плана обороны против десанта, который вот-вот должен был прибыть к берегам Убыхии. Решено было укрепить и Сочи, и Мамай, как два наиболее возможные места высадки противника, причем, исходя из того, что Мамай был более важен в торговом отношении, пришли к выводу о необходимости больше внимание обратить на оборону этого пункта. Кроме того, по предложению Состангула Дзепша, решили собрать от каждого двора деньги на покупку пороха и пушек. После собрания убыхи спешно создавали окопы и завалы из поваленных деревьев и собирали свои главные силы к Мамаю³⁷.

Эскадра контр-адмирала Артюкова, произведя предварительную демонстрацию против Мамае, в ночь на 11 апреля 1838 г. подошла к Сочи. На кораблях прибыло 6½ батальонов пехоты, 8 полевых и 14 горных орудий. Командовал десантным отрядом уже знакомый нам генерал-майор Симборский. Первая часть десанта, пересев на гребные суда, высадилась на берег и заняла с одним горным орудием ближайшие высоты. Сигнальные выстрелы убыхских часовых и крики «гяур!» (неверные, христиане) подняли жителей селения Сочи. Три роты солдат и милиции — гурийская и мегрельская, находившиеся в передовой цепи, сразу же оказались под сильнейшим напором убыхов. Цепь эта дрогнула. На помощь к ней Симборский послал две роты и артиллерию. Получив подкрепление, передовая цепь перешла в наступление, и мегрельская милиция захватила селение Сочи. Но, чтобы удержать гору с селением в своих руках, Симборскому пришлось послать на помощь мегрелам еще две роты и две легких пушки. Головин в рапорте военному министру от 28 апреля 1838 г. указывал, что «многочисленные толпы неприятеля с необыкновенным ожесточением и редким между горцами упорством три часа продолжа-

³⁶ Там же, s. 377.

³⁷ Там же, s. 377–378, 384.

ли кровавый бой». Но «многочисленность» убыхов была преувеличена, чтобы не уронить достоинства десантного отряда. Как уже было сказано, убыхи ожидали высадки царских войск на Мамае и заранее собрались туда для должной встречи, а в бою на Сочи со стороны убыхов участвовало всего 300—400 чел., и эта кучка храбрых не только упорно отстаивала позиции против численно и технически превосходившего ее противника, но даже отбила 3 пушки (из которых две большие потом пришлось бросить), и взяла в плен 20 человек. Потери царских войск, кроме того, исчислялись 30 убитыми (в том числе 1 обер-офицер) и 141 раненым. Убыхи оставили на поле сражения 21 труп, а всего потери исчислялись около 70—80 убитыми и ранеными³⁸. Как видим, убыхи достойно сражались.

Лишь на другой день после высадки десанта явились главные убыхские силы к Сочи, до того стоявшие на Мамае. Следующие дни проходили в перестрелках. 16 апреля сочинский ахы Али-Ахмет Аблагуо, которого документы именуют «одним из значительнейших черкесских князей», послал к Симборскому парламентаря с предложением обмена пленными и с просьбой отдать тела погибших убыхов. Симборский дал согласие и посоветовал парламентарям уговорить Аблагуо самому приехать в лагерь для переговоров. Цель генерала была ясна: нужно было разными способами расположить к себе влиятельного горца. На другой день (17 апреля) к Симборскому явился второй парламентар, на сей раз Керендук Догумуко Берзек. Он также просил отдать тела убитых убыхов (очевидно, тех обществ, которые возглавлялись Берзеками). Симборский разрешил и, кроме того, наделил Берзека воззванием, содержащим в себе уже известные нам 8 требований капитуляции убыхов. Керендук сообщил, что со всех сторон съезжаются убыхи для участия в собрании, которое должно будет объявить всенародную войну России. Сам Керендук, из-за кровной мести с одной «джикетской дворянской» фамилией, проживающей на земле Аблагуо, будто бы хочет покинуть родину и переселиться к свояку своему, владельцу Абхазии, князю Михаилу Шервашидзе, воспитанному у Берзек. Намерения своего Керендук, как известно, не исполнил.

21 апреля в сочинском лагере Симборского было заложено укрепление, названное сперва Александрией, а потом переименованное в Навагинское. На следующий день после этого состоялось народное собрание двухсот убыхов. Оно происходило на виду у русского лагеря. На этом собрании было зачитано воззвание Симборского и предложено Дж. Беллю составить на него ответ. Этот ответ, хотя и писан был не убыхами, но автор его руководствовался теми инструкциями, которые ему дало собрание, и с этой точки зрения он представляет собою большой интерес. Ответ гла-

³⁸ Bell J.S., s. 383—385; Головин. Очерк положения военных дел на Кавказе с 1838 по конец 1842 гг.; Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Тифлис, т. IX, 1884, с. 282, 453; Эсадзе Б. С. Покорение западного Кавказа. Тифлис, 1914, с. 51—52.

сил: «Вы говорите, что по Адрианопольскому миру земля наша вам отдана; но это несправедливо: мы с незапамятных времен ничьими рабами не были; неужели впредь ими будем?! Решительный наш ответ таков: мы не станем вам ни на волос повиноваться. Вы пишете, что подвластные вам мусульмане живут в благоденствии; но что они терпят — мы знаем, слышим и видим <...> Мы знаем, сколь угнетены казанские, крымские татары и прочие, в империи вашей живущие. Из ваших крепостей бегут к нам, которых вы берете в солдаты, и мы собственными своими глазами видим, что бегущие от вас наслаждаются у нас только покоем. Если желаете ответа, то вот он: оставьте крепости, находящиеся на черкесской земле (подразумевается весь северо-западный Кавказ. — Л.Л.), перейдите за Кубань, и мы туда ходить не станем, вы же сюда не ходите <...> Вы написали к нам довольно надменное и заносчивое письмо; кто над нами начальник, и кто может давать нам приказания? Тем ли вы возгордились, что овладели на берегу моря клочком земли величиною в рогожу? Более мы к вам переговорщиков посылать не будем, и вы не посылайте; не пишите к нам более писем; а если это сделаете, то посланного уьем, письмо же разорвем в клочки».

Убыхи развивают большую активность в организации обороны. Хаджи-Догомуко носится с разными планами борьбы. Один из них заключался в одновременном штурме русского лагеря с трех сторон. К отбитой убыхами пушке были приставлены в качестве артиллеристов поляк, слуга Дж. Белля, и два русских дезертира. Чтобы не дать повод царскому командованию прикрывать свои захватнические действия демагогией о восстановлении некогда бывшего на Кавказе христианства, убыхи решили удалить три бывших креста у священных деревьев на Сочи. Но из-за крестов произошел большой спор. Оказалось много таких, которые почитали и деревья, и кресты, причем в числе почитателей был сам Али-Ахмет Аблагуо. Пришлось кресты оставить неприкосновенными. Еще раньше решено было отправить в Лондон к английскому правительству депутацию в составе Дж. Белля и Хассан-бея Диде, но это пришлось отложить.

В конце апреля убыхи сделали неожиданное нападение на команду грузинских милиционеров, вышедших за пределы лагеря. Бой для убыхских противников оказался самым позорным. Несмотря на то, что убыхов было в четыре-пять раз меньше, они заставили врага обратиться в бегство. Потери обеих сторон в отдельности состояли из 40–50 человек. В качестве трофеев убыхам досталось много оружия.

2 мая царские войска захватили маленькое турецкое торговое судно, следовавшее из Турции. Было предложено обменять судно на отбитую убыхами пушку, но убыхи отказались от такой мены. Может быть, к этому необходимо приурочить слова Раевского, который писал, что

«ободренные блистательным подвигом в 1838 г. в Сочи, азовские казаки сделали предприимчивыми и страшными для контрабандистских черкесских галер»³⁹. Другое известие, также, может быть, относящееся к этому факту, имеется опять у Раевского (от 1839 г.), где он, говоря об убыхском «дворянине» Тюльпаре, прибавляет, что это «тот самый, который с предводительствуемой галерою был захвачен на Сочи азовскими казаками»⁴⁰.

В ночь на 31 мая (по Дж. Беллю же — на 2 июня) на море поднялась большая буря, которая выбросила на берег ряд кораблей черноморского флота. Было выброшено на Субешхе — 2 корабля, на Сочи — 2, у Адлера — 2. Множество трупов погибших при катастрофе выбрасывали на берег волны. У Сочи, по словам Головина, несмотря на то, что убыхи «с остервенением устремились» к кораблям, гарнизон Навагинского укрепления спас экипаж. Но Дж. Белль, бывший лично свидетелем происшедшего, передает, что гарнизон делал две попытки защищать экипаж, и оба раза они кончались крахом. Его обращали в бегство, причем лишь 100 человек успело вскочить в крепость, а остальные были перебиты. Потери же убыхов были незначительны. Они взяли трофеями груз и подожгли корабли.

Убыхи не оставляли в покое гарнизон укрепления. 28 июня 1838 г. Дж. Белль делает запись, что на Сочи происходят почти ежедневные стычки. Однажды Хаджи-Догомуко Берзек решил сражаться с чуть ли не целым полком гарнизонных войск. Он один, без посторонней помощи, обстреливал нападающих из той пушки, которая была отбита у Симборского. Хаджи был ранен, но подоспевшие к нему на помощь спасли пушку.

Возможно, об этом же факте сообщают официальные документы царского командования, которые относят это к 9 июля. По этому сообщению, убыхи с ближайшей возвышенности дали один пушечный выстрел по лагерю. Оттуда по убыхам открыли огонь шесть пушек, которые вынудили замолчать стреляющих на два часа. Далее снова был открыт пушечный огонь по лагерю с другой возвышенности, находившейся в расстоянии полукилометра от лагеря. На другой день отряд подполковника Радкевича неожиданно захватил убыхскую пушку и с нею отступил назад под сильнейшим напором поздно сбежавшихся убыхов. По пути в лагерь Радквич сжег два селения. Симборский, рапортуя Головину об этом случае, добавляет: «ожесточение и дерзость их (убыхов. — Л.Л.) <...> превосходят всякое вероятие: самые исступленные в числе нескольких человек кидались с шашками в руках в середину колонны и погибали от штыков нашей пехоты». То же самое передает и Дж. Белль. Так, один из

³⁹ Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913, с. 359.

⁴⁰ Эсадзе Б.С., с. 66; см. также Н.В. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник. Т. XIII, Тифлис, 1889, с. 384.

убыхов, по его словам, через час после того, как был ранен ядром в голову, бросился с обнаженной шашкой в ряды неприятеля.

Захват убыхского орудия и сожжение двух селений несколько понизили боевое настроение некоторых из богачей и племенной верхушки. Сочинский Аблагуо снова прислал парламентаря к Симборскому с просьбой не разорять селения и сады. Хассан-бей Диде, еще до этого события стал отказываться от участия в боях на том основании, что он будто бы боялся скомпрометировать этим своих сановитых родственников в Турции. Мало того, этот богач вступил в торговые сношения с гарнизоном укрепления Св. Духа (на Адлере). Он сбывал туда косы. Когда однажды Хассан-бей возвращался из очередной своей поездки в укрепление, то встретившаяся толпа убыхов назвала его изменником и отняла дорожную шашку, которую потом пришлось ему выкупить за 1500 пиастров⁴¹.

Таким образом, уже в эти годы мы видим разницу в отношении к освободительной войне у разных слоев убыхского общества. Подлинно трудовой народ в лице царской России видел для себя произвол начальников, налоги, солдатчину, лишение земли и т.д., в то время как тянувшаяся к положению заправских феодалов племенная аристократия и богачи из вагышей усматривали в утверждении царской власти в горах чины, ордена, барыши от торговли на меновых дворах и в станицах, установление настоящей своей власти над народом. Выкупленный в 1839 г. из плена казак, который 30 лет прожил среди абхазов, шапсугов, убыхов, показывал, что вражда между народом и аристократией усиливается. По его словам, последняя была за покорность царю, а народ — против⁴². Далее это делается еще более заметным.

Царское командование, захватив важный убыхский пункт на р. Сочи и соорудив укрепление на месте разрушенного, густо заселенного ранее убыхского селения⁴³, стало готовиться к дальнейшим захватам на побережье. Так, 15 декабря того же 1838 г. генерал Головин доносит военному министру, что убыхи и асадзуа занимаются морскими разбоями, что турки для торговли с жителями чаще всего пристают к Вордане, где очень густое население, и что наиболее целесообразно, по его мнению, занять в следующем году Псезуапе, Субешх и Вордане⁴⁴. Но Николай I приказал ограничиться только Псезуапе и Субешхом⁴⁵.

Обычно сведения о многих намерениях царского командования довольно скоро узнавали горцы. Этому способствовала не только болтливость ряда офицеров, но (и это главное) те симпатии к борьбе горцев, ко-

⁴¹ Акты... IX, с. 282, 453, 457; *Bell J.S.*, s. 383–431; *Эсадзе Б.*, с. 51–54; *Юров А.* Три года. на Кавказе (1837–1859) // Кавказский сборник, VIII, IX, Тифлис, с. 163–170.

⁴² *Щербина Ф.*, с. 564.

⁴³ Акты... IX, с. 456.

⁴⁴ Акты... IX, с. 234.

⁴⁵ Акты... IX, с. 234.

торые часто проявлялись среди угнетенных царизмом народов империи (особенно народов Кавказа) и русского крепостного крестьянства, одетого в серую шинель. Мы уже сообщали о сочувствии убыхам в мегрельской и гурийской милиции; прибавим к этому еще некоторые факты. Так, находившиеся на царской службе асадзуа предупреждали убыхов об одном готовившемся нападении сочинского гарнизона⁴⁶. Сами солдаты из русских очень часто бежали к горцам от розог, от офицерского произвола. В июле 1838 г. Дж. Белль в своих дневниках делает запись о постоянном дезертирстве русских солдат к убыхам⁴⁷. Мы уже знаем, что эти беглецы выполняли роль убыхских артиллеристов (см. выше). Но бывали факты и более выдающиеся. Так, летом 1838 г. двое русских (из них один офицер) подожгли корабли, стоявшие у Сочи. Когда это было замечено с укрепления, то по ним был открыт огонь артиллерии, в результате которого один был убит⁴⁸. Мы не говорим уже о тех многих поляках, которые после восстания 1830 г. продолжали свою борьбу в рядах черкесов и убыхов.

После всего сказанного станет ясным, что убыхи имели право указать Дж. Беллю, чтобы он написал генералу Симборскому о национальном гнете, господствовавшем в царской России, и о массе русских перебежчиков в горы. После сказанного также понятно то, что убыхи узнали намерение царского командования захватить на побережье следующим пунктом Субешх. И это им стало известно задолго до формального сан-

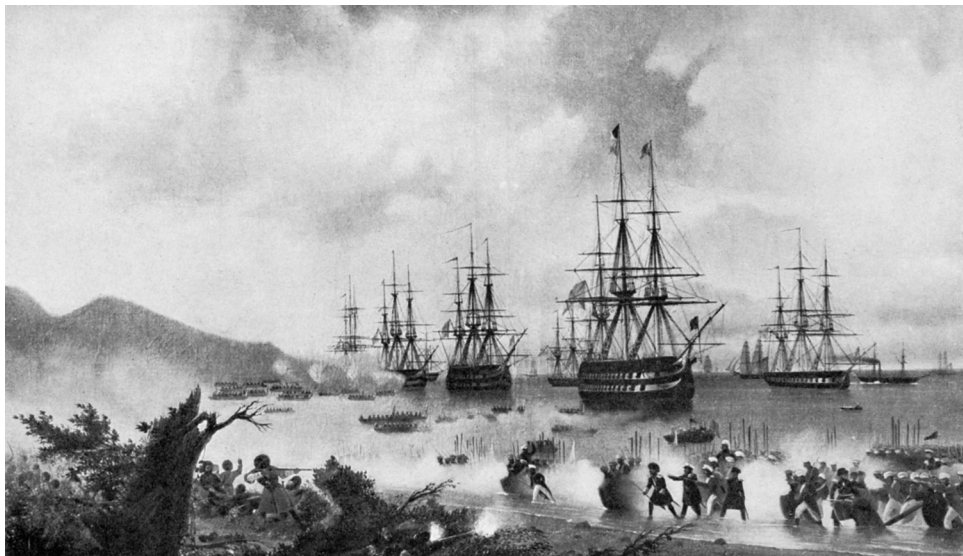

Рис. 9. Десант отряда в долине Субаши. И.К. Айвазовский

⁴⁶ *Bell J.S.*, s. 389.

⁴⁷ Там же, s. 434.

⁴⁸ Там же, s. 432.

кционирования такого захвата. На Субешхе шли подготовительные обронные работы еще с лета 1838 г.⁴⁹

Но не бросают убыхи и своих дальних походов против кордонных линий и приверженных царской России племен. Так, еще в августе 1838 г. абхазы просили убыхов прислать 2–3 тысячи человек для того, чтобы совместными силами освободить Абхазию от царской власти. По словам Дж. Белля, убыхи не смогли исполнить эту просьбу⁵⁰, но что они в какой-то степени все-таки откликнулись на нее, видно из последовавшего затем нападения их на покорное царскому правительству [«мирное»] абхазское селение Друпиги⁵¹. Это не осталось без отмщения со стороны владетеля Абхазии князя Шервашидзе, который посадил на семь галер бзыбских абхазов и, кроме того, взял два байдака с азовскими казаками и в ночь на 26 апреля 1839 г. сделал нападение на общество Хамыш [в документе — «Хамуширок»]. Так как это было неожиданным для хамышцев, то Шервашидзе посчастливилось сжечь два селения в пяти верстах от берега, взять сонных жителей в плен и пограбить их имущество. Отступая к морю, грабители подверглись преследованию лишь тех немногих, кто успел наскоро сбежаться на тревогу. Численное превосходство противника и артиллерийская его поддержка из казацких байдаков не дали возможности отбить захваченное. Среди убыхов было несколько человек убито, а в партии Шервашидзе лишь 7 ранено [правда, из них 2 — тяжело]. Генерал Головин, донося об этом военному министру [от 12 апреля 1839 г.], говорит, что подобные экспедиции полезны, и, что он разрешил Шервашидзе прибегать к ним и в дальнейшем⁵².

2 мая 1839 г. у устья Шахе показалась эскадра адмирала Лазарева. На другой день эскадра спустила на воду гребные суда. Завидя готовящийся десант, со всех сторон спешили убыхи к устью Шахе. С кораблей увидели муллу в белой чалме и 500 убыхов, стоявших на коленях под вековыми деревьями долины. Здесь находилась заповедная роща древнего бога-покровителя скота Ахына. Убыхи решили дорого заплатить десанту за захват их «священного» места и соседней важной торговой пристани. Под гром канонады две линии гребных судов двинулись к берегу. Но, не глядя на большие потери от ядер, убыхи встретили десант на расстоянии 100 метров от берега. Артиллерия разрушила сооруженные окопы между устьями Шахе и Субешх, и убыхи вынуждены были оставить их и укрыться в лощинах и за холмами. Лишь только войска успели выйти на берег, как увидели толпу в 1000 человек убыхов, которые молча, без единого выстрела, пошли на цепь. Впереди толпы бежало несколько мулл в

⁴⁹ Там же, s. 422.

⁵⁰ Там же, s. 447.

⁵¹ *Фелицын Е.Д.* Документы к истории завоевания восточного берега Черного моря // Кубанские областные ведомости, 1891, № 5.

⁵² Акты... IX, с. 179.

белых чалмах и два предводителя на белых конях. «Мне кажется, — говорит в своих записках очевидец, — что я никогда не забуду страшного впечатления, произведенного на нас этой неожиданной атакой». Цепь авангарда десантных войск была разорвана и отброшена к резерву. На помощь бегущим был брошен батальон, но убыхи, «выхватив шашки, дерзко шли вперед». Лишь когда новые пять рот ударили во фланг, остановились и открыли стрельбу. Охваченные с двух сторон убыхи храбро сражались врукопашную. В это же время другая партия убыхов спускалась с горы, что между реками Шахе и Субешх, с целью занять выдающуюся в море возвышенность, где находились главные завалы и какой-то старинный памятник. Генерал Ольшевский с батальоном пехоты успел занять эту возвышенность до прихода туда горцев и, пользуясь командующей над долиной позицией, начал обстрел главных убыхских сил. Убыхи оказались взятыми в полукольцо, но это не заставило их бежать. Они очень медленно совершали отход, сохраняя полный порядок. Главные силы были прикрыты двойной цепью арьергарда. Убитых и раненых уносили с собою, а на место их прибывали из ущелий новые толпы. Тем временем на берегу высаживались новые силы десантных войск. Под бой барабанов русские взобрались на гору, отделявшую Шахе от Субешха. Отряд моряков занял на горе позицию. Убыхи и на горе дорого отдавали каждый шаг. Они, укрываясь за деревьями, упорно обстреливали матросов. На помощь отступающим прибывали новые убыхи. Моряки дрогнули. Чтобы удержать занятую позицию, на помощь к ним были посланы батальон пехоты, рота саперов и два горных единорога. В это время в долине войска генерала Раевского [руководившего десантом], всею живою силой и артиллерией напирала на обороняющихся убыхов, которые, хотя и отступали, но «чрезвычайно медленно, с большим спокойствием», невзирая на то, что на таком близком расстоянии каждый картечный выстрел приносил им большой урон. К каждому раненому и убитому сбегались кучками и, отстаивая упавшего товарища, сражались еще ожесточеннее. Так длилось целых два часа. Под конец, не снижая силы своего огня, убыхи стремительной атакой прорвались к резерву своего противника. Контратакою и сильным картечным огнем был отражен этот последний приступ убыхов. За этот день от картечного огня убыхи понесли большие потери. В войсках генерала Раевского было 20 убитых [в том числе 3 офицера] и 117 раненых.

Когда еще не затихла стрельба, к Раевскому явились парламентареры: Биарслан Берзек и Тюльпар [Тюлькар — «человек тоже уважаемой фамилии» — замечает Раевский]. Они просили выкупить тела убитых одноплеменников. Раевский, ответил, что не торгует покойниками и поэтому отдает их даром. Среди подобранных солдатами 48 трупов горцев парламентареры узнали двух влиятельных лиц, которых сразу же забрали с собою,

а за остальными прислали арбы. В беседе с парламентарями Раевский пытался склонить их на свою сторону. Он говорил с ними приветливым тоном, хвалил их храбрость и в то же время рассказывал о всяческих «милостях», которые посыпятся на их голову в случае принятия покорности и о тех карах, которые станут уделом строптивых. Раевский убеждал Берзека и Тюльпара в ничтожности их средств борьбы с большой Россией, но ничего желательного от этой беседы генерал не получил.

На другой день происходила перестрелка лишь против левого фланга лагеря. Тем временем войска Раевского строили укрепление, а убыхи привезли пушку и под руководством Дж. Белля делали просеку и сооружали батарею. До 27 мая происходили мелкие, но частые перестрелки, выведшие из строя у русских I убитого и 24 раненых. Под утро 27 мая два батальона с 2 горными орудиями и 4 мортирами тихонько заняли позиции на водоразделе между Шахе и Субешх, для прикрытия лесорубов. Когда войска приступили к сооружению засеки, то были обнаружены убыхами, поднявшими тревогу. Сбежавшиеся на выстрелы вступили в упорный бой. Войска Раевского были 13 раз атакованы убыхами. После каждой атаки между ними и противником оставались трупы, из-за которых возобновлялись новые рукопашные схватки. Убыхи настолько вплотную подходили к врагу, что артиллерия даже не могла в таких случаях открывать огонь. Артиллеристы зажигали фитили и руками бросали ядра, а убыхи отвечали камнями и бревнами. Убыхи несколько раз опрокидывали своего противника и, прорвавшись к засеке, в пылу сражения пытались разбросать ее руками. Ружья нагревались до того, что из них почти нельзя было уже стрелять. За этот день царские войска потеряли 15 чел. убитыми и 37 ранеными. «Неприятель дрался с замечательным мужеством, даже отчаянием», — добавляет описавший эти события А. Юров. На следующий день убыхи открыли огонь из пушки, которую они поставили на левом берегу р. Шахе. Войска Раевского, поддерживаемые огнем своей артиллерии, перейдя речку, повели наступление на орудие. Убыхи, оберегая свою единственную пушку, увезли ее вглубь ущелья, а сами бросились на наступающих. Царские войска, заняв ближайшую возвышенность, приступили к рубке леса. Потом, продвинувшись по ущелью на два километра от моря, уничтожили устроенную Дж. Беллем батарею и, так же вырубив лес, возвратились к лагерю, потеряв за день 3 убитых и 8 раненых. В следующие дни убыхи снова вывезли пушку и открыли из нее огонь по лагерю. Невзирая на сплошную канонаду всей имевшейся у Раевского артиллерии, убыхи выпустили 20 ядер, убив одного и ранив двух. В перестрелках с 1-го по 29-е июня убыхи вывели из строя в лагере одного убитым и шесть ранеными, 30-го они ранили еще одного офицера. К 3 июля укрепление было выстроено и по приказу Николая I назва-

но Головинским [по имени Головина]⁵³. В новом укреплении был оставлен постоянный гарнизон, а остальные войска отплыли к шапсугскому пункту Псезуапе, где было построено укрепление Лазаревское.

В то время как происходили описанные события на Шахе, не было спокойно и на Сочи. Навагинское укрепление, по сравнению со всеми остальными укреплениями так называемой береговой линии, больше всего подвергалось нападениям.

Так, утром 18 апреля 1839 г. засада убыхов напала на команду, вышедшую для прикрытия рытья могилы, убила троих и пять человек ранила.

15 июня в долине р. Мзымты открылось большое народное собрание убыхов и асадзуа, имевшее целью возобновить присягу на борьбу с царской Россией и собрать штраф со вступивших в сношение с нею. Среди шума дебатов появился Дж. Белль [голова которого еще в прошлом году была оценена царским командованием в 200 руб.]. В своей речи он сообщил о получении им письма из которого видно, что скоро Англия и Турция объявят России войну и необходимо ожидать прибытия на помощь горцам флота. Дж. Белль призывал к немедленному штурму Навагинского укрепления, что и было принято собранием.

К 20 мая на командующей высоте за гребнем была устроена батарея, состоящая из трех пушек. В этот день собралось до 1500 убыхов, которые частью заняли позицию у батареи, а частью скрытно подошли с двух сторон к укреплению и открыли ружейный огонь, укрываясь за пеньками срубленного леса. Убыхская артиллерия произвела до 50 выстрелов, сами убыхи два раза бросались на штурм, но канонада крепостной артиллерии не допускала их ближе, чем на 100 шагов до рва. К вечеру бой утих.

21 мая перестрелка возобновилась. Батарея убыхов выпустила до 20 ядер, произведших большие разрушения в Навагинском. Канонадою руководил сам Дж. Белль, европейский головной убор которого ясно видели из укрепления. В этот день произошел очень редкий случай в практике артиллерийской стрельбы. Одно из выпущенных ядер попало прямо в дуло двенадцатифунтовой убыхской пушки и плотно заклепало его. Убыхи прекратили огонь и стали расходиться. Человеческие жертвы в Навагинском гарнизоне были небольшие, всего лишь трое раненых. Это объясняется тем, что живая сила гарнизона была хорошо укрыта.

20 июля 1839 г. небольшая группа убыхов [всего человек 60] дала залп по вышедшей из укрепления команде, прикрывавшей рабочих, чинивших бруствер. После залпа эта кучка храбрецов бросилась в шашки на численно превосходившего их противника. Ружейный огонь прикрытия

⁵³ Эсадзе Б.С., с. 59–68; Головин. Очерк положения военных дел на Кавказе с 1838 по конец 1842 годов; Акты... IX, с. 285; Юров А. Три года на Кавказе. IX, с. 115–128; Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 годы // Кавказский сборник, т. III, Тифлис, 1879, с. 158–167; Bell J.S. SS. 645–650, 655; Лорер. Н.И. Из записок. Декабристы на Кавказе // Русский архив, 1874, № 2, 9, с. 642–650.

и картечь из укрепления спасли команду, потерявшую 6 человек (2 изрубленных, 1 раненый и 1 без вести пропавший).

После таких подготовительных нападений на береговые укрепления убыхи приступают к осуществлению серьезных штурмов, которые хотя сразу и не увенчались успехом, но все же служили опытом для блестящих побед в следующем году.

Такой штурм был предпринят 28 сентября 1839 г. План нападения был хорошо продуман, с учетом слабых сторон укрепления и способов его обороны. Выполнение этого плана было произведено с большой решительностью. Атаковали укрепление с наиболее слабых его фасов: один — обращенный к р. Сочи, имевший ворота, и другой — ему противоположный. Перед двумя остальными фасадами ограничивались демонстрацией. Перед рассветом убыхи подошли незамеченными на гласис укрепления и залегли. Они имели при себе более 30 лестниц и длинные багры. Когда часовой на валу заметил убыхов и дал сигнальный выстрел, то убыхи дали залп и бросились с гиком на приступ. Они с помощью лестниц и багров вскочили на вал, другие, выбив ворота, также ворвались в укрепление. В гарнизоне поднялась паника. На помощь бегущим от Сочинского фаса солдатам выскочил резерв во главе с начальником укрепления капитаном Подгурским и поручиком Яковлевым. Но оба эти офицера были изрублены с ближайшими к ним солдатами. Но страх смерти делал свое, и оставшиеся солдаты штыками отбросили убыхов за вал. В то же время шло сражение и на Константиновском фронте, где убыхи также ворвались в укрепление. Лишь напряжением всех сил [даже больным пришлось участвовать в бою] гарнизону удалось на рассвете очистить укрепление от убыхов. Гарнизон потерял убитыми 6 человек и ранеными 18 [все — шашками]. Штурмовавшие — 23 человека. В следующие два дня убыхи вели почти непрерывную перестрелку с укреплением, подбираясь до самых валов. Лишь после прибытия на двух азовских байдаках подкрепления гарнизону они разошлись по домам⁵⁴.

Убыхи все более проникались ненавистью к николаевской России. Эти настроения значительно выросли, когда в конце 1839 г. возвратившийся из Египта «убыхский мулла Декомук Гаджи» [очевидно, совершивший хадж в Мекку Керендук-Догомуко Берзек], который «особенно выдавался мятежным духом», привез с собою грамоту от Ибрагим-паши египетского. В этой грамоте паша призывал горцев не складывать оружия и стараться уничтожить создаваемые на их земле укрепления. Ибрагим-паша обнадеживал горцев военной помощью, которую они скоро получат от него и ряда европейских держав, готовящихся к войне с Россией⁵⁵.

⁵⁴ Юров А. Три года на Кавказе. IX, с. 137–142; Bell J.S. s. 657–676, 687–697.

⁵⁵ Акты... IX, с. 252; Короленко П.П. Закубанский край (Из истории Западного Кавказа) // Военный сборник. 1893. № 7. С. 159.

Сперва учреждением крейсерства вдоль берегов Кавказа, а потом — постройкой укреплений царская Россия стала препятствовать горско-турецкой морской торговле. По словам С. Броневского, эта торговля уменьшилась в размере уже в начале 1820-х годов⁵⁶. Она постепенно превратилась из свободного занятия в запрещенную контрабанду. Уменьшались размеры торговых операций, но в то же время увеличивались барыши торговцев: чем больше риска, тем больше прибыли. Торговцы-турки уверяли, что если из 10 кочерм они теряли 9, то одним оставшимся они покрывали все убытки⁵⁷.

Захват Россией важнейших в торговом отношении пунктов побережья и объявление блокады очень стеснили торговые операции прибрежных племен. Царская Россия, борясь с турецкими торговцами, имела в виду сама занять их место в торговле края и, таким образом, достичь политического влияния на враждебные ей племена. Были разрабатываемы планы экономического завоевания Черкесии и Убыхии. При укреплениях были открыты меновые дворы. Но эти мероприятия не могли заменить собою работорговлю, игравшую главную роль в системе старой торговли края.

С самого момента постройки береговых укреплений убыхи бойкотировали захватчиков. Если, например, в укреплениях, находившихся в Черкесии и Асадзуа, кое-как теплилась меновая торговля, то на территории Убыхии [в укреплениях Головинском и Навагинском] она совершенно отсутствовала из-за бойкота убыхов. Последние, например, в голодную зиму 1839-1840 г. предпочитали, рискуя жизнью, откапывать на кладбищах укреплений покойников для того, чтобы снять рубаху или саван, но не шли на меновые дворы⁵⁸. Неурожаи нескольких лет сразу привели зимою 1839-1840 г. к большому голоду, которого давно не помнили в горах. Это лишь увеличивало озлобление их против царской России⁵⁹.

В то же время построенные на земле убыхов и черкесов укрепления не были боеспособными. Массовое дезертирство и малярия были настоящими бичами укреплений. К ним примешивалась бестолковщина среди командования, которое, будучи упоено прежними военными успехами, больше интересовалось чинами и новыми назначениями, чем, например, ремонтом разрушавшихся верков или сменой изнуренных частей новыми⁶⁰.

В таком положении застал Убыхию блестящий в ее истории 1840 год, который высоко поднял авторитет маленького народа в глазах всего борющегося за независимость Кавказа.

⁵⁶ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, т. I, М., 1823, с. 213.

⁵⁷ Щербина Ф. С. 321–322.

⁵⁸ Акты... IX. С.489, 508.

⁵⁹ Акты... IX. С.289, 249.

⁶⁰ Щербина Ф., с. 315, 318, 367, 368; Акты... IX, с. 289.

Разгром убыхами Береговой линии и экспедиция ген. Анрепа (1840–1841 гг.)

Как снег на голову, свалилась весть, что 7 февраля 1840 г. укрепление Лазаревское (на Пезуапе) горцами взято. Насколько это было неожиданным для царского командования, видно из того, что на рапорте об этом событии сделана надпись: «Не может быть!». Но факт оставался фактом.

Случилось это так. Убых Мусса Шоген, похитив девушку, бежал от преследования ее родственников в Лазаревское укрепление, где и прожил три месяца. За это время он вошел в такое доверие, что свободно уходил ночью, воровал скот и пр. Решив возвратиться домой, Мусса Шоген, чтобы получить примирение с обиженным родом, пообещал передать убыхам лазаревское укрепление.

В это самое время партия убыхов до 1000 человек собиралась к набегу на Абхазию. Предложение Муссы Шогена было принято. Партия, пополнившись еще 2–5 сотнями человек, порешила отложить абхазский набег и немедленно идти к Лазаревскому. Подавляющую массу в собравшейся партии представляли убыхи. Кроме них, приняли участие шапсуги, абдзахи и натхуаджи. Возглавили поход Хаджи-Догомуко Берзек и его племянник Биарслан Берзек.

6 февраля из укрепления Головинского видели большие группы убыхов, направлявшихся в сторону Лазаревского. По официальным данным⁶¹, в последнем было 4 офицера, 160 солдат и около 80 азовских казаков. В их числе было около 80 больных. В ночь на 7 февраля горцы скрытно подошли к укреплению, убили часовых и захватили три фаса. Гарнизон выскочил полуодетым и стал защищаться, но, дав лишь 5 орудийных выстрелов, пал под шашками убыхов. Бой длился только 15 минут. За исключением 30 человек, сдавшихся в плен, весь гарнизон был уничтожен. Засевшие отдельно азовские казаки дали 10 орудийных выстрелов, после чего, под напором горцев, половина из них была убита, а другая половина — взята в плен. Горцы потеряли, по явно преувеличенным сведениям выкупленного из плена солдата, убитыми 150 человек, а ранеными до 1500 чел. [т.е. выходит, что все были ранены. Явная чепуха!]. Вечером того же дня убыхи с песнями прошли мимо Головинского укрепления. На Сочи состоялось народное собрание, которое, под впечатлением победы, вынесло решение не расходиться по домам и напасть еще на одно из береговых укреплений. Выбор сперва пал на укрепление Навагинское,

⁶¹ Предупреждаем, что почти всегда к приводимым нами цифрам нужно относиться с большим сомнением. Командиры Кавказской армии имели склонность обычно преувеличивать число противника и его жертвы, и преуменьшать число и жертвы собственных войск. — Л.Л.

но потом план был изменен⁶². Не успело царское командование опомниться от известия о падении Лазаревского, как его ошеломила другая весть — 29 февраля того же года 7 тысяч убыхов и прибрежных шапсугов взяли укрепление Вельяминовское на Туапсе. По официальным данным в нем находилось 300 человек. Когда горцы подошли к укреплению, то прежде, чем начать штурм, выслали парламентаром уорка Кознзаея, который потребовал сдачи гарнизона. Начальник ответил отказом. Тогда в ночь на 29 февраля горцы скрытно расположились в ложнине. На рассвете, не замеченные часовыми, они бросились к воротам, силою выломали их, ворвались в укрепление и там вступили в рукопашный бой. Гарнизон, оправившись от первоначальной паники, вытеснил было горцев из территории укрепления. Но новая атака их сломила сопротивление, и укрепление было взято. Горцами были пощажены и взяты в плен: офицер, около 15 солдат, несколько больных и поп в ризах, схваченный в церкви у престола. Остальные были изрублены⁶³.

Командование Кавказской армией всполошилось. Боясь удара убыхов на Абхазию, что могло повлечь за собою особенно неприятные для него последствия в Закавказье, оно срочно посылает к асадзуа-абхазской границе на р. Бзыбь один батальон с двумя пушками.

А тем временем убыхи не расходились и готовились к штурму третьего укрепления. Сперва было решили напасть на укрепление Св. Духа, а потом изменили это решение. И вот, 22 марта убыхи, совместно с шапсугами, взяли укрепление Михайловское на р. Вулан. В ночь на 21 марта они обложили укрепление и, когда по ним был открыт артиллерийский огонь, бросились с лестницами на приступ. Горцы в ряде мест вскочили уже на вал, но не удержались и покинули занятые было позиции. Убыхи стали обвинять шапсугов в трусости, в бегстве из боя. Дело между ними чуть не дошло до битвы. Но потом военачальники обоих племен пришли к соглашению. Было решено вторично бросить на приступ пехоту, а конных, стоявших до этого в отдалении, придвинуть ближе, с тем чтобы они беспощадно рубили всякого, кто повернется к врагу спиной. Поставленная между двух огней пехота «отчаянно, с потрясающим душу гиком» бросилась на новый штурм, и одновременно вскочив в нескольких местах на бруствер, отбросила гарнизон за траверс, где он засел за бревна и бочки в кавалер-батарее. Начался пожар. Через два часа стрельба прекратилась. Гарнизон (500 человек) был уничтожен, за исключением 80 человек, попавших в плен (в числе последних — I офицер и I монах). Горцы вскочили в построики, а часть из них стала сбивать замок порохового погреба. В этот момент произошло неожиданное: раздался страшный взрыв погреба, и сотни горских трупов покрыли собою взятое

⁶² Акты... IX, с. 480—481; *Фелицын Е.Д.* Документы; *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе, X, Тифлис, 1886, с. 232 и др.; *Шербина Ф.*, с. 363, 364; *Эсадзе Б.С.*, с. 69.

⁶³ *Юров А.* Там же, с. 237—239; *Фелицын Е.Д.* Материалы, № 5.

ими укрепление. Дело в том, что перед штурмом солдат Архип Осипов засел в пороховом погребе с целью взорвать его в критическую минуту Михайловского укрепления, что и было выполнено. Царское командование распространяло весть, что при этом взрыве погибло до 3 тысяч горцев, но если эта цифра преувеличена, то все же следует признать, что жертв было очень много. Это сразу понизило боевой дух шапсугов, которые отделились от убыхов и разошлись по домам, чему способствовали старые межплеменные счеты. Убыхи, оставшись в одиночестве и зная о принятых в Черноморской береговой линии мерах предосторожности, не решились нападать на другие укрепления и возвратились домой⁶⁴.

23 и 24 марта убыхи производили попытку взять Навагинское, но на это у них уже не хватило силы и решимости, да и гарнизон укрепления был теперь значительно сильнее, чем прежде⁶⁵.

Несмотря на ссору между убыхами и шапсугами так называемой Малой Шапсугии, они, не оставляя военного задора, писали натхуаджам: «Вы правоверные и тем тщеславитесь перед нами, называя нас поклонниками дерев, но мы, идолопоклонники, дело свое начали — бог благословил нас, и мы взяли три укрепления. О чем же думаете вы, правоверные? И не стыдно ли оставаться в бездействии. Теперь наша очередь величаться перед вами». Натхуаджи ответили: «Мы — правоверные и это докажем; начинаем дело с тем, чтобы превзойти ваши успехи или самим лечь, а жен своих оставить на поругание русским»⁶⁶.

Призыв к натхуаджам и их ответ не остались безрезультатными. Они, при участии шапсугов, 30 марта 1840 г. взяли еще одно (четвертое) укрепление — Николаевское.

Весть об убыхских победах воодушевила и абдзахов. На р. Курджипс они составили большую партию [будто бы до 12 тысяч человек], к которой присоединились и шапсуги, и убыхи. 26 мая ими было произведено нападение на Абинское укрепление. «Ожесточенно с шашками наголо и с кинжалами в зубах» горцы, под градом пуль, картечи и ручных гранат, бросились на штурм. Большие потери в людях не остановили их напора. Имея впереди себя панцырников, горцы с «явным пренебрежением к смерти» спускались в ров и быстро вскакивали на бруствер. Но укрепления все же не взяли. Гарнизону достались 2 знамени (шапсугское и натхуаджское) и 10 раненых; в укреплении и во рву было подобрано 685 горских трупов⁶⁷.

События февраля и марта 1840 года имели большое историческое значение для убыхов, абдзахов, шапсугов и натхуаджей. Несмотря на

⁶⁴ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 239–247; Акты... IX, с. 481,482; Эсадзе Б., с. 73 и др.; Мирославский Иосиф. Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. // Кавказский сборник, т. IV, Тифлис, с. 3–11, 16, 17.

⁶⁵ Щербина Ф., с. 365.

⁶⁶ Щербина Ф., с. 366, 367.

⁶⁷ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 251–253.

проявление некоторого межплеменного антагонизма, все-таки совместные выступления разных племен против царской России под идейной и материальной гегемонией убыхов явились прообразом будущего межплеменного объединения горцев в 1860-х годах, когда гегемоном последнего выступили опять-таки убыхи. Участники описанных выше событий, покинув свои дома, клялись не расходиться, пока не падут и другие укрепления. Страдная пора не уменьшила горские полчища, так как было решено, несмотря на голод, не засеять полей в этом году. Сам внешний вид горских военных скопищ стал принимать характер порядка и дисциплинированности. Каждое племя с особым значком составляло особую дружину, делившуюся в свою очередь по территориальному признаку на сотни и десятки под предводительством храбрейших джигитов, которым все беспрекословно повиновались. Нападения производились общими организованными силами по предварительному совещанию военачальников. Каждая войсковая часть получала определенные тактические задания, каждому бойцу указывалось его место. Захватываемые запасы продуктов распределялись правильно по общинам, а орудия, ядра и иногда порох поручались на сохранение виднейшим старшинам. Горцы имели в виду завести собственную артиллерию. Настроение населения было приподнятое, и оно служило хорошей почвой для проповеди «газавата» (священной войны) против «гяуров» (неверных)-захватчиков. Духовенство разъезжало по ущельям и, ссылаясь на какой-то стих алькорана, пророчило, что 1840 год должен стать годом полного торжества ислама над неверными. По горам ходили всевозможные воззвания, призывавшие к оружию, обещавшие турецкую и европейскую помощь горцам и пр. Командующий войсками на Кавказе, генерал-адъютант Граббе рапортовал военному министру от 7 апреля 1840 г.: «До какой степени в последние два месяца изменилось положение закубанских племен. Не нова их непримиримая вражда к русским, их дикое и буйное мужество, но новы эти впервые обнаруживающиеся признаки народности, единодушия восстания, порядок и устройство, являющиеся в их скопищах, повиновение избранным начальникам, новые средства, придуманные ими для борьбы с русскими, и согласное стремление к одной общей цели. Последние события (взятие укреплений. — Л.Л.) начинают для этого края новую эпоху, совершенно отличную от прежних времен — эпоху войны народной, а не действий против хищнических партий, увлекаемых желанием грабежа. Конечно, ныне заметны только начала устройства и единства <...> которые могут быть усмирены силою оружия <...> Но я считаю долгом своим поспешно донести в.с. потому, что опыты прошедших времен довольно доказали, какие перевороты могут произвести подобные начала, если из пренебрежения к неприятелю не будут приняты немедленно все меры, чтобы остановить это восстание»⁶⁸.

⁶⁸ Акты... IX, с. 252, 253.

Во главе убыхских военных предприятий стояла местная племенная знать [куашха], среди которой непосредственное руководство войсками принадлежало выдающемуся деятелю того времени — Хаджи-Догомуко-Берзеку⁶⁹. Таким образом, в событиях 1840 г. мы видим совместные выступления куашха и вагышей. Насколько такой союз был крепок, явствует уже из того, что в октябре 1840 г. представители куашха извещают царское командование о предполагаемом нападении горцев на возобновленное Лазаревское укрепление⁷⁰, а из дальнейшего изложения картина станет еще более ясною; но нам нужно для восстановления исторической истины констатировать, что во время укреплений горских позиций в освободительной войне куашха стали на сторону силы, на сторону своих свободных общинников. Возглавив народные массы, куашха хотели нажить этим политический багаж и укрепить свое положение среди одноплеменников.

После блестящих убыхских побед командование спешно принимает ряд мер: начальники заменяются новыми, усиливаются гарнизоны еще не разрушенных укреплений и т.д. План дальнейшего занятия отдельных пунктов побережья был брошен; вместо него приступили к возобновлению разрушенных укреплений.

А убыхи не успокаивались. Они продолжают вести войну с царской Россией всеми возможными средствами. В мае и июне 1840 г. они постоянно тревожат гарнизоны Навагинского укрепления. Один раз они открыли огонь из двух орудий с ближайших к укреплению высот. Неопытность в артиллерийском деле не позволила им в полной мере использовать пушки: около 150 выпущенных ядер, сделав ряд пробоин в казарменных помещениях, не причинили существенного вреда войскам⁷¹.

Не была оставлена мысль о разгроме всей Черноморской береговой линии. Со всех концов ползли к царскому начальству слухи, что «приморские горцы и в особенности сильное племя убыхов» имеют твердую волю снова штурмовать укрепления⁷². На этот раз убыхи выбрали ареною своих действий противоположную сторону — Абхазию. В конце августа на Сочи собралось около 7000 убыхов с некоторым количеством и из других племен. Эту партию возглавил Хаджи-Догомуко Берзек. Аблагуо отказался принять участие в походе. Было решено отправиться походом в Абхазию, поднять на восстание абхазов и совместными силами взять одно из укреплений того края. Ставка на поддержку местного населения не была фикцией — весть о походе убыхов всколыхнула Абхазию. Жи-

⁶⁹ Васильев Е. Черноморская береговая линия 1834–1855 гг. // Военный сборник. 1874. № 9, с. 10; *Берзе Ад*. Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г.

⁷⁰ Щербина Ф., с. 325.

⁷¹ Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы, с. 248.

⁷² Акты... IX, с. 417.

тели Верхней Цебельды стали строить завалы с тем, чтобы по прибытии убыхов поднять оружие против царской России и присоединиться к ним. Жители остальной Абхазии, несмотря на старые племенные их счеты с убыхами, возможно, также примкнули бы к ним. По пути в Абхазию убыхи задержались в Цандрипше для разорения покорной России асадзуаской аристократической фамилии Цанбаевых. Карая русофильскую знать, убыхи упустили благоприятный момент. Этим воспользовалось царское командование и поставило войска в Бомборах и на Бзыби, укрепив лагерь на Бзыби завалами. Цебельдинцы же не решились восстать до прибытия убыхов, и, таким образом, царские войска имели возможность подготовиться к встрече противника. Увидав свою ошибку, убыхам не оставалось ничего другого, как разойтись по домам, не дойдя до границы Абхазии. Владетель последней, князь М. Шервашидзе, решил отомстить убыхам за намерение вторгнуться в Абхазию. Он собрал 500 милиционеров, посадил их на 10 галер и поплыл к берегам Убыхии, чтобы уничтожить прибрежные селения. Но разыгравшаяся буря вынудила абхазов вернуться домой, не исполнив своего предприятия⁷³. Абхазское крестьянство, воодушевленное победами убыхов и с надеждой на возможную их помощь, восстало в Кодорском районе⁷⁴.

После неудачи убыхского похода на царские укрепления в Абхазии, политические связи обеих районов [Убыхии и Абхазии] не прекратились, что не один еще раз увидим ниже. Между прочим, во второй половине 1840 г., после волнений в Цебельде, представитель антироссийского направления Эсшау, спасаясь от преследования своих врагов, бежал к убыхам, которых он призывал на помощь Цебельде, боровшейся за свою независимость⁷⁵.

Царское командование, перепуганное событиями начала 1840 года, боялось повторения их в предстоящую зиму 1840—1841 г. на территории Абхазии. Начальник Черноморской береговой линии, генерал Раевский, прося подкрепления через военного министра, восклицает: «Я не знаю, что делается с Абхазией, если Хаджи Берзек обратится на нее с 15 тысячами человек, как в прошлом году на береговые укрепления». «Вторжение Хаджи Берзека будет сигналом восстания, которое остановится только на границах Мингрелии, Имеретии и подвергнет разорению ту и другую». После ходатайства Раевского гарнизоны Абхазии были усилены линейным батальоном (4 роты) и, кроме того, в качестве резерва береговой линии в Новороссийске поставлен пехотный полк (4 батальона). В январе 1841 г. Восставшие дальцы (абхазы по р. Кодор) были раз-

⁷³ Акты... IX, с. 496, 449, 450; *Берже Ад*. Краткий обзор, с. 274; Рапорты Раевского от 16 июля и 17 октября 1840 г.; *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. М.; Л., 1935. Кн. 4, с. 151.

⁷⁴ *Фадеев А.* Убыхи, с. 152.

⁷⁵ Акты... IX, с. 496.

громлены царскими войсками⁷⁶. А убыхи не оставляли своей борьбы с царской Россией.

В первых числах ноября 1840 года шапсуги, убыхи и абдзахи собрались на р. Белой с тем, чтобы в том же месяце, после праздника байрама, разделиться на две партии: одной (пешей) обложить одно из укреплений новой Лабинской кордонной линии, а другой (конной) совершить ряд набегов на станицы между реками Кубань и Лаба. По словам офицера, выкупленного в это время из плена у убыхов, эти планы горцев были в прямой связи с деятельностью Шамиля в Дагестане, который после побед убыхов на побережье прислал на северо-западный Кавказ свои воззвания с призывом к газавату. Командующий Лабинской кордонной линией, генерал Засс, прослышав о сборах на р. Белой, усилил новыми войсками свою линию, и горцы, не видя смысла при изменившихся условиях нападать, разошлись по домам⁷⁷. С первых же чисел 1841 года Хаджи-Догомуко Берзек пытается организовать вторичный разгром Черноморской береговой линии. 5 января он возглавил партию убыхов и шапсугов (до 2000 человек), с которой совершил нападение 5 января на Вельяминовское укрепление, но дело ограничилось небольшой перестрелкой и захватом горцами нескольких лошадей и буйволов, принадлежавших гарнизону. 8 января в полночь они произвели более упорный штурм этого укрепления. Когда первая их атака оказалась отбитой, они повторили ее против каменной башни, но также вынуждены были отойти на исходные позиции⁷⁸.

17 января 1841 года убыхи принимают участие в объединенной партии из шапсугов, абдзахов и натхуаджей, совершившей нападение на земли Черноморских казаков. Они переправились через р. Кубань в районе Великолагерного поста и напали на Елинский пост и станицу Марьинскую. По поднятой тревоге к месту нападения прибыли казачьи отряды, и горцы вынуждены были, отстреливаясь, отойти назад за Кубань⁷⁹.

Хаджи-Догомуко Берзек сзывал под свои знамена шапсугов и асадзуа для нового штурма береговых укреплений. По его указанию известный куашха Омар Чиземогуа выстроил три галеры для борьбы с байдаками азовских казаков. Хаджи-Догомуко, собрав до 3000 горцев, решил ударить по укреплению Лазаревскому и одновременно совершить выступление по всему фронту береговой линии. Около 1000 человек под предводительством Керендука Берзека были отправлены для вторжения в Абхазию. Несмотря на то, что князь М. Шервашидзе занял со своим отрядом проходы в Абхазию, убыхи, преодолев снежные горы, напали 10 февраля на сел. Отхара. В сражении убыхи потеряли 3-х ранеными,

⁷⁶ *Фадеев А.* Убыхи, с. 152–153.

⁷⁷ *Юров А.* 1840, 1841 и 1842 годы, с. 375–376.

⁷⁸ *Н.В.* XIII, с. 362–364.

⁷⁹ *Щербина Ф.*, с. 287.

а абхазы — 5 убитыми, 7 ранеными и 12 пленными. На обратном пути 12 и 16 февраля убыхи делали попытки штурмовать Гагры, но были отбиты⁸⁰.

Одновременно с походом на Абхазию основные силы подступили к Лазаревскому укреплению. 11 февраля передовой отряд горцев около 500 человек, будучи обнаружен высланной из укрепления командой, вступил с нею в бой и отбросил ее за ворота. 12 и 13 февраля горцы произвели две атаки самого укрепления, во время которых были уже у самого гласиса, но оба раза усиленный огонь артиллерии вынуждал их отходить назад. 14 февраля произошла схватка из-за пасшегося у вала порционного скота. Того же числа горцы, устроив на левом берегу р. Псезуапе батарею, дали по Лазаревскому 17 выстрелов, но они оказались недостаточно меткими. 15 февраля осада укрепления была снята. В это же время было произведено нападение убыхов и на Навагинское укрепление. Его гарнизон, как и гарнизон Головинского укрепления, они предварительно держали в постоянной тревоге, производя частые ночные обстрелы⁸¹. 10 февраля Навагинское укрепление было обстреляно несколькими ядрами из имевшихся у убыхов орудий. По производстве этой артиллерийской подготовки убыхская пехота бросилась на штурм, но картечный огонь из укрепления остановил их атаку и заставил отступить. Через четыре дня после этого группа убыхов атаковала высланную из Навагинского команду, намеревавшуюся рубить дрова, и ранила двух солдат. Попытки штурмовать Навагинское возобновлялись ночью 20 и 21 февраля, но оба раза убыхам пришлось отступить из-за действия огня артиллерии противника. 26 февраля была снова схватка их с командой дровосеков.⁸²

28 марта созданные по инициативе Хаджи-Догомуко Берзека боевые горские галеры выдержали первую схватку с морскими силами своего противника. Бой произошел между азовскими байдаками и двумя горскими судами. Одно из них было «какой-то странной конструкции, но ближе всего подходило к шхуне; кроме парусов, оно имело по десяти весел на каждом борту, было вооружено двумя орудиями — шестифунтовым и трехфунтовым — и обиловало значительным числом вооруженных людей». На правой стороне этой галеры висел баркас. Другая галера была «такой же величины, но с одной мачтой». Длительный бой, в который первыми вступили азовские казаки, не дал им никаких положительных результатов. Огонь корабельной горской артиллерии отогнал казацкие баркасы.

Но в этот же день, 28 марта, около Новороссийска контр-адмирал Серебряков захватил торговую кочерму, направлявшуюся в Убыхию

⁸⁰ Н.В. XIII, с. 366–368; см. также: *Фадеев А.* Убыхи, с. 153, у которого нападение на Отхара указано 15 февраля, а на Гагры — 20 февраля.

⁸¹ Н.В. XIII, с. 366; *Фадеев А.* Убыхи, с. 154.

⁸² Н.В. XIII, с. 369–370.

[к Хизе]. Серебряков захватил на борту «убыхского узденя Ибрагим-Мусы» 13 сопровождавших его турок, 1050 пудов соли, сотню пуль, английскую сталь и прочие товары⁸³.

6 апреля около полусотни конных убыхов бросились на порционный скот, пасшийся у самого вала Навагинского укрепления. Здесь же, за валом, находились две высланные команды. Убыхи стремительным ударом опрокинули команду, одного убили, троих ранили и, захватив 14 голов скота, безнаказанно ускакали, несмотря на огонь артиллерии и преследование. За этот бой воинский начальник Навагинского подполковник Посыпкин разгневанным начальством был арестован⁸⁴.

Весною 1841 года у жителей Вордане не хватило хлеба до нового урожая. Сочинцы [очевидно в порядке взаимопомощи] решили отправить голодающим кочерму кукурузы. Может быть, все и обошлось бы благополучно, но «сочинский житель черкесский дворянин Каблуг» предал намерение своих сограждан. И вот 3 мая в 10 часов вечера кочерма наткнулась на поджидавший ее байдак азовских казаков. Завязался более чем двухчасовой морской бой. Казаки громили кочерму ядрами, картечью и ружейным огнем, а убыхи отвечали только последним. На кочерме находилось 37 человек «под начальством убыхского князя [из Вордане] Тати Татлестана». Они геройски оборонялись против численно и технически превосходного противника. Когда казаки, пристав к борту, бросились на абордаж, то убыхи вступили в рукопашную борьбу и, видя явный перевес успеха на сторону казаков, стали бросаться в море, хотя хорошо понимали, что это означает смерть, так как берег был далек даже для хорошего пловца. «Казаки, — рассказывает Волконский, — пробовали их брать живьем, но озлобленные убыхи, хватаясь за весла, в то же время с ожесточением старались их поражать своими шашками». В результате боя казаки взяли кочерму, оказавшуюся азовским байдаком, захваченным убыхами при взятии Лазаревского укрепления. Лишь 9 человек убыхов попали в плен, из которых 5 человек были ранены; кроме того, на дне кочермы лежало 5 убыхских трупов [в том числе, и зарубленный Татлестан]; остальные 23 человека предпочли утопиться, чем попасть в плен. В то время, когда происходил этот морской бой, на берегу шло сражение между высланным для прикрытия казаков пехотным резервом и группой убыхов, сбежавшейся на выстрелы. Убыхи бросились к береговому блокаду, где обычно приставали русские байдаки, с целью овладеть байдаком, когда он возвратится к берегу. Хотя артиллерийский огонь не допустил их к блокаду, но казаки не посмели пристать к берегу до самого утра⁸⁵.

⁸³ Там же, с. 371–373.

⁸⁴ Там же, с. 379–381.

⁸⁵ Там же, с. 387–389.

Тем временем, в конце 1840 года, прибрежная асадзуаская знать, пользуясь племенной враждой своего народа с убыхами, приняла присягу на покорность царской России и этим думала обеспечить себя от проникновения в Асадзуа демократических идей, носителями которых были черкесские тлхукотли и убыхские вагыши⁸⁶.

В деле измены освободительной борьбе асадзуаской племенной знати большую роль сыграл давно принявший сторону России М. Шервашидзе, который, по словам генерал-майора Анрепа, «не щадил никаких издержек, чтобы склонить на нашу сторону самых значительных людей между джигетами (т.е. асадзуа. — Л.Л.)»⁸⁷. Удачно завершив подкуп асадзуаской племенной знати, владетель Абхазии, князь Шервашидзе, пользуясь своими связями с Берзеками, у которых он был воспитан в детстве, приступил к уговорам убыхской знати. И вот 9 мая 1841 года представители последней, во главе с Хаджи-Догомуко Берзеком и Али-Ахметом Аблагуо, встретились в укреплении Св. Духа для переговоров с генералом Анрепом, в присутствии М. Шервашидзе, Каца Маргани и других абхазских аристократов. Среди убыхской знати обнаружилось два крыла: один — за немедленную покорность России [возглавлялось крыло Аблагуо], другое — настроенное более выжидательно, боявшееся немедленной капитуляции [возглавлялось Хаджи-Догомуко Берзеком]. Поведение вождя второго крыла достаточно ясно раскрывается из рапорта самого Анрепа, который говорит, что Хаджи, «опасаясь потерять влияние на народ, говорил в собрании против мирных сношений с русскими, но, с другой стороны, выслушав все обещания владетеля (М. Шервашидзе. — Л.Л.), тайно дал ему слово, что не будет противиться покорности убыхов, если они на оную решатся» (курсив везде наш. — Л.Л.). Его племянник Керендук-Догомуко-Берзек, — говорит тот же Анреп, — дал и мне, и владетелю Абхазии слово за себя и за дядю, что у убыхов не будет такого сора, которое бы могло быть опасно покорившимся».

12 мая того же 1841 года Али-Ахмет Аблагуо принес присягу на подданство царю. Кажется, тогда это же сделал и Зураб Хамыш. Колебавшееся крыло Берзеков не последовало их примеру и прекратило переговоры. Принятие российского подданства асадзуаской знатью и знатью убыхского округа Сочи [Аблагуо и Хамыш] было расценено как большой успех царской политики на Кавказе. Николай I повысил в чинах лиц, содействовавших этому, наградил Шервашидзе орденом Анны I степени и отпустил на подарки вновь принятой в подданство племенной аристократии сумму 39 червонцев и 2311 р. серебром⁸⁸.

Когда предательство племенной знати стало известно вагышам, у последних это вызвало бурю негодования. Возмущение было настолько

⁸⁶ Головин. Обзор положения военных дел на Кавказе // Акты... IX, с. 296.

⁸⁷ Фадеев А. Убыхи, с. 154–155.

⁸⁸ Фадеев А. Убыхи. С. 154–155.

велико, что они, собравшись в значительные толпы, арестовали Али-Ахмета Аблагуо, Зураба Хамыш, самого Хаджи-Догомуко Берзека, Керендука-Догомуко Берзека, какого-то Мурада, который был «житель долины Вардане, известный между убыхами своею храбростью», и ряд других. Под страхом народной расправы когда-то влиятельнейший ахы Аблагуо и куашха Хамыш вынуждены были публично отречься от данной присяги, после чего были освобождены из-под ареста. Что касается Хаджи-Догомуко Берзека, то он был задержан ненадолго и, освободившись, немедленно приступил к даче распоряжений о сборе убыхских воинов для похода на продавшуюся царской России асадзуаскую племенную знать⁸⁹. Эта его поспешность, с какою он приступил к приготовлениям похода, была вызвана желанием снять с себя подозрения в предательстве и тем удержать свой пошатнувшийся авторитет. Таким образом, в этой вспышке борьбы между куашха, тянувшими в сторону феодальных порядков, и вагышами, ревностно отстаивавшими демократизм общин, временно победили последние.

Изменники не ограничивались лишь голым признанием над собою царской власти. Один из асадзуаской знати — Аредба — сам предложил заклепать убыхскую артиллерию. Ночью 15 августа он с двумя солдатами и предателем из убыхов неким Хазачи тайно заклепали три орудия, а четвертое осталось целым лишь потому, что около него оказалась охрана. Вскоре после этого Хазачи сообщил русскому командованию, что в двух километрах от последнего убыхи закопали в песке и щебне орудия, которые были взяты ими во время кораблекрушений в бурю 1838 года [см. выше]. Взятие этих орудий не удалось, так как убыхи провели и поставили караул. Кроме того, они вступили в морской бой в ночь на 23 августа. В этом бою участвовали со стороны царских войск: два азовских байдака и фелюга, вооруженные артиллерией, и две убыхские галеры. Командовал азовцами известный командир их сотник Алейников. В результате боя казаки захватили одну галеру. На галере было 50 человек убыхов, из которых 15 попало в плен, 6 было убито в рукопашной схватке, 9 утонуло и 20 вплавь добрались до берега. Казаки также понесли потери, в числе которых была и смерть самого Алейникова. Его застрелил из пистолета находившийся на галере убыхский ахы, брат Али-Ахмета Аблагуо, который сам после этого пал в неравном бою. Таким образом, в семье Аблагуо не было единства: один брат предавал освободительное движение, а другой сражался на стороне этого движения⁹⁰.

Еще 2 августа группа убыхов и черкесов в числе всего лишь 30 человек, под предводительством Биарслана Берзека, совершила геройскую атаку на 150 человек казаков на правом берегу р. Лабы. Хотя горцев было

⁸⁹ Акты... IX. С. 505-506; *Фадеев А.* Убыхи. С. 157.

⁹⁰ *Н.В.* XIII, с. 418-420.

в пять раз меньше, но они сумели 5 человек убить и 7 — ранить, потеряв сами лишь 3 человек убитыми и 9 человек ранеными. Правда, в числе последних был и сам Биарслан Берзек, для которого рана оказалась смертельной⁹¹.

Если в период разгрома береговой линии царское командование из-за недостатка необходимых войск не смогло снарядить карательную экспедицию⁹², то это еще не значило, что от нее отказались. Думали еще перед восстановлением одного из уничтоженных укреплений «наказать» убыхов, «как главных виновников последних печальных событий»⁹³. Потом Николай I «соизволил <...> произвести при первой возможности строгие и решительные поиски для наказания убыхов», и такую «первую возможность» царь думал найти до осени 1840 года, а местные генералы думали снарядить экспедицию в сентябре месяце⁹⁴, а то и раньше, причем, не имея достаточных сведений о географическом положении Убыхии, они имели в виду карать убыхов в районе Псезуапе и Туапсе [т.е. в Шапсугии]⁹⁵.

Когда племенная знать асадзуа узнала о нависшей над нею убыхской угрозе, то сразу же бросилась к русским генералам с воплем о необходимости немедленной военной помощи. Те, в свою очередь, приказали своим новым подчиненным собрать поголовное ополчение для отпора убыхам, а со своей стороны большое войско под командой полковника Муравьева отправили 22 мая 1841 года сушей из Гагр в укрепление Св. Духа. Весь путь этих войск по землям прибрежных асадзуа был прогулкою: племенная знать везде являлась к полковнику с выражением верноподданнических чувств, а народ, боясь убыхского набега, также не тревожил войска. Муравьеву было приказано, чтобы он «не предпринимал ничего важного против убыхов, потому что <...> всякая неудача может иметь дурное влияние на успех в землю убыхов сильной сухопутной экспедиции»⁹⁶.

Концентрация войск на Адлере [Св. Духа] оказала определенное влияние на убыхов, которые, отправив свои семьи в глубину гор, обратились к асадзуа с предложением устранить мирным путем межплеменные противоречия. Было назначено на 4 июня свидание представителей убыхов с асадзуа. Во главе асадзуаской делегации на место встречи явился со свитою сам Муравьев, что должно было придать переговорам желательный для царского правительства характер. Делегаты съехались на границе своих племенных территорий. По обычаю стороны выслали переговор-

⁹¹ *Н.В.* XIV, с. 382—383.

⁹² Акты... IX, с. 250.

⁹³ Акты... IX, с. 488.

⁹⁴ Акты... IX, с. 260.

⁹⁵ Акты... IX, с. 263.

⁹⁶ Акты... IX, с. 505—506.

щиков, а Муравьев (ставший теперь генерал-майором) передал убыхам условия из пяти пунктов: 1) дает им трехмесячный срок для принятия российского подданства, 2) в течение этого времени убыхи не должны нападать на асадзуа и проходить через их земли для набегов на Абхазию; 3) убыхи должны возвратить асадзуаских аманатов [заложников]; 4) асадзуа, со своей стороны, обязываются не нападать на убыхов в течение этих трех месяцев; 5) эти условия подлежат подтверждению обоюдной присягой; далее за этими пятью пунктами следовали обычные угрозы, что если, мол, убыхи не примут их, то царские войска разрушат их селения.

Убыхи, более или менее верно оценив ситуацию, решили не подвергаться риску и принять условия. Воля к сопротивлению несколько ослабла. Этим воспользовалась русофильская часть племенной знати, которая сразу же подняла голову. Али-Ахмет Аблагуо известил Муравьева через доверенного, что при первом же появлении царских войск в Убыхии, он, Аблагуо, присоединится к ним со всеми своими единомышленниками. Асадзуаская знать тоже оправилась и храбро настроилась против убыхской массы.

Готовясь к карательной экспедиции, генерал Анреп писал: «Убыхи будут сильно поддержаны шапсугами и абадзехами (абдзахами. — Л.Л.) <...> но без единства и всегда опасаясь за свои границы, убыхи уже не будут теми непримиримыми и отчаянными врагами, которые безнаказанно поднимали против нас все племена в этой части Кавказа <...> Уход отряда из Гагр отдаст джикет в руки убыхов, если против сих последних не будет предпринята решительная экспедиция <...> Самоуверенность убыхов начала колебаться; не надобно давать им время усилиться от какого-либо неожиданного <...> поворота дел». Анреп считает необходимым провести эту экспедицию в конце августа, а для закрепления покорности прибрежных асадзуа поставить войска на р. Мзымта, около Ахчипсоу⁹⁷.

Пока генералы заранее предвкушали победу и делили шкуру неубитого зверя, широкие слои убыхского народа не падали духом. 22 июля 1841 года асадзуаская племенная знать донесла генерал-майору Муравьеву, что на Сочи собралось много убыхов и число их непрерывно увеличивается. Собирающаяся партия имеет целью бомбардировать из своих пушек Навагинское, а если почему-либо предприятие окажется неудачным, то двинуться к Адлеру для нападения на находившийся там отряд Муравьева. Получив эти известия, Муравьев 23 июля отправил на р. Хоста 5 рот с приданными им 6-ю единорогами. На другой день утром из-за реки раздались несколько выстрелов, убивших одного солдата. Муравьев явно струсил и приказал отряду отступать на Мзымту.

В это время убыхи 25 июля совершили нападение на команду, прикрывавшую порционный скот Навагинского укрепления. В ночь на

⁹⁷ Акты... IX, с. 508–510.

26 июля Навагинское было обстреляно ружейными залпами. Сделав на командующей над Навагинским высоте несколько амбразур, убыхи 28 июля дали 11 орудийных выстрелов. 29 июля, несмотря на прибытие с Адлера Муравьева с отрядом, убыхи открыли ожесточенную канонаду, выпустив 70 снарядов. Ни одно их ядро, ни одна граната не пролетели мимо укрепления, — очевидно, за это время убыхи уже достаточно усвоили технику артиллерийской стрельбы. Артиллерия их противника, в свою очередь, вела усиленную канонаду и заставила замолчать одно из четырех убыхских орудий. 30 июля с Адлера прибыли главные силы, предназначенные для «наказания» убыхов. Они же в этот день еще увеличили силу огня своих пушек — было выпущено убыхами 97 снарядов. Их меткий огонь причинял большие разрушения в укреплении. Ядрами насквозь пробивались строения, загорелись провиантные склады, взлетел на воздух передний блокгауз от гранаты, угодившей прямо в зарядные ящики, от чего возник второй пожар. Эти три дня убыхи ни разу не ходили на приступ. Это было героическое состязание четырех, а потом трех убыхских пушек со значительным количеством артиллерии Навагинского укрепления. 30 июля убыхи прекратили бой. Их численность на горе у пушек постепенно уменьшалась, а когда ядрами были попорчены щеки их амбразур, то убыхи после полудня прекратили огонь, свезли свои пушки в удаленные ложины и разошлись по домам. Потери войск в Навагинском за три дня исчислялись [кроме больших разрушений в самом укреплении] восемью убитыми, четырнадцатью ранеными и несколькими контуженными офицерами.

Племенная знать прибрежных асадзуа, узнав о том, что убыхская партия на Сочи наконец разошлась, снова возвратила с гор свои семьи, которые были отправлены туда во время сбора убыхов. По словам асадзуаской знати, убыхское ополчение «было так велико, как никогда еще прежде».

29 июля азовские казаки разбили турецкую торговую кочерму, приставшую у Мамая⁹⁸.

Вскоре после описанных событий 1000 убыхов скрытно пробрались через земли асадзуа и, напав на Абхазию, сожгли несколько селений. Они прошли двумя тропами мимо Гагр через поросшее лесом ущелье р. Жоабзе. Этот переход был очень трудным и возможным лишь в одном месте, находившемся вне действительного огня артиллерии Гагр. Гарнизон Гагр, хотя и видел убыхов, но не решился выйти за ворота. Последствием этого похода явилось сооружение башни, около р. Жоабзе, которая должна была запереть на будущее проход убыхов на Абхазию.

Тогда же была совершена удивительно отважная попытка завладеть Головинским укреплением. Около 2000 убыхов незаметно укрылись в ложине на северо-восток от укрепления. Зная, что днем ворота были не-

⁹⁸ Акты... IX, с. 511–513; *Н.В.* XIII, с. 410–415.

заперты, два десятка конных в полдень понеслись берегом моря мимо одного из блокгаузов к воротам. Храбрецы думали ворваться в них и поднять панику внутри укрепления, пользуясь которой убыхская пехота сделала бы открытое нападение. Но ворота на этот раз оказались запертыми. Когда джигиты это увидели, то, пустив что есть силы своих лошадей, заставили их совершить безумный прыжок с гласиса через ров, на дне которого торчали заостренные палисады. Ширина рва оказалась не по силам коням, и они погибли на палисадах. Лихие всадники, не отступая от цели, бросились на эскарп и вскочили на бруствер. Все это произошло неожиданно и быстро, но гарнизон уже бросился защищаться. 20 храбрых убыхов умерли на солдатских штыках, а штурм пехоты был отражен без потерь со стороны гарнизона⁹⁹.

Таким беззаветным упорством маленький народ хотел остановить наступление царской России.

В это время в Гурии разрасталось восстание, вспыхнувшее не без влияния убыхских побед 1840 года. Генерал Анреп писал: «Невольный свидетель, я видел, как быстро разнеслась весть о восстании в Гурии по всему восточному берегу (Черного моря.— Л.Л.), какие симпатии и надежды она возбудила»¹⁰⁰.

Когда царская Россия подтягивала свои силы к убыхам, они подбадривали друг друга, призывали другие племена к оружию и грозили асадзуа полным разорением за предательство их племенной знати. Среди самих асадзуа не было единства в отношении к захватчикам. Угрозы убыхов усиливали позиции антироссийски настроенных. Убыхо-асадзуаское население общества Хамыш и ближайшее к нему асадзуаское общество Арт стали выказывать явную враждебность по отношению к царским войскам. Вся ситуация требовала от царского командования скорейшего выступления давно задуманной карательной экспедиции в Убыхию.

К этому времени было задушено восстание гурийских крестьян, и царское правительство, наконец, приступило к давно задуманному предприятию. Из Гагр берегом моря тронулась длинная колонна войск. О количестве их можно составить мнение из походного порядка, между Адлером и Сочи. Авангард составляли: 2 батальона пехоты, 100 казачьих пластунов, команда саперов, пешая гурийская и мегрельская милиции. При авангарде находились 2 горных единорога и 2 ручные мортиры. В арьергарде: 2 батальона пехоты, пешая абхазская милиция; арьергарду были приданы два единорога. Правым прикрытием служили: 2 батальона пехоты, сотня пластунов и пешая имеретинская милиция. Ядро отряда состояло из 2 казачьих полков, 3 батальонов пехоты¹⁰¹, конной

⁹⁹ Филиппсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. 1884. № 1–2, с. 203–204.

¹⁰⁰ Доклад начальника Черноморской береговой линии. Цит. по книге: Хачапуридзе, с. 62.

¹⁰¹ По другим данным, в отряде было не 7, а 9 батальонов пехоты. См.: Очерк положения военных дел, с. 49.

мегрельской, имеретинской, гурийской и абхазской милиции¹⁰². При ядре находились 8 горных единокоров, 2 ручных мортиры. С моря отряд поддерживался эскадрой кораблей, 12 азовскими казачьими байдаками, 4 вооруженными баркасами. При отряде были владетель Абхазии и мегрельский наместник. Командовал отрядом начальник Черноморской береговой линии, генерал Анреп. Так как в этой экспедиции принимали участие, кроме русских и украинцев, еще мегрелы, имеретины, гурийцы, сваны, самурзаканцы, абхазы и др., то солдаты называли ее «нашествием двадцати языков на землю убыхов».

Генералы не на шутку решили расправиться с убыхами. А те, прослышав о готовящемся «нашествии», стали переводить свои семьи и стада в глубину гор, а сами поголовно собираться для укрепления проходов из Адлера в Сочи. 5 октября того же [1841] года их бивуак на р. Мица [Мацеста] имел 5000 человек конных и пеших. Покорившиеся царской России асадзуа открыто вошли в сношения с убыхами, которые заявили им, что совершенно разорят их, если хоть один из них присоединится к войскам Анрепа. К убыхам спешили на помощь отдельные представители из Абхазии и Шапсуги.

Воля народа к борьбе за независимость была настолько сильна, что ни один куашха не посмел выказать своих русофильских настроений. В момент всенародного подъема они стали на сторону освободительной борьбы. Сам семидесятилетний Хаджи-Догомуко Берзек громогласно поклялся или не пропустить на убыхскую территорию войск Анрепа, или сбрить бороду и надеть женские шаровары¹⁰³.

5 октября Анреп, производя с моря рекогносцировку берега, видел, что убыхи на пространстве между Адлером и Сочи сделали во многих местах завалы из поваленных деревьев, колючего кустарника или из двойного ряда плетня, между которыми была насыпана земля и камни. За завалами были устроены окопы. Самые большие завалы видны были у устья р. Мица и на скалистых мысах между этой рекой и р. Бзугу.

Владетель Абхазии князь М. Шервашидзе, с целью отвлечь внимание убыхов, произвел с милицией ночной десант у Головинского укрепления. Он напал на три селения в 8 километрах от последнего. Но селения

¹⁰² Всего в отряде было 2870 человек милиции.

¹⁰³ Скорятин, к сообщению которого нужно отнестись с большим недоверием, рассказывает об этом следующее: «Хаджи-Берзек выехал навстречу нашим войскам для переговоров, надеясь отклонить генерала от нападения <...> Видя, что генерал не склоняется на его доводы, Хаджи-Берзек представил те страшные препятствия, которые отряд встретит, в мужестве убыхов, поклявшихся биться до последней капли крови. Глотая землю и целуя шашку, он клялся, что не пропустит русских <...> Воротясь <...> Хаджи-Берзек держал речь в народном собрании: “Не отступлю, убью жен и детей моих, чтоб не достались русским, сам паду на завале, но не отступлю!”», восклицал и выхватил шашку и махнул ее на свое семейство. Убыхи, стоявшие в задних рядах <...> приняли этот жест за знак избивать свои семьи и, говорят, бросились резать своих жен и детей». Май, с. 307.

оказались пустыми, и М. Шервашидзе ограничился сожжением их и возвратился назад без добычи и без преследования. Было ясно, что убыхи, отправив семьи и имущество в дальние горы, поголовно собрались между Адлером и Сочи для достойной встречи своего врага.

В ночь на 8 октября весь экспедиционный отряд Анрепа выступил из Адлера по направлению к Сочи. До границы убыхов путь был пройден без единого выстрела — асадзуа не тронули войск. На горе за р. Хоста авангард наткнулся на первые завалы, за которыми находились небольшие передовые силы убыхов. Завалы были взяты обходным движением одного батальона и пешей абхазской милиции. Убыхи, оставив завалы, обратились против батальона и абхазов. Хотя убыхов было значительно меньше, но они оказали настолько сильное сопротивление с переходом в контратаку, что действовавшие против них войска не только не могли продолжать наступление, но готовы были показать тыл. Лишь после присылки нового батальона наступление возобновилось. Убыхи перерегивали путь деревьями, укрываясь за которыми, держались сами до последней возможности. Вторая линия завалов была с боем взята при совместном действии авангарда и бокового прикрытия. Большое сражение произошло у устья р. Агура, правый берег которой был занят группами убыхов. Лишь после отчаянного сопротивления они сдали свою позицию войскам Анрепа, которые расположились здесь на ночевку. За день экспедиционный отряд потерял 26 человек убитыми [в том числе, представителя цебельдинской племенной знати — Зисхана Маршаниа] и 61 человек ранеными. В то время, когда войска располагались лагерем на р. Агура, в тылу, в 5 километрах от них, стоял 8-тысячный лагерь асадзуа. Они не хотели первыми нападать на отряд, но, если бы ему пришлось отступать, то асадзуа решили соединиться с убыхами и отрезать ему путь к отходу.

На другой день [9 октября] отряд Анрепа выступил дальше. На горе против правого берега р. Агура убыхи атаковали батальон и две роты мегрелов. Бой оказался упорным. Со всех сторон сбегались убыхи к месту сражения. На помощь к наступающему батальону и мегрелам были посланы еще один батальон и часть пешей милиции, после чего лишь и удалось оттеснить убыхов. По обоим берегам р. Мица [Мацеста] были сооружены большие и крепкие завалы. Морская флотилия после упорной артиллерийской канонады выбила из-за них убыхов. Но стоило только замолкнуть орудиям, как они снова заняли свои завалы. Тогда при поддержке горной артиллерии войска Анрепа пошли на приступ. После рукопашного боя убыхи, не устояв против численно большего противника и его огневых средств, вынуждены были оставить завалы. Вся остальная часть дня была непрерывным боем, с которым убыхи отдавали каждый метр своей земли. В одном месте, где горы подходят прямо к морю, убыхи

хи преградили противнику путь двумя большими поваленными деревьями. За ними убыхи удерживали напор войск в течение трех часов. Войска за день не проделали и трех километров и остановились на ночевку за р. Мацеста. Во время приготовления к ночлегу авангард был неожиданно обстрелян из-за укрытого в лесу завала. Убыхи вынуждены были оставить завал, когда попали под двойной огонь авангарда и головы правого прикрытия [с тыла]. Пользуясь темнотой, два батальона заняли покинутые завалы. За этот день экспедиционные войска потеряли: 37 человек убитыми и 135 ранеными; кроме того, было убито 19 лошадей.

10 октября началось сильным ружейным огнем убыхов по всей линии правого прикрытия войск Анрепа. Ночью убыхи стянули свои силы на этом участке. После упорного рукопашного боя убыхов выбили из очередного на пути завала, но они, засев за другой, лишь увеличили силу своего огня. Опять был упорный бой, закончившийся отступлением убыхов лишь после атаки их противника. За этим завалом была долина, и поэтому по условиям местности убыхи снова перенесли свой удар на правое прикрытие, против которого пошли в решительную атаку. «Вероятно немногим на Кавказе удалось слышать такой батальный огонь горцев, какой убыхи открыли по всей линии, прежде чем бросились в шашки», — писал генерал Анреп. В атаку вел убыхов сам Хаджи-Догомуко Берзек, думавший стремительным напором прорвать боковое прикрытие. Атака была отражена, но убыхи собирались к новому приступу. В это время два батальона, сделав обходное движение, зашли в тыл убыхам и открыли по ним огонь с тыла и с фланга. Трехсторонний огонь предупредил атаку, но еще не обратил убыхов в бегство. Они отступили не сразу, но все же отступили, оставив на месте своих убитых. Разгоряченный Хаджи еще раз бросался вести единоплеменников на новую атаку, но его удержали. Неудача боя деморализовала значительную часть горцев, и поэтому недовольный сражением Хаджи-Догомуко Берзек сказал: «Теперь дерись, кто хочет, а я еду домой». Войска понемногу продвигались вперед. Количество убыхов против правого прикрытия поредело, и они ограничивались только стрельбой, не прибегая к атакам. Последний серьезный бой произошел на выступающем в море мысе, что в полукилометре не доходя до устья р. Бзугу. Там группа убыхов упорно защищалась за большим завалом. Прежде чем пойти на приступ, войска Анрепа повели артиллерийскую подготовку. Атака двух рот лишь после упорного сопротивления закончилась падением завалов. В это время сопровождавшая эскадра обстреливала из морской артиллерии долину р. Бзугу, где раньше находился бивуак убыхского сбора. Долина р. Бзугу стала свободна, и экспедиционный отряд смог продолжать свой путь до самого Навагинского укрепления почти без всякого сопротивления со стороны убыхов. Они, рассеявшись по лесу, вступали в единичную

перестрелку с правым прикрытием. Подойдя к укреплению, войска стали лагерем на ближайшей горе. За этот третий день пути они потеряли 64 человек убитыми и ранеными — 230 человек; кроме того, было убито 10 лошадей.

Таким образом, всего за 3 дня войска Анрепа имели: 129 убитых и 526 раненых, плюс 29 убитых лошадей. Что касается убыхов, то их потери были не меньшими, а, кажется, даже большими, так как огневое и тактическое превосходства противника давали возможность последнему сильнее поражать убыхов. По сведениям, весьма ненадежным [кажется, сильно преувеличенным] убыхские потери за 3 дня выражались в 1700 чел. убитых и раненых. Известно, что в одном только роде Берзеков было убито 11 человек, а в числе тяжело раненных был сын Хаджи-Догомуко¹⁰⁴; «в другой главной фамилии Дзиаш» [Дзепш] — 7 убитых, а в числе тяжело раненных — один из крупнейших убыхских деятелей того времени Состангул. Много легло головами влиятельных представителей племенной знати и храбрейших джигитов, которые по обычаю, были всегда впереди.

Убыхи дорогою ценою продавали врагу каждый шаг своей территории. Мы приведем некоторые картины из сражений в течение этих трех дней. «На завале один убых, будучи ранен пулею в правую руку, схватил кинжал в левую и бросился на наших солдат <...> В это время другая пуля пронизала его в ногу; он упал, но пополз навстречу нашим и швырнул в батальон своим кинжалом. Двое других <...> видя, что уйти некуда, бросились в море и спрятались под водою так, что на поверхности оставалось только лицо, чтобы можно было дышать <...> Их увидели <...> и послали шлюпку, чтобы взять в плен <...> Они утопились, когда приблизилась лодка».

Анреп, еле добравшись с экспедиционным отрядом до Сочи, не думал продолжать продвижение в глубину Убыхии. Целый месяц отряд простоял на месте. В 3 км от него происходило народное собрание убыхов. Число последних достаточно напуганный Анреп приводил в 8000 чел. Убыхи пригласили абдзахов и шапсугов. От первых прибыло человек 5, а от вторых — около 90. Не было единства ни между делегатами племен, ни между самими убыхами. Межплеменные противоречия переплелись со все нарастающим антагонизмом между вагышами, настроенными за всенародную войну с царской Россией, и русофильским большинством куашха. Когда среди шума народного собрания представители Верхней Убыхии решительно потребовали от абдзахов и шапсугов военной помощи, то последние ответили отказом и покинули собрание. Покинули

¹⁰⁴ М.Ф. Федоров же передает несколько иначе: «Убыхский старшина Хаджи-Берзек, 70-летний старец, потерявший в последние два дня из 9 своих сыновей четырех убитыми; остальные, израненные, принесены в отцовский дом» [с. 213. Версия М.Ф. Федорова менее надежна.]

убыхов и нагорные асадзуа [ахчипсоу и айбга], бывшие до сих пор заодно с ними.

Тем временем М. Шервашидзе, выполнявший роль проводника колониальной политики царской России на Западном Кавказе, всеми мерами изощрялся, чтобы усилить ликвидаторские настроения среди убыхских куашха. Владетель Абхазии, князь М. Шервашидзе, вынашивал заветную мечту объединить все черноморское побережье на северо-запад от Абхазии под своей властью [конечно, в рамках российской государственности]. Хаджи-Догомуко Берзек несколько раз сам являлся к русским аванпостам для переговоров. Другие приезжали в лагерь по два и по три раза на день. Они просили времени для того, чтобы склонить свой народ к покорности, говорили о невозможности выдать аманатов, так как, по условиям социального строя убыхов, их пришлось бы брать по одному от каждого рода. Они же подчеркивали, что племенная знать потеряла свое влияние на народ. Они просили годичный срок для ознакомления с русскими, которых, мол, в течение его не тронут. Некоторые договаривались даже до того, что соглашались слушаться того пристава, которого им назначит царское правительство.

Пользуясь внутренней борьбой среди убыхов и не решаясь в то же время продолжать свою карательную экспедицию, месячное пребывание больших войск на Сочи царское командование использовало для сооружения башни на командующей над укреплением высоте. Эта башня должна была препятствовать убыхам обстреливать Навагинское из пушек. Ни войска Анрепа не задевали убыхов, ни убыхи не нападали на них. Лишь изредка мелкие группы убыхов вступали в перестрелку с милиционерами. Сами эти стычки происходили лишь из-за желанья отбить лошадей. Так, 23 октября убыхи угнали 3 коня имеретинской милиции. На другой день имеретинцы подстрелили 4-х убыхов, из которых один был из рода Берзеков. 25 числа самурзаканцы устроили засаду, но были открыты убыхами и потеряли одного убитого. За все время постройки башни убыхи вывели из строя одного убитого и четырех раненых.

Не трогая экспедиционного отряда из-за противоречий внутри собственного общества, убыхи в то же время не боялись соседства этого отряда, так как хорошо понимали, что без морской артиллерии Анреп не решится вступить в глубину ущелий. Хаджи-Догомуко Берзек, например, просто издевался над отрядом. Он говорил своим одноплеменникам: «Вы замечаете медленность русских, — они дожидаются, что их государь пришлет им награды и корабли, на которых они поплывут по нашим ущельям с большими пушками. Пусть стоят, — говорил он, — нам меньше будет работы; с помощью аллаха, если они не перемрут все здесь, так половина их убавится от болезней». Не трогали убыхи своего противника, когда он и лошадей своих отправил берегом в укрепление Св. Духа,

и когда, построив башню, 8 ноября экспедиционный отряд отплыл из Сочи.

Так закончилось «нашествие двадцати языков на землю убыхов». Долго и много готовилось царское правительство к осуществлению своей карательной экспедиции. А какие же результаты она принесла? Было убито и искалечено несколько сот убыхов, построена башня у Навагинского укрепления, лишили убыхов их миниатюрной артиллерии [3 пушки были заклепаны, а 4 взяты в качестве трофеев]. Это все, чего добилось царское правительство от своего «нашествия». Но этот малый результат был куплен очень дорогой ценою: 131 человек убитых 534 раненых [к этому нужно добавить немалое количество унесенных в могилу малярией] и огромная сумма материальных издержек. Мы должны констатировать, что экспедиция не оправдала себя. Потерь много, а эффект маленький. Среди убыхов же еще больше укрепилась вера в невозможность проникновения царских войск в их ущелья. Не были убыхи разбиты и морально, наоборот — они ждали лишь удобного времени для новых контратак на врага и своей решимостью продолжать освободительную борьбу даже влияли на шапсугов и натхуаджей, имевших, было, склонность завязать мирные сношения с противником. И если авторы, принадлежавшие к официальной прессе [например, Головин, Васильев], делали вид, что довольны результатами экспедиции Анрепа, то другие, незаинтересованные в замазывании фактов, прямо указывали: «мы <...> кончили знаменитую экспедицию, <...> которая не принесла никакой пользы, разорив казну расходом <...> и уронив в глазах горцев достоинство русского оружия» [М.Ф. Федоров]¹⁰⁵.

Убыхское собрание на Сочи разъезжалось. Небольшая группа [менее 100 чел.], состоящая в большинстве из конных верхних убыхов, скрытно от асадзуа ночью пробралась берегом моря к Адлеру и напала 5 сентября 1841 г. на команду лесорубов, высланную из укрепления Св. Духа. Убыхи своей неожиданной атакой опрокинули численно превосходящего противника. Команда панически бежала к укреплению. Убыхи преследовали бегущих до тех пор, пока из укрепления не подоспела помощь. В результате этого молодецкого дела убыхов, противник потерял: 21 чел. убитыми (в том числе подпоручика, начальника команды), 9 тяжело раненными и 14 чел. пропало без вести (очевидно, уведено в плен)¹⁰⁶.

¹⁰⁵ Акты... IX, с. 296, 513-523; Акты... XII, ч. 3, с. 746; *Васильев Е.*, с. 18 и др.; *Федоров М.Ф.*, с. 207–216; *Филипсон*, I, с. 214–216 и след.; *Скорятин*, май, с. 306–308; Очерк положения военных дел на Кавказе, с. 49–51; *Н.В.* XIV, с. 303–332, 335, 336, 338, 339.

¹⁰⁶ Акты, IX, с. 525; *Федоров М.Ф.*, с. 216.

Убыхия в 1842–1847 гг.

Энтузиазм освободительной борьбы убыхов заметно спал. Этому способствовали снова проявившая себя племенная рознь и усиление береговых гарнизонов после событий 1840 г. Этому же способствовала агитация среди племенной знати идеи покорности русскому царю. Мы уже видели явные факты предательства со стороны таких представителей этой знати, как Хамыш и Аблагуо. Теперь в 1842 г. по их стопам следуют Субешхские Берзеки. Так, в самом начале этого года они прямо заявили сперва воинскому начальнику Головинского укрепления, а потом — начальнику 3-го отделения Береговой линии генерал-майору Муравьеву, что они совместно со своими общинами желают принять российское подданство. Муравьев предложил им собраться для принятия присяги. И вот 27 февраля недалеко от Головинского укрепления собрались субешхские убыхи. От имени собравшихся «Шеулех-уко-Амщук Берзек, Хапеш-уко-Элебуз Берзек, Шеулех-уко-Эдик Берзек, Шеулей-уко-Мату Берзек присягнули за себя и за своих подвластных на вечное подданство великому государю», — рапортовал Анреп военному министру. Условия, на которых базировалось принятие присяги, были сформулированы в особом «клятвенном обещании», текст которого нам не удалось найти в печатных изданиях. А. Фадеев, познакомившийся с ним в архиве, сообщает следующее: «Признав себя подданными царской России, Берзеки (поправим — субешхские Берзеки. — Л.Л.) были только ограничены во внешней политике, но ничем не были ущемлены в отношении своих прав над Субашинскими (т.е. субешхскими. — Л.Л.) общинами. Напротив, поддержка царского правительства, вассалами которого они теперь являлись, обеспечивала усиление их политического авторитета и открывала возможность для дальнейшего расширения их эксплуататорских прав <...> Пункты “клятвенного обещания” говорят только о подданстве и вообще сформулированы гораздо мягче, чем многие подобные акты, подписанные в свое время феодальными владельцами Кавказа. Это объясняется, конечно, только тем, что <...> царское командование не могло еще разговаривать с убыхами языком победителя». Принятие субешхскими Берзеками присяги было расценено царским правительством как большой успех. Дело в том, что, как это сформулировал Анреп, «от прочного покорения убыхов зависит покорение и спокойствие не только вверенной мне линии (береговой. — Л.Л.), но всего нагорного края Кавказа, от Военно-Грузинской дороги до берегов Черного моря». В лице убыхов видели головной отряд освободительного движения горцев Западного Кавказа. Вот почему Николай I, узнав о субешхской присяге, распорядился произвести каждого присягавшего Берзека в чин поручика, назначить им жалование по 200 р. в год каждому и «выслать им эполеты». Через некоторое время после этого Анреп сообщает, что «поведение

новых подданных государя императора превзошло все мои ожидания». Пример субешских Берзеков повлиял даже на самого Хаджи-Догомуко, который стал искать встречи с Анрепом для каких-то переговоров. Но мы все же не имеем данных, позволяющих отнести Хаджи-Догомуко к числу изменников делу борьбы за независимость. Но отрицать, что он не раз нащупывал почву для соглашения с царским правительством также не приходится. И это явилось причиной резкого падения авторитета Берзеков [в том числе и его] в среде убыхов в 1840-х годах¹⁰⁷.

Вагыши в то время, когда их бывшие предводители стоваривались с генералами, не хотели идти тою же тропею. Они продолжают борьбу. Так, летом того же 1842 года они откликаются на призыв натхуаджей и совместно с шапсугами и абдзахами помогают им бороться против возводимого в то время Гастагаевского укрепления. Так, они принимают участие в бою 8 июня. Мстя за это нападение, царское командование сожгло до 150 натхуаджских селений. Возвращаясь домой, убыхи с шапсугами пытались покарать цемезских (у нынешнего города Новороссийска) и других черкесов, не принявших участия в общем деле¹⁰⁸. В это же время «старшины убыхов, — писал Анреп, — вместе с шапсугскими и абадзехскими, отправились в Кабарду с намерением склонить жителей оной к враждебным против нас действиям вместе с ними»¹⁰⁹.

Продолжая борьбу на широком фронте, помогая одним племенам живою силой и призывая к оружию другие, убыхи в то же время сражались и дома против Навагинского и Головинского укреплений. Гарнизоны этих укреплений находились в положении постоянной тревоги. От Анапы «чем южнее лежало укрепление, тем более редким явлением был в нем семейный очаг», — доносила в 1843 года одна из записок военному министру¹¹⁰. В ночь на 16-е июня 1844 года убыхи (около 6000 человек) неожиданно бросились по капители восточного бастиона Головинского укрепления. Перерубив в нескольких местах палисады, убыхи ринулись на бруствер. Отчаянный огонь артиллерии, расстреливавший штурмующих в упор, многих их уложил на дне рва, но это не произвело на них впечатления. Тем временем другие партии убыхов производили фальшивые атаки на два соседние бастиона. Через несколько минут Головинское укрепление было взято со стороны восточного бастиона. Гарнизон разбежался налево и направо по банкету. Считая дело оконченным, убыхи стали извлекать имущество из церкви, артиллерийской казармы и офицерского флигеля. Недобитые защитники восточного бастиона побежали к южному, но, найдя его взятым, бросились к западному бастиону, где

¹⁰⁷ *Фадеев А.* Убыхи, с. 160–162.

¹⁰⁸ *Шербина Ф.*, с. 368–369.

¹⁰⁹ Донесение Анрепа военному министру в августе 1842 года. Цит. по: *Фадеев А.* Убыхи, с. 167.

¹¹⁰ *Шербина Ф.*

укрылась остальная часть гарнизона. Притаившись в бастионе, уцелевший гарнизон не подавал никаких признаков жизни. Убыхи беспечно забыли о солдатах и спокойно хозяйничали в укреплении. Часа через три, когда большинство убыхов разошлись, унося раненых, убитых и забранные трофеи, гарнизон неожиданно дал орудийный выстрел и выскочил в контратаку. Убыхи не успели организованно встретить противника и должны были, с потерями в людях, оставить территорию укрепления. Человек 10 их засело между кирпичами разобранного порохового погреба и, отказавшись сдаться, геройски погибли. Гарнизон потерял за этот день 33 человек убитыми и 54 тяжело ранеными. Во рву и внутри укрепления по Е.Д. Фелицину лежало 120 убыхских трупов. По официальным же данным генерал-майора Будберга, в укреплении было подобрано 116 убитых убыхов, 5 тяжело раненных и 3 значка. Вне укрепления через несколько дней нашли еще 190 трупов, обглоданных шакалами. Убыхи отыскивали их среди леса по запаху. Общие потери убыхов (убитыми и ранеными) Будберг определяет в 1000 человек. «Большая часть раненых горцев умирает от ран, нанесенных в близком расстоянии картечью и пулями. Нет аула в земле убыхов, где бы ни оплакивали чьей-нибудь потери. К этому бедствию присоединяется еще большее: ожидание голода от совершенно скудного урожая на всем пространстве восточного берега»¹¹¹.

После этого славного дела убыхи обложили Навагинское укрепление и бомбардировали его из двух или трех орудий в течение двух суток. Напуганному гарнизону прибыло морем подкрепление, после чего убыхи, простояв еще несколько дней, не сочли благоразумным идти на приступ и разошлись по домам.¹¹²

18 числа горцы снова подступили к Головинскому, но штурма не произвели.

19 ноября 1844 года у Навагинского убили одного солдата и ранили троих¹¹³.

30 ноября того же года у Головинского произошел морской бой между турецким купеческим судном и тремя байдаками азовских казаков. Судно было взято в плен, причем бывшие на нем турки и горцы предварительно бросили свое оружие в воду. На судне оказалось 9 турок, 72 горца и живой товар, состоявший из 78 горянок и 3 русских мальчиков, предназначенных на продажу в Турцию. Захват судна неприятно повлиял на убыхов и шапсугов, тем более что в числе пленников оказались представители влиятельных родов. По словам Будберга, «одно из обществ

¹¹¹ Акты... IX, ч. 2, с. 904–905; Шербина Ф. С. 373; Филипсон Г.И., с. 339–341 [последний автор неправильно отнес события к 1842 году].

¹¹² Филипсон Г.И., с. 342.

¹¹³ Шербина Ф., с. 373–374.

племени убыхов предложило покорность свою за выдачу им <...> пленных»¹¹⁴, но, кажется, то были асадзуа.

Вообще же под влиянием голода и, возможно, внутренней борьбы между Аблагуо, Хамыш и, отчасти, Берзеками, с одной стороны, и вагышами — с другой, убыхи почти не предпринимает решительных военных действий. И даже не в пример прошлым годам они вступили в торговые отношения с русскими на меновом дворе Головинского¹¹⁵, и, кажется, Навагинского укреплений.

23 января 1845 года произошла мелкая стычка у Навагинского. 3 апреля того же года она повторилась в более обширных размерах. Об этом последнем сражении А. Фадеев сообщает: «Весной 1845 года убыхами едва не было взято Навагинское укрепление, причем характерно, что повстанцы возглавлялись тут абреком из крестьян Омером Чизма»¹¹⁶. Правда, А. Фадеев ошибается, относя известный род Чиземогуа к вагышам (крестьянам), — это были куашха. Но действительно показателен тот факт, что возглавлено было сражение не Берзеками, а их заклятыми врагами-кровниками. Сам Омар в этом бою был убит.

6 и 7 апреля происходили стычки у Головинского. 19 апреля у Головинского же разыгралось сражение между байдаками азовских казаков и убыхами, защищавшими турецкое торговое судно. Открыв огонь с берега, толпа не пропустила казаков к судну, подходившему в это время к причалу. Из-за большого волнения турецкая кочерма опрокинулась, но, несмотря на это, казаки не смогли сделать больше обстрела из фальконетов. Убыхи отстояли кочерму и, кроме того, убили двух казаков и ранили пять. Со стороны убыхов также имелись жертвы, но размеры их нам не известны.

12 мая снова повторилась мелкая стычка у Навагинского, а 13 мая там же произошел довольно характерный случай: «Один убых поклялся жене известного абрека Омера Чезми, убитого 3 апреля <...> убить, в свою очередь, по обычаю кровомщения, воинского начальника укрепления Навагинского и его переводчика. Убых хотел убить на меновом дворе переводчика кинжалом, спрятанным под черкеской, но конвой не допустил этого, и убых за свою попытку поплатился жизнью»¹¹⁷.

В конце июня 1845 года убыхи стали собираться в значительную партию для нападения на Головинское укрепление. 1 июля они бросились на штурм, но организованные действия гарнизона при сильном картечном огне из укрепления и с какого-то купеческого судна, стоявшего здесь на рейде, не допустили убыхов ворваться на территорию укрепле-

¹¹⁴ Акты... X, с. 415–416; Шербина Ф., с. 374.

¹¹⁵ Шербина Ф., с. 371.

¹¹⁶ Шербина Ф., с. 374; Фадеев А. Убыхи, с. 166.

¹¹⁷ Шербина Ф., с. 374–375.

ния¹¹⁸. Мелкие стычки повторились 5 июля у Головинского и 17 июля у Навагинского укрепления¹¹⁹.

В ночь на 2 августа 100 азовских казаков на 6 байдаках совершили нападение у мыса Мамай на находившуюся там турецкую торговую кочерму. Она охранялась убыхским караулом с двумя орудиями. Казаки отбили одно орудие и сожгли кочерму, потеряв двух убитых и 4 раненых¹²⁰.

Остальная часть 1845 года прошла опять-таки в мелких стычках с малыми группами убыхов. Такие стычки у Головинского были: 23 сентября, 1 октября и 15 ноября; у Навагинского они произошли: 10 и 28 сентября, 5, 11 и 15 октября, 28 ноября, 8 и 24 декабря¹²¹.

Как показатель некоторого отлива в освободительной борьбе прибрежных горцев в 1845 года асадзуаское общество Ахчипсоу номинально признало над собою власть царского правительства¹²².

После некоторого затишья военных действий, в 1846 году убыхи снова переходят к активной борьбе с царскими войсками. Собрав в этом году богатый урожай после почти двухлетней голодовки, они снова имели возможность организовывать большие военные предприятия¹²³. Этому способствовала развернувшаяся агитация газавата (война за веру). Источником этой агитации был Дагестан, где в это время широко распространялось движение горского крестьянства против царской России и собственных ханов и беков, движение, получившее название мюридизма. Главнейшими заповедями мюридов были: равенство всех перед Аллахом и священная война с гяурами («неверными»). Религиозная оболочка скрывала под собою земные чаяния горского крестьянства.

Еще в сентябре 1845 года Шамиль из Дагестана прислал послание к горцам Западного Кавказа с призывом к газавату. «Улемам, шейхам, хаджиям, большим и малым, благородному и простому классу обществ Кабарды, Абадзехов, Немиргой (Чемгуй. — Л.Л.), Махош и Убых <...> от бога единого помощь! Да будет с вами мир и благодать господня, и да наставит вас бог на путь, ему благоугодный <...> Я вами весьма доволен, да благословит вас бог на дело праведное и да улучшит ваш последующий быт. Не бойтесь и не унывайте, ибо вы высоко еще стоите. Не одолеют вас нечистые, доколе вы свято будете сохранять правила исламской веры. Не склоняйтесь на богатство, которым они владеют, и не давайте веры тем отступникам из среды вас, которые предпочитают неверных своим братьям правоверным, из опасения, чтобы вас не постигла жалкая участь и чтобы вы не сделались подобными клятвопреступникам, достойным

¹¹⁸ Там же, с. 376. Акты... X, с. 415; *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1883, т. VII, с. 466.

¹¹⁹ *Щербина Ф.*, с. 376.

¹²⁰ Акты... X, с. 416; *Ржевуский А.*, с. 468–470.

¹²¹ *Щербина Ф.*, с. 376.

¹²² Акты... X, с. 416.

¹²³ Там же, с. 858.

тяжкого наказания и гонимым судьбою в этом и в будущем мире <...> Да будет с вами мир господень и мое благословение»¹²⁴.

Убыхи начали активизироваться в самом начале 1846 года. Уже 3 января они обстреляли команду, вышедшую из Навагинского за дровами. В течение января гарнизон имел 3 перестрелки, в которых потерял одного убитым и трех человек ранеными. Гарнизон Головинского в январе имел 4 перестрелки и одну в начале февраля¹²⁵. В январе месяце в селении Джембулата Берзека (на р. Сочи), собрались убыхи и представители других племен для набега на Абхазию. Они также имели в виду совершить нападения на укрепления Св. Духа и Пицунду (последнее — в Абхазии). Возглавлял партию «прославившийся в горах своими смелыми наездами» Джембулат Берзек. Экспедиция убыхов была провалена шпионами (в числе которых был и Али-Ахмет Аблагуо), сообщившими царскому командованию план убыхских действий. На помощь войскам царского правительства поспешили и абхазские «владельцы князя Инал-Иповы и Маршаниевы». Узнав, что противник узнал замыслы убыхов и успел приготовиться к сопротивлению, Джембулат ограничился лишь тем, что послал в ущелье р. Бзыбь около 200 человек из своей партии для разорения абхазского селения в верховьях этой реки. Убыхи захватили в плен 17 человек и убили трех. На обратном пути их преследовал подоспевший к месту сражения отряд Инал-Ипова, в схватке с которым убыхи потеряли 8 человек убитыми, до 20 ранеными и одного пленного, но сумели уйти с добычей. В феврале Джембулат Берзек неожиданно вторгнулся в Абхазию, разгромил ряд селений и почти без потерь со своей стороны стал возвращаться в Убыхию с богатой добычей. Но его отряд был захвачен снежной бурей, в результате которой 2/3 отряда погибли; остальные вернулись отмороженными.

Субешхская племенная знать в это время вела активную предательскую политику, за что вагыши вынесли на народном собрании приговор, по которому 20 предательских семейств должны были быть проданы в рабство в Турцию. Но остальные из русофильской партии передали в Головинское укрепление, что 30 возглавляемых ими селений склонны принять подданство царскому правительству. Через некоторое время они известили, что число желающих присягнуть селений почти удвоилось, но генерал Будберг отклонил переговоры до возвращения из Мекки Хаджи-Догомуко Берзека¹²⁶.

С июня 1846 года убыхи установили настоящую блокаду Головинского укрепления. В июле того же года около 4 тысяч убыхов и шапсугов

¹²⁴ Акты... X, с. 418–419.

¹²⁵ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. Тифлис, 1896, т. VII, с. 220–222.

¹²⁶ К. Обзор событий на Кавказе в 1846 года, с. 221–222, 226–228; *Фадеев А.* Убыхи, с. 167.

12 дней (с 8 по 20 число) осаждали это укрепление¹²⁷, а в конце октября приступили к его штурму. 25 октября убыхи совместно с шапсугами завязали перестрелку с рубившею дрова и прикрывавшею порционный скот командой, высланной из Головинского укрепления. Команда состояла из 208 человек, при двух горных единорогах. Во время этой перестрелки другая группа конных горцев под огнем артиллерии, осыпавшей их картечью, перешла с левого берега р. Шахе на правый и, разделившись на две части, атаковала и дровосеков, и прикрытие порционного скота. Команда дровосеков обратилась в бегство. Их примеру последовали прикрывавшие стадо. Горцы отбили 38 голов скота. Потери гарнизона исчислялись 3 ранеными, а горцы оставили на месте один труп и пять убитых лошадей¹²⁸.

Навагинское укрепление также подвергалось постоянной тревоге. 8 октября и 2 ноября в перестрелках убыхи ранили по одному солдату; 7 ноября они убили одного и одного ранили¹²⁹. 24 ноября партия убыхов напала на прикрытие табуна лошадей и в схватке одного убила и одного ранила. На другой день во время смотра войскам, устроенного приехавшим в укрепление генералом, убыхи дали залп с горы, на которой была выстроена башня. За залпом последовала атака на пасшийся табун. Из укрепления послали на помощь прикрывавшим табун один взвод солдат, но от этого сражение не прекратилось. Через час послали еще один взвод с горным единорогом. Убыхи два раза бросались в шашки, но должны были покинуть занятую ими гору. Гарнизон Навагинского потерял в этом сражении 5 человек убитыми (в числе их поручик) и одного раненого. Потери убыхов были примерно такие же¹³⁰.

27 ноября того же года фрегат в течение двух часов обстреливал на Вордане находившиеся у берега турецкие торговые кочерымы¹³¹.

В это время до 6000 убыхов собрались у Головинского укрепления для производства штурма. В 8 часов утра 28 ноября партия конных убыхов показалась из ущелья. Разделившись на две части (по 1000 в каждой), они бросились на укрепление. Одна часть ударила на левый фланг, а другая — понеслась вдоль берега моря между блокгаузом и морем. Из ущелья же показалась и третья партия убыхов, состоявшая из конных и пеших. Из-за недостатка в конях на каждом сидело по два всадника, кроме того, третий держался за стремя и бежал сбоку. Первая партия, доскакав до волчьих ям, спешила. «Сойдя с лошадей, горцы под ружейным и картечным огнем 9 орудий, с величайшею смелостью и хладнокровием» привязали своих лошадей к уцелевшим от порубки деревьям, перелезли

¹²⁷ Фадеев А. Убыхи, с. 168; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 года, с. 249.

¹²⁸ Акты... X, с. 858—859.

¹²⁹ Там же, с. 859.

¹³⁰ Акты... X, с. 661—682; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 года, с. 249—250.

¹³¹ Акты... X, с. 662.

через волчьи ямы, в которых при этом некоторые погибли, спустились в ров, выломали во многих местах палисады, а кое-кто просто стал на плечи товарищей и таким образом перелезли через них и бросились на бруствер. Пока одни преодолевали палисады, другие поддерживали их огнем своих ружей. Они подбегали под самые жерла орудий и в упор поражали артиллерийскую прислугу. Не глядя на усиленный огонь орудий, около 20 храбрецов вскочили на туры, поставленные на кроне бруствера, водрузили свои флаги и, в ожидании остальных, стреляли из ружей во внутрь укрепления. Гарнизонный резерв бросился к месту прорыва, и кучка отважных не устояла в неравном бою и была штыками сброшена в ров. Не меньшую энергию проявила и вторая партия. Она «с дерзостью» под картечным огнем проскакала между морем и блокаузом в форштадт хозяйственных заведений и бросилась к воротам. С башни на их головы бросались ручные гранаты, поражали выстрелами и копьями, но это их не останавливало. Не имея топоров, в пылу сражения, они рубили ворота шашками и даже пытались выломать их плечами в дружном напоре. Но все было тщетным — ворота оказались достаточно крепкими. Тогда некоторые бросились перепрыгивать с гласиса на бруствер через палисады. Кое-кому это удалось совершить, но тут же они падали жертвами своего собственного безумия. Целый час сражались у ворот укрепления. В десять с половиной часов убыхи, отбитые от правого и левого флангов, стали отступать, подбирая своих раненых и убитых. Другая партия, отходя, зажгла сено и строения форштадта и стала переправляться через р. Шахе. Во время переправы ее усиленно обстреливали картечью с укрепления из прибывшего на подмогу байдака азовских казаков, отчего много убыхов оказалось при этом убито, и их трупы р. Шахе унесла в море. Третья партия, очевидно, видя неудачу двух первых, не пошла на лобовую атаку. Будучи обстреливаема картечным и ружейным огнем, она, не дойдя 200 метров до бруствера, повернула назад. Правда, предводители ее несколько раз бросались со значками вперед, желая личным примером увлечь массу на штурм, но она благоразумно на это не пошла. Убыхи оставили во рву и на гласисе 65 трупов, 50 штук разного оружия и 4 значка. Перед укреплением лежало до 150 убитых лошадей и до 20 седел. Общие потери убыхов (убитыми и ранеными), по данным царского командования, доходили до 500 человек. В гарнизоне Головинского укрепления, в результате хорошей скрытости от ружейного огня (а артиллерии убыхи в данном случае не имели), было убито только 4 человека, а ранено и контужено 20.

Неудачная попытка взять Головинское не поколебала в убыхских массах волю к борьбе. Около 3000 человек собралось на народное собрание на Вордане. Имея намерение организовать штурм одного из трех ближайших укреплений (Навагинское, Головинское и Лазаревское), они

послали за помощью к абадзахам и шапсугам. По всем дорогам, ведущим в эти укрепления, были расставлены пикеты для перехвата шпионов.

1 декабря около 300 человек убыхов сделали попытку захватить табун или сжечь форштадт, но это не увенчалось успехом¹³².

Долго не расходился убыхский сбор. Хороший урожай этого года позволил, несмотря на холода, больше обыкновенного держаться такому сбору. Среди него находились и откликнувшиеся на призыв абдзахи и шапсуги. Собравшаяся масса тесно разместилась по прибрежным селениям Убыхии и южной Шапсуги. Находившиеся под угрозой укрепления были настороже. Гарнизоны их почти каждую ночь поднимались по тревоге. Особенно напряженное положение создалось в Головинском. По несколько раз в ночь горцы малыми группами подползали к укреплению и открывали стрельбу. Из-за тревожного положения гарнизоны спали на банкетках, а днем не смели показываться за ворота. К Головинскому не один раз подступали значительные силы горцев, но из-за частых дождей опять расходились. Особенное со стороны горцев внимание к Головинскому укреплению объяснялось тем, что они хотели отомстить, по обычаю, за кровь погибших при штурме 28 ноября¹³³.

Всего за 1846 года на Черноморской береговой линии было зарегистрировано 88 сражений, причем наибольший процент их падает на район Убыхии¹³⁴.

1847 год прошел спокойнее. В ночь на 16 июня из-за беспечности убыхов у них была выкрадена царскими войсками 18-фунтовая пушка, которую в 1838 года убыхи захватили при аварии царских кораблей¹³⁵.

Не производя активных действий у себя на родине, убыхи откликнулись на призыв абдзахов и присоединились к их военному сбору в несколько тысяч человек¹³⁶. По этому поводу абдзахи писали атаману Черноморского казачьего войска, генералу Завадовскому: «Мы никогда и ни в чем не покоримся вам <...> Мы ваши враги и будем вести с вами войну до тех пор, пока никто из нас не останется. Мы (абдзахи. — Л.Л.), шапсуги и убыхи все заодно в этом деле»¹³⁷.

Мелкие стычки происходили 22 января 1848 года у Головинского укрепления; 13 и 30 января, 3, 7, 20, 25 и 27 февраля — у Навагинского; 17 и 18 марта — у Головинского. В последнем случае убыхи напали на колонну, рубившую лес, и ей пришлось выдержать несколько убыхских атак. 8 апреля в перестрелке с Навагинским гарнизоном убыхи ранили одного солдата. В ночь на 17 мая происходила стычка у Головинского,

¹³² Акты... X, с. 660–662; К. Обзор событий на Кавказе в 1846 года, с. 250–254; Щербина Ф., с. 377–378.

¹³³ Акты... X, с. 662–663.

¹³⁴ Фадеев А. Убыхи, с. 166.

¹³⁵ Акты... X, с. 665–667; Щербина Ф., с. 377.

¹³⁶ Акты... X, с. 589.

¹³⁷ Там же, с. 590.

20 и 26 мая — у Навагинского. В последнем случае убыхи, заметив около укрепления парход, решили, что предполагается перестраивание укрепления, и это послужило причиной их нападения. Но, несмотря на значительные их силы, штурм оказался неудачным. То же самое было повторено на другой день — 27-го. После этого известны стычки около Головинского: 1, 4, 9, 11, 22 и 29 августа и 31 октября. В нападении убыхов 9 августа им удалось захватить 23 головы рогатого скота. 6 и 12 октября были стычки у Навагинского укрепления¹³⁸.

Убыхи и мюридизм (1848–1859 годы)

В 1848 года среди убыхов появился религиозный фанатик в оборванной одежде, который призывал забыть межплеменные счеты и объединиться для всенародной войны горцев против колониальных притязаний царской России. Он был родом бжедуг. Рассказывали, что он мог магическими заклинаниями лишать порох взрывной силы, мог наводить такой туман, что с помощью его горцы непременно подошли бы незамеченными к валам царских укреплений и без единого выстрела взяли бы их. Этот бжедуг силой своего фанатизма производил большое впечатление на горцев. Со всех сторон съезжались на Вордане, чтобы послушать его проповеди о газавате и объединении племен. Популярность его росла с каждым часом, и вскоре после своего появления он носил уже громкое имя имама. Обеспокоенное этим царское командование подкупило своих горцев-шпионов, которые ухитрились тайно схватить проповедника и передать его в руки генералов. Эти же не замедлили посадить его в геленджикскую тюрьму¹³⁹.

Рис. 10. Мухаммед-Эмин, наиб Шамиля на Западном Кавказе

Фанатичный бжедуг не был единственным поборником идеи объединения племен. В начале лета 1848 года по инициативе присланного Шамилем в качестве черкесского наиба Магомет-Эмина на р. Адагум состоялось большое народное собрание, имевшее це-

лю

¹³⁸ Шербина Ф., с. 379–381.

¹³⁹ Шербина Ф., с. 324, 380

люю широкие мероприятия по объединению горцев Западного Кавказа единой политической властью, чтобы поставить разрозненные общины и племена в такое положение к России, в каком находится одно независимое государство к другому. Чтобы органы племенного союза не висели бы в воздухе, решено было создать ополчение так называемых муртезек. Эти последние должны были комплектоваться из обязательного числа ополченцев от каждого племени. Верховным межплеменным органом должны были быть или всенародные собрания, или же совет старшин. Вся идея «государственности» была фактически попыткой создания только союза племен. До государства было еще далеко. Государство как результат непримиримости классовых противоречий еще не созрело на почве Западного Кавказа. Характерно, что идея объединения исходила не от верхушечных слоев черкесского народа, а от общинной демократии. Магомет-Эмина поддерживали абдзахи, натхуаджи, шапсуги, т.е. такие племена, где не было пши (за редким исключением), а уорки также не пользовались влиянием на народ. Планы Магомет-Эмина на первых же порах были встречены в штыки со стороны племен, где власть пши и уорков была уже достаточно окрепшей. С нашей точки зрения, и «дефтер» 1841 года, и адагумские постановления 1848 года исходили от общинно-племенной демократии. Носителями этих планов были тлхукотли.

На морском побережье Западного Кавказа, где уорки и куашха имели все же большее значение в общественной жизни, чем это имело место, например, в Абдзахии, идея объединения племен не нашла отклика на народных собраниях. Убыхи и население Малой Шапсугии заявили адагумскому собранию, что они: 1) составят свой союз, 2) назначат сбор муртезек в распоряжение своих собственных народных собраний, и 3) учредят у себя особые органы внутреннего распорядка и правила внешних отношений. Представители убыхов и малых шапсугов протестовали против права иноплеменников распоряжаться внутренними делами Побережья. Они заявили, что, если окажутся среди убыхов или малых шапсугов изменники делу освободительной борьбы, то сами найдут способы, как с ними расправиться, вмешиваться же кому-либо со стороны не позволят¹⁴⁰.

Но авторитет Магомет-Эмина все рос, и черкесские тлхукотли, как и их убыхские собратья, вагыши, не могли не видеть антифеодального зерна в распространяемом им учении мюридизма. Противодействие этому влиянию со стороны куашха было ослаблено тем, что крупнейший род последних — Берзеки — в это время отвлечены были кровопролитной межродовой войной с куашхским родом Чиземогуа¹⁴¹. Не удивитель-

¹⁴⁰ Там же, с. 380—381; Акты... X, с. 670—671; *Lapinski Theophil* (Tefik Bey) *Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen*. I, II. Hamburg, 1863, s. 273.

¹⁴¹ Акты... X. с. 678.

но, что летом 1849 года убыхи исполняют требование Магомет-Эмина послать своих старшин на межплеменное народное собрание¹⁴². Во время этого собрания конная партия из абдзахов, шапсугов, натхуаджей и убыхов, под предводительством Карабатыра Заноко (сына известного шапсугского пши Сефер-бея Зана), совершила нападение на станицу Николаевскую. Это случилось 29 октября 1849 года. Казаки и русские регулярные войска потеряли 4 человек убитыми, 28 — ранеными и одного захваченного в плен. Горцы оставили на месте 4 трупа¹⁴³.

Несмотря на явную и тайную агитацию куашха против Магомет-Эмина, вагыши все более склонялись на его сторону. Этому способствовали и сравнительно глубокие убыхо-абдзахские экономические связи. Вагыши пригласили Магомет-Эмина посетить Убыхию, имея в виду использовать его приезд для борьбы с куашха. В апреле 1850 года на р. Сочи состоялось собрание убыхских старшин и почетных лиц с целью выработки окончательной позиции по отношению к Магомет-Эмину и его реформаторской деятельности. Его ожидали со дня на день с большим абдзахским конвоем, и при таком положении куашха побоялись открыто выступить против реформатора, зная, что за это они могли бы поплатиться. Собрание постановило: признать над собою власть Магомет-Эмина на тех же условиях, на каких это сделали и абдзахи, т.е. платить для нужд предполагавшегося центрального правительства горцев определенную сумму денег, выставлять ополчение муртезек, признать над собою власть Магомет-Эмина как в светских, так и в духовных делах, и завести у себя в Убыхии такую же систему самоуправления, как и в Абдзахии¹⁴⁴.

Когда в декабре 1850 года Магомет-Эмин прибыл, то сразу же взялся за приведение населения к присяге и сбору муртезек. Последние вербовались по одному от 100 дворов и предназначались в постоянный вооруженный отряд реформатора. Муртезеки, ежегодно заменяясь новыми, должны были сопровождать его во время всех переездов. Приведа к присяге и собрав муртезек, Магомет-Эмин объявил созыв чрезвычайного ополчения убыхов, в которое каждый двор обязан был выставить одного воина. Это ополчение собралось и составило собою большое войско. Командование Черноморской береговой линией всполошилось: оно боялось, что Магомет-Эмин поведет убыхов на штурм укреплений. Но он не имел этого намерения, так как считал, что в данный период основной его задачей является проведение реформ, которые сами по себе важнее, чем разрозненные военные удачи. Чрезвычайное ополчение убыхов Магомет-Эмин повел на землю маленького черкесского племени гуае, обитавшего в бассейне р. Псезуапе. Дело в том, что гуае

¹⁴² Там же, с. 678.

¹⁴³ Там же, с. 680–681, 683.

¹⁴⁴ Дроздов И.Х. Обзор военных действий на Западном Кавказе с 1848 по 1856 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1886, т. X, с. 531.

были известны как наиболее упорные на Западном Кавказе последователи древних языческих верований. Большинство гуае даже формально не желало принять ислам, и когда пронесся слух, что Магомет-Эмин собирается силою оружия обратить гуае в мусульманство, то они решили окопаться и защищать веру предков. С помощью убыхского ополчения гуае были формально обращены в ислам, после чего Магомет-Эмин распустил ополчение и отправился с одними лишь муртезеками приводить к присяге население Малой Шапсуги¹⁴⁵.

Поход Магомет-Эмина к убыхам имел большое значение для дела борьбы вагышей с куашха. Заведенное им демократическое управление краем не встретило активного сопротивления куашха, так как последние еще не закрепили за собою права на политическую власть и эксплуатацию свободных общинников. Но покориться общинной демократии куашха не хотели. И вот борьба между куашха и вагышами была поднята на неслыханную до этого высоту. Куашха решаются стать на путь вооруженной войны против своего народа, но, не видя за собою реальной силы, они обращаются за помощью к царской России. Еще в июле 1850 года куашха посылают секретную депутацию в Сухум. Принявшему их начальнику береговой линии генерал-майору Будбергу депутаты заявили, что убыхская и мало-шапсугская племенная знать хочет поднять вооруженное восстание с целью уничтожения демократических порядков. Племенная знать, — заявили депутаты, — не надеется добиться успеха одними лишь собственными силами; поэтому депутаты от ее имени, выражая полную покорность царскому правительству, просят у последнего военной помощи для совместной войны против Магомет-Эмина и поддерживающей его «народной черни».

Об этой делегации Будберг писал Воронцову: «Дух неуважения и глупой вражды против дворян (т.е. племенной знати. — Л.Л.) проник в землю убыхов и прибрежных шапсугов <...> Упадок значения дворянства зашел столь далеко и продолжается столько времени, что нельзя восстановить этого сословия одною экспедициею <...> Необходимо — или не начинать этого дела вовсе, или сильно его поддержать, имея всегда в готовности значительный отряд <...> Не располагая достаточными для этого силами, <...> я должен был уклониться от решительных объяснений с убыхскими старшинами (куашха. — Л.Л.), обещая им, во всяком случае, покровительство и поддерживание их нравственным влиянием»¹⁴⁶.

С самого начала 1851 года вагыши организовали слежку за предателями, проводившими шпионаж в пользу царской России. На всех дорогах, ведущих к укреплениям, выставили сильные заставы, которые, в свою очередь, занимали своими пикетами все сколько-нибудь проходимые

¹⁴⁵ Акты... X, с. 684—686; К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 1—4; *L. Lapinski*, s. 279.

¹⁴⁶ Акты... X, с. 681—682.

тропы. Наблюдение за одним лишь Навагинским укреплением несло 3 заставы по 120 человек каждая. Куашха не смогли продолжать свои переговоры с генералами. Попытка подполковника Званбая уничтожить убыхские заставы у Навагинского (в ночь на 13 января) не привела ни к чему. Они на долгое время и после этого не только лишали царское командование получения агентурных сводок, но еще и жгли принадлежащие гарнизонам стога сена и строения, не допускали выхода команд за дровами и пр.¹⁴⁷

28 февраля убыхские патрули, пользуясь темной ночью, пробрались к бастиону Навагинского укрепления, подрезали гальванический провод и стали извлекать мины, но были обнаружены и обстреляны картечью. В ответ на этот смелый поступок команда в 154 человека напала ночью на убыхское селение Ахшна-аху (в пяти с половиной километрах от укрепления), захватила в плен 7 сонных жителей, убила 11 человек и сожгла селение. При отступлении команда подверглась атакам разбуженных убыхов и потеряла 11 человек ранеными¹⁴⁸.

Лишь в конце марта удалось прокрасться сквозь кордоны одному шпиону. Это был «дворянин из племени убыхов Дзеуш» (т.е. Дзепш). Явившись в г. Керчь, он спешил сообщить начальнику береговой линии Серебрякову, что положение в горах слишком серьезно. Магомет-Эмин распространяет учение мюридизма, по его приказанию уничтожаются древние кресты и рубятся священные деревья. Кроме того, Магомет-Эмин бросил лозунг освобождения рабов и крепостных («мусульманин не может быть рабом»), и поэтому классовая борьба обострилась¹⁴⁹.

2 июня группа убыхов изрубила высланный из Навагинского укрепления пикет в 4 человека. Когда же против них был выслан большой отряд, то они дали залп и пытались уклониться от боя, но, отходя, понесли немалые потери.

4 июня убыхи завязали перестрелку, а потом и несколько раз бросились в шашки против большой команды (470 человек при одном единороге и с поддержкой одного байдака, имевшего 2 фальконета), высланной из того же укрепления для расчистки кустарника. Команда имела одного убитого (подпоручика) и 7 раненых¹⁵⁰.

6 июня убыхи произвели нападение на сильную команду, высланную из Головинского укрепления для покоса сена. Команда состояла из 306 человек при 3 горных единорогах; с моря ее поддерживали 4 байдака азовских казаков. При нападении убыхи «выказали необыкновенное ожесточение, несколько раз с гиком бросались в шашки». Но под действием сильного огня артиллерии (горной и с байдаков) они отступили

¹⁴⁷ К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 2, 3, 7, 37.

¹⁴⁸ Там же, с. 31–33.

¹⁴⁹ Там же, с. 24–25.

¹⁵⁰ Там же, с. 56–59.

с большим уроном. В команде было 14 раненых. Слабая стычка повторилась и 7 июня. Когда же команда 8 июня возвращалась с очередного покоса, то по ней был дан из-за завала залп. На убыхов пошли в атаку, но конный резерв их приостановил ее. Огонь артиллерии снова отбросил убыхов. Причины поражения убыхов 6 и 8 июня заключались (как и всегда в таких случаях) в огневом превосходстве противника. За эти два дня по убыхам было выпущено 1579 снарядов! Естественно, что урон их был немалый — около 100 человек убитыми и ранеными¹⁵¹.

26 июня, когда шапсуги сражались против такой же команды, вышедшей из Лазаревского укрепления, чтобы косить сено, то на помощь им, как говорит К., прибыли «жители Вардане, самые отчаянные контрабандисты всего восточного берега и непримиримейшие враги русских»¹⁵².

Когда широкие слои убыхского народа героически отстаивали свою независимость, их племенная знать добивалась реализации своего заговора (см. выше). Представители их вели секретные переговоры в укреплении Св. Духа, но начальник береговой линии Серебряков, по недомыслию, отклонил их бесспорно искреннее предложение мира и содействия царским войскам в борьбе против горцев¹⁵³. После этой неудачи три крупнейшие рода убыхских куашха — Берзек, Дзепш и Дечен вторично послали по одному депутату к Серебрякову в город Керчь. Они просили его вступить в переговоры с ними. Но вице-адмирал и на этот раз не оценил искренности депутатов и думал, что эти три куашха являются представителями всего непокорного царской России убыхского народа, в то время как они выражали волю лишь верхушки его. Не поняв этого, Серебряков напрасно говорил с депутатами таким тоном, будто перед ним были посланцы всего племени, только в данный момент признавшего свои «ошибки». Серебряков пообещал возобновить (?) меновую торговлю с убыхами, но соли (в которой чувствовалась острая потребность), сказал он, они не получают, так как не верит в искренность убыхской покорности. Серебряков предложил депутатам объявить своему «народу» (которому они, конечно, боялись и заикнуться о своих переговорах), что царское правительство ставит убыхам три главные условия: 1) присягнуть на подданство царю, 2) выдать аманатов из наиболее влиятельных родов по выбору Серебрякова и 3) учредить общий народный суд с подчинением его специальному чиновнику, назначаемому царским правительством. Причем сам Серебряков разъяснял: «Последнее условие необходимо для управления народом и для приведения в какое-либо единство разрозненных частей его, которые состоят из фамилий, имеющих каждая из них полную самостоятельность». В случае принятия убыхами этих условий, Серебряков со своей стороны обещал ходатайствовать о 1) уваже-

¹⁵¹ Там же, с. 42–45.

¹⁵² Там же, с. 48.

¹⁵³ Там же, с. 51–52.

нии их религии и обычаев, «сколько последние могут согласоваться с покорностью правительству», 2) о разрешении торговых поездок в Турцию, 3) об отпуске им некоторого количества соли, 4) об освобождении их от воинской повинности и 5) об освобождении от налогов. Все это было завершено заверением Серебрякова, что «вверив судьбу свою попечению могущественного и милостивого монарха, они могут ожидать от щедрот его величества всего полезного для своего благосостояния»¹⁵⁴. С «щедротами» «милостивого монарха» мы еще познакомимся в своем месте.

В конце октября или начале ноября того же 1851 года при посещении Серебряковым Навагинского к нему снова явились «старшины нескольких ближайших к укреплению фамилий», наверное, Аблагуо и мелких сочинских куашха. Они просили мира, свободной торговли с Турцией и отпуска соли. В ответ на это Серебряков снова повторил свои три требования и, таким образом, переговоры кончились ничем¹⁵⁵.

Куашха не были враждебно настроены против царского правительства, но из-за своего бессилия вынуждены были играть двойственную роль. Отдельные представители их даже получали из царской казны «пенсию», т.е. регулярные взятки за подрывную работу среди своего племени, и, например, такая выдающаяся личность, как Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек (племянник Хаджи-Догомуко), также получал «пенсию», которой был лишен в 1851 году «за подозрительные действия», иначе говоря — за двойственную игру, после чего с досады и, возможно, еще и из иных побуждений, начинает открыто проявлять свою враждебность царской России¹⁵⁶.

Не следует забывать, что в это время чувствовалось приближение Крымской войны. Магомет-Эмин, зная о подготовке ее, на народных собраниях в Черкесии пламенно призывал к объединению всех племен Западного Кавказа во имя единой религии. Он призывал в последний раз набраться терпения для окончательного избавления от врага. В этом деле, — говорил он, — горцам помогут иностранные державы¹⁵⁷. В 1852 году на побережье высадились поляк Младецкий и итальянец Пичиникки, которые заверяли убыхов, что они являются посланцами самого султана. Они также призывали не падать духом, не отступать от борьбы с царской Россией, бывшей, как известно, оплотом европейской реакции. Приехавшие иностранцы подтвердили слова Магомет-Эмина, что скоро грянет война, и поэтому горцы получают военную помощь¹⁵⁸.

Под влиянием назревающих международных событий убыхи снова заволновались. Еще в начале февраля 1852 года они (и частично асад-

¹⁵⁴ Там же, с. 78–79; Акты... X, с. 687–688.

¹⁵⁵ К. Обзор событий на Кавказе в 1851 года, с. 81–82.

¹⁵⁶ Акты... XI, с. 42.

¹⁵⁷ Шербина Ф., с. 545.

¹⁵⁸ Дроздов И., XI, с. 467.

зуа) собрались в количестве более 2000 человек под главенством Хаджи-Керендука и решили совершить набег на покорившуюся Абхазию. Слух об этом дошел до командования Кавказской армии, и оно поспешило сконцентрировать у Бомбар 3,5-тысячный отряд под командой полковника Колюбакина и абхазского «дворянина» генерал-майора Каца Маргани. 24 февраля передовые силы убыхов, спустившись в ущелье Аури, наткнулись в 12 километрах от Бомбар на этот отряд и завязали с ним перестрелку, длившуюся несколько часов. Неравенство сил вынудило убыхов удалиться в снеговые горы. А в это время 3 роты солдат под командой майора Бибикова, воспользовавшись отсутствием убыхского ополчения, напали на беззащитное селение Сочи. В приказе Воронцова по этому поводу цинично заявлено: «Майор Бибиков отлично выполнил возложенное на него поручение и предал аул пламени со всем имуществом жителей. При этом мы имели 17 человек раненых»¹⁵⁹.

Убыхская племенная знать в своем приспособленчестве к условиям совершила в 1852 года новый виртуозный скачок. Для укрепления своей власти она решила воспользоваться авторитетом... Магомет-Эмина. Она по собственной инициативе пригласила к себе Шамилева наиба для заведения новой системы управления в Убыхии. Куашха рассчитывали, что юридически признав его нововведение, они возьмут власть в свои руки и будут именем Магомет-Эмина сами управлять краем.

Наиб прибыл. Кроме учреждения мегкеме и укрепления своего влияния в Убыхии, он имел в виду заставить асадзуа присоединиться к союзу племен и также принять его реформу. Собрав 2000 убыхов (там были и прибывшие с ним абдзахи), 3 октября 1852 года он вступил на территорию соседних асадзуаских общин. В это время уже известный нам Бибиков высадил у укрепления Св. Духа отряд в 742 человека при двух орудиях и выступил на 4 километра вверх по р. Мзымта, где и произошел 5 октября бой с силами наиба. Убыхи, как и всегда, храбро бросались в шашки, подскакивая под самые дула орудий, но огонь последних заставлял их всякий раз отходить с потерями. В этом бою убыхи потеряли около 20 человек убитыми. В отряде Бибикова был убит унтер-офицер, ранено 19 солдат и контужен сам Бибиков. На другой день убыхи и Магомет-Эмин покинули Асадзуа.

За время своего пребывания у асадзуа, Магомет-Эмин принял присягу от ближайших к убыхам обществ. Его власть признали и гуае. После этого он распустил убыхов и с одними абдзахами отправился приводить к присяге общества Малой Шапсугии.

Магомет-Эмин остался недоволен результатами последней экспедиции. Когда его приглашали в Убыхию для введения нового устройства,

¹⁵⁹ Там же, с. 466; Акты... X, с. 537, 902; XI, с. 48; Вести с Кавказа // Газета «Кавказ». 1852. № 19.

то ни куашха, ни вагыши не имели в виду предоставить наibu право безоговорочной власти над своим краем. Куашха, как мы уже говорили, хотели его именем управлять народом, в то время как он потребовал себе исключительной и безграничной власти. Это привело к взаимному несогласию между куашха и Магомет-Эмином. С другой стороны, выявилось сопротивление вагышей по отношению к некоторым его реформам. Так, они были против абсолютного упразднения посреднических судов, разбиравших дела по адату (обычаю) и введения судопроизводства исключительно по шариату (мусульманским юридическим нормам); вагыши, еще проникнутые многими старыми воззрениями родового строя, не соглашались и с предоставлением этим судам права смертной казни, которая допускалась среди убыхов лишь в результате решения суда своих родов. Магомет-Эмин покинул Убыхию, так и не договорившись по ряду важных вопросов¹⁶⁰.

Абхазский абрек Кизыл-бек Маршани, имея в виду совершить набег на Абхазию в 1853 году, вел переговоры с убыхами, чтобы они приняли активное участие в его предприятии¹⁶¹, но согласились ли они на это — нам неизвестно.

А в это время на Западном Кавказе велась деятельная работа по объединению племен и подготовка к предстоящей войне Турции с Россией. В конце 1852 года с убыхского берега едет в Турцию какой-то Хан-Оглы с тайными поручениями от Магомет-Эмина. В феврале 1853 года в Убыхию прибывают какие-то лазы с обнадеживающими письмами от Хан-Оглы. Значение этого посольства видно из того, что Магомет-Эмин принял с большим почетом приехавших лазов¹⁶².

Сам же Магомет-Эмин, приведя к присяге шапсугов и натхуаджей, отправил депутатов к бжедугам, считавшимся в подданстве царской России. Он потребовал от них выставить муртезеков. 6 мая 1853 года происходило на р. Антхырь народное собрание с участием шапсугов, натхуаджей и убыхов. После этого собрания Магомет-Эмин с муртезеками направился в долины Азипса, Убина, Шебжа и хотел посетить Бжедугию. На своем пути он сокрушал племенную знать, не останавливаясь перед физическим уничтожением ряда пши и уорков; в то же время он всячески укреплял авторитет выбранных народом старшин. Разгорелась борьба между феодализирующейся племенной знатью и восставшим против нее юридически еще свободным крестьянством. Бжедугские тлхукотли явно стали склоняться на сторону Магомет-Эмина¹⁶³.

В середине 1853 года к Вордане прибыло три турецкие кочермы, груженные порохом, свинцом, железом. Военный груз был сложен на Леупе

¹⁶⁰ Акты... X, с. 626, 693; Вести с Кавказа // Газета «Кавказ». 1852. № 71.

¹⁶¹ Акты... X, с. 694.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Акты... X, с. 636.

в 3 домах местного жителя эффенди Заушелан (наверное, Дзепш). Для распределения прибывшего груза туда явился сам Магомет-Эмин. К берегам Черкессии и Абхазии пристало еще 5 кочерм с военным грузом. В Убыхии ожидали приезда из Турции известного шапсугского пши антироссийской ориентации Сефер-бея Зана, обещавшего прибыть с артиллерией, для перевозки которой Магомет-Эмин собирал у разных племен по паре быков и лошадей от каждой сотни хозяйств. Кроме того, для совещания наиб собирал от того же числа дворов по два человека старейшин и по одному мулле. Сефер-бей Зан прислал послание к шапсугам, абдзахам и убыхам, в котором советовал до своего приезда повиноваться Магомет-Эмину, если тот действительно хлопочет об освобождении Западного Кавказа от войск русского царя. Сефер-бей сообщал, что лично прибудет в Цемез (теперь — Новороссийск) с иностранными десантными войсками и боеприпасами и просил приготовить транспорт в 1000 быков и столько же лошадей¹⁶⁴.

Угроза войны все более надвигалась. Царское правительство, понимая беспомощность укреплений Черноморской береговой линии, сняло свои береговые гарнизоны, и горцы получили снова свободные сношения с Турцией.

Война была объявлена. В мае 1854 года Сефер-бей Зан со званием паши прибыл к берегам Абхазии и послал к убыхам Безед-пашу в сопровождении какого-то хана, побывавшего среди убыхов в прошлом году (очевидно, Хан-Оглы). Но убыхи заявили хану, что они не привыкли кому-либо подчиняться и хотят в будущем сохранить свою независимость; а так как хан раньше вел себя в Убыхии слишком по-начальнически, то теперь они не только не станут его слушаться, но не желают его даже принять, и если он все же отважится выйти на берег, то поплатится собственной головой. Особа же младшего паши на первых порах не вызвала среди убыхов возмущения, и они даже согласились выполнять его распоряжения. Сефер-бей рассылал воззвания с призывом на борьбу с царской Россией, и в ответ на них со всех сторон собирались убыхи, абдзахи, шапсуги и др.¹⁶⁵ В мае эти силы вступили в бзыбскую Абхазию¹⁶⁶.

Но дело борьбы с царской Россией не было единственной целью всех слоев горского общества. Эта борьба осложнялась другою — внутренней — между крестьянством и племенной знатью. Внешним выражением этой борьбы было несогласие между двумя главнейшими деятелями Западного Кавказа — Магомет-Эмином и Сефер-беем Заном. Каждый из них претендовал на первенство¹⁶⁷. Магомет-Эмин, который в течение последних лет провел огромную работу по сплочению племен, должен

¹⁶⁴ Там же. с. 642.

¹⁶⁵ Там же, с. 274–275; *Lapinski T.*, s. 290.

¹⁶⁶ Акты... X, с. 277.

¹⁶⁷ *Щербина Ф.*, с. 546.

был подчиниться неожиданно явившемуся после многолетнего отсутствия шапсугскому пши, неизвестно за что получившему титул паши. Это расстроило все планы наиба, и поэтому он оставил Кавказ и отправился в Стамбул выяснить недоразумение.

Что касается убыхов, то в их среде еще сильны были центробежные силы, унаследованные от родовой разобщенности. Они не пожелали подчиниться ни Магомет-Эмину, ни Зану. Князь Шервашидзе в начале июня 1854 года, имея свои тайные цели, хитро укорял Хаджи-Керендука Берзека и некоторых других куашха, что они, мол, подчинились откуда-то приехавшему чужеплеменнику, каким являлся Магомет-Эмин. Куашха, возвратившись от Шервашидзе, с удовольствием распространяли укор владельца Абхазии. При этом объясняли, что реформатор до сих пор пользовался властью лишь потому, что разные несогласия отвлекали куашха и вагышей от общей цели, а теперь, когда царские войска больше не наступают на Убыхию, когда открыты свободные сношения с Турцией и действия всех племен ничем не связаны, то народ уже не нуждается в посторонних начальниках и будет управляться согласно своим старинным адатам. При этом было решено, что впредь влиятельных лиц со стороны будут принимать лишь по приказанию султана, но и распоряжения этих лиц будут исполняться лишь в том случае, если, по мнению народа, они не будут противоречить воле последнего¹⁶⁸. Учрежденное Магомет-Эмином мегкеме было уничтожено, а кадии и муртезеки разошлись по домам. В ряде горных мест сожгли мечети и снова водрузили поверженные древние кресты¹⁶⁹.

Когда в 1855 году прибыл наконец в Сухум долгожданный десант турецких войск, то с ним стали объединяться убыхи и абдзахи, имея намерение совместно наступать на Мегрелию¹⁷⁰. В Сухуме Хаджи-Керендук сумел завоевать авторитет среди турецкого командования. Один из турецких офицеров характеризовал его, как «человека достойного, советы которого имели большую важность»¹⁷¹. В частности, Хаджи-Керендук

¹⁶⁸ Акты... X, с. 279. Так, например, посланный Портой к убыхам в качестве младшего паши Безед-паша, не смог выполнить возложенных на него обязанностей по организации убыхского ополчения. Дело в том, что сам Безед-паша по происхождению убых, в детстве был продан в качестве раба в Турцию. Там он успел сделать блестящую для его положения карьеру и, едва имея 24 года, во время Крымской войны стал пашой. Назначая его для руководства Убыхиею, турецкое правительство не снабдило его ни достаточными денежными средствами, ни военной силой. Он явился без денег, с парой офицеров и слугой. Убыхские куашха не могли допустить, чтобы над ними начальствовал молодой человек из рабов. Они издевались над его происхождением и даже привели однажды его братьев-рабов, чтобы он их выкупил. Миссия Безед-паши окончилась тем, что он вынужден был вернуться в Стамбул, не оправдав и десятой доли надежд, которые на него возлагало Турецкое правительство. См.: *Lapinski T.*, s. 290, 298–299.

¹⁶⁹ *Lapinski T.*, s. 297–298.

¹⁷⁰ Акты... XI, с. 183.

¹⁷¹ *Осман-бей*. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1877, т. II, с. 204.

принимал активное участие в тайных переговорах, которые вел владелец Абхазии князь М. Шервашидзе с турецким маршалом Мустафа-пашой¹⁷².

Война не принесла горцам освобождения от колониальных притязаний царизма. Кавказский театр военных действий был самым слабым местом союзников. Война окончилась Парижским миром 1856 года, по которому Черное море хотя и объявлялось нейтральным, а Россия лишалась права протектората над Молдавией, Валахией и Сербией, как и права вмешательства во внутренние дела Турции, но она получила назад потерянный было Севастополь и не была лишена прав на горские земли Кавказа.

Сразу же по окончании войны Магомет-Эмин с депутатами от убыхов и других племен отправился в Стамбул жаловаться — по какому праву Сефер-бей Зан получил титул паши, и на этом основании требовал подчинения себе всех горцев Западного Кавказа. Главной же целью делегации было выяснение подробностей Парижского договора.

В том же 1856 году к устью р. Шапсухо прибыло турецкое судно, которое высадило на черкесский берег 50 убыхов и абдзахов, сообщивших горцам следующее: турецкое правительство убедило их, что 1) все племена от Анапы до Гагр признаны независимыми, и 2) что Сефер-бею Зану действительно поручено руководство горцами, которые должны его слушаться. Депутаты передавали, что они были очень радушно приняты султаном, который одарил и наградил их медалями. Но в октябре 1856 года к берегу Вордане возвратился Магомет-Эмин со свитой в 81 человек, имея также титул паши. Порта явно вносила путаницу в горские дела и этим лишь вредила сама себе¹⁷³.

Между тем, еще во время пребывания Магомет-Эмина в Турции убыхи принимают участие в военных предприятиях шапсугов¹⁷⁴, а царское командование из боязни убыхских походов на Абхазию осенью 1856 года приступает снова к отстройке Гагринского укрепления, чтобы с помощью него запереть подступы к Абхазии¹⁷⁵.

В 1857 году князь Барятинский извещает военного министра, что непрерывно поступают известия о прибытии турецких кочерм и английских пароходов к Вордане и другим пунктам кавказского побережья¹⁷⁶.

В феврале 1857 года прибыла к устью р. Туапсе группа иностранцев во главе с польским националистом Лапинским. Он предложил горцам построить под его руководством ряд укреплений и организовать унич-

¹⁷² Акты... XI, с. 48, 50–51.

¹⁷³ Акты... XII, с. 705–706; Акты... XII, ч. 3, с. 419–420.

¹⁷⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 418.

¹⁷⁵ Акты... XI, с. 324–325; Акты... XII, ч. 3, с. 406, 411.

¹⁷⁶ Акты... XII, с. 720.

тожение царских станиц и укреплений по левую сторону р. Кубани¹⁷⁷. Лапинским руководило узко национальное чувство борьбы за независимость Польши, причем, как говорит лично его знавший Карл Маркс: «Он ненавидит всех “восточных людей”, к которым он с одинаковой готовностью причисляет русских, турок, греков, армян и т.д.» о крестьянстве он отзывался, как о «насквозь реакционной сволочи»¹⁷⁸. Поэтому неудивительно, что «муллы и влиятельные лица» (т.е. племенная знать) называли его своим союзником, а в то же время известно, что не имевшие сословия пши хакучи (да одни ли они?) к нему «относились весьма враждебно»¹⁷⁹. Неудивительно, что и Магомет-Эмин отнесся ко всей группе иностранцев весьма недоверчиво и даже угрожал им расправой.

Не сумев воспользоваться Восточной войной, горцы потеряли благоприятное время. С окончанием же ее царское правительство снова приступает к организованному наступлению. Уже в 1857 года оно разворачивает свои военные действия, ориентируясь на плановое занятие всей предгорной полосы, охватывая не слагающих оружия горцев в железное кольцо, «чтобы стеснением средств продовольствия принудить горные народы к покорности»¹⁸⁰. На Кавказ были переброшены с Крымского фронта освободившиеся войска. Изменение ситуации поняли и горцы. Племенная знать, вполне закономерно, снова начинает заигрывать с генералами. Асадзуаская племенная знать, пользуясь племенной враждой своего народа с убыхами, первая пошла на очередной сговор с колонизаторами и просила выстроить укрепление на р. Хоста, чтобы препятствовать вторжению убыхов¹⁸¹.

В Убыхии в то время, когда вагыши, в связи с последними неудачами, несколько ослабили свою энергию, племенная знать снова подняла голову. В начале июня 1857 года около Адлера 5000 убыхов собрались для похода на Гагры. Военачальниками этой партии были Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек и Измаил-бей Баракай-ипа Дзепш. Последний привез им раздобытые 3 небольшие орудия. Поход убыхов не состоялся, так как в это самое время стало известно, что в конце мая племянник Хаджи-Керендука, так называемый меньшей Хаджи-Берзек, вел в Сухуме тайные переговоры с М. Шервашидзе и ген. Гагариным и «обещал при благоприятных обстоятельствах служить усердно нашему правительству», — пишет генерал Гагарин. Когда тайное стало явным, то «это возбудило крайнее негодование на всех Берзеков, которые собирают партии, чтобы казаться смелыми и предприимчивыми старшинами, и в то же время под-

¹⁷⁷ См. его книгу, а также: *Абцедарий*. Искатели приключений в среде населения Западного Кавказа в 1857 г. // Кубанские областные ведомости. 1874. № 17.

¹⁷⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. XXIII, с. 164–165.

¹⁷⁹ *Абцедарий*, № 17.

¹⁸⁰ Угринович К. Краткий обзор военных действий на Кавказе в минувшем 1857 году // Русский вестник. М., 1858, т. XIII, с. 279.

¹⁸¹ Акты... XII, с. 504–505.

водят людей под беду, находясь в тайных сношениях с русскими». Возмущенные предательством убыхи вместо похода на Гагры пошли и разорили имущество меньшого Хаджи-Берзека¹⁸². Когда в 1858 году в Убыхию явился Магомет-Эмин, и опять приступил к учреждению народного суда (что прямо било по интересам куашха), и требовал объединения с черкесскими племенами побережья, то племенная знать оказала настолько сильное сопротивление, что Магомет-Эмин, чтобы не рисковать собою, вынужден был покинуть Убыхию, пообещав вернуться с вооруженными абдзахами.

Сразу же после этих событий куашха посылают депутатов к начальнику войск в Абхазии, генерал-майору Лорис-Меликову с целью возобновления переговоров о принятии убыхами царского подданства. Куашха вели эти переговоры от имени всего убыхского народа, но широкие слои его и не думали лишаться своей свободы. Куашха тайно от соплеменников продавали их за ордена, чины, «жалованье», за укрепление своего могущества с помощью царских штыков. Лорис-Меликов использовал для переговоров с куашха воспитанного у убыхов владельца Абхазии М. Шервашидзе. Лорис-Меликов дипломатично предложил депутатам (думая, что это депутаты от всего народа) на первых порах не жесткие условия: 1) не нападать на войска и границу царской России; 2) учредить в Убыхии «народные суды» (конечно, не по образцу Магомет-Эмина), членам которых царское командование будет платить жалованье; при каждом суде выставить по 25 есаулов опять-таки с царским милиционерским жалованьем; 3) царское правительство «разрешит» (и так фактически существующую) торговлю убыхов с Турцией, исключая импортирования военных грузов (порох, свинец, оружие) и 4) царское правительство «разрешит» поездки убыхов в Турцию для свидания с находящимися там родственниками. В своей записке Лорис-Меликов указывает, что «на первый раз» не следует требовать от убыхов аманатов, чтобы не отпугивать их от покорности. Генерал решил покорить Убыхию рублем. Он везде, где можно, подчеркивает, что и судьи, и есаулы будут получать из казны деньги, что при всяком враждебном акте со стороны того или иного запроданного убыха последний будет лишаться жалованья. Кроме того, генерал пишет в своей записке, что «необходимо также ассигновать особую ежегодную сумму для подарков», т.е. подкупов. Он не скрывает, что можно будет выбросить как пустую бумажку легкие условия, предложенные убыхам, когда на Западном Кавказе будут стянуты большие военные силы. В этом он цинично признается в своей записке. Мир с убыхами был нужен для укрепления царского господства в Абхазии — это хорошо понимал Лорис-Меликов¹⁸³.

¹⁸² Фадеев А. Убыхи, с. 171–172.

¹⁸³ Акты... XII, ч. 3, с. 745–751

Переговоры, конечно, ни к чему не привели, так как депутаты куашха не были выразителями воли широких слоев Убыхии, которые и слышать не хотели о российском подданстве. Воля к борьбе не исчезла, и тем временем, пока куашха вели тайный сговор с князем Шервашидзе и генерал-майором Лорис-Меликовым, вагыши лишь ждали удобного случая для выступления на новую активную борьбу за свою независимость.

В это время, 17 октября 1858 года, приехал на Сочи адъютант сараскира (турецкого военного министра) Омар-Ага. Он был родом убых; в детстве его продали в Константинополь, и вот уже 10 лет как он находился на турецкой военной службе. Из Сочи Омар-ага направился с каким-то секретным поручением в Абхазию к Магомет-Эмину. И на Сочи, и везде по пути своего следования он разъяснял населению, что по Парижскому договору земли кавказских горцев признаны независимыми и что Россия не имеет права препятствовать развитию горско-турецкой торговли и всяким другим общениям между этими странами¹⁸⁴. Четыре месяца пробыл в горах Омар-Ага, и это не осталось безрезультатным. Возвращаясь, он вез с собой петицию от независимых племен Западного Кавказа на имя сараскира Риза-паши с просьбой о заступничестве Порты перед европейскими державами, которые должны признать, что восточный берег Черного моря является независимой страной. В этой петиции, между прочим, писалось: «Вашему превосходительству не безызвестно, что во все времена единственным желанием черкесов (убыхи здесь разумелись в составе черкесов. — Л.Л.), как известно всему свету, была свобода <...> Пока наши желания не приведутся в исполнение, мы не перестанем вести войну с Россией и никогда слово “мир” не будет нами произнесено». Насколько в этот период Кавказской войны велика уже была роль убыхов, видно из того, что подписи их представителей под петицией стоят в числе первых (после Магомет-Эмина и Реиса)¹⁸⁵.

С поездкой Омар-Аги связан и другой факт: очевидно, он подал Магомет-Эмину идею создания в верховьях р. Белой первых серебряных рудников. Талантливый реформатор Магомет-Эмин среди своих широких планов имел в виду и создание промышленности, находившейся бы в ведении союзного мегкеме. До этого была лишь в Асадзуа турецкая лесопильня. Магомет-Эмин думал развернуть добычу серебра для того, чтобы использовать его для приобретения оружия (в том числе артиллерии). Омар-Ага обязался заготавливать в Стамбуле техническое оборудование предполагаемых рудников¹⁸⁶. Как потом передавал один абдзах, Магомет-Эмин собрал до 200 человек русских дезертиров и пленных и отправил их на разработки руды. Есть даже намек на то, что там уже началась интенсивная чеканка царских серебряных денег, но

¹⁸⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 764, 780

¹⁸⁵ Акты... XII, ч. 3, с. 789–790; Акты... XII, с. 248

¹⁸⁶ Акты... XII, ч. 3, с. 750

это сомнительно. Но, будто бы, убыхи, собравшись в большую партию, перебили всех рабочих — и русских, и абдзахов. Когда Магомет-Эмин запросил убыхов о причине их поведения, они ответили, что, если, мол, русские прослышали о серебре, то обязательно направят туда все свои силы, и край скоро окажется завоеванным. После этого разработки более не возобновлялись¹⁸⁷.

Упразднение береговых укреплений позволило горцам снова широко развернуть морские сношения с Турцией, что, естественно, противоречило интересам царского правительства. И оно, несмотря на иное мнение, высказанное на этот счет кутаисским генерал-губернатором князем Эристовым¹⁸⁸, снова приступает к морскому крейсерованию для выслеживания кочерм¹⁸⁹. В ночь на 6 апреля 1859 года двумя азовскими байдаками вблизи устья р. Сочи была захвачена кочерма, груженная солью. Утром 9 апреля другая кочерма была сожжена в результате артиллерийской стрельбы с моря. В тот же день вблизи устья Шахе были подстрелены еще две кочермы. На Сочи, кроме кочермы, ядрами были разбиты турецкая лавка и прострелены соседние дома. Убыхи думали, что снова предполагается десант на Сочи, и поэтому установили постоянный караул по 10 человек от каждого ближайшего селения. Во время этого боя сами убыхи стреляли из пушки по азовским байдакам. Царское командование, обычно зорко следившее за попытками горцев завести свою артиллерию, не оставило эту пушку в покое. Оно подкупило двух сочинских «дворян» Хотха Самп и Куше Шекурха, которые 10 апреля привезли в Гагры выкраденную ими медную пушку и 6-фунтовую мортиру¹⁹⁰.

11 апреля была захвачена следовавшая к Сочи кочерма. При ее взятии (после артиллерийского обстрела) турки сбросили в море какой-то груз, а один из находившихся на ней горцев «бросился в воду и утонул с намерением, не приняв предложенных ему средств к спасению». На кочерме оказались: 9 турок, 6 горцев и одна женщина¹⁹¹. В конце апреля между Сочи и Вордане были обстреляны с моря лавка и две разгруженные кочермы¹⁹². 6 октября того же 1859 года артиллерийской стрельбой с корвета была разбита маленькая кочерма и попорчена одна большая и еще две маленьких. С берега засевшие за деревьями убыхи в это время обстреливали корвет из своих ружей и пушки, но не могли причинить вреда корвету, так как их пули не долетали, а ядра не попадали¹⁹³. На Вордане, в связи с торговым оживлением после Восточной войны, возобновился

187 Захаров С. О населении 27 полка // Кубанские ведомости. 1867. № 42; Акты... XII, ч. 3, с. 828.

188 Акты... XII, с. 799; Акты... XII, ч. 3, с. 755–756.

189 Акты... XII, ч. 3, с. 771–776.

190 Акты... XII, ч. 3, с. 791–793; Газета «Кавказ». 1859. № 34.

191 Акты... XII, ч. 3, с. 813; Газета «Кавказ». 1859. № 34.

192 Акты... XII, ч. 3, с. 792–793.

193 Акты... XII, ч. 3, с. 846.

на самом берегу моря базар. 22 октября царские корабли безрезультатно дважды пытались сжечь большую лавку на территории этого базара, но это им не удалось, так как быстро сбежавшиеся на сигнальные выстрелы убыхи огнем своих ружей отогнали врага¹⁹⁴.

Попутно с этими событиями делается новая попытка объединения еще незавоеванных племен Западного Кавказа. Черкесские пши и уорки и убыхские куашха пытались взять движение в свои руки. В апреле 1859 года состоялось всенародное собрание в ущелье Бегогу («Богаге») с участием шапсугов, натхуаджей, абдзахов и убыхов. Целью этого собрания являлось: 1) дать взаимную присягу верности общему делу борьбы за независимость, 2) условиться о плане совместных действий; племенная знать требовала еще от собрания 3) присяги на верность шапсугскому пши Сефер-бею Зану. Последнее шло в разрез с интересами черкесских тлхукотлей и убыхских вагышей, поэтому само собрание, не придя к общему мнению, окончилось ничем.

Во время Бегогского собрания царские войска под командою генерала Бабича прибыли к слиянию рек Бакан и Неберджай с целью постройки на этом месте укрепления. Присутствовавшие на собрании горцы отравились противодействовать постройке этого укрепления. Высланный 20 июня против них отряд побоялся напасть на горцев и отступил назад. 22 июня горцы напали на Адагумское укрепление. Несмотря на большую храбрость, горцы все же отступили, так как сила была на стороне противника. В следующие два дня происходили перестрелки, но обнажившиеся противоречия между рядовыми общинниками и племенной знатью и противоречия межплеменные, как было сказано выше, расстроили собрание, и участники его разъехались по домам¹⁹⁵.

В начале июля 1859 года убыхи совместно с рядовыми асадзуаскими общинниками собрались в количестве до 500 человек, имея в виду совершить нападение на Гагры, и с этою целью привезли в Сочи добытые где-то две медные пушки. В это же время прибыла из Трапезунта к Хосте кочерма, которая привезла, кроме соли и текстильных товаров, также и порох¹⁹⁶. Собравшиеся в поход в ночь на 13 июля, не доходя до Гагр, напали на Цандрипш, очевидно, с целью отомстить жителям за то, что те не противодействовали активно русофильской политике своей племенной аристократии. В результате происшедшего сражения, нападавшие отбили у цандрипшцев почти все табуны лошадей, потеряв со своей стороны 20 человек убитыми, после чего повернули назад к Адлеру, конвоируя свою добычу¹⁹⁷. 20 июля убыхи и асадзуа снова показались в окрестностях Гагр. Но пострадавшая в последнем сражении асадзуаская знать в

¹⁹⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 846–847.

¹⁹⁵ Акты... XII, с. 1285; Газета «Кавказ». 1859. № 65.

¹⁹⁶ Акты... XII, ч. 3, с. 828.

¹⁹⁷ Акты... XII, ч. 3, с. 835.

лице Сомеха Цанбая и Сомеха Аби́ча, собрав своих сторонников, решила отомстить за свое разорение. Не считаясь с народными обычаями, эта знать в священной роще неожиданно напала на убыхов и бывших с ними асадзуа и после большой перестрелки заставила их укрыться в соседних горах. 22 июля они все же произвели нападение на Гагры, но из-за своей малочисленности (их в это время было лишь 200 человек) не достигли желательного результата¹⁹⁸. Отбитый у убыхов асадзуаской знатью чугунный фальконет Сомех Аби́ч и Сомех Цанбай услужливо доставили в Гагры¹⁹⁹.

Если в 1859 году и не происходило серьезных наступательных действий России на убыхов, то, тем не менее, этот год был переломным в судьбе этого народа. Трагическая развязка приблизилась. Дело в том, что в 1859 г. кавказским горцам было нанесено огромное поражение — имам Шамиль, одно имя которого вдохновляло широкие горские массы на борьбу за свою независимость, имя которого не раз приводило в трепет царские войска, — Шамиль, наконец, был захвачен врагами. И таким образом, Восточный Кавказ, рассадник идей мюридизма, пал. Осетия, Карачай, Балкария, Кабарда, Чечня, Абхазия и добрая половина Черкесии к этому времени также были «замирены» и превращены в колонии царской России. В этом году сложили оружие бжедуги, чемгуи, махоши, бесленеи, шагиреи. Сразу же по получении известия о падении Дагестана и пленении Шамиля его талантливейший наиб, Магомет-Эмин, присягнул с абадзехами на верность царскому правительству. Он увидел, что дальнейшая борьба при сложившихся обстоятельствах невозможна и поэтому продолжение ее приведет лишь к бесцельному пролитию крови. Замечательная личность наиба, пламенного борца за независимость горцев, организатора рядовых общинников в их борьбе с племенной знатью, сошла со сцены. Чтобы понять все значение этого человека, следует вспомнить, что он, одинокий чужестранец, хотя и временно, но смог *впервые* объединить разноплеменный Западный Кавказ, несмотря на интриги пши, уорков и куашха, несмотря на сложные противоречия и дразги между племенами, родами и общинами. Даже старые официальные историки царского правительства вынуждены были признать большую моральную силу и выдающееся историческое значение этого реформатора. Ф. Щербина так характеризует его: «Родом плебей, которому всю жизнь приходилось брать все с бою, не только лично возвысился до высшего положения, о каком только мог мечтать горец, но временами играл роль неограниченного властелина, организовал народное управление на демократических началах и, стоя все время на торном пути объединения

¹⁹⁸ Акты... XII, ч. 3, с. 835–836.

¹⁹⁹ Акты... XII, ч. 3, с. 837.

черкесских народностей, сам прекратил свою деятельность, когда убедился, что идти дальше некуда»²⁰⁰.

На всем Кавказе к концу 1859 г. оставались независимыми лишь шапсуги, натхуаджи, асадзуа и убыхи. Фактически независимыми, хотя и принявшими присягу царю, были абдзахи. Все это представляло собою очень небольшой район. Ситуация для горцев складывалась тяжелая. Командование Кавказской армией закрепляло за собою завоеванные местности: прокладывало дороги, строило станицы и укрепления. Убыхи посылают адрес к высокопоставленному лицу в Турции с просьбой турецкого посредничества перед Европой для провозглашения независимости восточного берега Черного моря. Племенная знать Убыхии, с одной стороны (под прессом народного волнения), подписывает этот адрес, а с другой — ездит к российскому командованию за очередной «пенсией», уверяя в своих верноподданнических чувствах²⁰¹.

Конец Кавказской войны и изгнание убыхов в Турцию (1860–1864 гг.)

Покончив с Восточным Кавказом, царское правительство приступило к завоеванию Западного. В 1860 г. для этой цели были стянуты за Кубань освободившиеся с левого фланга войска в количестве 70 батальонов пехоты, 20 казачьих полков, дивизиона драгун и ста орудий²⁰². Силы, как видим, внушительные! Но не без волнения приступала помещицья Россия к выполнению заключительных действий на Кавказе. Достаточно прочесть записки Скорятина, чтобы в этом убедиться. Он пророчил, что убыхи (именно убыхи) окажут нечеловеческое сопротивление и, возможно, что у них появится второй Шамиль. Да и сам кавказский наместник князь Барятинский, приступая к окончательному завоеванию Западного Кавказа, писал военному министру Сухазонету: «Осталось <...> еще воинственное и многочисленное население шапсугов и убыхов, доселе никогда не подчинявшееся никакому владычеству, не испытывавшее никогда ужасов войны, чуждое всяких уз гражданского благоустройства. С этими-то племенами еще остается нам справиться, чтобы довершить окончательно покорение Кавказа, и здесь мы должны ожидать главное затруднение именно от совершенного отсутствия между ними не только власти общественной, но даже и отдельных личностей, которые могли бы преобладающим значением сколько-нибудь связывать массу рассеянного народа и увлечь ее к единодушному признанию русского господства»²⁰³. У страха глаза велики, — поэтому считали силы независимых

²⁰⁰ Щербина Ф., с. 555.

²⁰¹ Акты... XII, с. 248.

²⁰² Дроздов И., с. 42.

²⁰³ Акты... XII, ч. 3, с. 906.

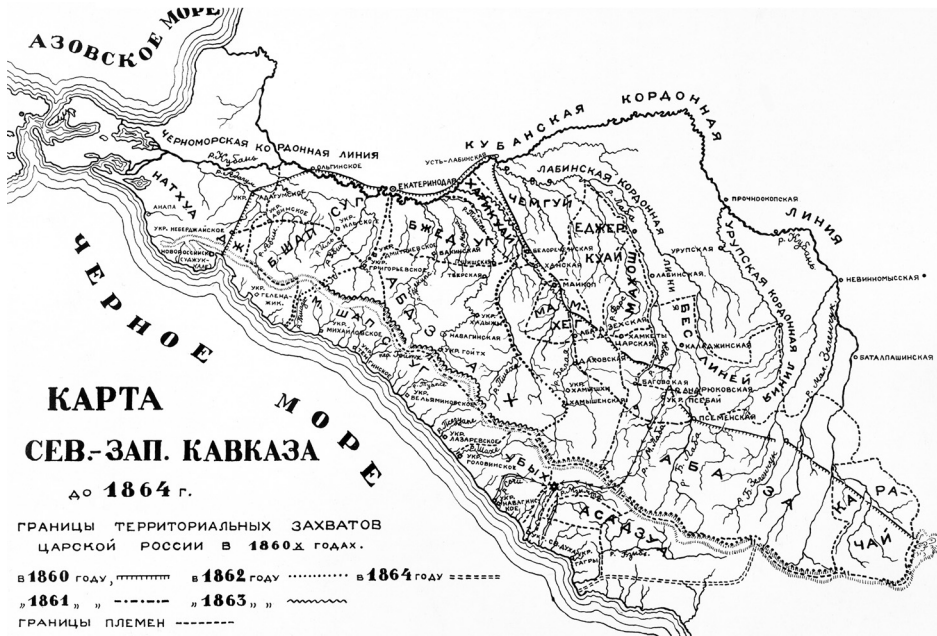

Рис. 11. Карта Северо-Западного Кавказа до 1864 г.

горцев до 200 тыс. человек²⁰⁴, когда они такими силами уже не обладали. Весь план военных действий состоял в постепенном продвижении с севера. Каждый захваченный километр пространства решили прежде закрепить, а потом уже продвигаться дальше. Военные действия со стороны побережья решено было не предпринимать. Барятинский писал военному министру: «Что касается до действий против прибрежного горского населения, то надобно откровенно сказать, что при нынешних морских наших средствах, мы не в состоянии ничего предпринять с этой стороны и должны по необходимости выжидать результатов наших действий за Кубанью, чтобы иметь более прочный базис для перенесения потом действий в приморскую полосу <...> Мы должны сознаться, что никогда еще не производились столь деятельно, как теперь, сношения между Кавказским берегом и Турцией. Все, что я с своей стороны могу сделать в пользу нашего морского положения, заключается лишь в умножении числа азовских лодок и в устройстве морских станций Константиновской и Сухумской, которые и будут достроены в будущем году»²⁰⁵. Александр II утвердил намеченный Барятинским план военных действий²⁰⁶.

Почуввав неблагоприятную для горцев обстановку, убыхская и асдузская племенная знать тайно от широких масс своих племен всту-

²⁰⁴ Дроздов И., с. 42.

²⁰⁵ Акты... XII, ч. 3, с. 284, 285.

²⁰⁶ Там же, с. 293, 294

пила в Гаграх в новые переговоры с кутаисским генерал-губернатором кн. Эрстовым (январь 1860 г.) В переговорах участвовало со стороны горской знати около 300 чел., в числе которых были Хаджи-Керендук-Догомуко Берзек и Решид Геч. По словам Барятинского, «старшины эти, выслушав предложенные им условия покорности казались весьма довольными и обещали дать окончательный ответ через месяц». Здесь речь идет не об ответе самой знати, которые, как мы видим, были «весьма довольными», а об ответе народной массы, в добрых чувствах которой сомневались как генерал-губернатор, так и племенная знать. В главном же штабе Кавказской армии, где, кажется, продолжали еще близоруко рассматривать всех убыхов как единое целое с одними общими интересами выработали условия «покорности» убыхов. Эти условия состояли из следующих пунктов: 1) убыхи на ал-коране присягают на подданство царскому правительству; 2) убыхи выдают дезертиров и пленных солдат и не поддерживают горцев, продолжающих борьбу против царской России; 3) убыхи подчиняются назначенному царским правительством начальнику; 4) убыхи, под присмотром этого начальника, организывают у себя «народный суд»; 5) убыхи обязуются не препятствовать созданию укреплений, дорог и просек на территории Убыхии. А «в знак особенного благоволения к покоряющимся племенам правительство, со своей стороны, обещает им»: а) свободное исповедание ислама, б) свободные поездки в Мекку и Турцию, а также и переселение туда, в) отправление суда по адатам, за исключением дел об «измене» и «бунтарстве», которые будут рассматриваться в правительственных военных судах, г) утверждение права собственности на землю, ими занимаемую, д) разрешение морской торговли в некоторых пунктах, где будут созданы карантинно-таможенные заставы с факториями; при этом за каждое нападение на служащих будут материально отвечать по правилу круговой поруки. Как видим, при изменившейся обстановке в пользу царского правительства, изменились и условия, которые оно стало предъявлять убыхам.

Как только свободные общинники Убыхии и Асадзуа узнали о переговорах своей племенной знати с Эрстовым, они сразу заволновались. Они в лицо назвали Хаджи-Керендука и других подкупленными предателями. Они возмутились наглостью племенной знати, посмевавшей вступить в переговоры от имени всего народа, в то время как народ не считал их выразителями своих интересов. Они заявили Хаджи-Керендуку «торжественно, что он обещался русским, в случае неуспеха покорения убыхов мирным путем, покорить их силою, и потому им любопытно будет видеть ту силу, через которую он покорит все убыхское племя русским».

Предательская политика Берзеков еще более возмутила вагышей, когда в это самое время было получено из Стамбула письмо от находившегося там убыхского дипломата Измаил-бея Баракай-ипа Дзепша,

который писал, что Англией и Турцией готовится новая война против России, и призывал соплеменников не капитулировать хотя бы до наступления теплых дней. Хаджи-Керендуку, кажется, удалось избежать крупных неприятностей, но лишь после того, когда он сумел оправдаться, что своими переговорами он оттянул время наступательных действий царских войск.

Асадзуаский народ даже напал с оружием в руках на дом Решиды Гечь и ранил нескольких из партии своей знати. Таким образом, классовая борьба стала выливаться в вооруженные столкновения. В результате возмущения свободных общинников, племенная знать убыхов и асадзуа побоялась отправиться на вторичное свидание с кутаисским генерал-губернатором. От имени этой знати был послан лишь парламентар Кучук-Хаджи-Мехмед Берзек (числившийся прапорщиком, племянник Хаджи-Керендука). Этот парламентар хотя и разболтал о происшедших в горах событиях, но для поддержания достоинства своего дяди сказал, что тот болен, «да и дороги испорчены снегопадом, поэтому он не мог явиться лично». Кучук-Хаджи-Мехмед также передал, что куашха не теряют надежду склонить вагышей на капитуляцию перед царской Россией, а Хаджи-Керендук согласен в любое время ехать к главнокомандующему Кавказской армией, если последний прикажет.

О сильном волнении вагышей сообщали, кроме Кучук-Хаджи-Мехмеда, и другие. Сомех Абич (из асадзуаской знати) указывал что «все народонаселение за Адлером в волнении». То же подтвердил Якуб Цанбай и шпион, посланный в Убыхию начальником войск в Абхазии. Шпион между прочим сообщил, что в ответ на предательство куашха широкие массы убыхов решили оказывать царским войскам самое упорное сопротивление²⁰⁷.

В результате капитуляционной политики, которую вели куашха, их влияние в убыхском обществе резко пало. Авторитет самого Хаджи-Керендука настолько оказался подорванным, что он не находит другого выхода, кроме переселения с семьей на постоянное жительство в Турцию (что все-таки не было выполнено).

Широкие массы убыхского народа еще больше увеличивают свое участие в борьбе горцев Западного Кавказа. В феврале были снаряжены до 25 кочерм для морского десанта горцев между Гаграми и Пицундой, что чрезвычайно взволновало командование Кавказской армией, которое в ответ на это усилило свои морские силы у берегов Абхазии²⁰⁸. Кроме того, 17 апреля начальник войск в Абхазии Карганов с моря бомбардировал убыхские и асадзуаские берега. Особенно пострадало общество Арт. Особой задачей этой бомбардировки было истребление горских кочерм.

²⁰⁷ Акты... XII, ч. 3, с. 907, 879—885 и 893—900; Акты... XII, ч. 2, с. 885—887.

²⁰⁸ Акты... XII, ч. 3, с. 901—903, 909.

Карганов подстрелил одну кочерму у общества Арт, другую — у Хосты, третью в Лоо, а четвертую — у Сюэпсы сумел захватить в свои руки. У Лоо же заодно был сожжен на берегу базар. Жертвы горцев остались неизвестными, а отряд Карганова имел одного убитого и одного раненого²⁰⁹.

В это же время разосланные убыхами агенты возбуждали абдзахов на возобновление борьбы²¹⁰. В начале июня 1860 г. убыхи помогают шапсугам и натхуаджам в бою на р. Шебш²¹¹. 13 июля партия убыхов и асадзуа (будто бы около 1000 чел.) напала из засады на команду, вышедшую из укрепления Гагры на заготовку дров. Горцы, дав залп, бросились с трех сторон в шашки. В результате боя горцы оставляли на месте 2 трупа, а всего имели потерь, по сомнительным данным, — около 40 чел. убитыми и ранеными, в том числе 6 раненых «князей» (куашха). Гагринский гарнизон потерял убитыми одного и ранеными 19 чел. Перед этим же сражением убыхи совместно с асадзуа (псхувцы и др.) во главе с бежавшим абхазским амыста Кизилбеком Маршани совершили набег на Верхнюю Цебельду²¹². Таким образом, не случайно кутаисский генерал-губернатор писал Бярятинскому от 19 марта 1860 г., что «горцы имели частые сборы и, подстрекаемые тайными агентами, притон которых есть земля убыхов, употребляют все усилия к подавлению преданной нам партии»²¹³.

В августе предпринимается крупная карательная экспедиция против Псху. Убыхи и асадзуаские общества активно помогают обороне псхувцев, чем вызывают против своих селений особый артиллерийский погром с моря. Карганов, руководивший псхувской экспедицией, послал корабли с капитаном Грече для обстрела побережья Убыхии и Асадзуа. Во время этого 6-дневного обстрела снова особенно пострадало общество Арт²¹⁴. Это был беспрепятственный погром мирного населения.

Носились в это время слухи о готовящемся нападении убыхов на Гагры или Пицунду, и кавказское начальство принимало предохранительные меры²¹⁵, но нападение не было произведено.

По утвержденному Александром II плану военных действий в 1861 г., войска Кавказской армии опять-таки должны были, продвигаясь на северном склоне хребта, ограничиться на побережье лишь наблюдением с моря и борьбою с горско-турецкой торговлей²¹⁶. Но если внешнее положение Убыхии в 1861 г. не претерпело резкого изменения, то во внутренней ее жизни произошли замечательные события.

²⁰⁹ Военные известия. Из Абхазии // Газета «Кавказ». 1860. № 37.

²¹⁰ Акты... XII, ч. 3, с. 932.

²¹¹ Военные известия. Из Кубанской области // Газета «Кавказ». 1860. № 62.

²¹² Акты... XII, ч. 3, с. 947–953; Военные известия. Из Абхазии // Газета «Кавказ». 1860. № 62.

²¹³ Акты... XII, ч. 3, с. 901.

²¹⁴ Акты... XII, ч. 3, с. 957, 961–977.

²¹⁵ Там же, с. 961.

²¹⁶ Там же, с. 322, 329.

Началось с того, что прибыли из Турции капитан турецкой службы убых Смель, шапсуг Хассан-эфенди и с ними один англичанин. Эти лица обратились с воззванием к убыхам, шапсугам, натхуаджам и абдзахам, в котором было сказано, что авторы этого воззвания имеют письменные полномочия от английского, французского и турецкого правительств. Правительства этих государств обещают покровительствовать горцам в борьбе за независимость и обещают оружием заставить царскую Россию признать независимость территории горцев. Все это было обещано в том случае, если горцы в свою очередь будут стойко продолжать свою борьбу и для этой цели объединятся в единый крепкий союз. К этому же тайно возбуждал убыхов и номинальный владетель Абхазии князь М. Шервашидзе.

Давно у горцев Западного Кавказа делались попытки организации союза племен. Еще в 1841 г. был подписан «дефтер» межплеменного объединения, но он не был проведен в жизнь из-за племенных противоречий. Позже Магомет-Эмину удалось сколотить временный союз, но он распался в результате классовых противоречий и той же межплеменной розни. Теперь, в 1861 г., объединение независимых горских племен было осуществлено. Инициатива исходила из среды убыхов. 13 июня на Сочи состоялось народное собрание убыхов, совместно с представителями абдзахов и шапсугов. Это собрание провозгласило союз трех упомянутых племен. Вот что рассказывает об этом очень важном событии письмо убыхских старшин английской королеве: «В 17 день зихильджа 1277 г. все черкесы были приглашены на совет и единогласно решили учредить чрезвычайный союз и не отставать от него с тем, чтобы сохранить порядок внутренний, а отступающих от союза наказывать. В черкесском владении учрежден меджлис из 15-ти членов и умных людей. Этому меджлису дано звание великого и свободного заседания. По повелению же меджлиса учреждено в нашем крае 12 округов, в каждом округе определены: мухта и кади, а также и мухтарь (старшина), под названием запти. Они должны исполнять повеления меджлиса и действовать а заодно с Великим заседанием. Во владениях же черкесских от каждых 100 домов взять по пяти всадников и по одному запти, чтобы они исполняли предписание окружного меккеме, по сбору доходов и распределению податей» (перевод старый). 15 членов меджлиса были избраны по 5 чел. от каждого племени.

Таким образом, независимая горская территория объединялась под властью «великого и свободного собрания», составлявшего собою коллегия равного числа представителей каждого племени. Это, как будто, говорит за то, что перед нами обычный племенной союз. Но само племя (скажем, убыхское или шапсугское) к этому времени уже не жило компактной массой на определенной территории, убыхи были перемешаны с

шапсугами, натхуаджами и асадзуа, а шапсуги — с натхуаджами. В XIX в. эти племена имели скорее территориальный, а не кровнородственный характер. Вводимое в жизнь внутреннее административное деление целиком основывалось на территориальном принципе: 12 округов с последующим делением каждого на меньшие единицы по 100 домов. Округ и сотня домов не могли быть родами и фратриями ирокезского или раннегреческого типа. Не род, а сельская община являлась господствующей организацией убыхского общества. Родственники жили рассеянно, между не только чужеродцами, но часто и чужеплеменниками. Таким образом, вводимая в 1861 г. организация была построена на территориальных началах. Но это одна из характернейших черт не племенного союза, а более высокой организации — государства. «По сравнению со старой родовой организацией, — говорит Ф. Энгельс, — государство прежде всего отличается разделением подданных государства *по территориальным делениям*»²¹⁷.

Учреждение меджлиса, окружных меккеме, должности сотенных запти, — словом, специального аппарата управления, опиравшегося на зародышевое постоянное войско («по пяти всадников» от сотни домов) — мыслилось как «учреждение *публичной власти*», что является второй отличительной чертой всякого государства²¹⁸. «Для содержания этой публичной власти, — говорит Ф. Энгельс, — необходимы взносы граждан — налоги»²¹⁹. «Для содержания особой, стоящей над обществом общественной власти нужны налоги, и государственные долги», — говорит В.И. Ленин²²⁰. Видим ли мы что-либо подобное в горском нововведении 1861 года? Цитированный выше документ говорит о «сборе доходов и распределении податей».

Если прежние союзы племен Западного Кавказа являлись делом рук рядовых общинников и связанного с ними мусульманского духовенства, то этого нельзя сказать о меджлисе — в нем главенствующее положение заняли куашха (Берзеки); если раньше племенные союзы организовывались и действовали против воли и во вред племенной знати, то теперь эта знать в лице своих крупнейших представителей, явилась пламенной поборницей идеи объединения горцев под властью меджлиса. Это качественное различие племенных союзов 1841 г. и периода Магомет-Эмина, с одной стороны, и горского объединения 1861 г. — с другой, является основной причиной, которая склоняет нас рассматривать события 1861 г. как становления государства на Западном Кавказе. Государство при своем появлении «по общему правилу является государством самого

²¹⁷ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1932, с. 172.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Там же, с. 173.

²²⁰ Ленин В.И. Сочинения, изд. 2-е, т. XXI, с. 376.

могущественного, экономически господствующего класса», — говорит Ф. Энгельс²²¹. В середине XIX в. не вагыши с муллами являлись самым могущественным и экономически господствующим классом Убыхии, а именно куашха, в интересах которых и было задумано учреждение меджлиса.

В.И. Ленин говорит: «Государство есть только там, где есть классовые противоречия и классовая борьба»²²². Существовали ли противоречия и борьба классов в убыхском обществе? Все предыдущее изложение истории достаточно ясно говорит об ожесточенной борьбе между вагышами и куашха. Эта борьба, как мы видели, еще в конце XVIII в. привела к лишению ряда привилегий племенной знати; после этого борьба то как бы затихала, временно входила внутрь, то снова вспыхивала и выливалась не только в разные политические ориентации (вагышей — на Турцию, а куашха — на Россию), но и в открытые вооруженные нападения вагышей на дома племенной знати и аресты таковой; она выливалась в тайные заговоры куашха, мечтавших царским оружием покорить трудовую массу. События 1860 г. окончательно переполнили чашу терпения родовых общинников, и они заволновались. «Народонаселение за Адлером в волнении», — говорил шпион из асадзуаских «дворян» начальнику войск в Абхазии (см. выше). События 1860 г. явились кульминационным пунктом кассовых противоречий, которые показали, что старые методы примирения этих противоречий с использованием традиционного уважения к «своей» многочисленной племенной знати теперь потеряли силу. «Государство есть продукт и проявление *непримиримости* классовых противоречий»²²³ (курсив В.И. Ленина. — *Л.Л.*). За годы многолетней войны с царской Россией убыхские массы научились сплоченно выступать с черкесами и абхазами во имя общей цели, и эта совместная борьба укрепляла связи, укрепляла сплоченность между рядовыми общинниками, которые теперь могли более организованно выступить против своей племенной верхушки. Под действием изменившейся внутренней обстановки куашха, о которых в течение года ничего не было слышно, вдруг выплыли в качестве горячих поборников идеи объединения горцев, идеи всенародной войны против царской России. Из шпионов и предателей, получавших тайные «пенсии», они делаются активными вождями освободительной борьбы. В чем здесь секрет? События 1860 г. показали куашха, что только возглавив эту борьбу, только проводя активную политику в этом направлении, они смогут удержать свое положение в обществе. И, кроме того, куашха поняли, что ухватившись за популярную в народе идею объединения, они смогут создать аппарат управления массой, воз-

²²¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 173, 174.

²²² Ленин В.И. Сочинения, изд. 2-е, т. XXI, с. 372.

²²³ Там же.

глава который они превратят его в аппарат принуждения этих масс, в аппарат насилия куаша над населением.

Вот в чем, по нашему мнению, смысл событий 1861 г. Рождение на свет меджлиса не было вызвано потребностями войны с царской Россией. Причиной было обострение классово-племенной борьбы. Что же касается войны, то она лишь способствовала объединению горцев под властью меджлиса. Поэтому мы не можем присоединиться к мнению всех писавших об организации горского меджлиса, как о союзе племен, созданном по причинам внешнего порядка. Мы не станем утруждать внимание читателя цитированием работ буржуазных и советских историков Кавказа. Укажем лишь, что в работе изданной в 1935 г. А. Фадеев продолжает отстаивать на той же антимарксистской позиции при рассмотрении вопроса о горском меджлисе. Он говорит: «Только смертельная опасность, опасность физического уничтожения могла породить в умах передовых элементов крестьянской массы убыхов, шапсугов и абдзахов социальную идею, идущую в разрез с вековым укладом общественной жизни»²²⁴. Таким образом, автор считает, что меджлис был вызван к жизни «только» потребностями войны с царской Россией и что инициаторами создания его были «передовые элементы крестьянской массы». Ниже А. Фадеев цитирует В.И. Ленина: «Организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских хозяев *только* руководство или либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»²²⁵. Слова В.И. Ленина, как видим, прямо бьют по неверной установке А. Фадеева, но он, чтобы выйти из положения, в которое сам попал, далее заявляет: «Проект убыхской конституции 1861 года представляет крупный интерес в том смысле, что он выражает высшую ступень политического сознания, на которую могут подняться передовики революционного крестьянства в редких, особых, совершенно исключительных условиях»²²⁶. Если бы А. Фадеев внимательно проследил весь ход классово-племенной борьбы в Убыхии и осознал кульминационный ее пункт в 1860 году, когда борьба вот-вот уже должна была привести к внутреннему взрыву; кроме того, если бы он обратил внимание на тот бесспорный факт, что во главе меджлиса и в качестве активных приверженцев его были не «передовые элементы крестьянской массы», а крупнейшие представители племенной знати, — то А. Фадееву не пришлось бы объяснять свое противоречие с ленинскими установками тем, что в Убыхии были «совершенно исключительные условия». А. Фадеев, не поняв смысла событий 1861 года, оставляет необъяснимым и тот факт, что проект организации

²²⁴ Фадеев А. Убыхи, с. 176.

²²⁵ Ленин В.И. Сочинения, изд. 2-е, т. XXI, с. 54.

²²⁶ Фадеев А. Убыхи, с. 177

меджлиса, хотя и «зародился под влиянием идей мюридизма, но надо к чести убыхов признать, что они пошли при его составлении значительно дальше конституции имамата. Проектируемая ими политическая система была уже значительно очищена от реакционных теократических примесей»²²⁷. Дело ведь в том, что «конституция имамата» поддерживалась широкими массами горского крестьянства, в то время как племенная знать относилась к ней враждебно, и ясно, что, придя теперь к власти, эта знать, не имела желаний возродить враждебную ей систему (напомним, что в числе основных заповедей мюридизма было и «равенство всех перед аллахом» — могли ли куашах воскрешать такие идеи?).

События 1861 года имеют очень большой не только кавказоведческий, но и общий социологический интерес. Процесс становления государства историки не часто могут проследить так подробно с наличием документальных свидетельств, как это можно сделать на материале убыхской истории XIX в. Ценность этого материала заключается в том, что он фактами доказывает гениальность марксистско-ленинского положения, что «государство возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку классовые противоречия объективно *не могут* быть примирены»²²⁸.

Когда мы говорим о становлении государства в горах Западного Кавказа, то подразумеваем, что этот процесс не был молниеносным. Элементы государственности еще за долго до 1861 года появлялись в перерождении старинных родовых и общинных учреждений. Само «государство» 1861 года носило печать родового строя и формально восприняло многие черты старых племенных союзов. Но в длительном процессе становления государства есть диалектический скачок, отделяющий до-государственный период от периода с наличием государства. Этот скачок, как явствует из взглядов классиков марксизма, наступает тогда, когда классовые противоречия уже не могут быть примирены старыми методами. Этот скачок мы и видим в убыхской истории в 1860–1861 годов. Но созданное «на живую нитку» горское государство не смогло окончательно укрепиться из-за быстрого продвижения царских войск. Этот процесс становления государства был прерван внешней причиной.

Вскоре после сочинского собрания в долине р. Пишиш созывается второе расширенное межплеменное народное собрание с целью склонить другие племена на присоединение к союзу. Но попытка не увенчалась успехом, очевидно, в результате сопротивления племенной верхушки других племен, боявшихся подчинения Берзекам. У бжедугов, чемгуйцев, егерукаев и др., несмотря на то что пши и уорки были сильны, классовые противоречия еще не достигли того обострения, какое мы имели на побережье с его развитой работоторговлей. Да и страх перед царской

²²⁷ Там же.

²²⁸ Ленин В.И. Сочинения, изд. 2-е, т. XXI, с. 372.

Россией присягнувших «на верность» племен, уязвимых для царского оружия, очевидно, также имел место. Мы знаем об отказе присоединиться к союзу бжедугов. Мы не видим в союзе и других племен, очевидно, также не присоединившихся к нему.

Когда в половине июня 1861 г. отряд Колюбакина из 7 батальонов пехоты, 3 сотен конницы при 6 орудиях двинулся из Сухума по хребту Агрих к перевалу Дау для разработки дороги, то убыхи и асадзуа явились к псхувцам и возбудили их на совместное сопротивление. Составилась партия до 1000 чел., которая в последних числах июня окружила отряд у Лекурды-Цокта (20–25 км от Сухума). С 30 числа начались ежедневные нападения. Особенно сильным было нападение 4 июля, когда отряд Колюбакина прекратил работы — не до них было. В то же время и соседние, «покорные», абхазские селения заволновались. Колюбакин вынужден был убраться со своим отрядом восвояси, в Сухум. За эту экспедицию его отряд потерял 15 чел. убитыми и 70 ранеными. Абхазские волнения показали лишний раз кавказскому командованию, что до убыхов можно будет добраться лишь после того, как станут твердой ногой в Абхазии, о чем и писал временно исполняющий должность командующего князь Орбелиани в военное министерство.

В половине июля в Закубанье явились к полковнику Лихутину посланцы от нового горского правительства и потребовали от него: 1) прекратить разработку дорог в горы, 2) возвратить переселенных за р. Ходзь бесленеев, причем требовали они этого «дерзко и с угрозами». Когда прибыл за Кубань генерал Евдокимов, депутаты меджлиса опять являлись несколько раз к нему и повторяли требования, прибавив к ним еще два: прекратить вход войск в земли независимых горцев, разрешить поездку депутатов меджлиса в Тифлис и до результатов депутации заключить перемирие. Евдокимов согласился на последнее требование с расчетом беспрепятственного окончания некоторых дорог и новых станиц. 16 августа 3 депутата (по одному от каждого племени, вошедшего в союз) явились к Орбелиани в Тифлисе. Возглавлял делегацию Хаджи-Керендук. Они передали «прошение обществ абадзехского, убыхского и шапсугского со всеми деревнями к ним принадлежащими, командующему Кавказской армией». В этом прошении было сказано: «Мы покорнейше просим согласия вашего сиятельства не допускать в наши общества войск, а также не производить постройки укреплений и станиц, ибо, как вам известно, у нас имеется малое количество земли, которая даже нам самим недостаточна, а в случае постройки больших станиц, как мы, так и скотоводство наше крайне будут стеснены. Равномерно мы просим, чтобы земли наши оставить в нашем владении и предоставить нам свободу вероисповедания. Посланных тремя нашими обществами депутатов мы посылаем к вашему сиятельству довести до сведения вашего жалобы о

бедности нашей, равно жен и детей наших». Далее прошение ходатайствует о мире между Россией и маленькой державой горцев. Все, чего добилась эта депутация в Тифлисе, было согласие командования на личное свидание горских депутатов с Александром II во время предполагаемого его прибытия на Кавказ.

Наряду с попытками организованно завязать с Россией мирные переговоры [как одна держава с другой], убыхские депутаты меджлиса пытались отправить письмо к английской королеве через посредство английского консула в Сухуме Диксона (которое мы уже цитировали выше). В этом письме они сообщали об организации у себя государства, жаловались на завоевательные действия царской России, на то, что Евдокимов окружил край кольцом своих войск. По постановлению меджлиса, было отправлено в июне 1861 г. посольство для переговоров с дипломатическими представителями Англии и Франции в Стамбуле. Во главе этого посольства стоял куашха Исмаил-бей Баракай-ипа Дзепш²²⁹.

Вечером 17 сентября 1861 года в лагерь Верхне-абадзехского отряда на р. Фарс, возле Хамкетов, приехал Александр II. На другой день он принимал горскую депутацию. За рекою собралось до 800 горцев. Но разрешено было явиться к царю лишь 60 чел. Это были представители меджлиса. Их, прежде всего, обезоружили, спешили и после этого разрешили явиться. От имени депутатов держал речь Хаджи-Керендук. По одним данным, последний «просил государя принять их в число русских подданных. Государь император изволил ответить, что очень рад видеть их своими подданными, но что для этого они должны бросить свои разбои, повиноваться начальникам, которые будут над ними поставлены, и исполнять все наши требования, и <...> теперь же должны выдать всяких пленных и беглецов. Молчание было ответом на эти слова государя <...> Когда государь изволил спросить: что же они молчат? — Берзеков ответил, что у них есть письменная просьба». Царь передал эту просьбу на рассмотрение Евдокимову. Свидетель этой сцены М.Я. Ольшевский передает следующее: «В особенности убыхи требуют войны или ухода русских за Лабу. Представителям последних я советовал не предлагать никаких условий, а тем более требований, и ожидать милости от великодушия императора. Но эти мои советы были бесполезны <...> Представ перед государем императором <...> они были приняты великодушно явившимся перед ними русским царем. Но так как заявления депутатов были требовательны, то им объявлено было, что в продолжение месяца они должны окончательно решить: желают ли выселиться в Турцию? В противном же случае, с наступлением ноября, откроются военные действия и их заставят исполнить уже силой оружия, то или другое». Ответом на поданное делегацией прошение было: «Объявление <...> князя

229 *Фадеев Ф.* Убыхи, с. 178, 179

Орбелиани, народам убыхскому, шапсугскому и абадзехскому», которое гласило: «Его императорское величество приказал: 1) проложить через ваши земли дороги <...>, поселить по тем дорогам казаков. 2) Построить в ваших землях крепости, где надобность укажет, чтобы там жили войска и защищали жителей от ваших нападений». Таким образом, надежды горцев на справедливость русского «царя-освободителя» должны были пасть окончательно.

А в результате, говорил М.Я. Ольшевский в конце 1861 года, заволновались абдзахи. «Пусть только падишах пришлет нам помощь, то мы освободим вас от ненавистных гяуров», — вторили им убыхи. «Нам нечего бояться русских, нас защищают от них горы», — добавляли они с надменной гордостью <...> Однако благоразумные не только абадзехи и шапсуги, но и убыхи видели настоящее свое печальное положение и понимали, что то время, когда они должны будут покинуть свои заветные горы и леса, приближается. Некоторые из них втайне готовились к переселению <...> в Турцию; делали же это не явно потому, что боялись укора».

20 ноября 1861 года за Кубанью на р. Фюнфт перемирие было прервано. На команду фуражировщиков было совершено нападение горцев числом до 200 чел. Горцы отбили лошадей, изрубили 9 человек, а остальные спаслись лишь в результате подоспевшей помощи. На следующий день старшины близлежащих абдзахских селений явились уверять начальника отряда, что напали не абдзахи, а убыхи, тайно пробравшиеся из-за Главного хребта. Эти же старшины заявили, что они сами боятся убыхов, что они не настроены враждебно к русским, и что убыхи по этому грозили разорить их селения. Тем самым перемирие прекратилось, и опять начались военные действия²³⁰.

1862 год прошел в боевых схватках. Вот как оценивала внутригорское положение газета «Кавказ»: «Мелкие и нередко враждебные между собою племена восточного берега Черного моря соединились и дали торжественную клятву принять энергичное участие в защите края; <...> огромные партии их, силою от 6 до 8 тысяч, перешли на северную сторону <...> и соединились с абадзехами. Главную роль в этом деле взяли на себя убыхи, одушевление которых дошло до того, что они, вопреки народного обычая, свято чтимого горцами, обязались не отправлять в свою землю ни раненых, ни тел убитых, чтобы тем не ослаблять себя. Крайняя решимость горцев обозначилась сейчас же беспрестанными нападениями во

²³⁰ Акты... XII, ч. 3, с. 389, 390, 1118, 1160–1163, 1172–1179, 1205–1207; *Ольшевский М.Я.* Записки // Русская старина. 1895, июнь, с. 137, 141, 144, 145; *Смоленский С.* Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 г. // Военный сборник. 1874. № 8, с. 403, 404; *Короленко П.П.*, с. 399; *Эсадзе Б.*, с. 111, 112; *Дроздов М.В.* (Из Куб...) 1863. № 19; *Берже Ад.* Выселение горцев с Кавказа // Русская старина, т. XXXIII, 1882, февраль, с. 310; *Фадеев А.* Убыхи, с. 173–178.

вновь занятом нами крае не только на отдельные команды и посты, но на станицы и даже на укрепления»²³¹.

Когда 6 июня абдзахи («силою до 1500 человек») атаковали колонну войск, двигавшуюся в станицу Царскую, и были отражены, то в это самое время к ним подоспело убыхское подкрепление («до 2000 человек»), и горцы перешли в контратаку. Особенно силен был напор их на команду стрелков, засевшую в селении на левом берегу р. Даха. Горцам удалось ворваться в селение, но закрепиться на занятой позиции не пришлось, так как на помощь к русским прибыло подкрепление. Горцы отошли от селения «после ожесточенной рукопашной схватки». Противник в этом деле имел 10 рот, 3 сотни и 3 орудия. Потери его исчислялись 16 убитыми и 44 ранеными. А горцы будто бы всего 120 чел., в том числе 16 «почетных старшин»²³².

14 июня соединенные силы горцев (с убыхским подкреплением) пошли на штурм укрепления Хамкеты. Нападение было совершено утром, когда они с разных сторон бросились под огнем на бруствер. Корреспондент газеты «Кавказ» отмечает «стремительность и ярость нападения». Когда ружейный и артиллерийский огонь заставил горцев отойти, они оправились и вторично пошли на штурм. В это время на помощь осажденным прискакал конный отряд, завязавший бой с горской конницей, прикрывавшей штурмующую пехоту. Горцы отступили. Русские потеряли убитыми 15 чел., а ранеными 51 чел. Горцы же, как штурмующие, совершенно естественно, потеряли несравненно больше. На поле сражения осталось 80 горских трупов, а всего их потери исчислялись до 300 чел. На другой день Хамкеты еще раз были атакованы, но на этот раз уже менее упорно²³³.

18 июня, очевидно, та же самая партия горцев («до 200 человек») нападает на пасшийся скот жителей станицы Севастопольской. Прогнав охранный отряд, горцы захватили стадо. Но при обратном следовании они случайно наткнулись на колонну царских войск, которая окружила их со всех сторон. Горцы вынуждены были бросить добычу и отступить за р. Белую. На переправе, под огнем засевших пластунов, горцы понесли значительные потери. На поле боя они оставили 14 трупов и 36 лошадей. Противник же имел двух убитых и 10 раненых²³⁴.

26 июня главные соединенные силы горцев («от 6 до 8 тысяч человек») производят удачное нападение на новую станицу Псеменскую. В результате этого нападения большая часть станицы оказалась сожженной. Кроме того, 29 человек убито, 9 сгорело, ранено 24 казака, до 40 чел. взято в плен. Более половины станичного скота было также захвачено.

²³¹ Известия из Кубанской области // Газета «Кавказ». 1862. № 60.

²³² Там же.

²³³ Там же.

²³⁴ Там же. № 67.

Горцы потеряли около 30 чел. убитыми. Когда царские войска пустились догонять их, то сбились с дороги и вынуждены были возвратиться²³⁵. Эта крупная удача горцев, хотя и не имела положительного стратегического последствия, но зато оказала важное психологическое воздействие как на царское командование, так и на самих горцев. Последние, воодушевленные успехом, 8 июля повторяют нападение на ту же станицу (нападают «до 200 человек»). Часть горцев уже ворвалась в станицу, но под усиленным огнем большинство их погибло. А тем временем противник получил подкрепление из станицы Преградной, и горцы отступили, В руках у русских остались 2 значка, 46 горских трупа, 2 пленных и разное оружие. А сами они потеряли 8 убитых, 12 раненых и двух плененных детей²³⁶.

До царского командования стали доходить слухи о готовящихся решительных действиях соединенных горских сил на северном склоне Главного хребта. Чтобы отвлечь убыхов из Абдзахии, кутаисский генерал-губернатор 19 июля высадил у Сочи десант в 300 человек, который впопыхах сжег здание медресы и сел обратно на суда. Это происшествие отвлекло часть убыхов из-за Кубани. Орбелиани приказал генерал-губернатору и дальше производить подобные морские набеги на убыхов²³⁷.

Объединение трех племен дало свои результаты. Убыхи и шапсуги сражались за Абдзачию как за свою землю. И эта убыхская помощь абдзахам сильно увеличила силы последних, что дало возможность упорно сопротивляться продвижению противника²³⁸. Решительная активность убыхов еще раз показала царскому командованию, что если некоторые племена и выселятся по его требованию на плоскость, то, во всяком случае, не убыхи, которых к этому придется принудить лишь вооруженной силой²³⁹.

В следующем 1863 году убыхи продолжают помогать абдзахам и шапсугам. Так, 1-го марта этого года они, совместно с абдзахами, нападают на войска, следовавшие в качестве охраны вновь назначенного главнокомандующим великого князя Михаила, объезжавшего Кавказскую линию. Причем в этом деле (западнее р. Марта) особенно рьяно хотели выслужиться «покорные» бжедугские пши. В результате, убитыми оказались командир милиции полковник Крым-Гирей Гусаров и еще два бжедуга; ранено 3. А горцы, будто бы, потеряли убитыми 17 человек²⁴⁰.

²³⁵ Там же. № 60; Акты... XII, ч. 3, с. 1437–1439.

²³⁶ Газета «Кавказ». 1862. № 67.

²³⁷ Акты... XII, ч. 3, с. 1440; Газета «Кавказ». 1862. № 60.

²³⁸ Газета «Кавказ». 1862. № 84.

²³⁹ Акты... XII, ч. 3, с. 1447.

²⁴⁰ Военные известия // Газета «Кавказ». 1863. № 26; *Солтан В.* Военные действия в Кубанской области с 1862 по 1864 год // Кавказский сборник. Тифлис, 1880, т. V, с. 409, 410.

Очевидно, не без убыхов обошлось в дальнейших преследованиях этих же войск до самой станицы Пшехской²⁴¹.

В мае на укрепление Мезыб собралась конная партия (до 2000 человек) убыхов, абдзахов и шапсугов, с целью совершить нападение на новые станицы Адагумского полка. Так как противник об этом был осведомлен, он послал на Мезыб майора Сараняева с 8 ротами пехоты и сотней казаков при одной горной пушке. С моря их поддерживал артиллерийский огонь со шхун. Бой завязался в то время, когда войска поднялись на последние перед Мезыбом высоты. Горцы с трех сторон обрушились на противника. Но так как техническое превосходство было на стороне последнего, несмотря на троекратную атаку, им пришлось понести потери и отступить²⁴².

Тем временем атмосфера накалялась. Убыхские куашха, теперь «народные вожди», подымая знамя газавата, в то же время продолжали искать помощи в Европе. С другой стороны, на защиту горцев встают все прогрессивные силы: представители польского национально-освободительного движения, венгерские революционеры, агенты английского и французского капитала. Карл Маркс не раз в английской прессе настаивал на вмешательстве Англии, которая не должна была допустить захвата горцев Россией.

В августе из Константинополя через абдзахских старшин пришло письмо от Магомет-Эмина, призывающее горцев напрячь все усилия в своей борьбе и ожидать турецких войск, которые должны будут в недалеком будущем пойти против России и сейчас уже стянуты в Трапезунт. Тогда же было получено второе письмо и от Карабатыра Занок и др., в котором сообщалось следующее: «Мы представляли жалобы великой державе, министрам и агентам всех дворов; посылали депутатов в Париж, Лондон и Египет <...> Мы не можем вам выразить, с какою готовностью были приняты всеми дворами наши просьбы. Эти державы подадут вам скорую помощь <...> Не уходите в чужие земли до тех пор, пока мы придем к вам <...> Печати приложили: Карабатыр, Хассан, Кам-Гирей, Сулейман (фамилии неизвестны. — Л.Л.). Измаил-Абреков и Беслан Азасиев»²⁴³. В то же время в Убыхии высадился с парохода иностранный офицер, который на состоявшемся собрании убыхов заявил, что он прислан своим правительством для призыва к борьбе. Он уверял, что горские земли, захваченные войсками царя, союзные армии европейских государств помогут отобрать назад. Произнеся эту речь, офицер опять отправился к пароходу в сопровождении партии убыхов во главе с Хаджи-Керендуком. К предполагавшемуся приезду Магомет-Эмина

²⁴¹ Солтан В., с. 411–414.

²⁴² Известия из Кубанской области // Газета «Кавказ». 1863. № 61.

²⁴³ Духовский С. Материалы для описания войны в Западном Кавказе // Военный сборник. 1864. № 11–12, с. 149, 150.

убыхи приступили вновь к устройству мегкеме, а созванные старшины захлопотали о приведении всего в порядок.

На основании народного возбуждения в горах, приводящего к организации горского отпора, а также на основании боязни второй европейской войны, — 29 августа 1863 г. начальник главного штаба Кавказской армии генерал-майор Карцев писал в предписании Даховскому отряду: «Каждая потерянная теперь минута будет искупаться потом дорогою ценою». Спешить с «покорением» шапсугов, убыхов и асадзуа — таков был вывод командования²⁴⁴.

После убыхского собрания Хаджи-Керендук пишет письмо, адресованное абдзахским старшинам Куфтовым и Хатуковым: «В Трапезонд прибыл пароход с большим числом войска и пушками большого калибра. Начальник его в настоящее время гостит у нас <...> Просим Вас не переходить пока на сторону русских <...> имея в виду, что через месяцы они, как говорит начальник этот должны очистить земли горские. Вы же должны идти к нам, где будете жить и довольствоваться всем, чем довольствуемся мы, если исполняете закон мусульманский»²⁴⁵. Второе послание к абдзахам гласило: «От народа убыхского, старшин и почетных людей Хаджи-Керендукова и других к абадзехскому народу <...> Мы спешим отправлением к вам этого письма и желаем соединиться с вами в один народ, для чего нам и нужно собраться в одно место. Уведомьте нас в скорости. Где нам лучше собраться <...> в вашей ли земле — в таком случае мы приедем к вам — или же в другом месте. Братцы! Не медлите <...> Советуйте всем оставаться, а не отправляться за море. Да впрочем, никто теперь не может отправиться, потому что мы стережем все бухты, в которые входят суда»²⁴⁶. Как видно из этого письма, процесс объединения племен и борьба за создание государства не завершились. Убыхская знать опять ставит тот же вопрос, что и два года тому назад «желаем соединиться с вами в один народ». Создаваемое государство не могло быть крепким в условиях не только развернутой классовой борьбы, но и грозной внешней опасности.

Но было уже поздно! Русские войска занимали земли верхних абдзахов. Одна из колонн заняла убыхскую дорогу на север от перевала. Другая колонна по ущелью р. Дзыш пробиралась на соединение с нею. Убыхи, заняв позиции с утра сентября 1863 г., за камнями на скалах, дали залп по второй колонне, убили обер-офицера и двух коней, но после боя вынуждены были оставить позицию. 10 сентября партия убыхов, спустившись с перевала, прорвалась в занятые противником места Абдзахии с целью нанесения вреда царским колоннам и, может быть, с целью «озлобить», (как писала газета «Кавказ») абадзехов, которые вели себя безукоризнен-

²⁴⁴ Там же, с. 146, 147.

²⁴⁵ Там же, с. 150, 151.

²⁴⁶ Там же, с. 151.

но и на которых убыхи хотели свернуть все хищнические предприятия». Но эта партия неожиданно наткнулась на противника, рыскавшего по ущелью и сжигавшего абдзахские селения. После перестрелки убыхи удалились²⁴⁷.

В начале октября Евдокимов передал условия абдзахам, на которых он соглашался оставить их на своих местах до февраля 1864 г. Но, как отмечает газета «Кавказ», абдзахи, «подстрекаемые убыхами и умышленно распространенным в горах слухом о помощи со стороны Турции, оттягивали подписание этих условий». В ответ на это Евдокимов двинулся с войсками вверх по ущелью р. Пшиш и стал лагерем в 14 верстах от Гойтхского перевала. Это движение почти отрезало абдзахов от убыхов и прибрежных шапсугов, и абдзахи вынуждены были капитулировать²⁴⁸. Таким образом, в октябре месяце пала и Абдзахия. Все северные склоны Главного Кавказского хребта оказались в руках врага.

А тем временем в конце октября 1863 г. на Вордане высадились приехавшие из Турции 30 горцев и 5 иностранцев (в числе их — поляк полковник Пржевальский и француз А. Фонвилль, Исмаил-бей Дзепш, сын Сефер-бея Зана — Ибрагим-бей, «предводитель натухайцев» Коетан и друг.). Приехавшие привезли с собою по одним данным — 4, а по другим — 5 нарезных пушек, ящики с ружьями, порохом, свинцом, снарядами и обмундированием, причем боеприпасов, будто бы, на 5000 человек. Все привезенное, как и иностранцы, было размещено в доме Исмаил-бея²⁴⁹.

Вскоре после прибытия иностранцев два военных корабля, заметив на берегу кочерму, на которой они прибыли, артиллерийским огнем разрушили ее и дом турецкого купца. Защищавшие кочерму с берега убыхи потеряли 20 чел. убитыми и столько же ранеными²⁵⁰.

С появлением в Убыхии иностранцев и Дзепша сложность обстановки (борьба с Россией и борьба классовая) еще усугубилась борьбой за влияние между Берзеками и Дзепшами. Несмотря на свою экономическую мощь и многочисленность, род Берзеков имел достаточно подмоченную репутацию, не раз вступая в сношения с генералами и предавая народную борьбу. После приезда с европейцами авторитет Исмаил-бея сразу поднялся, и поэтому между Берзеками и Дзепшами стала развиваться скрытая борьба. И в этой борьбе Берзеки не брезговали никакими средствами. Так, сын Хаджи-Керендука (брат жены Исмаил-бея) тайно обещал полковнику Гейману выкрасть для него по одному экземпляру оружия, снаряжения и снарядов, привезенных иностранцами²⁵¹. 16 сентября

²⁴⁷ Известия из Кубанской области // Газета «Кавказ». 1863. № 78.

²⁴⁸ Там же. № 83.

²⁴⁹ Там же. № 84, 85; *Фонвилль А.* Последний год войны черкесами за независимость 1863–1864 гг. // Материалы по истории черкесского народа, в. V, Краснодар, 1927, с. 5, 6.

²⁵⁰ *Фонвилль А.*, с. 16–17.

²⁵¹ *Духовский С. I*, с. 151–153.

1863 года, без сомнения, при участии Берзеков, а может быть, и от одних их — было вручено Гейману письмо следующего содержания: «Когда мы увидели нашего посла Исмаила Баракая, приехавшего недавно из Турции, который сообщил нам различные известия, то поняли, что в нашей земле должны быть большие перевороты. Весь народ принял с радостью весть об оставлении за нами земли, которою мы владеем, и советовался между собою об этом. Нам известно, что они желают предпринять против вас. Посылаем вам подателя сего письма с тем, чтобы вы успели уничтожить все их замыслы против вас. Мы также можем противодействовать, если получим от вас за это плату. Тогда мы разделили бы эти деньги между теми старшинами, которые стараются вредить вам в делах с нашим народом, и тем заставили бы их молчать и не принимать никакого участия в народных делах и совещаниях». Об этом циничном письме предателей из куашха даже царский офицер, очевидно не раз пользовавшийся услугами шпионов, С. Духовский, счел нужным заметить, что «подобного нахального продажничества не встречалось ни в одном из племен горских». В другое бы время генерал Гейман, конечно, с радостью воспользовался предложением этих предателей, но теперь, когда решающая сила была на его стороне, и ясно было, что дни убыхской независимости уже сочтены, он решил сделать жест и ответил им, что «войну украшает слава, а не деньги; поэтому победа, купленная деньгами, есть для воина бесчестье и бог никогда не благословит его оружие»²⁵². Куашха, если бы имели охоту, могли бы, конечно, напомнить генералу о бесчисленном множестве фактов, когда он сам и его соратники не гнушались «победы купленной деньгами». Были и другие факты в то время тайных сношений куашха с русскими генералами. И эти сношения постепенно делались известными широкой массе, ненавидевшей своих богатых предателей. Боясь народной мести, эта знать молила царских сатрапов о скорейшем вводе войск в Убыхию, чтобы предотвратить социальный переворот. «От поспешного вашего действия, — писали они, — все придет в ужас в этих местах, и никто не решится стать на дороге противоречия, потому что убеждены в своем бессилии»²⁵³.

Абдзахи, желающие переселиться в Турцию, не могли выполнить этого, так как убыхи и шапсуги, с целью воспрепятствовать этому, закрыли все свои бухты²⁵⁴.

Когда в октябре 1863 г. Евдокимов занял Гойтхский перевал и стал разрабатывать к нему дорогу, убыхи опять собрались в значительные партии для противодействия продвижению противника. Одна из таких партий («4000 чел.») появилась у перевала с целью не пропустить их на

²⁵² Там же. II, с. 280, 281.

²⁵³ Там же. I, с. 154, 155; *Лиллов А.* Последние годы борьбы русских с горцами на Западном Кавказе // Газета «Кавказ». 1867. № 19.

²⁵⁴ *Духовский С. I*, с. 154.

южный склон. От этой партии отделяются отряды в обход противнику на северные склоны Главного хребта с целью понуждения абдзахов не сходить с позиций газавата. Некоторые из таких небольших убыхских отрядов заходят в тыл между рр. Пшеха и Курджипс, делая мелкие партизанские налеты на колонны царских войск и станицы. Так, около 12 ноября 1863 г. такая партия появилась около станицы Нижегородской, для преследования которой были подняты 5 сотен и одна рота. К убыхам на перевале присоединяются шапсуги, и сюда же прибывают европейские эмиссары со своими пушками. Горцы заняли позицию на левом берегу р. Туапсе, в одном километре от нее и в 3 км от перевала. Артиллерия и запасный парк расположились сзади на командующей высоте (где сходятся две дороги из Пшехского ущелья).

Однажды полковник Пржевальский в сопровождении Исмаил-бея Дзепша и большой партии горцев отправился на рекогносцировку и неожиданно наткнулся на войска Евдокимова. Завязался бой, в результате которого горцы стали поспешно отступать, поражаемые ружейным и артиллерийским огнем. На помощь к отступающим бросились остальные горцы. В завязавшемся ожесточенном бою одна колонна противника бросилась в атаку на левый фланг горцев, но в это время Хаджи-Керендук с убыхами пошел в стремительную контратаку и «в одно мгновение половина русских (колонны. — Л.Л.) была изрублена; остальные бросились в беспорядке назад». Отступление войск Геймана к лагерю проходило под ударами наседавших горцев, которые «пытались ворваться на плечах их в самый лагерь», но были отброшены сильным огнем артиллерии. «Так кончился этот день, — говорит участник боя на стороне горцев А. Фонвилль, — день, стоивший нам 300 человек выбывшими из строя. Русские потеряли гораздо более»²⁵⁵.

В ночь на 8 ноября 1863 г. полковник Граббе с 3 эскадронами, 7 батальонами и 3 взводами горной артиллерии, поднявшись вверх по р. Пшиш, зашел в тыл горцев, а начальник Даховского отряда Гейман с силами в 6 батальонов и один дивизион горной артиллерии атаковал горцев с фронта через перевал. Неожиданное появление противника с нескольких сторон заставило горцев после непродолжительного боя оставить свою позицию. На поле сражения насчитали 76 горских трупов, а в царских войсках было убито 3 человека. Артиллерию европейские эмиссары сразу же сняли с позиций и увезли в глубь Туапсинского ущелья. В критический момент сражения «Хаджи Керендук схватил горячую головню и поджег соломенную крышу порохового погреба <...> Последовал страшный взрыв, от которого погибло еще 24 горца», но «русские, пораженные этим взрывом, остановились, и <...> возвратились на высоты, продолжая оттуда стрелять...». Прибывшее новое шапсугское подкрепление дало

²⁵⁵ Фонвилль А., с. 23–26.

горцам возможность самим перейти в контратаку²⁵⁶. Этот бой хотя и не дал царским войскам захватить артиллерию и европейцев (о чем мечтали Гейман и Граббе; В. Солтан прямо называет это дело «неудавшийся набег»), но все же имел для убыхов самые неблагоприятные последствия. Во-первых, рухнуло убеждение, что противник не сможет перейти через перевал, во-вторых, было подорвано доверие к иностранцам и их артиллерии; в-третьих, абдзахи после этого стали переселяться на Кубань и к побережью, не ожидая истечения поставленного им срока.

На Гойтхе происходили почти ежедневные перестрелки. Когда в феврале царские войска, перейдя через перевал, двинулись по ущелью р. Туапсе, то навстречу выходили шапсугские уорки с выражением покорности. Но убыхские крестьяне с немногочисленной «партией войны» еще не думали капитулировать, и когда в самом начале марта Даховский отряд генерала Геймана выступал из Туапсе на юг, партия убыхов, около 600 чел., собралась для совещаний и действия. Но на этом совещании не могли прийти к общему соглашению. Десять дней после падения Туапсе царские войска очищали пространство до р. Псезуапе. Кое-где по ним стреляли, но вообще шапсуги пали как военная сила и пали как племя. Их племенная знать везде являлась с покорностью. Но от убыхов не было у Геймана никаких известий. Не дождавшись от них депутатов, Гейман решил первым завязать с ними сношения. 5 марта он послал им ультиматум: 1) выдать пленных, 2) немедленно «без обозначения срока» собраться к выселению в Турцию (на 3-х пунктах: устье Шахе, Вордане и Сочи) или на реки Кубань и Лабу. В этом ультиматуме Гейман угрожает непосредственно племенной знати: «Я знаю, что между вами есть люди умные, и вы не допустите себя до разорения, как абадзехи, потому что силою оружия я освобожу ваших холопов, закрою путь в Турцию, и вы будете поселены на берегу Азовского моря». С. Духовский по этому случаю говорит: «Чувствительнее всего была угроза освободить холопов. У многих их по несколько сот: понятно, что людям разумным и расчетливым это приходилось не очень то по нутру. Холопам, конечно, хотелось войны, и потому сначала они были на стороне молодежи (т.е. «партии войны». — Л.Л.). Но потом им объявлено, что если владельцы сражаться не будут, а они поднимут оружие, им нечего и думать об освобождении». 6 марта на Псезуапе к Гейману явились убыхские куашха, кажется, одни лишь субешхские Берзеки. Во всяком случае, известно, что были там Эльбуз Берзек и Хаджи-Бабуко Берзек. Они заявили от имени убыхов, что хотя и не их сила продолжать войну, «но мы все-таки остаемся

²⁵⁶ Известия из Кубанской области // Газета «Кавказ». 1864. № 1; Раковский. История 25-го (ныне 23) конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 47; Солтан В., с. 436–438; Фонвиль А., с. 30.

убыхами, мы все-таки целый народ и, кажется, можем для своего блага вступать в сношения и заявлять свои требования <...> Мы хотим только срока месяца три; мы все желаем выйти в Турцию; у нас есть больные, есть имущество; многие живут далеко от берега. А до тех пор мы просим не вводить войск в нашу землю». Но победитель был неумолим и только повторил свои требования. Куашха уехали, за исключением богача Хаджи-Бабуко, который навязываясь помогать Гейману всем, чем он только сможет, попутно выпрашивал у него разрешения отправить для распродажи свое имущество через Белореченский перевал в станицы. А также выпрашивал согласия не трогать его транспорт, который двинется с ним к берегу моря для переезда в Турцию²⁵⁷.

13 и 14 марта в ущелье р. Псезуапе по наступающим стреляли и бросались в шашки около 120 горцев²⁵⁸. Убыхская «партия войны» или как некоторые авторы того времени называют, «молодежь», призвав на помощь ахчипсовцев собралась 17 марта 1864 г. в количестве около тысячи человек для дачи генерального сражения. Эта партия была без предводителя. Хаджи-Керендук несколько недель тому назад уехал в Абхазию [не в результате ли борьбы с Дзепшами?], а новый вождь «партии войны», Исмаил-бей Дзепш уже имел пошатнувшийся авторитет после потери позиции на Гойтхе, и поэтому с европейцами не принимал никакого участия в готовящемся сражении. Европейцы, потопив самую большую пушку в р. Лоо, с остальными хотя и приготовились к отплытию в Турцию, но еще ждали чего-то. Конечно, заранее можно было предугадать результаты сражения. Весь Кавказ, за исключением Убыхии и Асадзуа, уже был завоеван. Маленькие племена, оставшиеся еще свободными, переживали у себя напряженную классовую борьбу между народом и племенной знатью, рабами и рабовладельцами [что к этому времени тоже бесспорно]. Да к этому прибавилась еще вражда Берзеков с Дзепшами за руководство войной. Это последнее обстоятельство раскололо «партию войны» на сторонников Хаджи-Керендука и сторонников Исмаил-бея. Даже наличные пять пушек с иностранцами не были использованы убыхами. Гейману несколько раз предлагали куашха из «партии войны» доставить головы этих европейцев за 300 р. Тем не менее убыхские вагыши вместе с ахчипсовцами 18 марта приготовились к бою. Позицией они избрали селение у старинных развалин на опушке каштанового леса на левом берегу р. Годликх. Царские войска в тот день пошли в наступление тремя колоннами. По прибрежной дороге их останавливали сделанные убыхами завалы [из опрокинутых лодок и набросанного сверху камня]. После перестрелки началась атака с трех сторон убыхской позиции. Убыхи, несмотря на то что из-за развалин и отдельных деревьев «стой-

²⁵⁷ Духовский С. I. С. 186; Там же. II. С. 281–285.

²⁵⁸ Там же. II. С. 293.

ко продолжали учащенную пальбу», вынуждены были все же отступить за завалы, устроенные выше на горе, откуда они открыли «сильнейший огонь». «Горцы гикали, порывались броситься в шашки и делали залп за залпом». Но под напором врага вынуждены были быстро покинуть и эту позицию и рассеяться. По словам командира одной из трех колонн, наступавших на позицию убыхов, весь бой 18 марта был короток: «Дело шло несколько минут, и уже кончилось». На поле боя нашли более 20 горских тел, много бурок, папах и других вещей, а всего будто бы, убыхи потеряли 60 человек. В отряде же Геймана было убито 8 и ранено 15 человек. При наступлении левой колонны с нею завязывала перестрелку партия хакучей в 200 человек, но скоро скрылась.

Это было последнее сражение маленькой Убыхии с большой Россией. Правда, в этот же день еще раздавались отдельные выстрелы по команде, сжигавшей окрестные селения в глубине ущелья, но это уже были акты беспомощности и агонии²⁵⁹.

Куашха, перепугавшиеся мести вагышей за свое отсутствие на поле боя 18 марта и за все многочисленные предательства до этого, «просили, как милости, чтобы русские не откладывали наступление, потому что этим будут спасены их семейства и имущество от неминуемого разграбления единоплеменниками»²⁶⁰. А от Эльбуза Берзек Гейман сразу же после сражения на р. Чухукх, получил письмо с уверениями, что он, Эльбуз, не принимал никакого участия в деле. «Доказательством этому служит то, — пишет он, — что я готов теперь с моими родственниками выйти на берег моря и явиться к вам с семействами, но не раньше, как когда вы придете на р. Шахе. Раньше не в состоянии выселиться потому, что остальной народ старается разъединить наши семейства и смотрит на меня злонамерно. Но я надеюсь в деле моем потому, что ты видишь и знаешь все лучше нас <...> Итак, приветствую тебя с счастливым успехом надежд твоих»²⁶¹.

«Партия войны» на другой день [т.е. 19 марта] еще пыталась организовать новое сражение. До Геймана доходили слухи, что «убыхи поклялись, если не умрут все на первой позиции у развалин монастыря, встретить русских на второй, несколько не доходя до Шахе». Но моральное воздействие 18 марта было слишком сильно, и поэтому убыхам не пришлось уже больше сражаться. Они и союзные им ахчипсоу разбрелись по домам. «Все в убыхской земле упали духом», — говорит С. Духовский. И действительно, того же 19 марта Гейман без боя занял устье р. Шахе. К нему с поклоном выехало несколько старшин близлежащих обществ. А на другой день приехали еще старшины ближайших селений и с ними Эльбуз Берзек. Они донесли Гейману о растерянности своих земляков и

²⁵⁹ Там же, с. 296–300, 303; *Лилов А.* № 19; *Солтан В.*, с. 448–451.

²⁶⁰ *Лилов А.* Там же.

²⁶¹ *Духовский С.* II, с. 300, 301.

о наступившей дезорганизации в «партии войны». Кроме того, они передали, что Хаджи-Керендук, прослышав о наступлении Геймана, сразу же отправился из Абхазии домой, имея в виду объединить убыхов для отпора противнику и тем поправить свою репутацию, тем более что, наверное, он знал о падении доверия народа к Исмаил-бею. Проезжая через Сочи, он еще агитировал за всенародную войну, не зная всей серьезности положения. 19 марта Хаджи-Керендук возвратился домой и узнал о событии 18 числа. Хаджи неистовствовал, ругал участников боя, приказывал вторично собраться убыхскому ополчению. Он уверял всех, что до лета враг не вступит в Убыхию, а летом еще будет видно, как действовать.

Европейцы с Исмаил-беем после 18 марта решили было уже уехать, но, узнав о попытках Хаджи-Керендука, остались ожидать — что получится. Но активность последнего уже не производила должного действия на крестьян (о куашха и речи не могло уже быть, за очень редким исключением). «Молодежь», помня 18 марта, неохотно следовала его указаниям. А богачи — куашха открыто отказались от войны и стали выезжать к морю для переселения, в том числе Хаджи-Бабуко. Прибрежные жители, наняв турецкие кочерымы, уже отплыли к этому времени в количестве нескольких сот человек. Разбежавшиеся участники сражения 18 марта во все ущелья Убыхии разносили панику и ужас. Что мог поделывать старый Хаджи-Керендук, так поздно связавший свои интересы с народными! Гейману замечал Эльбуз, что велики последствия того, что Хаджи-Керендук опоздал. Но прав ли был Эльбуз? Очевидно, нет, так как все равно при той низкой военной технике, при отсутствии единодушия, при малых человеческих ресурсах убыхам было не победить царской России.

Куашха с Эльбузом Берзеком во главе 20 марта просили, как милости, не медлить с наступлением. «Нас, — говорили они, — народ обвиняет за преданность русским; нас считают виновниками теперешнего положения дел. Отправиться сейчас же мы не можем: мы рискуем, что жены, дети и имущество наше подвергнутся грабежу своих же ожесточенных единоплеменников. Все кто выходит к морю — а таких уже становится немало — того и гляди будут разорены; приходите защитить и спасти нас»²⁶².

22 марта Гейман без боя вступил в ущелье Хобзы. 23 марта таким же образом, без единого выстрела, был занят Леупе. Гейман сжег и это многолюдное поселение, как и все на своем пути. Когда поджигатели подходили к дому Исмаил-бея, то в это время догорали предварительно сожженные убыхами 6 деревянных лафетов доставленных европейцами пушек. Сами же европейцы с Исмаил-беем после наступления Геймана за Шахе отплыли в Турцию. По пути царские войска уже видели многих убыхов с семьями на берегу, навсегда покидающих родину и отправля-

²⁶² Там же, с. 303–305; *Лилов А.*

ющихся в Турцию. 24 марта войска, продвигаясь вперед, выжгли все до р. Дагомыса. И здесь они встретили нагружающиеся кочерымы и таборы переселенцев на берегу. На Дагомысе к Гейману явился убух, передавший от имени Хаджи-Керендука, что последний хочет с ним повидаться. Гейман согласился. Мы дословно передадим разговор победителя и вождя побежденных, как он записан у очевидца:

«Из ущелья показалась группа убухов, все в бурках и башлыках. Они медленно приближались навстречу.

— Здравствуй, хаджи, — сказал начальник отряда, когда Догомуков подъехал и несколько секунд простоял молча. — Очень рад с тобою познакомиться я.

— А я, по правде сказать, очень не рад знакомству с тобою, — ответил тот.

— Ты, я слышал, хотел быть у меня ХХаджи Догомуков письменных сношений с начальником Кубанской области не имел никаких, но несколько раз на словах передавал генералу Геймену, что желал бы вступить в сношения с ним), да ведь вы убухи больно спесивы: так я сам первый приехал.

— От таких гостей нам очень, очень невесело, — отвечал Догомуков.

— Что же ты скажешь? С чем ты приехал? — спросил генерал.

— Мы желаем оставить нашу землю — хотим ехать в Турцию; нам нужно собрать имущество, продать скот.

— А чем же вам кормить войска, которые приедут на помощь из-за моря? — спросил генерал.

— Какие войска теперь! — со злостью проговорил гордый горец...

Догомуков от имени убухского народа изъявил полную покорность <...> Некогда грозный и сильный, бывший руководитель абадзехов тот, перед которым дрожали целые племена, теперь просил как милости нескольких дней срока для выселения <...>

— Ты знаешь, хаджи — также говорили ему, — до чего в последнее время дошли абадзехи: богатый народ разорился до крайности. Кто тут виноват больше всех? Ты, хаджи. Кто больше всех подстрекал их к войне, кто их обманывал, обнадеживал разными баснями? Ты был источник всего...

— Нет, — возразил на это Керендук Догомуков, — они меня не слушали, и в том-то все горе. Если бы они делали так, как я их учил, было бы совершенно иное. Вот и здесь должна бы литься кровь ручьями, а теперь ни с кем ничего не поделаешь!

Таким образом, убухи как отдельный народ пали»²⁶³. Но если автор приведенной цитаты С. Духовский и говорит, что убухи пали, то ведь это у него сказано в позже написанных мемуарах, а в то время многие

²⁶³ Духовский С. П, с. 312–314.

еще считали, что борьба не окончена. Сам Гейман все эти дни еще долго ожидал чего-то решительного со стороны убыхов. 26 марта он заносит запись в журнал отряда, в которой прямо говорит, что он еще не уверен в окончании войны и что уверится в этом лишь тогда, когда «лично увижу, что нагорные вольные убыхи и прочие племена <...> действительно положат оружие, будут покидать свои земли и выходить к берегу моря; когда значительная часть ныне стоящих в таборах уедет уже в Турцию».

25 марта Гейман без боя вступил в Сочи. Убыхи выселялись или готовились к выселению. К Гейману с разных сторон приезжали старшины с выражением покорности. 26 марта явился Решид Гечь, изъявляя также покорность со своим обществом. Того же дня Гейман писал: «Общество Хакуц (Хакучи. — Л.Л.) выселяется в Турцию. Общество Саше, живущее по левым верховым притокам Сочи, изъявило покорность, Джигеты... беспрекословно повинуются».

К приезду главнокомандующего, великого князя Михаила, Гейман приказал собраться в Сочи старшинам всех побежденных племен. Прибыли от шапсугов (Заурбек), убыхов (Хаджи-Керендук, Хаджи-Бабуко, Эльбуз и др.), гуае («гой»), асадзуа (Гечь Решид и др.), ахчипсоу. Целой толпой они ожидали своей очереди представиться Михаилу, который принимал их по племенам. Старшины изъявляли готовность выселиться в Турцию, «как страну ближе им известную, нежели <...> земли <...> на р. Кубани». Михаил дал им месячный срок на выселение²⁶⁴. Очевидно, при этом-то свидании Хаджи-Бабуко подарил Михаилу символически, как победителю свою шашку, хранящуюся в Адыгейском областном музее²⁶⁵.

В начале апреля 5000 убыхов уже отплыли в Турцию; другие готовились к выселению, чему очень был рад Гейман, все еще боявшийся какого-либо сопротивления²⁶⁶.

Уже 19 апреля войска не встречали в горах ни одного убыха — все выселялись в Турцию²⁶⁷.

Раздав солдатским сапогом Убыхию, царским войскам оставалось для завершения своего дела таким же образом раздавить асадзуаские общества. Но из них прибрежные не имели возможности сопротивляться одни, без убыхской помощи, да к тому же и многочисленная здесь племенная знать давно была настроена крайне пораженчески, и поэтому теперь приложила все усилия к тому, чтобы помочь завоевателям погубить независимость своей земли. Газета «Кавказ» прямо писала в то время об Асадзуа, что «многие из князей даже оказывали полезные услуги войскам».

²⁶⁴ Кавказская летопись // Газета «Кавказ». 1864. № 28; *Духовский С.* II, с. 315–323.

²⁶⁵ *Adige hakum I muzey*, s. 12.

²⁶⁶ *Духовский С.*, с. 333.

²⁶⁷ Там же; *Лилов А.*

Но все же и после падения Убыхии и прибрежной Асадзуа царским войскам пришлось выдержать еще одно сражение. Общество Аибга самоотверженно оборонялось от захватчиков в течение 3 дней. Это было в узком ущелье р. Псху, где она выходит на юг из территории этого общества. Пала Аибга лишь в результате тыльного обхода через горы (10 мая 1864 г.). Пришлось и аибговцам с семействами потянуться к морскому берегу для переселения в Турцию.

12 мая без боя было занято Ахчипсоу. И отсюда потянулись жители к морю. 21 мая в урочище Кбаада (теперь — Красная Поляна) несколько встретившихся колонн царских войск торжественно служили молебн, неистово кричали «ура!» в честь приехавшего на торжество великого князя Михаила и водкой поливали свое веселье, свои новые кресты, чины и т.д.²⁶⁸

А в то время: «во многих местах вспыхивало большое яркое пламя: то пылали аулы, сожигаемые нашими войсками <...> Всюду в горах — была пустыня и глубокое безмолвие, и только лишь встречались как следы недавних военных действий развалины аулов»²⁶⁹. «Темные пятна пожарищ, обросшие высокою крапивою, и валявшиеся там и сям обгорелые бревна, указывали на путь, каким шел <...> отряд генерала Геймана»²⁷⁰. А население? Оно в ужасе бежало окольными тропами к морю в гостеприимную единоверную Турцию. Народ бросал все свои пожитки (немного было продано войскам и спекулянтам за бесценок). Наспех рубили фруктовые деревья, забивали ключи с питьевой водою, часто сжигали сами свои дома — чтобы ничего не досталось врагу. Последний раз стреляли из своих испытанных ружей и бросали их в море. Турецкое правительство согласилось на прием переселенцев под условием, чтобы они прибыли без оружия. Судовладельцы страшно взвинчивали цену за проезд, набивали суда настолько, что нельзя было зачастую встать с места. Переполненные суда тонули. А на берегу огромные массы горцев с бою брали всякую прибывшую кочерму. На берегу разоренные люди мерли от голода, холода, от эпидемии тифа.

Цветущий край с приходом победителей пришел в полное запустение. Хищники-завоеватели оказались хищниками и в период освоения вновь приобретенного края. Например, адлеровские торговцы, отправляясь за сбором горского винограда (лозы которого вились по деревьям), «чтобы не терять времени на лазание по деревьям, срубали лозы у корня. Так истреблено было много отличных лоз варварами-виноделами», — говорит

²⁶⁸ Кавказская летопись // Газета «Кавказ». 1864. № 44; *Духовский С. П.; Берже Ад.* Выселение горцев. Февраль, с. 351, 352; *Солтан В.*, с. 460–470.

²⁶⁹ *Невский П.* Закубанский край в 1864 году // Газета «Кавказ». 1868. № 101.

²⁷⁰ *Орехов И. О.* По южную сторону Западного Кавказа // Военный сборник. 1869. № 12, с. 343.

очевидец²⁷¹. Другой автор, очевидец, сообщает, что в 1874 году «убыхские фруктовые деревья <...> обезображиваются и уничтожаются местными жителями. Для того чтобы воспользоваться плодами, часто еще не зрелыми, обрубаются не только ветки, но и самое дерево. Мне пришлось встретить дерево винных ягод (инжир), в кроне которого, из его ветвей, был устроен охотниками <...> шалаш. Большие грушевые деревья, для более удобного на них взлезания за сбором плодов, обезображены зарубами на штамбе. Выжигание, допускаемое при очистке площадей для хлебопашества губительно действует на фруктовые деревья»²⁷².

Через 40 лет после изгнания убыхов в Турцию картина мало изменилась. В начале XX века С. Васюков сообщал, что в результате правительственных стараний, направленных к привлечению капитала на побережье, «появились управляющие имениями, люди без всякого опыта и знаний, люди «с бора, да с сосенки», которые, конечно, безусловно, исполняли дикую волю своих хозяев, без которых властно распоряжались всем тем, что господь послал <...> Вырубались строевые леса, на месте которых воцарялась мерзость запустения, строились какие-то здания, для неизвестных будущих операций, но серьезного, простого дела никто не делал и выгодного, нужного хозяйства никто не заводил <...> Там, где у горцев были пастбища и прекрасный скот, там теперь не пройти, ни проехать, где были их фруктовые сады, там и теперь дичь и живут кабаны и медведи». В другом месте С. Васюков замечает, что «еще в сущности ничего не сделано для края, кроме отрицательного»²⁷³.

Убыхи покинули свою родину, которую они не в силах были отстоять от нашествия войск «царя-освободителя». Но до последнего времени многие авторы ошибочно указывают поселения убыхов на Кавказе. Например, Л. Лопатинский пишет: «Небольшой аул убыхов, 40 дворов, сохранился еще <...> недалеко от с. Головинского»²⁷⁴. Его же пересказывает и А. Дирр. Н. Яковлев, говоря о шапсугском районе, также замечает: «Здесь попадаются отдельные семьи абадзехов и убыхов»²⁷⁵. Н. Щербина, перечисляя главнейшие народности бывшего Кубанского округа, упоминает и убыхов²⁷⁶. Но все это — ошибка. В Советском Союзе убыхов почти нет. Количество выселившихся убыхов, как и других горцев, невозможно восстановить точно. По официальным данным, за время 1859–1866 годов

²⁷¹ Орехов И. О. XII, с. 343.

²⁷² Верещагин А. В. Путевые заметки по Черноморскому округу А. В. Верещагина. М., 1874, с. 138.

²⁷³ Васюков С. С. Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущность русской культуры, с. 106, 107, 228.

²⁷⁴ Лопатинский Л. Заметки о народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1891, в. XII.

²⁷⁵ Яковлев Н. Краткий обзор черкесских наречий и языков // Записки Северокавказского горского научно-исследовательского института. Ростов-на-Дону, 1928, т. I, с. 125.

²⁷⁶ Щербина Н., с. 264.

выселилось всего горцев — 470 753 чел., в том числе убыхов — 74 567 чел. Но ведь эти данные, конечно, не верны. Прежде всего, здесь увеличено количество убыхов (очевидно, за счет асадзуа и абдзахов), а во-вторых, преуменьшено общее количество выселившихся горцев²⁷⁷. Как бы то ни было, но если мы приняли (см. выше) общее количество народа за 25 000 чел., то они-то и выселились. В бывшей Кубанской области осталось, по данным Е.Д. Фелицына (1885 г.), 13 семейств, состоящих из 80 человек, которые в то время жили в следующих прикубанских селениях:

Бгуаше-хабль	4 семьи	из 18 мужчин	и 6 женщин
Коше-хабль	4	13	11
Хакурино-хабль	1	6	5
Урупский	1	4	4
Тхазартукай	1	2	2
Егибоковское	1	3	—
Новый Бжегокай	1	2	4 ²⁷⁸

В настоящее время немногочисленные потомки этих убыхов (в числе их есть и Берзеки) слились с окрестным черкесским населением и потеряли свой язык.

Кроме того, в 1930 году мы обнаружили одного потомка убыхов (также очеркешенного) в 1-м Красноалександровском селении Шапсугского района Краснодарского края, его фамилия Черен²⁷⁹.

Несколько убыхов, захваченных после одного из морских сражений на кочерме, следовавшей из Трапезунта, было выслано под надзор полиции в г. Кострому. Когда им был разрешен переезд из города в сельскую местность, то они поселились в татарской деревне, где, несмотря на поддержку татарского крестьянства, им приходилось владеть самым жалким существованием. Не будучи приспособлены к непривычным для них условиям жизни, высланные убыхи почти все перемерли. Внук одного из высланных в Кострому убыхов, Сулейман Омирович Диде, которому мы обязаны этими сведениями, в настоящее время работает доцентом Высших Курсов Прикладной Зоологии и Фитопатологии в г. Ленинграде, но и он не знает ни одного слова по-убыхски.

Во время всесоюзной переписи 1926 г. убыхами назвали себя лишь 9 человек населения СССР (3 мужчин и 6 женщин)²⁸⁰.

²⁷⁷ Берже Ад. Выселение горцев. Январь, с. 163, 166.

²⁷⁸ Фелицын Е.Д. Числовые данные, С. 87.

²⁷⁹ Лавров Л. Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 // Советская этнография. 1936. № 4–5, с. 131.

²⁸⁰ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. В. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928, с. 6.

Убыхи, переселившиеся в Турцию, в большинстве своем погибли от голода и болезней в 1864 г. Остатки были расселены попеременно с черкесами и другими горцами, покинувшими родину, в окрестностях Самсуна на Черном море, Пандермы (Мраморном море) и особенно между Измидом и Сакерья на берегу озера Сапанджа²⁸¹. Еще перед империалистической войной они проживали у Пандермы вблизи Бруссы, у Измида, Самсуна в Узун-Яйле и у Аданы»²⁸². В 1930 г. Ж. Дюмезиль нашел еще убыхское население в районе Измида в селениях: Узун-Тарла (у горцев именуемое Хачемуко-хабль), Ахмедие (Дижю-хабль), Кырк-Пынар (Чиземогуа-хабль) и Бююк-Дербент (Уачиби-хабль) и Яныке. Он замечает, что убыхскую речь теперь еще можно слышать лишь в районе Сапанджи. В Курк-Пынаре, Яныке, Бююк-Дербенте по-убыхски говорят только старики старше 50 лет. В Узун-Тарле несколько человек еще понимают, но сами говорят плохо. В Ахмедие уже нет знающих убыхский язык. Турецкие убыхи перенимают язык турок и черкесов²⁸³.

²⁸¹ *Dumezil G.* La Langue des Oubykhs. Paris, 1931, p. XII.

²⁸² *Dirr A.* Die Sprache der Ubychen Caucasia, IV, Leipzig, 1927–1928, s. 65.

²⁸³ *Dumezil G.*, p. XIII.

Л. И. Лавров и его «Убыхи»

В архиве каждого ученого остается немало неопубликованных работ. В основном это разрозненные рукописи статей, фрагменты текстов, начатые и незавершенные опусы, наброски запланированных, но неосуществленных начинаний и т.д. Это вполне естественный и, можно сказать, обычный набор научно-архивного наследия активно работающего исследователя. Однако порой единицы хранения архивных фондов скрывают то, что по определению не должно находиться за замком хранилища. В частности, это полностью подготовленные, уже завершённые, но по разным причинам так и не увидевшие свет работы. Авторы создавали и лелеяли их, мечтали увидеть напечатанными, ожидали отклика читателей и профессионального суждения коллег, однако обстоятельства на долгие годы (казалось, что навсегда) замыкали эти рукописи в неизвестности и тиши архивных подземелий.

Такая участь постигла исследование Л.И. Лаврова «Убыхи». Это первая крупная работа, которую автор готовил к печати, но которая так и не была опубликована при жизни Леонида Ивановича. Длительное время рукопись оставалась скрытой в его архивных бумагах, и было время, когда сам автор, вероятно, старался не вспоминать и тщательно обходить все подробности и детали, связанные с замыслом и воплощением этой книги¹. Между тем в ее непростой судьбе отразились не только надежды и разочарования автора, но и черты эпохи, сплетавшей в жестоком и беспощадном вихре и судьбы книг, и судьбы людей. Поэтому история «Убыхов» Л.И. Лаврова позволяет не только полнее осветить биографию известного исследователя-кавказоведа, но и внести еще один штрих в познание истории нашей науки и нашего прошлого.

Обращение Л.И. Лаврова к кавказоведению не случайно. Он сам — «кавказец». Родившийся в 1909 г. на Кубани, он провел свои ранние годы в станице Медведовской, а с 1916 г. жил в станице Пашковской, которая в ту пору была окраиной Екатеринодара. С рождения Л.И. Лавров впитывал в себя атмосферу многоэтничного, поликонфессионального и многоязыкого Кавказа. В те годы в кубанских станицах каждый день можно было наблюдать живописное смешение национальных костю-

¹ Характерно, что в книге «Этнография Кавказа» (Лавров, 1982), носящей во многом автобиографический характер и повествующей о многих исследовательских работах автора, последний ни словом не обмолвился о том, что изучал убыхов и написал о них большую монографию.

мов, обычаев и нравов, а русский, украинский, адыгейский, «татарский» составляли причудливую языковую смесь, в которую с раннего детства был погружен будущий ученый. Как впоследствии писал Л.И. Лавров, «все это располагало к этнографическим сопоставлениям» (Лавров, 1982. С. 5). Поэтому неудивительно, что, поступив в 1928 г. на этнографическое отделение географического факультета Ленинградского университета, он стал специализироваться по этнографии народов Кавказа.

На университетской скамье Л.И. Лавров много и упорно работает. Его увлекли блестящие лекции А.Н. Генко, который навсегда остался для него почитаемым учителем, одновременно он слушает лекции на восточном отделении университета, принимает участие в работе Яфетического семинара при Институте им. А.С. Енукидзе. В 1934 г. Лавров поступил в аспирантуру, получив весьма лестную характеристику А.Н. Генко. Рекомендуя своего ученика, А.Н. Генко отмечал, что Лавров «работал интенсивно по этнографии Северо-Западного Кавказа (абхазы, убыхы, черкесы) и по черкесскому языку <...> Знает литературу, имеет хороший опыт полевой работы и, в качестве местного уроженца, учитывает хорошо современные условия и требования, предъявляемые к работе на месте»²

Являясь к тому времени уже достаточно квалифицированным и знающим специалистом по народам Северо-Западного Кавказа, Л.И. Лавров решил свое диссертационное сочинение посвятить более углубленному изучению истории и этнографии одного из этносов региона — убыхов. Можно предположить, что послужило основанием для этого выбора. Убыхи — народ трагической судьбы. После окончания Кавказской войны они практически поголовно покинули родину, выселившись в Турцию, оставив после себя лишь материальные свидетельства своей былой жизни: разбросанные по горным склонам опустевшие аулы, одичавшие сады и виноградники, заросшие тропы и лесные дороги. Реконструировать быт и культуру исчезнувшего народа становилось непростой, но весьма увлекательной исследовательской задачей.

Была и другая причина, по которой, возможно, в первую очередь, убыхы привлекли внимание молодого исследователя. Этот небольшой народ прославился тем, что оказал ожесточенное сопротивление царским войскам на завершающем этапе военного завоевания Кавказа. Последним сражением Кавказской войны в мае 1864 г. был бой, в котором остатки убыхских отрядов потерпели окончательное поражение и были рассеяны превосходившими силами фельдмаршала А.И. Барятинского. В эмоциональном переживании своего поражения убыхы в скором времени навсегда покинули родную землю, но остались в исторической па-

² Все цитируемые специально не оговоренные документы хранятся в архиве МАЭ (фонд Л.И. Лаврова).

мяти окружавших народов в героическом ореоле своей борьбы с нашествием русской армии.

Все это вдохновляло Л.И. Лаврова, который с энтузиазмом взялся за работу. В достаточно короткие сроки удалось обеспечить источниковую базу исследования, по крупницам собрав в дореволюционных изданиях практически все упоминания и описания убыхов. Это позволило представить в очерках-главах исследования объемную дескрипцию их бытовой культуры, реконструировать этапы демографической и этнополитической истории, описать социальное устройство и др., а также подвести некоторый итог историографическим проблемам убыховедения. Значительную часть своего исследования Л.И. Лавров посвятил изучению военной роли убыхов в истории Кавказской войны. В работе скрупулезно воссоздана историческая панорама военных действий в убыхском секторе Причерноморья, даны описания наиболее значительных боевых столкновений, прослежены изменения политической ситуации в регионе в ее сопряженности с победами и поражениями убыхов.

Когда обозначились первоначальные контуры будущей работы, Л.И. Лавров обратился к руководству института с предложением о ее публикации. 3 мая 1937 г. между ИААЭ АН СССР в лице директора И.И. Мещанинова и Л.И. Лавровым был заключен договор, по которому последний брал на себя обязательство по подготовке монографии «Убыхи» к печати. Объем будущего издания был скромно определен в 6 печ. листов. В соответствии с оговоренными сроками, Отделение общественных наук АН СССР анонсировало выход этого издания на 1938 г. (План изданий..., 1937. С. 273). К началу этого года работа в целом была завершена. 20 января 1938 г. подготовленная, но значительно превысившая объем рукопись обсуждалась на ученом совете института. Монографию вполне сочувственно представил Д.К. Зеленин. Полученные отзывы также были положительными. И. Петрушевский отметил, что монография Лаврова — первый исследовательский опыт обращения к историко-этнографическому изучению убыхов. Считая этот опыт удачным, рецензент подчеркнул, что работа, «представляет выдающийся и притом актуальный интерес». В отклике А.Н. Генко также отмечались ее «бесспорный научный интерес и значение».

Эти отзывы открывали рукописи дорогу к публикации. Ученый совет одобрил работу, утвердил редактором монографии А.Н. Генко и постановил представить рукопись в издательство в срок до 15 февраля. Одновременно УС обратился к редакционно-издательскому совету (РИСО) АН СССР с просьбой об увеличении объема будущей книги до 14 печ. листов.

Тем временем Л.И. Лавров, видимо, продолжал интенсивно работать над текстом, в частности по замечаниям рецензентов. Одновременно он апробирует результаты своих исследований среди коллег. Так, 21 мая

1938 г на заседании Кабинета Европы и Кавказа Л.И. Лавров выступил с сообщением «Занятия и социальный строй убыхов в первой половине XIX в.». 15 июня он вновь выносит свои выводы на обсуждение коллег, выступив на заседании Кабинета с докладом «Становление государства у горцев Западного Кавказа». К этому времени произошло событие, укрупившее положение и карьерные перспективы молодого исследователя. Еще в сентябре 1937 г. ученый совет ИААЭ выдвинул Л.И. Лаврова и его исследование «Убыхи» на всесоюзный конкурс молодых научных работников, проводившийся в ознаменование 20-летия Октябрьской революции. При подведении итогов соревнования в 1938 г. «Убыхи» и их автор были премированы грамотой и денежным содержанием. В этих условиях никаких препятствий для выхода апробированной, запланированной и анонсированной книги в свет как будто не предвиделось.

Однако неожиданно издательство отказалось печатать работу. Ссылаясь прежде всего на дефицит бумаги, оно выдвинуло и дополнительные аргументы. В издательском письме, в частности, было указано, что «убыхов теперь нет в СССР, и поэтому работа не может иметь практического значения». Л.И. Лавров не растерялся. Смолоду отличаясь довольно бойким и задиристым характером, он обратился 3 мая 1939 г. с письмом к А.М. Петрушевскому, в котором вполне резонно набросился на данный аргумент. «Как согласовать отрицание необходимости изучения немаловажных в истории нашей Родины исчезнувших убыхов, — писал Лавров, — с допустимостью работ о хазар, скифах и даже палеолита в СССР?».

Однако в издательском письме содержалось еще одно возражение. Видимо, устами своего тайного рецензента издательство ставило в вину молодому исследователю, что тот назвал борьбу убыхов «освободительным движением». Действительно, военные действия, которые развернулись на Северо-Западном Кавказе в 1840—1860-х гг., Л.И. Лавров трактовал как борьбу убыхов за независимость, которую они отстаивали в борьбе с завоевателями. Вдобавок, симпатии автора были полностью на стороне горцев. Он искренно восхищался ими («храбрецы», «джигиты»), с торжеством описывал подробности «славных дел», «молодецких дел», следствием которых было поражение русских отрядов. В авторских аттестациях, царские солдаты — это «враги» и «неприятели», убыхские перебежчики в русский лагерь — «предатели», «шпионы», «изменники». В то же время лидеры убыхов — «пламенные борцы за независимость». Автор восторженно прославлял героизм, беззаветное упорство, «волю к борьбе», достоинство и благородство убыхских воинов. Передовые силы России и всей Европы находились, естественно, на стороне горцев, которых они всячески поддерживали и прославляли. Таким образом, обвинения, предъявленные издательством автору, были небеспочвенны.

Однако Л.И. Лавров вступил в спор и по этому вопросу. Используя обычную риторику того времени, он вопрошал: «Как согласовать отрицание освободительного характера борьбы горцев XIX в. с неоднократными высказываниями Карла Маркса и Фридриха Энгельса, видевших в ней именно освободительную борьбу. Как согласовать это с известным тезисом т. Ленина и т. Сталина, что царская Россия была тюрьмой народов?». Лаврова также удивило, что РИСО и отделение общественных наук АН «согласились» с мотивировкой издательства.

Действительно, в тот период мотивировка издательства выглядела необъяснимой. Позиция Л.И. Лаврова полностью находилась в рамках преобладавшей концепции Кавказской войны, которая рассматривалась в ранней советской историографии как национально-освободительное движение горцев, имевшее прогрессивный, демократический характер. Эта концепция была освящена лидером советских историков-марксистов М.Н. Покровским (Покровский, 1923), который первым подобным образом стал трактовать специфику шамилевского движения, рассматривая генезис Кавказской войны в контексте «колониально-грабительских» и «империалистических» устремлений правящих кругов царской России.

Концепция М.Н. Покровского нашла отражение в работах всех ранних советских историографов Шамиля и Кавказской войны. С этих позиций написаны работы С.К. Бушуева (Бушуев, 1939), Р.М. Магомедова (Магомедов, 1939), В.А. Фадеева, выступившего предшественником Л.И. Лаврова по изучению участия убыхов в Кавказской войне (Фадеев, 1936), Н. Кровякова (Кровяков, 1941). Некоторые частности, содержащиеся в исследовательских подходах ряда авторов (А.А. Тахо-Годи, А.Е. Скачко), в целом не меняли основного посыла советской историографии 1920–1930-х гг., рассматривавшей Кавказскую войну и движение горцев как яркий пример массового демократического, антиколониального движения во главе с признанным вождем народных масс Шамилем (Гаджиев, 1965. С. 32)

Эта концепция носила «официальный» характер и казалась столь незыблемой, что иные точки зрения не имели шансов быть озвученными. Характерный случай имел место с известным ростовским историком Н.И. Покровским. Также работая над проблематикой Кавказской войны, он подготовил обширное исследование, рукопись которого представил в московское издательство «Соцэгиз». Однако в полученном им письме от 28 февраля 1937 г. издательство потребовало «идеологической» переработки рукописи. Автор, по мнению «Соцэгиза», должен был «острее подчеркнуть», что движение народов Северо-Восточного Кавказа в XIX в. «имело народно-освободительный характер и было направлено против колониальной политики царизма» (Покровский, 2000. С. 4). Этот ответ

полностью укладывался в рамки официальной концепции. Между тем случай с Лавровым показал, что уже в те годы вызревало и другое мнение. Оно не было полностью артикулировано, не было поддержано официально, тем не менее уже бытовало, предвосхитив и, возможно, косвенно подготовив те идеологические изменения, которые произошли в трактовке Кавказской войны в послевоенное время.

Отечественная война 1941–1945 гг. отодвинула многие исследовательские и издательские начинания, в том числе, естественно, и «Убыхов», выход в свет которых теперь откладывался на неопределенное время. Л.И. Лавров добровольцем уходит на фронт, участвуя в боях за Ленинград. Тяжелое ранение в 1942 г. лишило его возможности дальнейшего нахождения в действующей армии, но он продолжает службу, будучи командированным на преподавательскую работу. Уволившись в запас, Л.И. Лавров в середине 1946 г. вновь становится сотрудником ИЭ, и уже 13 декабря защищает кандидатскую диссертацию «История абазинского народа». Можно предположить, что вернувшегося к активной научной работе исследователя не покидало стремление реализовать прерванные из-за войны начинания, в частности наконец-то опубликовать «Убыхов» — свой уже давно заверченный, но пока остававшийся втуне труд.

Между тем в идеологии послевоенного официоза начали формироваться новые тренды, в рамках которых появление книги об убыхах и их сопротивлении российскому завоеванию становилось совершенно невозможным. Л.И. Лавров, как, впрочем, и многие другие представители научного сообщества того времени, не смог распознать эти новые тенденции и, соответственно, предугадать их близкое непререкаемое торжество. Однако нашлись более «чуткие» индивиды. К таковым принадлежал, в частности, Х. Г. Аджемян, который попытался обосновать новый взгляд на сущность и природу движения горцев под руководством Шамиля.

Публичное обсуждение позиции Х.Г. Аджемяна состоялось в 1947 г. на расширенном заседании сектора истории народов СССР XIX — начала XX в. Института истории АН СССР. Аджемян, выступивший с докладом «Об исторической сущности кавказского мюридизма», говорил о господствовавшей концепции восстания горцев как наивной, односторонней и ошибочной, идеализирующей как личность, так и движение Шамиля. Социально-экономический строй горцев Дагестана и Чечни в первой половине XIX в. докладчик охарактеризовал как патриархально-родовой. Одной из характерных черт этого строя докладчик считал разбойничьи набеги на соседние цветущие долины. Эти набеги впоследствии были узаконены Шамилем, тем более что пристрастие к разбоям и грабежам было основной чертой нравственного облика и жизни гор-

цев, у которых отсутствовали какие бы то ни было культурные навыки. На путь «священной войны» с Россией горцев толкнул ислам, при этом отсталые и дикие горцы были упорны в своей борьбе. Они предпочитали быть подвластными более отсталой и подкупленной Англией Персии, а позднее — отсталой Турции, с которой поддерживали связь все имамы, в особенности Шамиль, добивавшийся протектората с ее стороны. По мнению Аджемяна, именно Турция, инспирируемая Англией, подготовила горцев к борьбе с «гяурами» и направила в Дагестан проповедников мюридизма и газавата. Мюридизм, в оболочке которого выступало движение горцев, Аджемян определял как «махрово-реакционное течение воинствующего ислама». Мюридизм навязал горцам тридцатилетнюю войну и консервировал их отсталость, он «усилил позиции антирусской коалиции, чем облегчил падение героического Севастополя».

Аджемян подверг критике взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на Кавказскую войну и ее вождя Шамиля, считая, что в их работах 1850–1860-х гг. была преувеличена реакционная роль царской России, а под влиянием современной английской прессы они идеализировали Шамиля. Докладчик утверждал, что Шамиль воплотил в себе все реакционные черты мюридизма и только после сдачи в Гунибе, находясь в плену, он совершил единственный правильный поступок, обратившись к своему народу с призывом прекратить борьбу. Между тем относительное благополучие горцы могли получить только с Россией, которая внесла в Дагестан первые проблески цивилизации, подняла его благосостояние, открыла перед Дагестаном пути широкого европейского развития.

По докладу развернулись прения. Б.Н. Заходер категорически отверг тезис о хозяйственной, культурной и социальной отсталости народов Северо-Восточного Кавказа, приведя исторические свидетельства о давних традициях культуры и образованности в регионе. Полемизируя с Аджемяном, К.В. Сивков настаивал на том, что политическая организация, созданная Шамилем, носила государственный характер: в имамате существовала своеобразная правовая система, система судопроизводства, налогов, административного устройства. А.Б. Закс отметив, что движение горцев не было однородным, и что в политике Шамиля было немало противоречий, тем не менее, отметила, что характеризовать движение как «реакционное» нельзя, так как в основном оно носило антифеодальный характер. М.В. Нечкина протестовала против уничижительных характеристик Шамиля, отметив, что многолетнее организационное и идейное руководство движением рисует его как подлинного вождя масс. Ш.И. Типеев обвинил Аджемяна в стремлении сочетать марксистские взгляды с буржуазными, марксистское понимание национально-освободительного движения — с шовинистическими оценками. Е.И. Чистякова нашла, что Аджемян возрождает старые, колонизаторские точки зрения на дви-

жение горцев, а Л.М. Иванов — что Аджемян оправдывает колониальную политику царского правительства. Диспутанты не согласились с тем, что движение горцев было инспирировано Турцией; это движение выросло органически на почве самой страны.

Подводя итоги дискуссии, Н.М. Дружинин имел полное основание констатировать, что точка зрения Аджемяна не нашла поддержки в среде участников прений. Соответственно, прежняя точка зрения советских историков оставалась в силе: движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля являлось освободительным и прогрессивным. Н.М. Дружинин критиковал мировоззренческо-методологические подходы Аджемяна, так как с его точки зрения всякое национально-освободительное движение в пределах царской России следует признать реакционным, что совершенно недопустимо. Однако возможна и другая — буржуазно-националистическая — точка зрения: признание всякого выступления против царской России под национальными лозунгами положительным, прогрессивным явлением. Впрочем, Н.М. Дружинин закончил призывом к дальнейшей научно-исследовательской разработке обсуждавшейся темы (Закс, 1947).

Окрыленный результатами обсуждения, Л.И. Лавров вновь предпринял попытку издать «Убыхов». 21 ноября 1947 г. он подал заявление в дирекцию ИЭ. Рассказав о злключениях рукописи и отметив, что с тех пор она «лежит без движения», он предлагал включить ее в издательский план. Однако и на этот раз издание монографии не состоялось. Трудно сказать, что помешало включить ее в издательский план того времени, но уже три года спустя об этом не могло быть и речи, равно как и о призыве Н.М. Дружинина изучать тему. Изучать и спорить стало не о чем, так как историкам были указаны единственно верные трактовки Кавказской войны и характеристики ее участников.

В.В. Дегоев обстоятельно осветил и проанализировал причины, обусловившие новые партийно-идеологические подходы к Кавказской войне, главным из которых стала проводившаяся в стране политически заостренная борьба с «буржуазным национализмом» (Дегоев, 2000). Поначалу она обходила стороной исторические проблемы Кавказской войны, которые по инерции трактовались советскими историками (в статьях, монографиях, учебниках, музейных экспозициях и т.д.) в традиционном ключе. Однако настал черед, когда верховные идеологи сочли своевременным начать решительную атаку на «порочные» взгляды и оценки роли и значения движения горцев под руководством Шамиля.

Окончательное решение об этом идеологическом повороте состоялось в достаточно короткий временной отрезок середины марта — начала мая 1950 г. Конкретные пути этого еще предстоит изучить, но внешняя канва выглядела следующим образом. 8 марта 1950 г. газета «Правда» опубликовала список лауреатов Сталинских премий за 1949 г. Премия

3 степени была присуждена Г.Н. Гусейнову за книгу «Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане в XIX веке», в которой вопросы Кавказской войны рассматривались по апробированной схеме. Однако спустя считанные недели Комитет по Сталинским премиям признал присуждение премии Г.Н. Гусейнову ошибочным и вошел с ходатайством в Совет Министров СССР об отмене этого своего решения.

Комитет мотивировал тем, что «книга написана с неправильных политических и теоретических позиций и в особенности извращает характер движения мюридизма и Шамиля, представляя их как якобы прогрессивные национально-освободительные и демократические явления». Действительный же смысл этого движения в том, что оно «являлось реакционным, националистическим и находилось на службе у английского капитализма и турецкого султана». Комитет считал, что «идеализация мюридизма <...> по существу является отражением буржуазно-националистических колебаний и должна быть решительно осуждена» (В комитете..., 1950).

Советским историкам предстояло немедленно отреагировать на новую политико-идеологическую установку. 9 июня 1950 г. состоялось совещание, в котором приняли участие сотрудники сектора истории СССР XIX–XX вв. Института истории АН СССР и группа историков МГУ. На совещании обсуждалась программа действий, в частности, было решено провести специальную научную сессию, призванную подтвердить новую концепцию в освещении Кавказской войны и движения горцев. На совещании 9 июня были подготовлены тезисы, намечены основные докладчики. Задача облегчалась тем, что в скором времени появились более пространственные партийные указания по неожиданно актуализировавшейся исторической проблеме.

Указания последовали из уст видного партийного сановника, первого секретаря ЦК КП Азербайджана М.Д. Багирова (Г.Н. Гусейнов был азербайджанским философом, поэтому задачу «решительного осуждения», видимо, было решено поручить азербайджанским же товарищам)³. 14 июля 1950 г. М.Д. Багиров выступил на публичном собрании в Баку с докладом, основные положения которого вскоре нашли отражение в статье, появившейся за подписью руководителя республиканских коммунистов в центральном теоретическом журнале ЦК КПСС «Большевик». В этой работе окончательно были даны новые идеологические и научные установки, которым отныне необходимо было следовать. Ба-

³ Впрочем, существует другая точка зрения на причины столь активной вовлеченности М.Д. Багирова в кампанию по «разоблачению» Шамиля. Багиров якобы вынашивал идею присоединения Дагестана к Азербайджану, поэтому стремился опорочить национального героя дагестанцев, что косвенно помогло бы в осуществлении лелеяемой им цели (см.: Шамиль и Кавказская война. 1998. С. 39; об этой «идее» Багирова см. авторитетное свидетельство бывшего первого секретаря Дагестанского обкома А. Даниялова: *Даниялов*, с. 251, 252).

гиров потребовал «подвергнуть критике имеющую широкое хождение в нашей советской исторической литературе ошибочную концепцию о якобы прогрессивном, освободительном характере движения мюридизма и Шамиля» (Багиров, 1950. С. 21).

30–31 октября в Институте истории состоялась научная сессия, посвященная проблемам мюридизма. В выступлениях Н.М. Дружинина, Н.А. Смирнова, М.В. Нечкиной, Ш.И. Типеева, К.В. Сивкова, С.К. Бушуева, А.В. Фадеева и других произошла полная переоценка старой концепции, которая была признана ошибочной. Мюридизм, под флагом которого выступали горцы, был признан «идеологией, которая противопоставляла горцев Дагестана не только царизму, не только царскому правительству, но и русскому народу, его культуре и всему тому комплексу социально-политических отношений, которые существовали в то время в России, — более передовых сравнительно с тем социально-политическим уровнем жизни, который был тогда в Дагестане» Отказавшись признать движение Шамиля демократическим, участники сессии охарактеризовали его как реакционное и антинародное, которое было инспирировано Турцией, за спиной которой стояла Англия. Мюридистское движение вело не к свободе и независимости горских племен, а к их порабощению Турцией и Англией. Обращаясь к причинам неверной трактовки Кавказской войны, столь длительное время господствовавшей в советской науке, участники сессии выяснили, что она в «не преодоленной концепции Покровского, который первый в нашей историографии дал это представление о Шамиле», и, с другой стороны, в «националистической традиции, которая жила в работах советских историков, в частности в работах Магомедова, и влияла и на других историков Союза». Первоочередной задачей была признана необходимость «преодолеть эти ошибки, произвести углубленное научное исследование данной проблемы», а также «немедленно приступить к исправлению учебников⁴, которые вышли из недр института истории — для высшей и средней школы» (Архив Российской Академии наук. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 252. Л. 6, 8, 10). Естественно, что в этих условиях монография Л.И. Лаврова не могла быть опубликована.

⁴ В 1949 г., т.е. еще до начала «багировского» погрома, из печати вторым изданием вышел учебник «История СССР. Россия в XIX в.», в котором авторы по традиции весьма благожелательно отзывались о движении кавказских горцев. М.В. Нечкина, являвшаяся редактором тома и автором ряда текстов, посылая экземпляр учебника своей знакомой Н.М. Чернышевской (внучке Николая Гавриловича), делает в сопроводительном письме от 26 августа 1950 г. весьма примечательную приписку: «Хочу предупредить, что весь текст о Шамиле надо считать вычеркнутым, — после статьи тов. Багирова — и № 13 “Большевика”. Этим текстом нельзя пользоваться <...> Остальное как будто правильно и встречено очень положительно. По причине неправильности нашего текста о Шамиле мы готовим сейчас уже третье издание» (цит. по: *Озерянский*, 2000, с. 51, 52).

Вскоре посыпался вал статей и работ, в которых движение горцев под руководством Шамиля трактовалось в нужном властям ключе. В эту компанию были вынуждены включиться многие историки (С.К. Бушуев, А.В. Фадеев), еще недавно занимавшие противоположные позиции. Доказывавшие тогда прогрессивный, демократический и народно-освободительный характер движения кавказских горцев, ныне, дезавуируя свои собственные сочинения, они писали о его реакционности, антинародном характере, инспирированности из-за рубежа, найдя для себя именно такой выход из сложившейся опасной и травмирующей ситуации.

Этот выход был и у Л.И. Лаврова. В отличие от вышеназванных историков, он не успел опубликовать свою работу в «добагировское» время, так что не был «повинен» в публичной идеализации Шамиля. Это давало возможность беспрепятственно выступить с нужных позиций, конечно, при условии соответствующей переработки и редактуры своей рукописи. В этом случае новый, конъюнктурный вариант книги был бы весьма кстати и не встретил бы препятствий для публикации. Однако Л.И. Лавров не стал этого делать. Он предпочел «забыть» о своей первой монографии, надежно спрятав ее в собственном архиве, ни единым словом не упоминая о своих исследованиях на столь рискованную тему.

В середине 1950-х годов наметился новый политико-идеологический поворот в освещении Кавказской войны, который давал относительную свободу для высказывания разных точек зрения (Дегоев, 2000. С. 236). Однако Л.И. Лавров уже не предпринимал попыток издать свой труд. К этому времени его захватили другие творческие планы: с конца 1940-х гг. он принимал участие в масштабной Дагестанской экспедиции Института этнографии, изучавшей современные процессы социокультурного развития народов региона, позднее начал собирать и изучать арабоязычную эпиграфику Северного Кавказа. Последнее на долгие годы предопределило важнейшее направление исследовательской работы Л.И. Лаврова, а вышедший по материалам этих изысканий трехтомник (Лавров, 1966–1980) стал самым значительным достижением творческой жизни ученого.

И все-таки мимолетное обращение Л.И. Лаврова к убыхской теме произошло. В середине 1960-х гг. он опубликовал небольшую статью «Этнографический очерк убыхов» (Лавров, 1968). Вряд ли кто в тот период подозревал, что эта двадцатистраничная статья представляет лишь куцую выжимку из большого «потаенного» сочинения автора. Но сама статья имела важное познавательное и исследовательское значение, так как в тот период история и этнография убыхов представляли сплошное лакунарное «пятно». Да и в последующем убыховедение очень туго прирастало новыми исследованиями (Инал-ипа, 1971), оставаясь в целом малоразработанной отраслью кавказоведческого знания. Лишь пос-

ледние годы ознаменовались оживлением интереса к убыхской тематике (Кишмахов, 2004; см. также обстоятельный очерк: Кумахов, 2006).

В этих условиях выход в свет монографии Л.И. Лаврова имеет важное историографическое и эвристическое значение. Ныне, отмечая 100-летний юбилей выдающегося кавказоведа, мы имеем более полное представление о его творческом облике, круге исследовательских интересов, научном наследии. Одновременно мы можем вписать важные страницы в историю отечественного кавказоведения прошлого столетия, полнее и точнее реконструировать этапы его развития, связанные с последовательным расширением и накоплением историко-этнографических материалов о народах региона. Именно в этом основное значение выхода в свет «Убыхов». Монография Л.И. Лаврова объемно и качественно обогащает наши знания, воссоздав этнокультурный облик одного из самых интересных и загадочных этносов Северо-Западного Кавказа на фоне социокультурных и этнополитических процессов, протекавших в регионе в переломную эпоху его исторического развития.

Литература

Багиров М.Д. К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля // *Большевик*, 1950. № 13, июль.

В комитете по Сталинским премиям в области литературы и искусства // *Правда*. 1950. 14 мая.

Гаджиев В.Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1965.

Даниялов А. Дагестан: время судьбы. Воспоминания. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во,

Дегоев В.В. Проблема Кавказской войны XIX в.: историографические итоги // *Сборник Русского исторического общества. Россия и Северный Кавказ. М.: Русская панорама. 2000. № 2.*

Закс А. Дискуссия о движении Шамиля // *Вопросы истории*. 1947. № 11.

Инал-ипа Ш.Д. Убыхи и их этнокультурные связи с абхазами // *Инал-ипа Ш.Д.* Страницы исторической этнографии абхазов (Материалы и исследования). Сухуми: Алашара, 1971.

Кишмахов М.Х-Б. Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви: Автореф. дисс. ... к.и.н. Нальчик, 2004.

Кровяков Н. Шамиль. Очерк из истории борьбы народов Кавказа за независимость. Грозный, 1941.

Кумахов М.А. Убыхи // *Адыгская (Черкесская) энциклопедия*. М., 2006.

Лавров Л.И. Этнографический очерк убыхов // *Учен. зап. Адигейского НИИ языка, лит-ры и истории*. Майкоп, 1968. Т. 8.

Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1966. Ч. 1; М., 1968. Ч. 2; М., 1980. Ч. 3.

Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: Наука, Ленинградское отделение. 1982.

Магомедов Р.М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1939.

Озерянский А.С. Из писем М.В. Нечкиной Н.М. Чернышевской // Историко-географический сборник. Межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 2004. Вып. 21.

План изданий отделения общественных наук АН на 1938 г. // Историк-марксист. 1937. Кн. 5–6.

Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Покровский Н.И. Вместо предисловия // Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: Росспэн, 2000.

Фадеев А.В. Убыхи в освободительном движении на Северо-Западном Кавказе // Исторический сборник. М., 1936. Т. IV.

Шамиль и Кавказская война: История и современность. Материалы конференции 20 октября 1997 г. М., 1998.

ЛИТЕРАТУРА ОБ УБЫХАХ

1. Абхазцы (Азегга). Сборник сведений о кавказских горцах, в. VI. Тифлис, 1872.
2. Абцедарий. Искатели приключений в среде населения Западного Кавказа в 1857 г. (Несколько слов к читателям) // Газета «Кубанские Областные Ведомости», 1874, № 17.
3. *Аверкиев Ив.* С северо-восточного побережья Черного моря // Газета «Кавказ», 1866, № 70, 72, 74, 76.
4. *А-Д.Г.* Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии // Военный сборник, в. XI, 1860.
5. Adige hakum I muzey. № 1. Краснодар, 1929.
6. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, т. I, 1866; т. II, 1868; т. III, 1869; т. IV, 1870; т. V, 1873; т. VI, ч. 2, 1875; т. VII, 1878; т. VIII, 1881; т. IX, чч. I и II, 1884; т. X, 1885; т. XI, 1888; т. XII, 1904; т. XII, ч. II; т. XII, ч. III.
7. *Алиев У., Городецкий Б.И. и Суюхов С.* Адыгея. Ростов-на-Дону, 1927.
8. *Альбов Н.* Ботанико-географические исследования в западном Закавказье в 1893 г. / Записки Кавказского отдела Русского географического общества, в. XVI, Тифлис, 1894.
9. *д'Асколи Эмиддио Дортелли.* Описание Черного моря и Татари / Записки Одесского общества истории и древностей, т. XXIV, Одесса, 1902.
10. *Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, СПб., 1836.
11. *Басария С.* Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум, 1923.
12. *Белевич К.* Несколько картин из кавказской жизни и нравов горцев. СПб., 1872.
13. *Bell J.S.* Tagebuch seines Aufenthaltes in Cirkassien wahrend der Jahre 1837, 1838 und 1839. Pforzheim, 1841.

14. *Берже Ад.* Выселение горцев с Кавказа // Русская Старина, 1882, т. XXXIII.
15. *Берже Ад.* Кавказ // Живописная Россия, т. IX, СПб.; М., 1883.
16. *Берже Ад.* Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский Календарь на 1858 г.
17. *Берже Ад.* Этнографическое обозрение Кавказа / Труды III Международного съезда ориенталистов в СПб., т. I, 1876.
18. *Bleichsteiner R.* Die kaukasischen Sprachproben in Evliya Celebi's Seyahetname. Caucasica, 11, Leipzig, 1934.
19. *Бобровский П.* Кубанский егерский корпус // Военный сборник, СПб., 1893, № 1.
20. *Броневский Семен.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, т. I, М., 1823.
21. *Брун Ф.* Восточный берег Черного моря по древним перипламам и компасным картам / Записки Одесского общества истории и древностей, т. IX.
22. *Брун Ф.* Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря / Записки Одесского общества истории и древностей, т. IX.
23. *Варгас-де-Бедemar А.* Записка об осмотре западного Черноморского берега Закавказского края / Записки кавказского общества сельского хозяйства, Тифлис, 1867, № 3, 4.
24. *Васильев Е.* Черноморская береговая линия 1834—1855 гг. // Военный сборник, 1874, № 9.
25. *Васильковский П.* Наши государственные заповедники // Вестник Знания. Л., 1925, № 1.
26. *Васюков С.* Край гордой красоты. Кавказское побережье Черного моря. Природа, характер и будущность русской культуры. СПб., (год не указан).
27. *Вахушт, царевич.* География Грузии / Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XXIV, в. 5, Тифлис, 1904.
28. *Венюков М.* Краткое пояснение к этнографической карте северо-западного Кавказа / Записки Русского географического общества, СПб., 1863, кн. 2.
29. *Венюков М.И.* Очерк пространства между Кубанью и Белой / Записки Русского географического общества, СПб., 1863, кн. 2.
30. *Верещагин А.В.* Путевые заметки по Черноморскому округу А.В. Верещагина. М, 1874.
31. Вести с Кавказа // Кавказ. 1852.
32. *Войков А.И., Пастернацкий Ф.И., Сергеев М.В.* Черноморское побережье, СПб., 1899.

33. Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки, в. IV. Народность и родной язык населения СССР. М., 1928.

34. *Georgi*. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reiches, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten, Zweite Ausgabe, Tabarische Nationen. St. Petersburg, 1776.

35. *Глейе А.* К праистории северо-кавказских языков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. XXXVII, Тифлис, 1907.

36. Горские племена, живущие за Кубанью // Кавказ, 1850, №№ 94–98.

37. *Грен А.Н.* Краткий очерк истории Кавказского перешейка // Университетские Известия. Киев, 1895, № 7 и 8.

38. *Гулия Д.* История Абхазии, т. I. Сухум, 1925.

39. *Гулия Д.* Материалы по абхазской грамматике. Сухум, 1927.

40. *Güldenstädt*. Reisen durch Russland und caucasische Gebürge. St. Petersburg, 1787.

41. *Даль Г.С.* Сочи. Курорты Азово-Черноморского края / Под ред. М.З. Кессель. Ростов-на-Дону: Азово-Черноморский Крайиздат, 1935.

42. *Дестунис*. Записки Историко-филологического факультета Петербургского университета. т. VII.

43. *Джанашвили М.* Известия Грузинских летописей и историков о Северном Кавказе. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. XXII, Тифлис, 1897.

44. *Джанашвили М.Г.* Известия грузинских летописей и историков о Херсонесе, Готфии, Осетии, Хазарии, Дидоэтии и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. в. XXVI, Тифлис, 1899.

45. *Джанашия Н.* Религиозные верования абхазов // Христианский Восток, т. IV, в. I. Петроград, 1915.

46. *Динник Н.* Оштен и окружающие его части Кубанской области / Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XVI, Тифлис, 1894.

47. *Дирр А.* Абхазские слова // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, т. XIV, отд. IV. Тифлис, 1915.

48. *Дирр А.М.* Божества охоты и охотничий язык у кавказцев // Тр. XIII Съезда русских естествоиспытателей и врачей в г. Тифлисе. Т. VI. Тифлис, 1916.

49. *Dirr A.* Die Sprache der Ubychen. Caucasia, 4,5. Leipzig, 1927–1928.

50. *Dirr A.* Die Stellung des Ubychischen in den norwestkaukasischen Sprachen. Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte vornehmlich des Orients Ernst Kuhn München, 1916.

51. *Dirr A.* Über den Namen «Ubychen». Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft. Leipzig, 1918.

52. *Дирр А.* Кавказское языкознание. Его история и будущие задачи // Известия Кавказского отдела Русского географического общества, т. XVII, в. 5, Тифлис, 1904.

53. *Dieterich.* Byzantinische Quellen zur Länder- und völkerkunde. Т. I, Quellen und Forschungen zur Erd- und Kulturkunde. Band V. Leipzig, 1912.

54. *Дороватовский С.* Сочи и Красная Поляна с окрестностями. СПб., 1911.

55. *Дроздов И.* Обзор военных действий на западном Кавказе с 1848 по 1856 год. Кавказский сборник. т. X, Тифлис, 1886. т. XI, Тифлис, 1887.

56. *Дубровин Н.* Черкесы (Адыге). Материалы для истории черкесского народа, в. I, Краснодар, 1927.

57. *Духовский С.* Материалы для описаний войны в западном Кавказе // Военный сборник. № 11–12, СПб., 1864.

58. *Dubois de Montpéreux.* Voyage autour du Caucase. Т. I. Paris, 1839.

59. *Dumézil G.* La langue des Oubykhs. Paris, 1931.

60. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи (Историко-этнографический очерк) / Записки Кавказского отдела Русского географического общества. т. XII, в. 4, Тифлис, 1902.

61. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Гагры и их окрестности / Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. XXIV, в. I. Тифлис, 1908.

62. *Евецкий О.* Статистическое описание Закавказского края. Ч. 1. СПб., 1835.

63. *Erckert R.* Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig, 1887.

64. *Erckert R.* Die Sprache des kaukasischen Stammes. Т. II. Wien, 1895.

65. *Захаров Ст.* О населении 27 полка // Кубанские войсковые ведомости. 1867. № 42.

66. *Званбай С.* Зимние походы убыхов на Абхазию // Кавказ. 1852. № 33.

67. *Зубарев Д.* О народонаселении за Кавказом // Русский Вестник. 1842. № 6.

68. *Зубов П.* Картина Кавказского края. Ч. I, II, III. СПб., 1835.

69. Известия из Кубанской области // Кавказ. 1862, 1863, 1864.

70. Из отчетов капитана Гилева за 1865 и 1866 годы / Записки Кавказского отдела Русского географического общества, т. VII, в. I. Тифлис, 1866.

71. *К.* Обзор событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. т. XVII, Тифлис, 1896.

72. *К.* Обзор событий на Кавказе в 1851 году // Кавказский сборник, т. XX, Тифлис, 1899.

73. *Каменев М.* Бассейн Псекупса // Кубанские Войсковые Ведомости, 1867. № 29.
74. *Карльгоф Н.* Военностатистическое обозрение восточного берега Черного моря // Военностатистическое обозрение Российской империи. Т. XVI. Ч. 10. СПб., 1853.
75. *Карпини П.* История монголов. СПб., 1910.
76. *Klaproth J.-Dr. J.A. Güldenstedts.* Beschreibung der Kaukasischen Länder. Berlin, 1834.
77. *Klaproth J.* Die Kaukasischen Sprachen. Halle und Berlin, 1814.
78. *Klaproth J.* Reise in den Kaukasus und Georgien. Erste Band. Halle und Berlin, 1812.
79. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе, т. I. М., 1890.
80. *Ковалевский П.И.* Завоевание Кавказа Россией. СПб., (год изд. не указан).
81. *Ковалевский П.И.* Кавказ. Т. I. Народы Кавказа. СПб., 1914.
82. *Короленко П.П.* Закубанский край. (Из истории Западного Кавказа) // Военный сборник. 1893. № 7.
83. *Koch K.* Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus. Т. I. Stuttgart und Tübingen, 1842.
84. *Краснов Г.* В Географическом обществе. (Резюме доклада Г. Краснова: «Географический очерк округа Сочи») / Записки Крымского горного клуба в г. Одессе. 1899. № 12.
85. Краткое описание страны, лежащей к северу от реки Сочи-Псты до вновь возведенного на Туапсе укрепления // Кубанские Областные Ведомости. 1884. № 50; 1885. № 1.
86. *Лавров Л.* Из поездки в черноморскую Шапсугию летом 1930 г. // Советская этнография. 1936. № 4–5.
87. *Ладыженский А.И.* К изучению быта черкесов // Революция и Горец. Ростов-на-Дону, 1928. № 2.
88. *Ламберти А.* Описание Колхиды, ныне называемой Мегрелиею // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. в. XLIII. Тифлис, 1913.
89. *Lapinski Th. (Tefik Bey).* Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen Russen. I, II. Hamburg, 1863.
90. *Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Кавказ. т. I, II. СПб., 1894–1906.
91. *Лилов А.* Последние годы борьбы русских с горцами на западном Кавказе // Кавказ. 1867, № 19.
92. *Личков Л.С.* Очерки из прошлого и настоящего Черноморского побережья Кавказа. Киев, 1904.

93. *Лопатинский Л.* Заметка о народе адыге вообще и о кабардинцах в частности // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, в. XII. Тифлис, 1891.

94. *Люлье Л.* Верования, религиозные обряды и предрассудки у черкесов // Материалы по истории черкесского народа, в. 4. Краснодар, 1927.

95. *Люлье Л.* Общий взгляд на страны, занимаемые горскими народами: черкесами, абхазами и другими // Материалы по истории черкесского народа, в. 4. Краснодар, 1927.

96. *Люлье Л.* О натухажцах, шапсугах и абадзехах // Материалы по истории народа, в. 4. Краснодар, 1927.

97. *Люлье Л.* Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамматикою сего последнего языка. Одесса, 1846.

98. *Де-Люкк Ж.* Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин / Записки Одесского общества истории и древностей, т. XI. Одесса, 1879.

99. *Макаров Т.* Племя Адиге. Кавказ. 1862. № 29.

100. *Маненко П.* Черкеси. Харків, 1930.

101. ۱۹۲۹. № 51. Черкесская газета, издававшаяся в г. Кунетра (Сирия).

102. *Март Н.Я.* О религиозных верованиях абхазов // Христианский восток, т. IV, в. I. Пг, 1915.

103. *Март Н.Я.* Племенной состав населения Кавказа. Пг, 1920.

104. *Мачавариани К.Д.* Описательный путеводитель по г. Сухуму и Сухумскому округу. С историко-этнографическим очерком Абхазии. Сухум, 1913.

105. *Миллер А.А.* Разведка на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Известия Археологической комиссии, в. XXXIII. СПб., 1909.

106. *Мирославский Иосиф.* Взрыв Михайловского укрепления в 1840 г. // Кавказский сборник, т. IV. Тифлис, 1879.

107. Народы Кавказа. Черкесы и Абхазцы. СПб.: Изд. «Досуг и дело», 1879.

108. *Н.В.* 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник, т. XIII. 1889; т. XIV. Тифлис, 1890.

109. *Невский П.* Закубанский край в 1864 году // Кавказ. 1868. № 97, 100, 101.

110. *Neumann K.F.* Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen, 1840.

111. *Новицкий.* Географическо-статистическое обозрение земли, населенной народом Адехе // Тифлиссские ведомости. 1829. № 22, 23, 24, 25, 29.

112. *Новицкий*. Топографическое описание северной покатости Кавказского хребта от крепости Анапы до истока реки Кубани // Кубанские Областные Ведомости. 1884. № 34, 38, 40.

113. *Нордман А.* Путешествие по Закавказскому краю // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1838. № 11.

114. *Ольшевский М.Я.* Записки // Русская Старина. 1895, июнь.

115. *Орехов И.О.* По южную сторону западного Кавказа // Военный сборник. 1869. № 10–12.

116. *Осман-Бей*. Воспоминания 1855 года. События в Грузии и на Кавказе // Кавказский сборник, т. II. Тифлис, 1877.

117. Отчет Комиссии по исследованию земель на северо-восточном берегу Черного моря, между рекам Туапсе и Бзыбью / Записки Кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1867. № 5–6.

118. Очерк положения дел на Кавказе с начала 1838 до конца 1842 года // Кавказский сборник, т. II. Тифлис, 1877.

119. *Pallas P.S.* Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794. Erste Band. Leipzig, 1799.

120. *Пантюхов*. Склоны Западного Кавказа // Кавказ. 1864. № 96.

121. *Пейсонель М.* Исследование торговли на абхазско-черкесском берегу Черного моря в 1750–1760-х годах // Материалы по истории черкесского народа, в. 2, Краснодар, 1927.

122. *Покровский М.Н.* Завоевание Кавказа. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

123. *Potocki J.* Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase. T. I. Paris, 1829.

124. *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. I. В. 3–4. СПб., 1887.

125. *Prokopius von Cäsarea.* Geschichte seiner Zeit. IV. Greifswald, 1829.

126. *Раенко-Туранский Я.Н.* Адыгэ до и после Октября. Ростов-на-Дону; Краснодар, 1927.

127. *Reineggs J.* Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, herausgegeben von Schröder. I. Teil. Hildesheim und Petersburg, 1794.

128. *Ржевуский А.* 1845-й год на Кавказе // Кавказский сборник, т. VII. Тифлис, 1883.

129. *Раковский*. История 25-го (ныне 23) конного полка Кубанского казачьего войска // Кубанские Войсковые Ведомости. 1867. № 47.

130. *Романовский*. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. СПб., 1860.

131. *Rommel C.* Völker des Caucasus nach den Berichten der Reisebeschreibung. Weimar, 1808.

132. Сафонов С. Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете «Ифигения» в 1836 году. Одесса, 1837.
133. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. Кн. 1, 2. 1847; кн. 3. 1850.
134. Сизов В. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа, в. II. М., 1889.
135. Суюхов Сефер-бей. Черкесы-Адыге (Историко-бытовой набросок) // Известия общества любителей изучения Кубанской области, в. VII. Краснодар, 1922.
136. Скорятин В.Д. Заметки о Кавказе // Отечественные Записки. 1862, март и май.
137. Смоленский С. Воспоминания кавказца. Бзыбский отряд в 1861 году // Военный сборник. 1874. № 8–9.
138. Солтан В. Военные действия в Кубанской области с 1861 по 1864 год // Кавказский сборник, т. V. Тифлис, 1880.
139. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник, т. XXI, Тифлис, 1900.
140. Статистический взгляд на Абхазию // Тифлисские ведомости. 1831. № 27–29.
141. Стеллецкий Игн. По забытому Кавказу. ГИЗ. 1931.
142. Татары и черкесы в Турции // Славянский сборник, т. II, СПб., 1877.
143. Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. Ч. I, II. М., 1864.
144. Уварова П.С. Предисловие к материалам по археологии Кавказа. Т. IV. М., 1894.
145. Угринович К. Краткий обзор военных действий на Кавказе в минувшем 1857 году // Русский вестник, т. XIII. М., 1858.
146. (Услар). Об исследовании кавказских языков // Кавказ. 1862. № 49.
147. У.(слар) П. О лингвистических трудах г. Каменева // Кавказ. 1868. № 113.
148. Услар П. О языке убыхов // Абхазский язык. Тифлис, 1887.
149. Услар П. Черновые заметки о черкесском языке // Абхазский язык. Тифлис, 1887.
150. Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии. Ч. I. Сухум, 1934.
151. Фадеев А. Становление племен на Западном Кавказе / Труды Абхазского научно-исследовательского института. В. I. Сухум, 1934.
152. Фадеев А. Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе // Исторический сборник. Кн. 4. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1935.

153. Федоров М.Ф. Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 годы // Кавказский сборник, т. III. Тифлис, 1879.

154. Фелицын Е.Д. Документы к истории завоевания восточного берега Черного моря // Кубанские Областные Ведомости. 1891. № 5.

155. Фелицын Е.Д. Материалы для истории Кубанской области // Кубанские Областные Ведомости. 1891. № 5, 8.

156. Фелицын Е.Д. Некоторые сведения о средневековых геноуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области // Кубанский сборник, в. V. Екатеринодар, 1899.

157. Фелицын Е.Д. Черкесы-адыге и западнокавказские горцы. Материалы для изучения горцев и принадлежавшей им страны // Кубанские Областные Ведомости. 1884. № 34.

158. Фелицын Е.Д. Числовые данные о горском и прочем мусульманском населении Кубанской области // Сборник сведений о Кавказе. IX. Тифлис, 1885.

159. Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский Архив. 1884. № 1–2.

160. Фонвилль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг. // Материалы по истории черкесского народа. В. I. Краснодар, 1927.

161. Хачануридзе Г. Гурийские восстания в 1841 году. Тифлис, 1931.

162. Хицунов П. О состоянии некогда бывшего христианства на Кавказе // Кавказ. 1846. № 34.

163. Цаликов А. Последний из убыхов // В горах Кавказа. Быль, очерки и легенды. М., 1914.

164. Черняев П. Как изучал П.К. Услар язык убыхов / Записки Северокавказского горского научно-исследовательского института. Т. I. Ростов-на-Дону, 1928.

165. Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. СПб., 1866.

166. Шостак В. История Черноморской торговли в средних веках. Ч. I. Одесса, 1850.

167. Штукенберг И.Ф. Описание Кавказского края // Статистические труды Штукенберга. СПб., 1859.

168. Щербина Ф. История Кубанского казачьего войска. Т. II. Екатеринодар, 1913.

169. Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т. 64.

170. Эсадзе Б.С. Покорение западного Кавказа. Тифлис, 1914.

171. Юров А. Три года на Кавказе (1837–1839) // Кавказский сборник, т. VIII, IX. Тифлис, 1885.

172. Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе // Кавказский сборник, т. X. Тифлис, 1886.

173. Юров А. 1843-й год на Кавказе // Кавказский сборник, т. VI. Тифлис, 1882.

174. Яковлев Н. Краткий обзор черкесских наречий и языков / Записки Северокавказского горского научно-исследовательского института. Т. I. Ростов-на-Дону, 1928.

175. Яковлев Н. Народы и языки Кавказа. Тифлис, 1930.

Основные печатные работы Л.И. Лаврова

- Из поездки в Черноморскую Шапсугию летом 1930 г. (этнографо-исторические заметки) // Советская этнография (далее — СЭ). 1936. № 4–5. С. 122–134.
- Краеведческие музеи на Северном Кавказе // СЭ. 1936. № 6. С. 132–133.
- Из поездки в Балкарию // Советская этнография. М.; Л., 1939. т. II. С. 175–181.
- Абазины // Красная Черкесия: Газета (далее — КЧ). 1940. № 190.
- Абазаква ристория ахъазла // Черкес къапщ: Газета. 1940. № 103 (на абаз. яз.)
- Башня Адюих в Черкесии // Кратк. сообщ. о докл. и полев. исслед. Ин-та истор. матер. культ. М.; Л., 1940. Вып. VII. С. 98–101.
- Кто и когда построил башню Адюих // КЧ. 1940. № 284.
- Пионер черкесского просвещения. (К 140-летию со дня рождения Ш. Ногмы) // КЧ. 1941. № 69.
- Абазины в творчестве Лермонтова // КЧ. 1941. № 81.
- Черкесия в XIII–XIV веках // КЧ. 1941. № 137, 138.
- Суворовская тактика // Патриот Родины: Газета. 1943. № 209.
- «Обезы» русских летописей // СЭ. 1946. № 4. С. 161–170.
- Классовое расслоение и племенное деление абазин в XVIII и XIX веках // СЭ. 1948. № 4. С. 168–174.
- О времени постройки кабардинской башни на реке Малом Зеленчуке // Учен. зап. Каб. науч.-исслед. ин-та. Нальчик, 1948. Т. IV. С. 275–279.
- Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Сессия Ученого совета Института истории АН Груз ССР, посвященная вопросам этнографии Кавказа (15–19 ноября 1949 г.): Тез. докл. Тбилиси, 1949. С. 5.
- Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Кратк. сообщ. Ин-та этногр. (далее — КСИЭ). М., 1950. Вып. X. С. 77–83.
- О причинах многоязычия в Дагестане // СЭ. 1951. № 2. С. 202–203.
- Вопросы происхождения народов Северо-Западного Кавказа // Совещание по методологии этногенетических исследований 1951 г.: Тез. докл. и выступл. / Ин-т этногр. им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1951. С. 2–4.
- Раннесредневековый могильник в нагорном Дагестане // Сборник Музея антропологии и этнографии (далее — СМАЭ). М.; Л., 1951. Т. XIII. С. 304–308.
- Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVIII века: Исторический очерк // СЭ. 1951. № 4. С. 42–56.

Развитие земледелия на Северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. Вып. 1. М., 1952. С. 179–225.

Советская культура и быт лаков // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952. С. 39–52.

Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX века // Там же. С. 337–344.
Рутульцы // СЭ. 1953. № 4. С. 30–40.

Археологические разведки в Дагестане 1947 и 1950 годов // СМАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV. С. 256–262.

Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950–1952 гг. // КСИЭ. М., 1953. Вып. XIX. С. 3–7.

О происхождении народов Северо-Западного Кавказа // Сб. ст. по истории Кабарды (далее — ССИК). Нальчик, 1954. Вып. III. С. 193–207.

<Рец.> Семенов Л.П. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952 // СЭ. 1954. № 3. С. 174–175.

Абазины. (Историко-этнографический очерк) // Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). М., 1955. Вып. I. С. 5–47.

Лезгины // Народы Дагестана: Сб. ст. М., 1955. С. 102–124.

Лакцы // Там же. С. 152–178.

Рутульцы // Там же. С. 192–217.

Адыги в раннем средневековье // ССИК. Нальчик, 1955. Вып. IV. С. 19–64.

Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории // СЭ. 1956. № 1. С. 19–28.

Адыги // История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 22–25.

Кабардинцы и заселение ими современной территории Кабарды // Там же. С. 26–32.

Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции // СМАЭ. М.; Л., 1957. Т. XVII. С. 373–384.

Землетрясение 1667 г. в Дагестане // Изв. АН СССР. Сер. геофиз. 1957. № 8. С. 108.

К истории русско-кавказских отношений в XV в. // Учен. зап. Адг. науч.-исслед. ин-та яз., лит. и истории (далее — УЗАНИИ). Майкоп, 1957. Т. I. С. 17–26.

Кабардино-адыгейская культура XIII–XV вв. // СЭ. 1957. № 4. С. 13–23.

Абазины // Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957. С. 81–118.

Памятник осетинского и кабардинского языков XVII века // Изв. Южно-Осет. науч.-исслед. ин-та. 1957. Вып. VIII. С. 287–299.

Ответ Д.С. Габиеву // СЭ. 1958. № 2. С. 173–174.

Тарки до XVIII века // Учен. зап. Ин-та ист., яз. и лит. им. Г. Цадасы Даг.; Фил. АН СССР. Махачкала, 1958. Т. IV. С. 12–25.

Из эпиграфических находок Дагестанской экспедиции (Ст. вторая) // СМАЭ. М.; Л., 1958. Т. XVIII. С. 324–338.

Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 193–236 (Труды. Ин-та этногр. Нов. сер. Т. LI).

Археологические разведки в верховьях р. Самур // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1959. Т. I. С. 175–181.

<Рец.> Кавказский этнографический сборник. Вып. II // СЭ. 1959. № 3. С. 169.

<Некролог> Сергей Николаевич Замятнин // СЭ. 1959. № 3. С. 134–136 (в соавт. с П. Борисовским, А. Окладниковым и Л. Потаповым).

Памятник кабардинского и осетинского языков XVII в. // КСИЗ. 1959. Вып. XXXI. С. 36–45.

Происхождение балкарцев и карачаевцев // КСИЗ. 1959. Вып. XXXII. С. 3–7. Южно-дагестанский хронограф 1710–1712 гг. // Там же. С. 18–22.

Адыгэхэр // Къэбэрдейм и историе иж дьдэ зэманым къыщыщ Iэдзауэ ди махуэм къэсых. Нылшык, 1959. С. 22–25 (на кабардин. яз.).

Къэбэрдейхэмрэ ахэр Къэбэрдейм и иджырей щынальгэм къызэрит — Ысыхамрэ // Там же. С. 26–32 (на кабардин. яз.).

Из эпитафических находок Дагестанской экспедиции (Ст. третья) // СМАЭ. М.; Л., 1960. Т. XIX. С. 29–38.

О некоторых этнографических данных по вопросу происхождения балкарцев и карачаевцев // Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. Нальчик, 1960. С. 63–69.

Заключительное слово // Там же. С. 303–305.

Об арабских надписях Кабардино-Балкарии // Учен. зап. Кавк.-Балк. науч.-исслед. ин-та. Нальчик, 1960. Т. XVII. С. 97–121.

Дольмены Северо-Западного Кавказа // Труды Абх. ин-та яз., лит. и ист. им. Д.И. Гулиа. Сухуми, 1960. Вып. XXXI. С. 101–178.

Абазины // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 232–242. (Сер. «Народы мира»).

Лакцы // Там же. С. 487–502.

Лезгины // Там же. С. 503–519.

Рутульцы // Там же. С. 537–545.

Материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ. 1961. Т. XX. С. 173–187.

До питания про украпнсько-кавказькі культурні зв'язки // Народна творчість та етнографія. КиУв, 1961. Кн. 3. С. 62–66.

Изменения в культуре и быту адыгейцев за годы Советской власти // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. / АН СССР. Отд. ист. наук. Ин-т археолог., Ин-т этногр. им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1962. С. 25–27.

Рутульцы в прошлом и настоящем // КЭС. 1962. Вып. III. С. 110–157.

Изменения в культуре и быте адыгейцев за годы Советской власти // СЭ. 1962. № 4. С. 16–22.

Хазнидонские надписи // Изв. Сев.-Осет. науч.-исслед. ин-та (далее — ИСОНИИ). Орджоникидзе, 1962. Т. XXIII. Вып. I. С. 107–112.

Новые материалы по арабской эпиграфике на Северном Кавказе // СМАЭ. 1963. Т. XXI. С. 267–298.

<Некролог> С.И. Габиев // СЭ. 1964. № 1. С. 168–169 (в соавт. с Н.Г. Волковой).

Прошлое и настоящее Шовгеновского аула // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М.; Л., 1964. С. 9–58 (в соавт. с М.Г. Аутлевым).

Некоторые этнографические выводы // Там же. С. 212–219.

Надписи мавзолея Борга-Каш // Изв. Чеч.-Инг. науч.-исслед. ин-та ист., яз. и лит. Грозный, 1964. Т. V. Вып. I. С. 162–163.

М.О. Косвен (К 80-летию со дня рождения) // СЭ. 1965. № 2. с. 172–174 (в соавт. с В.А. Александровым).

О пути вторжения киммерийцев в Переднюю Азию // Советская археология (далее — СА). 1965. № 3. С. 223–225.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа X–XIX вв. как историко-этнографический источник: Автореф. дисс. ... д-ра истор. наук. Л., 1965. 16 с.

Нашествие монголов на Северный Кавказ // Ист. СССР. 1965. № 5. С. 98–102.

К истории бжедугов и жанеевцев // УЗАНИИ. Краснодар, 1965. Т. IV. С. 247–250.

On the Eightieth Birthday of M.O. Kosven // Sov. Anthropol. and Archeol. NY., 1965–1966. Vol. 4. № 3. P. 53–55 (в соавт. с В.А. Александровым).

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. I. Надписи X–XVII вв. М., 1966. 300 с.

Дискуссионные вопросы этнической и политической истории карачаевцев и балкарцев // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11–13 апреля 1967 г.). Л., 1967. С. 30–31.

К попытке чтения Майкопской надписи // СЭ. 1967. № 2. С. 203–205.

Зарождение и становление феодальных отношений у адыгов // История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен. М., 1967. Т. I. С. 62–71.

Кабарда и Балкария в XIII–XV вв. // Там же. С. 80–86.

Культура и быт населения Закубанья и Кабардино-Балкарии в IV–XV вв. // Там же. С. 87–95.

<Рец.> Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. М., 1966 // СЭ. 1968. № 2. С. 164–165.

<Рец> Кафоев А.Ж. Адыгские памятники. Нальчик, 1963 // СА. 1968. № 3. С. 270–274.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 2. Надписи XVIII–XX вв. М., 1968. 248 с.

К чтению аланской Зеленчукской надписи // ИСОНИИ. 1968. Т. XXVII (Языкознание). С. 219–220.

Современные этнические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа (1917–1967 гг.). М., 1968. С. 329–346 (в соавт. с Н.Г. Волковой).

Этнографический очерк убыхов // УЗАНИИ. Майкоп, 1968. Т. VIII (Этнография). С. 5–24.

Об интерпретации Ш.Б. Ногмовым кабардинского фольклора // СЭ. 1969. № 2. С. 136–141.

О первобытных войнах // Тезисы докладов научной сессии 1969 г. / ЛО Ин-та этногр. им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Л., 1969. С. 25–28.

Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // КЭС. 1969. Вып. IV. С. 55–119.

Выступление о методике этногенетических исследований // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, Москва (3 августа 1964 г.). М., 1970, Т. V. С. 781–782.

Исчезнувшее адыгское племя Собай // Из истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1970. С. 450–451 (Труды Карач.-Черкес. науч.-исслед. ин-та. Вып. VI. Сер. История).

Из записок ополченца // Ораниенбаумский плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма 1941–1944 г. Л., 1971. С. 53–66.

От составителей // Там же. С. 5–10 (в соавт. с К.К. Гришинским).

Назревшие вопросы социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1971. С. 36–38;

Назревшие вопросы социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. секц. и пленар. засед. Тбилиси, 1971. С. 59–61.

К истории стихотворения В. Маяковского «Краснодар» // Русская литература. 1971. № 2. С. 162–163.

Кавказские тамги // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1971. Л., 1972. С. 20–22.

Памяти А.Н. Генко // КЭС. 1972. Вып. V. С. 213–222.

Этнические и культурные связи Кавказа со Средней Азией и Казахстаном // Всесоюзное археолого-этнографическое совещание по итогам полевых исследований 1973 г.: Тез. докл. и сообщ. по этногр. Ташкент, 1973. С. 14–15.

Цоцкоимæ фембждлгытæ // Рæстдзинад: Газета. 1974. № 4 (на осетин. яз.).

Проблемы этногенеза горских народов Кавказа // Тезисы докладов научной сессии Отделения истории АН СССР и Ученом совете Института этнографии АН СССР. М., 1974. С. 8–11.

Кавказоведение в Академии наук СССР // Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 23–26 июля 1974 г. Л., 1974. С. 23–26.

Сочинения Е.П. Лачиновой о Кавказе, запрещенные царской цензурой // Там же. С. 102.

Революция быта на Кавказе // Там же. С. 121–122.

Адыгэхэм я деж феодально зэхушытыкГэхэр кызырышыхуамрэ зэрышыуамрэ // Къэбэрдей-Балъкъэр АССР историе. Нылшык, 1975. Т. 1. С. 68–78 (на кабардин. яз.).

Къэбэрдеймрэ Балъкъэрымрэ XIII–XV лэщыгыуэхэм // Там же. С. 87–93 (на кабардин. яз.).

Закубаньемрэ Къэбэрдей-Балъкъэрымрэ IV–XV лэщыгыуэхэм щыпсэуа цыхухэм я культурэмрэ я псэукГэмрэ // Там же. С. 94–103 (на кабардин. яз.).

В осажденном Ленинграде // СЭ. 1975. № 4. С. 3–6.

Назревшие вопросы изучения социальных отношений на докапиталистическом Кавказе // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 6–18.

Советский опыт «языкового строительства» и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. М., 1975. С. 284–290.

Историко-этнографические мелочи // Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. С. 264–272.

К 250-летию академического кавказоведения в России // КЭС. 1976. Вып. VI. С. 3–10.

<Перспектив> История народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней. Т. I. М., 1976. 38 с. (в соавт. с Е.Н. Кушевой).

Кавказская Тюмень // Из истории дореволюционного Дагестана. Махачкала, 1976. С. 163–175.

Новое о Зирих-Геране и казикумухских шамхалах // Там же. С. 216–218.

Советский опыт «языкового строительства» и некоторые итоги структурного развития языков // Современные этнические процессы в СССР. Изд. 2-е. М., 1977. С. 284–290.

Ранние памятники северокавказского фольклора // Всесоюзная сессия, посвященная итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг.: Тез. докл. Ереван, 1978. С. 203–204.

Возможный след варягов на Северо-западном Кавказе // Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений. Л., 1978. С. 17–18.

Из писем В.Ф. Минорского // Там же. С. 23–24.

Историко-этнографические очерки Кавказа. Л., 1978, 283 с.

<Рец.> Воскрешая прошлое // Социалистическая Осетия: Газета. 1978. № 241.

Альбом и макеты Д.А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии // Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. С. 71–84 (СМАЭ. Т. XXXIV).

К истории северокавказского фольклора // СЭ. 1979. № 1. С. 29–41.

О происхождении абазин // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979. С. 73–78.

Память о Петергофе // Заря коммунизма: Газета. 1979. № 55.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. М., 1980. Ч. 3. 170 с.

Топонимические заметки // КЭС. VII. 1980.

Еще об интерпретации Ш. Ногмовым Кабардинского фольклора // КЭС VII. 1980.

Кавказский отдел МАЭ и кавказский сектор Института этнографии // СМАЭ. 1980. Т. XXXV.

Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Надписи X–XX вв. Новые находки. М., 1980. Ч. 3.

Критические заметки по топонимике Северного Кавказа // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII–XVI вв. // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.

Работы, выпущенные под редакцией Л.И. Лаврова

- Народы Кавказа. Т. I. М., 1960. 612 с. (Сер. «Народы мира») (соредакт. М.О. Косвен, Г.А. Нерсесов и Х.О. Хашаев).
- Народы Кавказа. Т. II. М., 1962. 684 с. (соредакт. Г.А. Нерсесов, А.Н. Гулиев, Г.С. Читая, Б.А. Гарданов, С.Т. Еремян).
- Кавказский этнографический сборник. Вып. III. М.; Л., 1962. 288 с.
- Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. М., 1964. 220 с. (соредакт. М.Г. Аутлев).
- Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1967. 331 с.
- Сергеева Г.А. Арчинцы. М., 1967. 191 с.
- Ораниенбаумский плацдарм. Воспоминания участников обороны Ораниенбаумского плацдарма 1941–1944 гг. Л., 1971. 461 с. (сост. К.К. Гришинский, Л.И. Лавров).
- Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР, 1970. Л., 1971. 127 с. (Член редколлегии).
- Кавказский этнографический сборник. V. М., 1972. 224 с.
- Волкова Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973. 208 с.
- Сборник статей по этнографии Адыгеи. Майкоп, 1975. 330 с. (соредакт. М.А. Меретуков).
- Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX — начало XX в.). Тбилиси, 1977. 138 с.
- Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений Л., 1978. 27 с. (соредакт. В.П. Курьлев).
- Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978. 335 с.
- Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XXXIV. Материальная культура и хозяйство народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. Л., 1978. 222 с. (соредакт. С.М. Абрамзон).

Работы, опубликованные после смерти

- Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.). Л.: «Наука», 1982.
- Стихийные бедствия на Северном Кавказе до XIX в. // КЭС. Т. VIII. М., 1984.
- Эмиры Дербента. Шамхалы Казикумухские и Тарковские // Источниковедение истории досоветского Дагестана. Махачкала, 1987. С. 126–132.
- Роль естественно-географических факторов в истории народов Кавказа. // КЭС. Т. IX. М., 1989.
- Биографические записки // Археология и этнография Северного Кавказа. Краснодар, 1998. (Подготовка текстов к печати А.М. Решетов).

Канун революции и гражданская война на Кубани: биографические записки // Из культурного наследия славянского населения Кубани: Материалы к лекционным курсам и практическим занятиям по дисциплинам «Фольклор и этнография казачества», «Фольклор и этнография восточных славян». Краснодар, 1999. С. 124–160. (Подготовка текстов к печати А.М. Решетов).

Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев и балкарцев / Под ред. Б.Х. Бгажнокова, А.Х. Абазова; сост. А.Х. Абазов. Нальчик, 2008. 560 с.

СОДЕРЖАНИЕ

«Убыхи» Л.И. Лаврова: 1936 — 1950 — 2009 (Е.А. Резван).....	5
Монография Л.И. Лаврова «Убыхи». К 73-летию создания (Ю.М. Ботяков)	12
Л.И. Лавров. Убыхи.	
Историко-этнографическая монография. 1937 г	29
Введение	29
История изучения вопроса.....	30
Территория и население Убыхии.....	38
Расселение убыхов.....	42
Тип поселения и жилище.....	47
Занятия.....	49
Социальный строй.....	55
Военное искусство.....	74
Язык и идеология	80
Древнейшие сведения об убыхах.	89
Убыхия перед столкновением с царской Россией.	100
Первые выступления царских войск(вторая половина 30-х годов).	109
Разгром убыхами Береговой линии и экспедиция ген. Анрепа (1840—1841 гг.).....	128
Убыхия в 1842—1847 гг.	149
Убыхи и мюридизм. (1848—1859 годы).....	158
Конец Кавказской войны и изгнание убыхов в Турцию (1860—1864 гг.).....	176
Л.И. Лавров и его «Убыхи» (Ю.Д. Анчабадзе).....	206
Литература об убыхах	219
Основные печатные работы Л.И. Лаврова	229

Научное издание

Лавров Леонид Иванович

Убыхи

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ МОНОГРАФИЯ

Редактор *М.А. Ильина*
Корректор *К.С. Оверина*
Компьютерный макет *А.И. Азаров*

Подписано в печать 26.12.2009.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 18.
Тираж 300 экз. Заказ № 1356.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
E-mail: main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
E-mail: izd_lemma@mail.ru

ISBN 978-5-02-025592-0

Леонид Иванович Лавров

Л. Лавров.